

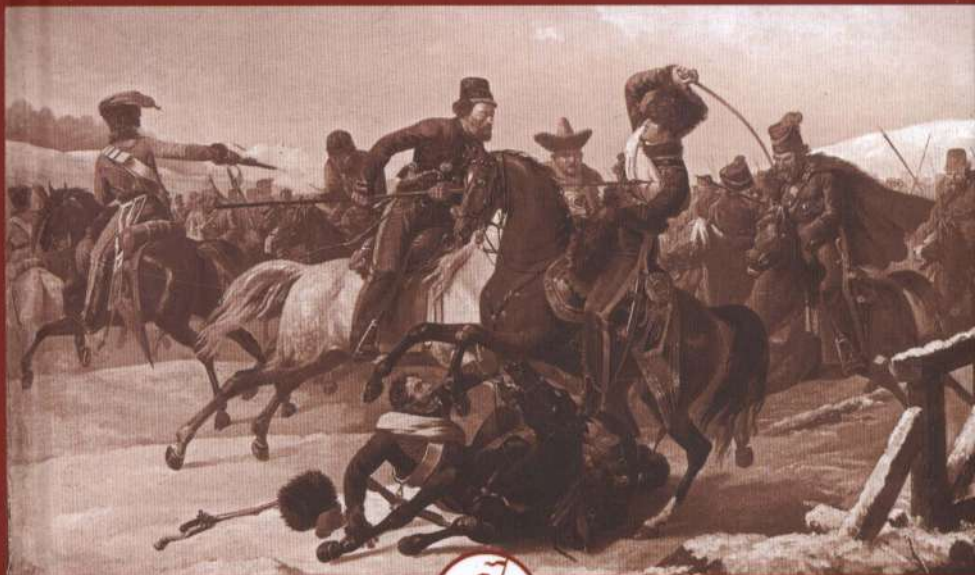

Казаци против Наполеона

А.В. Венков

Казаци против Наполеона

От Дона до Парижа

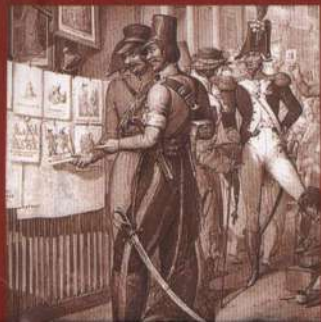

ИСТОРИЯ

КАЗАЧЕСТВА

А.В. Венков

А.В. Венков

Казачи против Наполеона

От Дона до Парижа

ИСТОРИЯ КАЗАЧЕСТВА

Москва
«Вече»

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)612
В29

Венков, А.В.

В29 Казаки против Наполеона. От Дона до Парижа /
А.В. Венков — М.: Вече, 2013. — 368 с. : ил. — (История
казачества).

ISBN 978-5-4444-1160-5

Знак информационной продукции **16+**

Новая книга известного российского историка А.В. Венкова рассказывает об участии донского казачества в Заграничном походе Русской армии в 1813—1814 гг. Наряду с описанием боевых действий, автор рассказывает о военной подготовке казачества, особенностях тактики, принципах организации разведки и охранения, униформе.

В 1813 г. казачество стало основной ударной силой Русской армии. Казаки отличились во всех крупных боях и сражениях Заграничного похода и внесли значительный вклад в разгром армии Наполеона.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)612

ISBN 978-5-4444-1160-5

© Венков А.В., 2013
© ООО «Издательство «Вече», 2013

ВОИНСКОЕ СООБЩЕСТВО ДОНСКИХ КАЗАКОВ

Становление сообщества, условия жизни, отношение к войне и к службе

Слово «казак» в тюркских языках существовало всегда. Оно означает «одиночка», «оторвавшийся от своего рода». Так, одинокий волк по-карачаевски — «казак-берку». В социальной структуре средневековых тюркских обществ казаки представляли один из низших слоев — не принадлежащие к роду, но лично свободные.

Такое название получил на Дону союз мужчин-воинов, возникший в XV—XVI вв.

Казачество прошло целый ряд этапов в своем становлении и развитии. Если рассматривать казаков, какими они были в начале XX в., то это: а) сословие; б) огромная самоуправляющаяся община с общим войсковым хозяйством; в) особая социально-экономическая группа с особенностями ведения хозяйства; г) род войск — иррегулярная легкая кавалерия; д) успевший образоваться зачаток нового народа. Но в XVI—XVII вв. они еще не были сословием и не успели образоваться, как народ. В это же время они представляли собой войско из всех родов оружия. Единого казачьего языка нет, диалект казаков Верхнего Дона отличается от диалекта казаков Нижнего Дона, но оба они вписываются в южнорусский диалект. В большинстве своем казаки — православные христиане, но есть много старообрядцев. Представители других народов в XVIII—XIX вв. целыми родами вступали в казачье сословие, но затем выходили из него или растворялись в нем. С со-

бой они приносили ислам или буддизм. Но сейчас среди казаков мусульман или буддистов нет.

Работы Р.Г. Скрынникова и А.Л. Станиславского показали, что ранние казачьи братства были пестрыми по социальному составу, и значительную роль в них играли представители военно-служилых категорий населения Московской Руси, т.е. те, кто хорошо умел владеть оружием¹.

Время резкого роста казачьих сообществ на Дону совпадает с царствованием Ивана IV Грозного, который боролся с боярами и пытался уничтожить многие боярские роды «под корень». Видимо, большинство появившихся на Дону молодых воинов раньше принадлежали к боярским дружинам, это были «военные холопы» и «дети боярские». Иначе очень трудно объяснить высокую военную выучку казаков и способность выживать в экстремальных условиях. Оборона захваченного у турок города Азова в 1641 г., когда 7000 казаков отбили от 250 000 турок и татар и переиграли регулярную турецкую армию в минной войне, в строительстве подземных галерей, показывает, что казаки — универсальные воины самой высокой квалификации.

Донской казачий герб — олень, пронзенный стрелой (олень — символ благородства), — можно трактовать, как сожаление об утраченном высоком общественном статусе.

До сих пор ведутся споры об этнических корнях донских казаков. Это можно объяснить тем, что институт военных мужских обществ, напоминающих казачество, был широко распространен и встречался у самых разных народов.

Судя по языку и по песенной культуре (тексты, мелодика), которая до XX века была очень устойчивой, казаки в подавляющем большинстве славяне. Мужские обрядовые песни созвучны с песнями Новгорода, Центральной России, среди женских обрядовых песен преобладают созвучия с Украиной, Белоруссией, Польшей. На Нижнем Дону вообще очень много украинизмов. В отдельных станицах встречаются отзвуки мордовской, кумыкской песенной культуры. Очень устойчивы воспоминания и се-

---

¹ Скрынников Р.Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII в. Л., 1985. С. 141; Станиславский А.Л. Русское казачество в первой четверти XVII в. Автореф. канд. дис. М., 1984. С. 12.

мейные предания о бабушках-пленницах, захваченных в Турции, на Кавказе, в Польше.

Известно, что мужские военизированные сообщества в степи и создавались не по этническому принципу, но на Дону славяне все же составили большинство.

Основу общественной жизни сообщества составлял воинский уклад. Человек, вступивший в сообщество, навсегда становился воином.

В военном сообществе военное дело фактически приравнивалось к священнодействию. Денис Давыдов вспоминал, как в 1807 г. в передовой цепи он приблизился к французскому офицеру «и принялся ругать его на французском языке как можно громче и выразительнее. Я приглашал его выдвинуться из линии и сразиться со мною без помощников...

В это самое время подсказал ко мне казачий урядник и сказал: “Что вы ругаетесь, ваше благородие! Грех! Сражение — святое дело, ругаться в нем все то же, что в церкви: Бог убьет! Пропадете, да и мы с вами. Ступайте лучше туда, откуда приехали”»².

Победа или поражение в бою напрямую связывались с грешной или праведной жизнью. Так, в бою под Очаковым А.В. Суворов решил на плечах бегущих турок ворваться в городские ворота. Суворов подсказал к казачьему полку и произнес фразу: «Ребята, дело смертельное. Кто не виноват чужою женою — ступай за мной!» Из полка выехали 16 человек и сам полковник.

В ворота они так и не ворвались. Суворов был ранен в шею и унесен, но казаки вернулись из атаки все целые.

Соседи России впервые узнали казаков, как морских разбойников, совершавших рейды по Азовскому, Черному и Каспийскому морям. Этим казаки зачастую наносили большой ущерб русско-турецким связям, срывали заключение военных союзов (против Польши). Известны многие переговоры казаков с русским правительством, когда казаки обещали прекратить разбой на Черном море, но требовали за это от России дополнительную плату — прибавку к «жалованию», и объясняли это тем, что главные их доходы — от морских разбоев, «походов за зипунами».

---

² Давыдов Д.В. Сочинения. М., 1962. С. 198.

Напрашивается сравнение, что казаки начинали как викинги. Но в распоряжении викингов была вся Атлантика, Балтика, Средиземноморье. Казаки вынуждены были довольствоваться Азовским, Черным и Каспийским морями, не такими богатыми, не сравнимыми с Атлантикой. Прожить здесь только за счет морских разбоев было очень трудно. Поэтому казаки параллельно с пиратством все время занимались рыбной ловлей и скотоводством. Но до начала XVIII в. они убивали каждого, кто пытался пахать землю. Считали, что это недостойно благородного человека. Так они скорее напоминают древних германцев, о которых пишет Тацит. Те считали позором проливать пот, если можно пролить кровь. И казаки постоянно твердили: «Нам потная работа не в обычай» — т.е. у нас нет обычая работать до пота.

Казаки на Дону тоже были своего рода пиратской республикой на начальном этапе своего существования. Они даже попытались взять под свой контроль все Азовское море, захватили в 1637 г. турецкий город Азов и объявили в нем свободную торговлю, следующим этапом они планировали захват города Темрюк и укрепление на берегах Черного моря. Но противостояния с сильнейшей в то время Османской империей казаки не выдержали. Кроме того, ограниченное водное пространство Черного и Азовского морей не смогли бы прокормить сильную пиратскую республику длительное время. Усиление пиратства подрывало судоходство на Черном море и тем самым подрывало само пиратство. Поэтому казаки стали постепенно перерождаться в огромную охранную структуру, в наемную пограничную стражу и предложили в этом качестве свои услуги набиравшей силу России

В 1614 г. Московское государство заключило с казаками соглашение и целый век поддерживало с ними отношения через Посольский приказ (Министерство иностранных дел). Персы, воюя с турками, видели в казаках союзников и слали к ним официальные посольства. Сами казаки понимали значение дисциплины и порядка в условиях экстремального выживания и создали структуру со всеми атрибутами государственной власти, в чем-то копируя Римскую Республику. Их квазигосударственное образование называлось — Войско. Было выработано и свято соблюдалось особое Войсковое право. Известен случай, когда во время пожара в 1742 г. есаул (помощник атамана) отказался спасти войсковую

казну, поскольку не было кворума старшин, необходимого, чтоб войти в помещение, где казна хранилась.

Реального равенства среди казаков не было никогда. В обществе действовала система военного ученичества, прохождения ступеней от чур (слуг) к статусу казака, а затем — «старого казака» (как в Европе — от пажа к рыцарю). А ученичество предполагает подчинение. Решения на Круге (высший законодательный орган) принимались единогласно, поскольку было четкое осознание, что выжить в условиях пограничья можно только коллективно. Не выжить за счет коллектива, а жертвовать собой ради коллектива, тогда больше шансов, что выживут все или большинство. Поэтому каждый думал о пользе сообщества, а затем уже о своей, и подчинение воле большинства не считалось чем-то постыдным.

Постаревшие казаки, неспособные к морским походам, селились в пограничном с турками и татарами городке. Возвращаясь из похода, казаки отдавали им часть добычи. Но в случае нападения татар или турок эти старики-инвалиды первыми принимали на себя удар.

Когда только образовались казачьи сообщества, они сформулировали свою программу так: «Мы на Русь лиха не мыслим. Царствуй, белый царь, в кременной Москве, а мы, казаки, на Тихом Дону» — т.е. мы ничего не имеем против России, пусть царь царствует в Москве, а мы будем жить на Дону, как сами того хотим.

Конечно же, многие казаки из-за их рода деятельности имели претензии к государству, а государство имело массу претензий к очень многим казакам. Известно, что казаки принимали участие во многих народных выступлениях, казачьи атаманы становились во главе целых крестьянских войн — Степан Разин, Емельян Пугачев. Но такие выступления всегда сопровождалась расколом внутри самих казачьих сообществ. Степана Разина выдали царским войскам родственники, разбитого Емельяна Пугачева ловили и поймали донские казаки Иловайский и Луковкин.

Естественно, казаки с их родом деятельности в XVI — начале XVIII в. не были заинтересованы в России как в сильном государстве. Сильное государство не позволит разбойничать и ссорить Россию с соседями. Казаки участвовали в движении всех самозванцев во время Смуты. Сама казачья жизнь в те далекие времена стала формой протеста. Целые деревни объявляли себя казаками и являлись к местным воеводам предлагать свои услуги на государствен-

ной службе. Когда воеводы отказывались, ссылаясь на отсутствие денег, новоявленные казаки заявляли, что готовы служить, если воевода обяжет соседнюю деревню взять казаков к себе на содержание. К тому времени в российской армии были созданы отряды казаков, которые в отличие от дворян служили не за землю, а за деньги. Следует отметить, что эти служилые казаки участвовали в тех событиях гораздо активнее, чем «вольные казаки», жившие на Дону. Именно эти казаки приняли самое активное участие в выборах царя Михаила Федоровича, 1-го из династии Романовых.

После поражения восстания Степана Разина в 1671 г. государство обязало донских казаков принести присягу царю. Затем Петр I в 1708 г. разорил Донское Войско и сам стал назначать на Дону атаманов. Но и после этого донские казаки приняли самое активное участие в Петергофском походе, когда Екатерина II свергала своего мужа, Петра III.

Государство всегда было заинтересовано в дешевой, но квалифицированной военной силе. Казацкие отряды охотно приглашались на службу. Один из первых примеров — Ермак Тимофеевич. После ряда разбойных нападений на Волге он с отрядом поступил на службу к купцам Строгановым и совершил экспедицию на Иртыш, которая положила начало присоединению Сибири к России.

В XVIII веке государство сохранило Войско как структуру, но назначало атаманов. Река Дон с прилегающими землями была объявлена коллективной собственностью Войска. За это Войско обязано было выставлять определенное количество бойцов на охрану границ и для участия в войнах России.

Казацкие части действительно часто использовались правительством для полицейской службы. В частности, когда в Центральной России были разрозненные выступления в поддержку восстания Пугачева (главной боевой силой Пугачева были казаки с реки Яик), то на подавление их посылались донские казаки, в том числе и молодой полковник Платов.

Социальная структура сообщества изменилась. Увеличилось количество женщин. Появились казаки, родившиеся на Дону, потомственные. Резко выросла роль хозяйства, рыбной ловли, скотоводства. Из военного сообщества оно стало перерождаться в соседскую общину, а затем (из-за замкнутости жизни) — кое-где и в родовую. Выборные казацкие командиры за свои подвиги стали

получать от государства ордена и офицерские звания, тем самым они причислялись к дворянству.

Иерархия в Войске менялась. Сначала это был Войсковой круг (законодательный орган) и выбираемый им атаман, который имел помощника (есаула). Все бывшие атаманы имели статус старшин, и из них подбирались войсковые чиновники. Затем атаман стал назначаться царем, в его распоряжении была Войсковая Канцелярия (было время, когда она называлась «Войсковым гражданским правительством»), куда часть чиновников назначалась, а часть выбиралась. В XIX веке Войско делилось на округа, где атаманы тоже назначались. Округа делились на административные подразделения — станицы, станицы делились на хутора. В станицах и хуторах власть атаманов была выборная. Атаманы отчитывались о своей деятельности перед сбором казаков. Были случаи, когда они официально отчитывались перед казаками о взятках и подарках, которые давали чиновникам и вышестоящим начальникам ради интересов станицы.

И наконец, в начале XIX века казачество было признано новым сословием. Выход из сословия и вступление в него запрещались. Служба в это время рассматривалась как исключительное почетное право казаков. Так, командир казачьего полка сказал Надежде Дуровой, под видом юноши просившей взять ее в поход: «... разве тебе неизвестно, что у нас никому нельзя служить, кроме природных казаков?»³.

В это время к ценностям воинского братства, несомненно, добавились ценности службы Отечеству. Именно в этот период, когда резко обозначилось имущественное расслоение, казаки поняли, что им нужно сильное государство, которое не давало бы сильным грабить слабых, одинаково защищало бы всех своих граждан. И государство действительно поддерживает рядовых казаков в случае споров с казачьей верхушкой.

Жизнь в постоянном экстриме, в условиях коллективного выживания сплотила казаков, обострила традиционные ценности.

«В чистых патриархальных нравах войска Донского, в его родной земле я находила самым благородным, что все их сотники, эсаулы и даже полковники не гнушались полевыми работами!.. —

---

³ Дурова Н.А. Избранные произведения кавалерист-девицы. М., 1983. С. 44.

вспоминала Надежда Дурова. — С каким уважением смотрела я на этих доблестных воинов, поседевших в бранных подвигах, которых храбрость делала страшным их оружием, была оплотом государству, которому они служили, и делала честь земле, в которой родились! С каким уважением, говорю, смотрела я, как они сами воздвигали эту землю: сами косили траву полей своих, сами сметывали ее в стога!.. Как благородно употребляют они время своего отдохновения от занятий война!.. Как не отдать справедливости людям, которых вся жизнь от юности до могилы посвящена пользам или отечества, или своей семье... Уважение к родителям, безусловное повиновение воле их и заботливое попечение об них в старости служат отличительною чертою свойства обитателей Дона и несомненным доказательством чистоты их нравов»⁴.

Жизнь каждого была ценностью для всего сообщества. Все Войско брало на себя заботу о семье и имуществе ушедшего на службу воина.

18 сентября 1812 г., когда все взрослое мужское население ушло с ополчением освобождать Москву от французов, наказной атаман А.К. Денисов рапортовал М.И. Платову, что он «признал нужным строго подтвердить всем станицам ведомства войскового, чтоб оставшиеся иногда в семействах дети, которые, не имея над собою старших, не в состоянии ни себя, ни домовного своего состояния призреть, приняты были непременно под общее станичное покровительство», а также «приказал нужды таковых семейств удовлетворять общими станичными силами и средствами». Равным образом наказной атаман «велел бдительно смотреть за поведением распутных жен, кои нередко растрачивают все имение мужей их, чтоб таковых удерживать от распутства». В качестве меры предосторожности наказной атаман «запретил до возвращения мужей входить оставшимся от мужей женам в какие-либо разделы имения и удаляться от родителей, что иногда бывало гибелью имуществам, и сыскным начальствам предложил неупустительно за исполнением того смотреть...»⁵.

⁴ Дурова Н.А. Избранные произведения кавалерист-девицы. М. 1983. С. 283—284.

⁵ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии в 1813—1814 гг. Сборник документов. Ростов-на-Дону. 2012. С. 217

Среди духовных ценностей казаков особо показательна подчас наивная вера в доброту и справедливость. Как писал М.И. Платов А.К. Денисову 13 сентября 1812: «Злоба же сама собою, сколько бы она ни действовала, разрушится, и беспокойные люди, занимающиеся при толико важных отечества нашего обстоятельствах только собою, а не общим благом, накажутся законом»⁶.

Военная структура и организация службы; комплектование донского полка

Административная структура Войска Донского определялась Указом Александра I от 29 сентября 1802 г. Во главе войсковой администрации стояла войсковая канцелярия. Председателем ее правления являлся войсковой атаман. В его отсутствие канцелярией руководил наказной (назначенный) атаман. В канцелярию входили два неперемных члена и четыре ассессора. Неперемные члены выбирались войсковым дворянством и утверждались императором; ассессора тоже избирались дворянским собранием сроком на три года и утверждались Сенатом.

Канцелярия делилась на три экспедиции: воинскую, гражданскую и экономическую.

Воинскую экспедицию возглавлял сам атаман, другие экспедиции возглавляли соответственно один из неперемных членов и один из ассессоров.

За точным исполнением законов по гражданским и экономическим делам наблюдал прокурор, назначаемый императором.

Всю территорию Войска Донского поделили на 7 округов, названных сыскными начальствами. Это были Черкасское, Первое Донское, Второе Донское, Усть-Медведицкое, Хоперское, Донецкое и Миусское сыскные начальства во главе с сыскными начальниками. Выборной оставалась власть в станицах, где сами казаки выбирали атаманов.

Воинская экспедиция вела учет малолетков, служилых и отставных казаков, составляла наряды в соответствии с требованиями

---

⁶ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии в 1813—1814 гг. Сборник документов. Ростов-на-Дону, 2012. С. 214.

ми центральной власти, проводила по этим нарядам очередные призывы казаков на службу и контролировала соблюдение казаками и станицами очередности.

Станица, со своей стороны, следила за очередностью выхода казаков на службу и отвечала за своевременный выход и за снаряжение казаков.

По Высочайшему указу от 28 июля 1802 г. устанавливался срок военной службы: для офицеров до 15 лет, рядовых казаков — до 25—30 (25 в полевой службе и 5 во внутренней) лет. Тогда же, в 1802 г. «Положение об управлении Войск Донского, Уральского и Черноморского» установило срок службы в 30 лет, из них 25 полевой и 5 лет внутренней (по Войску).

Набранный на Дону казачий полк выступал на границу или в какую-нибудь внутреннюю губернию. В мирное время на западной границе полк нес службу 3 года, на Кавказе и во внутренних губерниях 2 года и по истечении срока сменялся другим. Сменившийся полк возвращался на Дон и расформировывался, а казаки распускались по домам. Они числились на службе «при Войске» и ждали новой мобилизации по очередным спискам. Таким образом, казак выходил на полевую службу несколько раз с перерывами в 2—3 года. Бывало, что отец «еще служил», а сын «уже служил», и призывались в один полк. При комплектовании полков станицы старались, чтобы количество малолеток, посылаемых в полк, не превышало четвертой части общего количества казаков полка.

В военное время полк находился на службе без смены столько, сколько было необходимо. Иногда этот срок затягивался до 5—6 лет.

Казак, которому по очереди предстояло идти на службу, мог нанимать за себя другого (отец за себя мог отправить своего сына или же отец мог пойти вместо сына, а также братья могли заменить друг друга).

Все донское казачество разделялось на 4 разряда: 1) малолетки до 19-летнего возраста; 2) несовершеннолетние — достигшие 19 лет, которые вносились в списки, 2 года оставались дома и при достижении 21 года вносились в разряд служилых; 3) служилые до 60 лет; 4) отставные, т.е. получившие отставку, инвалиды, больные.

В соответствии с положением 1798 г. о переписи малолеток, детей рядовых казаков и урядников по достижении 17 лет начина-

ли приобщать к военной подготовке и участию в отправлении станичных повинностей. В 19 лет их записывали в казаки-малолетки, приводили к присяге, заносили в списки и оставляли на 2 года дома до выхода на службу, т.е. до включения в разряд служилых. За это время они должны были подготовить за свой счет мундир казачьего покроя, надлежащее вооружение и строевую лошадь. Стоимость снаряжения составляла примерно 35 рублей, стоимость двух лошадей — в зависимости от региона — от 30 до 80 рублей. Бедных могла снарядить за общий счет станица. На период службы казак от казны получал жалованье, фураж для строевой лошади и 75 руб. на вьючную лошадь. Но платежи начинались лишь за пределами Войска. Пока полк или команда стояли на территории Войска Донского, казаки жили за свой счет. В полковом хозяйстве, судя по отчетности 1814 года имелся лишь запас сухарей — «Запасный сухарный провиант в полках Харитоновова 7-го и Сучилина 2-го на 15, а в прочих на 10 дней имеется»⁷.

Такая система снаряжения на службу была для казаков накладна, но привычна. Была надежда, что затраты на службу компенсируются за счет военной добычи. Да зачастую и компенсировались.

Сам процесс набора и формирования полка виден из рапорта М.И. Платову наказного атамана А.К. Киреева: «Повеление Вашего высокопревосходительства от 17 числа сего марта под № 274-м об откомандировании с Дону в город Мозырь 2 полков, отправленное с г[осподином] старшиною Костиным, я получил 28-го сего же месяца. Приступая к исполнению оного, я 29-го числа препоручил воинской экспедиции без малейшего промедления в составлении 2 полков нарядить установленное число чиновников и казаков, полагая в число последних на каждый полк по ... калмык. Сборное место назначил на речке Голоте, в Кундриюче впадающей, сроком явки на сборное место положено 16-е число наступающего апреля. Чтобы положенные в сей наряд чиновники и казаки неотложно успели явиться на Голоту к 16-му числу, я сверх предписания о том воинской экспедиции дал повеления мои сыскным

---

⁷ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии в 1813—1814 гг. Сборник документов. Ростов-на-Дону. 2012. С. 557—558.

начальствам высылку наряженных чиновников и казаков произвести чрез нарочито командированных чиновников. Чиновники сии обязаны всех их доставить на сборное место, несмотря ни на дальность расстояния, ни на неудобность пути за разлитием рек и на затруднения от того в переправах, непременно на упомянутое число. Как же скоро соберутся на сборное место, укомплектование произведено будет со всею возможною поспешностию, для чего и назначенным Вашим высокопревосходительством командирами сих полков полковнику Быхалову и подполковнику Фомину предписал к тому же времени явиться туда»⁸.

За века выработалась особая обрядность провода казаков на службу. Н. Дурова, бывшая в то время на Дону оставила воспоминания: «Множество молодых казачек пришли проводить своих мужей; я была свидетельницею трогательного зрелища... Умилятельно было видеть, как сорокалетний казак, склонясь до земли, целовал ноги своего отца и матери, принимая их благословение, и после сам точно так же благословил дочерей своих, упавших к ногам его...»⁹

При возвращении полка со службы особые комиссии проверяли, «не имеют ли казаки каких на полковых командирах и офицерах претензий», и вместе с тем проводилось освидетельствование казаков, «за старостию лет и увечьями к полевой службе неспособных». Кроме того, по возвращении полк в течение 4 суток должен был «выдерживать карантинное очищение»¹⁰.

Надежда Дурова была свидетелем роспуска полка по домам: «Наконец полк пришел на рубеж своей земли и расположился лагерем в ожидании смотра, после которого их распускают по домам; ожидание и смотр продолжались три дня... По окончании смотра казаки пустились во все стороны группами; это был живописный вид: несколько сот казаков, рассыпавшись по обширной

⁸ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии в 1813—1814 гг. Сборник документов. Ростов-на-Дону. 2012. С. 31

⁹ Дурова Н.А. Избранные произведения кавалерист-девицы. М., 1983. С. 49—50.

¹⁰ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии в 1813—1814 гг. Ростов-на-Дону, 2012. С. 31.

степи, ехали от места смотра во всех направлениях. Картина эта припомнила мне рассыпное бегство муравьев, когда мне случалось выстрелить холостым зарядом из пистолета в их кучу»¹¹.

Высочайшим указом Правительствующему сенату от 29 сентября 1802 г. устанавливалось иметь в Войске Донском тысячный Атаманский полк, Лейб-гвардии казачий полк и 60 комплектных строевых полков. Численность личного состава казачьего полка в августе 1803 г. была определена в 578 человек.

В штат строевого донского казачьего полка входили: командир, 5 есаулов, 5 сотников, 5 хорунжих, квартирмейстер, писарь, 5 старших и 5 младших урядников, 550 казаков, 561 строевая и 561 выючная лошадь. Лейб-гвардин Казачий полк по штатному расписанию должен был иметь — 593 казака и 78 офицеров и урядников.

Войсковой атаман имел при себе для внутренней службы особый Атаманский полк, который был учрежден еще в феврале 1775 г. из особой сотни так называемых «тайных советников», ближайшего окружения атамана. Численность его личного состава вдвое превышала численность обыкновенного строевого казачьего полка — 1097 казаков и 130 офицеров и урядников.

Атаманский полк не расформировывался. Его личный состав периодически обновлялся и подбирался самим войсковым атаманом из наиболее рослых, физически крепких и зажиточных казаков. Минимальный рост для казака Атаманского полка считался — 2 аршина и 8 вершков (1 м 78 см).

Казачий полк на войне был стандартной, но не статичной формой организации. В тяжелых условиях из полков создавались некие прообразы «боевых групп» времен Второй мировой войны. Так, после тяжелой зимы 1810—1811 гг. на турецком фронте в первый набег собрали до 1000 годных лошадей со всех казачьих полков и взяли в эту экспедицию всех полковых командиров¹².

Несущие службу полки практически никогда не имели полного состава. «Такова участь казачьих полков, — писал казачий генерал А.К. Денисов, — всегда казаки столько употребляются по дежурствам, к волонтерам, по провиантским, комиссариатским

¹¹ Дурова Н.А. Указ. соч. С. 46.

¹² Записки донского атамана Денисова. СПб.: ВИРД, 2000. С. 181.

комиссиям и разным транспортам, что всегда на половину остается при полку, а иногда и того менее. Так даже случается, что чиновники, отпросясь в отпуск, увозят казаков в свои дома и уже оттуда дают им способ возвратиться на Дон, а полк о всем оном не имеет сведения...»¹³

К 1812 г. в военном устройстве Войска Донского произошли изменения. В штат казачьего полка, кроме Атаманского, входили: 1 генерал, 16 офицеров, 10 строевых урядников, из них 5 старших, заменявшие вахмистров, 1 нестроевой урядник (он же писарь, полковой адъютант), 25 драбантов (денщиков) и 550 казаков. Полк делился на 5 сотен, которые, как и полк, именовались по фамилии своих командиров. В полку числилась 561 строевая лошадь и столько же вьючных вместо обоза. Так, возвращаясь из Европы в 1814 г., командир одной из колонн отчитался о вверенных ему казачьих полках: «Обозов в полках, кроме подъемных лошадей, не имеется»¹⁴. В штате полка не предусматривались лекарь, фельдшер, священник, трубач, зав. хозяйственной частью (этим занимался квартирмейстер), полковая канцелярия (ведение делопроизводства возлагалось на писаря)¹⁵.

Общая численность служивых к началу Отечественной войны 1812 г. составляла по списку 49 153 донских казаков (11 генералов, 25 полковников, 38 подполковников, 70 майоров и войсковых старшин, 1296 есаулов, сотников, хорунжих, 1688 урядников и писарей, 46 505 рядовых казаков). Донские казаки составляли почти половину всех служивых казаков России (117 тысяч).

Войско Донское к началу Отечественной войны располагало 64 полками и 2 конноартиллерийскими ротами.

Сложившаяся система службы не была идеальной. А.К. Денисов, став Донским атаманом, «с сокрушением сердца... удостоверился, что очереди казачьи на службу не чисто ведутся, да и земли войсковые захватываются людьми сильными в войске»¹⁶.

¹³ Записки донского атамана Денисова. СПб.: ВИРД, 2000. С. 52.

¹⁴ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах. С. 557.

¹⁵ Максимов К.Н., Очиров У.Б. Калмыки в Наполеоновских войнах. Элиста. 2012. С. 170.

¹⁶ Записки донского атамана Денисова. С. 186.

Для некоторых казаков служба уже на рубеже XVIII—XIX вв. стала обременительной. Показательна ситуация, в которой оказались казаки, несшие пограничную службу, весной 1784 г.: «Летом не положено казачьим лошадям фуража, то и довольствовались оных подножным кормом. И до того лошади были доведены, что едва могли ходить, и самые казаки достойные были великого сожаления, потому что, жалея лошадей, издержали все деньги, а другие у богатейших занимали, и многие продали серебряные патронницы»¹⁷.

И тем не менее другой жизни казаки не знали да, видимо, и знать не хотели.

Солдат, попавший по рекрутскому набору в регулярные русские войска, в сумме нес полевую службу дольше, чем казак. Но в рекруты попадали по жребию, случайно, и никто из русских парней заранее к службе не готовился. Да и некому было их готовить. Потомственных воинов среди крестьян в то время не было. Казаки же знали свой удел наперед и к службе готовились с детства, перенимали опыт от отцов и дедов.

Система подготовки к службе, обучение молодежи, воспитание универсального воина

Поскольку для казака не было иного пути, кроме пути воина, подготовка к этому пути и сам путь становились смыслом его жизни с рождения. Родители изначально отдавали себе отчет — если их ребенка не обучить, он погибнет в первом же бою, и соответственно строили его воспитание.

Коллективное выживание в условиях постоянного экстрима заставляло все казачье сообщество готовить воинов, на которых можно положиться, и в воспитании ребенка принимала участие вся станица — родственники, друзья, сверстники, соседи.

В хорошей кавалерии нуждалась любая армия того времени. Прусская кавалерия Фридриха II, считавшаяся в свое время лучшей кавалерией Европы, своего рода эталоном, огромное внимание уделяла индивидуальной подготовке всадника. Генерал Зейдлиц в одиночном обучении требовал — езду без стремян, повороты на

---

¹⁷ Записки донского атамана Денисова. С. 36.

скаку вправо и влево, сохранение равновесия при всех неожиданных движениях лошади, умение брать в поле препятствия и управлять конем впласть.

Сам Наполеон прежде всего обратил внимание на индивидуальную подготовку каждого казака: «Русские ценят обученный полк казаков наравне с тремя необученными. В этих полках ничто не стоит внимания, кроме самого казака: он хорошо сложен, силен, ловок, сметлив, хороший кавалерист и неутомим. Он рожден на коне, вырос среди гражданских войн и на равнине представляет собой то же самое, что бедуин в пустыне, что горный житель в Альпах. Он никогда не живет в доме, не спит в постели и на заходе солнца меняет место ночлега, чтобы не проводить ночь в месте, где он мог быть замечен неприятелем»¹⁸.

Великий полководец, относившийся к казакам со смешанным чувством ненависти и восхищения (о чем будет сказано ниже), не разглядел важнейшую составляющую в подготовке казака — «сыгранность», сработанность с такими же казаками.

Обе эти составляющие — индивидуальная подготовка и сработанность с товарищами — готовились всей системой воспитания и обучения молодого казака.

С момента возникновения казачества на Дону было известно своеобразное ученичество. Существовали группы «молодых товарищей», которых также называли «чурами» (от тюркского «джура» — слуга). Они выполняли функции оруженосцев при казаках (как пажи при рыцарях), а в мирное время выполняли в Войске всю черную работу. Обучение проходило на практике, и, научившись по-настоящему воевать, уцелевшие чуры со временем становились полноправными казаками.

По мере того как общество становилось замкнутым и все больше пополнялось за счет своих же казачьих детей, функции военных слуг (пажей, оруженосцев) в определенной степени были перенесены на казачат.

С 3-х и примерно до 13 лет мальчик наряду с женщинами выполнял в доме и по хозяйству всю черную работу. Отличительной чертой этого периода в его жизни было отсутствие штанов, ношение одной

---

¹⁸ *Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. Избранные произведения.* С. 703—704.

длинной рубахи. Лишь в 12—13 лет он получал право одеть штаны с лампасами — знак принадлежности к воинскому сообществу.

И в это же время старшие родственники и даже старшие братья начинали обучать ребенка необходимым для воина навыкам — верховой езде, стрельбе, приемам рукопашного боя. Мальчик проходил ряд инициаций и во время них уже с трех лет демонстрировал умение владеть конем, а затем скакать, стрелять, драться, бороться и участвовать в военных играх.

Практическое обучение сопровождалось «словесностью» — рассказами о славных победах и героических предках.

Воспитание проходило не только и не столько в семье. С малых лет все дети казачьего поселения объединялись в своеобразные «шайки» и в свободное от занятий по хозяйству время играли в разные военные игры, либо «сражались» со сверстниками из других поселений или «краев» (кутков) станицы или хутора. Старые казаки не видели ничего зазорного в том, чтобы участвовать в этих играх, показывать приемы построения, перестроения, приемы коллективного нападения и защиты.

С определенного времени мальчика учили не только учиться, но и обучать. У него появлялись младшие братья или племянники, которым уже он передавал свой небольшой опыт.

Пройдя ряд инициаций, подросток примерно с 17 лет переходил в следующую возрастную категорию — выростка. С этого времени он (вернее — его семья) получал положенный ему пай земли и угодий и на него возлагались различные натуральные повинности всем сообществом. В основном это были различного рода дежурства и задания по принципу «подай — принеси — стой там — иди сюда». В Черкасске, среди донской казачьей элиты, чьи дети изначально готовились в «казачьи чиновники» (офицеры), казачата привлекались к таким заданиям с 10—13 лет (пример М.И. Платова, многочисленных Иловайских, Грековых, Мартыновых, Карповых, Кутейниковых).

Весь этот период в свободное от повинностей и забот по хозяйству время продолжают «воинские забавы», которые становятся все менее безобидными, все более приближенными к реальным боям, дракам, перестрелкам (уже в 70-е годы XX века в станице Вешенской у автора этих строк с головы сбивали стиральную резинку выстрелом из пневматического ружья).

С 19 лет юноша приводился к присяге, и его привлекали к служебным обязанностям «по Войску» — конвоированию грузов, арестантов, почтовому разгону внутри Войска. На реальную службу в полки старались посылать лишь с 21 года. Казаков из одного хутора и станицы обычно зачисляли в одну сотню.

В итоге на службу выходили прекрасно индивидуально подготовленные, инициативные, «сработавшиеся» бойцы.

И еще одно качество вырабатывала такая система воспитания. Поляк на русской службе Ксаверий Бискупский, оказавшийся в 1812 г. вместе с казаками в партизанском отряде А. Фигнера, отметил характерную черту, отличающую казаков от других кавалеристов отряда, — «удивительно, как самосохранны всегда и везде»¹⁹.

В экстренных случаях, в 1812 г., когда все взрослое мужское казачье население выступило в поход, запасные полки были составлены «из оставшихся здесь 19, 18 и 17-летних малолетков, не бывших еще у присяги, тех из них, которые по росту и виду своему способны к служению... с придачею к ним в каждый десяток по 2 и более старых казака, имеющих хотя малую к тому способность и годность». Полки должны были быть «в такой исправности и готовности, чтобы по первому востребованию... на походную службу могли поспешнейше из домов своих выступить и действовать, как повелено будет»²⁰. Через год эти полки из малолетков действительно выступили на войну...

Знаменитый писатель Фредерик Стендаль (он же Анри Мари Бейль), в молодости — драгунский офицер, участник Наполеоновских войн, написал такие строки в своем «Vie de Napoleon» («Жизнь Наполеона») в 1818 г.: «Я видел, как двадцать два казака, из которых самому старшему, служившему второй год, было лишь двадцать лет, расстроили и обратили в бегство конвойный отряд в пятьсот французов; это случилось в 1813 году, во время Саксонской кампании...»

И позже, в начале XX века, во время Верхне-Донского восстания, к повстанцам примкнули «деды и подростки», которых сразу

¹⁹ Письма полковника К.А. Бискупского // Наполеон. Альманах. 2008. С. 102.

²⁰ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и в заграничном походе русской армии в 1813—1814 гг. С. 217.

же поставили в строй. «...Достаточно было нескольких перестроений, как казаки поняли и приспособились к конному делу»²¹.

Естественно, подготовленные молодые казаки не были «машинной для убийства». А.К. Денисов вспоминал, как во время схватки, когда сам Денисов саблей отбивался от двух поляков, молодой казак его полка Варламов «подскакал к одному из моих врагов сзади, нацелился в него дротиком, но не бьет. Я закричал ему: «бей!», и тогда только Варламов сильно ударил поляка... При этом объясню, почему Варламов медлил бить врага: 16-ти лет отдан он был мне на службу, дабы заранее приобвык к перенесению военных трудов, и состоял он при мне для посылок. Несколько раз Варламов оказывал свою отважность, но редко пускал я его в бой; теперь же, увидев меня в опасности, он оторопел, смешался до того, что не нашелся что делать, пока я его не ободрил»²².

Обучение продолжалось и на поле боя. А.К. Денисов вспоминал, что под стенами одной турецкой крепости «турецкая конница выезжала из крепости, но наши полки не имели приказа сражаться и оставались посему в бездействии; в левой же стороне, куда пошел с особым корпусом генерал Кутузов, казаки под командою Платова весьма нагздничали. Конечно, Платов, пользуясь случаем, приучал новых казаков»²³.

Иностранные исследователи выделяли бесспорную подготовку казаков: «...Главную силу русской конницы составляли... казаки, которые при объявлении войны призывались в огромном числе под знамена и действительно оказали выдающиеся услуги... Казаки, занимающиеся дома хлебопашеством и скотоводством, с детства приучаются ездить верхом и дают такую неутомимую, выносливую конницу, какой нельзя встретить ни в какой другой стране Европы... Их умение ездить верхом, управлять лошастью и владеть оружием позволяло им не бояться и не избегать рукопашного боя»²⁴.

Неутомимость и выносливость, которыми казаки превосходили кавалерию других стран, были наиболее ценными качествами.

---

²¹ Третьяков А.И. Из борьбы донских казаков с большевиками // Родимый край. № 72. С. 34.

²² Записки донского атамана Денисова. С. 73—74.

²³ Там же. С. 48.

²⁴ Денисов Д. История конницы. Кн.1. М., 2001. С. 349.

«Первейшее качество солдата — это выносливость. Что касается отваги, то это второе качество», — говорил Наполеон²⁵.

Всеобщие походы и ополчения

На Дону часто практиковались «всеобщие», или «поголовные», походы. Но были они, как правило, кратковременны, и, выступая в поход, казаки оставляли четвертую часть поднятых по тревоге боеспособных дома — на всякий случай.

Исключение составлял всеобщий поход 1783 г. на ногайскую орду, которая отказалась переселяться за Волгу и взбунтовалась. Атаман Иловайский получил от Суворова приказ: десять полков в ночь под Покров выставить скрытно к устью Лабы.

Такого количества свободных от службы казаков в Войске не было. Большинство боеспособных ушли к тому времени на пограничную службу. Нужно количество полков набрали, пополнив их подростками с 15 лет. Полки составили, сведя вместе сотни городских станиц (Черкасской, Павловской, Средней, Прибылянской и других) с сотнями верхних и низовых станиц. Рыковские, маньчские и мигулинские оказались в полку Серебрякова; павловские, бессергеновские и еланские — в полку Денисова, скородумовские и вешенские в полку самого атамана Иловайского.

В назначенный час донское ополчение, пройдя степь, беззвучно спустилось в кубанскую пойму. Здесь уже ждали их три полка служилых казаков, пехота, регулярная кавалерия, сам А.В. Суворов.

Лазутчики донесли: орда стоит за Кубанью, у Керменчика, растянулась по-над Лабой верст на десять. Не медля, начали переправу — 75 сажен чуть ли не вплавь — на ту сторону Кубани. Пока пехота отогревалась, казаки пошли вперед и на рассвете накрыли ногайцев... Одно сражение решило дело.

Казаки пригнали на Дон тридцать тысяч коней, сорок тысяч голов скота, овец без счета. Четыре тысячи ногайцев привели и разобрали в работники, в рабство.

Закубанские черкесы ногайцев добились. По слухам, забирали их в рабство тысячами, двух ногайцев меняли на одну лошадь. С тех пор ногайская орда исчезла.

---

²⁵ Платов А. Так говорил Наполеон. М., 2003. С. 611.

Таков был итог кратковременного, но с напряжением всех сил и нарушением традиции, всеобщего похода.

Повторно схожая, но несоизмеримо более сложная и требующая не меньшего напряжения сил, ситуация сложилась в 1812 г. Еще до начала вторжения наполеоновских войск на Дону, из-за тянувшихся до этого войн с Турцией, Персией, Швецией, оставалось меньше четверти боеспособных казаков.

Всего на начало XIX века казачьего населения на Дону числилось 320 тысяч. Если не считать женщин, детей и стариков, то мужского боеспособного населения насчитывалось на 1 июня 1812 г. 51 500 человек. Из них 41 300 в это время уже находились в Донских казачьих полках, на службе.

Уже в марте 1812 г. очередные полки, набранные на Дону, отличались большим количеством «малолетков». Командир полка Власов 3-й доносил 1 марта 1812 г. с похода: «Полк имени моего людьми и лошадьми хотя исправен, но в комплект одного помещено малолетков до 200 (почти половина полка. — А.В.) и осьмнадцать калмык, из коих в течение похода от разных болезней померло 3 человека»²⁶. И это при том, что полк был набран в январе 1812 г.

После вторжения наполеоновских войск на территорию России 6 июля 1812 г. был издан правительственный Манифест о сборе земского ополчения. На Дону он был получен 20 июля. Донское казачье руководство немедленно отреагировало. В донесении Платову от 23 июля Войсковая канцелярия сообщала, что в ополчение решено призвать «всех имеющихся в наличии при войске служивых, оставших всякого сорта льготных и маловажными иногда должностями занятых штаб- и обер-офицеров, урядников и писарей, казаков и выростков до 17-летнего возраста, включая и оный, не изымляя ни единого могущего только носить воинское оружие, кроме весьма дряхлых, равно сущих калек и жестоко больных, совершенно не способных к походу». Кроме того, решено было отправить с отлучением рабочие полки — полки донских казаков, набравшиеся на общих основаниях, но используемые для строительства города Новочеркасска²⁷.

---

²⁶ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии 1813—1814 г. С. 25.

²⁷ Донские казаки в 1812 году. Сборник документов. Ростов-на-Дону, 1954. С.169.

Новый Манифест правительства от 18 июля созыв ополчения определил по 16 губерниям, а остальные, в том числе и войско Донское, исключались. Но работа по сбору ополчения уже была начата. Кроме того, необходимость продолжать формирование ополчения была подтверждена предписанием Платова наказному атаману А.К. Денисову от 26 июля 1812 г.

Необходимость в свежих силах возникла после того, как 19 июля две русские армии, П.И. Багратиона и М.Б. Барклая де Толли, соединились у Смоленска. М.И. Платов отметил тогда нехватку казачьих частей в своем корпусе, поскольку все воинские начальники требовали казаков в свои войска для организации охранения и разведки. 20 июля он рапортовал об этом Барклаю де Толли, а затем 30 июля написал самому Александру I, что «осмелился, по все милостивейше дарованной мне от Вашего Императорского Величества по начальствованию моему над оным Войском доверенности, выкомандировать с Дону еще казаков»²⁸.

Сбор ополчения действительно стал «поголовным». Дома после долгих препирательств оставили лишь 17—18-летних «выростков». В предписании Платова о выступлении ополчения от 22 августа 1812 г. говорилось, чтоб «высланы были по получении сего в 24 часа в поход кроме 17- и 18-летних выростков, которых не посылать, ибо они по молодости лет своих будут составлять один только счет, а притом надобно, чтобы они оставались в домах, сколько для отбытия по внутренности войска повинностей, столько и для надзора за имуществом; положить же в число выступающих в поход только 19- и 20-летних выростков»²⁹.

Официально сборы ополчения начались с 28 июля, с прочтения на Дону царского манифеста. Казакам было приказано готовиться и по особому приказу собираться с месячным запасом продовольствия для выступления на Смоленск. Однако из-за сельхозработ сборы затянулись на все лето. Казаки отдавали себе отчет, что уход в поход всего мужского населения в разгар страды обречет Дон на голод. И казачье начальство это понимало. Официально в походе казаки числились с 1-го сентября, но реально в походе тог-

²⁸ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии 1813—1814 гг. С. 156.

²⁹ Там же. С. 187.

да были всего 2 полка, а остальные выступили уже после оставления русскими войсками Москвы, 8 сентября. Отправка войск шла с 8 по 18 сентября, и двинулись они, конечно же, не на Смоленск, а на Тулу. Выступили не единой массой, а по округам. Казаки с Хопра и Медведицы подошли к Тарутино раньше, низовые полки — позже. Седые старики выступили вперемешку с малолетками, безусыми юнцами. У есаула Ивана Сысоева из ополченческого полка Иловайского 3-го в послужном списке этот поход ополчения назван походом «против совокупившихся народов и царств, вошедших в Россию».

Всего выступили 26 полков, объединивших в своих рядах 3943 служилых офицеров и казаков и 8752 поступивших добровольно.

Во главе полков стояли и дали полкам свои имена:

генерал-майор Иловайский 3-й,
полковник Иван Кошкин 1-й,
войсковой старшина Алексей Греков 17-й,
полковник Андрей Слосарев 1-й,
полковник Григорий Иловайский 9-й,
войсковой старшина Карп Шамшев,
войсковой старшина Траилин,
генерал-майор Борис Греков 3-й,
полковник Сергей Белгородцев 1-й,
полковник Ягодын 2-й,
войсковой старшина Гревцов 2-й,
полковник Илья Чернозубов,
полковник Степан Греков 5-й,
подполковник Николай Сулин 9-й,
подполковник Шумков,
войсковой старшина Данилов,
генерал-майор Дмитрий Греков 1-й,
полковник Иван Андриянов 1-й,
полковник Павел Попов 3-й,
войсковой старшина Ребриков,
войсковой старшина Андриянов 3-й,
полковник Степан Чернозубов 4-й,
майор Степан Ежов 2-й,
войсковой старшина Сучилин.

войсковой старшина Кутейников 6-й,
войсковой старшина Попов 13-й.

17—18-летние юноши оставались на Дону, чтобы стать основой запасных полков, которые предстояло выслать в действующую армию в будущем, 1813 г.

«Подхваляю предположение Ваше о 18-летних выростках, — писал М.И. Платов наказному атаману А.К. Денисову, — чтобы приготовить из них видных и способных к перенесению службы на нужный случай к выступлению в поход, и утверждаю оное. Они на случай надобности должны быть во всей готовности к походу, если бы случилось и в зимнее время, и могут в будущую весну поступить на укомплектование полков»³⁰.

В целом прибытие донского ополчения сыграло очень большую роль. Французская армия разлагалась в разграбленной, сгоревшей Москве, боеспособность сохраняли лишь некоторые части, в том числе авангард под командованием Мюрата (26 тысяч, из них 8 тысяч кавалерии). Русская армия (62 тысячи регулярных войск на 22 сентября 1812 г.) после страшных потерь в Бородинской битве и оставления Москвы по своему количеству и по боевому духу тоже была далека от совершенства. В таких условиях появление на фронте 12,5 тысячи свежей донской конницы резко изменило расстановку сил и создало все условия для расширения так называемой «малой войны», которая собственно и погубила французов осенью 1812 г.

Роль масс конницы, особенно иррегулярной, способных придать иное направление войне, высоко оценивал известный военный теоретик Жюмми: «Какая бы ни была принята система организации, несомненно, что многочисленная кавалерия, как регулярная, так и нерегулярная, должна иметь огромное влияние в придании событиям войны нужного направления. Она может вносить смещение в отдаленной части страны неприятеля, она может уничтожать его колонны, она может окружать его армию, подвергать большой опасности его коммуникации и нарушить согласованность его операций. Одним словом, применение конницы дает почти такие же результаты, как подъем на борьбу народных масс, что создает

---

³⁰ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии 1813—1814 гг. С. 213.

проблемы на фронте, флангах и в тылу армии, оставляя полководца в состоянии полной неопределенности в своих расчетах.

Следовательно, хорошей будет любая система организации, которая обеспечивает огромное увеличение кавалерии во время войны за счет привлечения ополчения, потому что из ополчения можно подготовить много хороших регулярных эскадронов отличных партизан. Такие ополчения, конечно, не будут обладать всеми качествами тех воинственных кочевых племен, которые всю жизнь проводят в седле и как будто рождены, чтобы стать военными кавалеристами. Но они могли бы в какой-то мере занять их место. В этом отношении Россия выглядит намного лучше, чем кто-либо из ее соседей, как с учетом количества и качества ее наездников на Дону, так и характера и иррегулярного ополчения, которое она может выставить на поле боя за очень короткий срок.

Двадцать лет назад в главе XXXV «Трактата о великих военных операциях», когда я писал о данном предмете, сделал следующие замечания:

«Огромные преимущества казаков русской армии неопределимы. Эти легкие отряды, которые незначительны в потрясении большой битвы (за исключением атаки флангов), ужасны в преследовании и позиционной войне. Они являются самым грозным препятствием для осуществления планов полководца, потому что он никогда не может быть уверенным в доставке и выполнении его приказов, его колонны всегда в опасности, его операции неопределенны. Если у армии всего несколько полков из этих полурегулярных кавалеристов, их истинная ценность еще неизвестна, но когда их число возрастает до пятнадцати или двадцати тысяч, их польза полностью признается, особенно в стране, где население им не враждебно.

Если они поблизости, следует, чтобы каждую колонну сопровождал сильный конвой, и не могут быть ожидаемы никакие движения, которые не были бы пресечены. Таким образом, регулярной кавалерии противника необходимо затратить много непредвиденных усилий, и она вскоре выходит из строя из-за непривычной усталости»³¹.

С подходом донского ополчения русская армия перешла в контрнаступление. Так, 29 сентября стали подходить ополченцы,

---

³¹ Жомини Г. Стратегия и тактика в военном искусстве. М., 2009. С. 329—330.

а 3 октября русское командование приняло решение атаковать французов.

Подход ополчения был замечен и оценен всей русской армией: «В сие время между прочими ополчениями прибыли в Тарутино 20 казачьих донских полков. Войска сии составлены были из престарелых казаков, выслуживших уже срочное время, и молодых людей, еще не достигших зрелости лет. Они двинулись с берегов тихого Дона по предварительному зову своего атамана и внезапным прибытием много обрадовали самого светлейшего князя, который о воззвании их ничего дотоле не ведал. Приятно было видеть ополчения сии, в рядах которых бодрые юноши являлись между воинами, заслугами, ранами и сединами украшенными. Отцы встречали тут детей, и даже внуки находили дедов. Целые семейства переселились с Дона на поле брани. Прибытие их сделалось тотчас известным и страшным неприятелю. Армия французская увидела себя, так сказать, осыпанною многочисленными роями конницы, которая с быстротою ветра носясь вокруг нее, смерть и страх повсюду рассеивала»³².

Прибывшие с пополнением на фронт казачьи полки не уступали остальным донским полкам в боеспособности. Так, полк Попова 13-го был послан в партизанский отряд Дениса Давыдова и сразу же принял участие в боях. «В сем сложном поиске Попова полк не уступил ни в чем войскам, партию мою составлявшим, — вспоминал Денис Давыдов. — В оном оказались казаки отличной меткости и отважности»³³.

Польские конные егеря, столкнувшись с ополченцами под Медью, вспоминали: «Казаки в тот день дрались упорнее, чем я когда-либо видел в своей жизни. Это были полки, состоявшие из уже отслуживших свой срок казаков, которые недавно прибыли с Дона. У каждого — длинная седая борода, а голова лысая, как колено. Они имели отличных лошадей...» (Дембинский); «никогда не видели так слепо и отважно нападавших казаков» (Калачковский)³⁴.

Естественно, М.И. Платов помнил о традициях и как только русские войска изгнали наполеоновскую армию и вышли к гра-

³² Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. М., 1990. С. 216—217.

³³ Давыдов Д.В. Указ. соч. С. 339.

³⁴ Попов А. Дело под Медью // Наполеон. Альманах. 2008. С. 72, 73.

нице, просил начальство отпустить часть ополчения, особенно отставных казаков, домой и заменить их молодежью: «Ежели отпустить в дома одних отставных, в ополчении сюда прибывших, то все еще останется при армиях кроме их более 30 очередных полков, для укомплектования которых недостающим до полного комплекта количеством за убитыми и от ран умершими и сделавшихся от ран калеками приготовлено уже предписание моему на Дону еще в сентябре месяце 19-летние по 20-му году выростки и теперь о том же подтвердить наказному атаману генерал-майору Денисову, чтобы они были готовы.

Выростки сии должны быть выкомандированы Дону в феврале месяце, до которого времени сделаю я счет, сколько в какой полк надобно будет и должны прибыть к полкам не [по] эже будущего апреля месяца.

Отставных казаков отпустить на Дон и потому нужно, что они все престарелые, больше уже 30 лет в службе находящиеся, и есть настоящие хозяева, без коих как собственная домовность их придет в совершенный упадок, так и вся вообще внутренняя часть по войску расстроится.

При армиях, по моему мнению, довольно бы было и 32 или по крайней мере 35 полков, ежели будут уметь употреблять их, а притом, кроме донских, есть еще и другие казачьи полки, как то: уральские и вновь сформированные бугские, татарские, калмыкские и башкирские»³⁵.

Принцип подбора командного состава («Свой своего в бою не бросит»)

Согласно легенде, войско Чингисхана формировалось следующим образом: каждый, кто хотел стать командиром десятка, должен был привести с собой младшего брата и четверых друзей, и каждый из друзей тоже должен был привести с собой младшего брата, а сотников и тысячников назначал сам Чингисхан. Так же, по принципу родства и дружбы, формировалось Войско Донское и подбирался его командный состав.

---

³⁵ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии 1813—1814 гг. С. 311—312.

Изначально командный состав был выборным и после избрания на все время похода получал право «карать смертью ослушников». Так что полковыми и сотенными командирами избирались наиболее известные и заслуживающие доверия казаки.

К концу XVIII века ситуация изменилась. Высшие войсковые чины подбирались и назначались центральной русской властью. Причем в первую очередь учитывалась верность правящему лицу, а затем уже воинские и административные качества. Поэтому во главе Войска большой вес имели те, кто участвовал в Петергофском походе (поддержал Екатерину в борьбе против ее мужа Петра III), и те, кто отличился в подавлении Пугачевского восстания. В Петергофском походе вместе с отцом А.В. Суворова участвовали отцы М.И. Платова и А.К. Денисова, будущих донских атаманов. А при поимке Пугачева отличились А.И. Иловайский и А. Луковкин.

Но сложившаяся донская верхушка своих позиций не сдавала. Большое значение здесь имели сложившиеся донские кланы, составлявшие донскую элиту — «войсковую старшину».

Присмотримся к спискам донской старшины того времени.

За 1783 г. числится в донской старшине 47 человек. Потом это число возрастает. Перехватывая у донской казачьей верхушки власть, центральное правительство традиционно увеличивает количество лиц, причастных к этой верхушке. Еще римские цезари так делали: если хотели ослабить римский Сенат, удваивали количество сенаторов. Чем больше народу, тем труднее договориться меж собой.

Среди донской старшины значатся пятеро Денисовых, четверо Грековых, трое Иловайских, двое Кутейниковых, двое Ребриковых, двое Агеевых, прочих родов представителей — по одному. Сразу видно, кто Дон «держит». Главнейшим из старшин считался атаман Алексей Иловайский, за ним по списку и по старшинству — Себряков Михаил, далее двое Денисовых, потом войсковые судьи Мартынов и Луковкин, поднимаемые Потемкиным вверх за верность престолу. Большая часть — потомственные старшины. Некоторые получили «старшинство», как только в службу вступили, таковы Себряков, Григорий и Кондрат Денисовы, Алексей Пушкарев, Иван Дячкин, Алексей Краснощеков. Последний стал донским старшиной в одиннадцатилетнем возрасте. Но были среди донской старшины и простые «казачьи дети», пробившиеся вверх

благодаря личным заслугам. Таков Луковкин, отличившийся против Пугачева и удачно женившийся; выкред из чеченцев Осип Данилов; старший из Грековых — Макар, и еще один Греков — Василий; Еким Карпов; оба Агеевы; Петр Кубанов; здесь же отец будущего атамана — Иван Федорович Платов.

Среди старшин мы встречаем выходца из польской шляхты Петра Попова и сына священника Афанасия Попова.

Первый десяток донских старшин на 1783 г. имел русские офицерские чины, все прочие русских чинов не имели, производились и назначались на командные посты в полки самим Войском.

По существующим положениям донские полки формировала Войсковая канцелярия. Иногда по старинке младший командный состав выбирался полковым кругом. Но круги все больше играли формальную роль, а составлением полков занималась донская элита — «войсковая старшина».

Канцелярия (состоявшая из той же «войсковой старшины») назначала командира полка, а тот уже сам подбирал весь командный состав, который Канцелярия утверждала. Бывали случаи, когда Канцелярия назначала походного атамана нескольких полков, идущих в определенное место, а тот сам подбирал себе командиров полков, и далее следовала та же процедура.

Бывали случаи, когда на командование полками ставились 18-летние юноши. Таким был Матвей Платов, назначенный в 1771 г. (правда — не Канцелярией, а командующим армией князем Долгоруковым, у которого Платов до этого был ординарцем). Так, в 1782 г. выступил с полком на пограничную стражу по речке Кагальник Степан Кутейников, имевший от роду 18 лет. Он взял с собой есаулами и сотниками всю черкасскую «золотую молодежь» — Луковкина и других.

Каждый (или почти каждый) из старшинских детей метил на самый верх и загодя собирал команду, с малых лет «протаскивал» верных ребят, представлял к чиnam, чтоб они, зависимые и благодарные, сплотились вокруг него и поддержали в нужную минуту (тот же Степан Кутейников впоследствии действительно стал генерал-майором).

В том же году младший брат М.И. Платова Петр в возрасте 14 лет был записан сотником в полк Ивана Янова, выступавший на Кубань.

Сам М.И. Платов, собирая в 1782 г. полк в Чечню, зауряд-есаулами (впоследствии произведенными Канцелярией в есаулы) взял детей друзей своего детства — Екима Карпова и Василия Герцова, которым было по семнадцать-восемнадцать лет. Еще одним зауряд-есаулом он взял Алексея Мержанова. Алексей Мержанов, сын грека, служившего на таможне, в формируемом полку Матвея Платова был самым грамотным, знал три языка (русский, греческий, французский), русскую грамоту, а кроме нее арифметику и географию. Двадцать один год, на службе ни разу не был, но Платов, видимо, брал его на вакансию есаула, рассчитывая на мержановские деньги в трудную для хозяйственной жизни полка минуту.

Дело в том, что полковое хозяйство возлагалось на командира и тоже велось «семейным образом».

В рапорте М.И. Платова П.И. Багратиону от 19 июня 1812 г. Платов объясняет, что нежелательно менять полковых командиров, и если какого-либо полковника переводят в другую армию, то вместе с ним надо отправлять и его полк. «Так как, по введенному в войске обряду, одного полкового командира от командуемого им полка откомандировывать неудобно, потому что всякий полковой командир имеет обязанность по возложенности на него от Войска. Собственно на него одного лежит, в рассуждении внутреннего хозяйственного по полку исправления, отдавать войску отчет за все время нахождения полка на походной службе, а между тем употребляет он на исправление его же некоторую часть из собственности своей же на счет фуражных и жалованных денег. Кроме же родства иногда с офицерами, в полку служащими, многие из них, равно и из казаков, имеют от него в разных случаях в продолжение времени вспомошествование»³⁶.

Дети войсковой старшины делали карьеру в полках своих родственников. Таков пример Адриана Карповича Денисова, любимца Суворова.

Адриан Денисов происходил из пятиизбянских староверов и был в эту породу упорен, храбр и упрямо честен. Отец его, Карп Петрович Денисов, в 1775 г., уходя с собственным полком на

³⁶ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии 1813—1814 гг. С. 65.

службу в Санкт-Петербург, взял с собой двенадцатилетнего сына Адриана и отдал его в столице в учение. Учился юный Денисов по-французски читать и писать, а кроме того, изучал математику. Тринадцати лет записал отец в свой полк, через год дал чин есаула, а когда возвращались со службы, семнадцатилетний Адриан Денисов получил чин армии поручика.

Двадцати лет отправился Адриан Денисов на службу в Крым в полк дяди Тимофея Петровича Денисова, а походным атаманом там был его дядя Федор Петрович Денисов. Потемкин взял юного Денисова к себе в ординарцы, где он скоро получил чин войскового старшины. Но служба у всеильного вельможи, которой многие тогда добивались, юному Денисову не понравилась, и он отпросился у удивленного Потемкина.

Вскоре Адриан Денисов получил в командование полк, но недовольный Потемкин полк у него отобрал и передал Павлу Иловайскому (представителю другого клана). Денисов от горя заболел и уехал лечиться в полк Василия Орлова (Орлов, будущий Войсковой атаман, был женат на дочке Федора Петровича Денисова).

Все же юный Денисов полк под свое командование получил и тогда же впервые попал в настоящий бой. В первом же бою он, вооруженный пикой, убил трех турок и в последующих боях отличился и даже считался любимым учеником Суворова из всех донских казаков и главным конкурентом М.И. Платова. Таким образом, стремительная карьера оказалась заслуженной и оправданной.

Но при всей подготовке и храбрости юных «донских аристократов» безграничного доверия к ним не было, и в каждый полк есаулами и сотниками набирались еще и «рабочие лошадки» — отважные и опытные казаки, не входившие в состав сложившихся кланов или не знающие грамоты. Был целый список профессионалов — Данила Орехов, Иван Бузин, Петр Семерников и другие, — которых полковые командиры переманивали к себе из полка в полк на должность сотника или есаула.

Долгое время командный состав казачьих полков «затирался», чин казачьего полковника в иерархии чинов русской армии считался чем-то «повыше капитана, пониже майора».

В 1798 г. Павел I указом от 22 сентября все казачьи офицерские чины Войска Донского окончательно приравнял к общермейским — казачий полковник приравнен к армейскому полковнику,

войсковой старшина стал называться майором и мог быть произведен в подполковники, есаул сравнился с ротмистром, сотник — с поручиком, хорунжий — с корнетом. Все казачьи офицеры и чиновники присутственных мест в соответствии с «Табелью о рангах» получили возможность приобретать статус потомственных дворян.

Еще при Екатерине Великой многие казачьи начальники в награду получали высшие армейские чины. Обладание таким чином автоматически возносило их в первую десятку донской элиты. Тогда же появились генералы из казаков. Таких казачьих генералов к 1812 г. было больше десятка. И по сути своей это были представители все тех же кланов. Поэтому среди командиров донских полков и среди казачьих генералов мы встречаем одни и те же фамилии — Иловайские, Грековы, Карповы, Власовы, Денисовы, Платовы. Для удобства носители одной фамилии наделены порядковыми номерами — Иловайский 5-й, Карпов 2-й, Попов 13-й, Греков 21-й.

Роль государства и Войсковой канцелярии увеличилась, но принцип подбора командного состава упорно оставался прежним.

Большую роль при назначении стала играть грамотность, поскольку русские власти стали требовать регулярной полковой отчетности. Но и здесь у донской верхушки было преимущество перед рядовыми казаками.

Младший командный состав подбирался путем производства в офицеры отличившихся грамотных казаков.

Своеобразной школой офицеров стал Атаманский полк, куда М.И. Платов записывал детей нужных ему людей. Так, 18 декабря 1806 г. в Атаманский полк был записан 8-летний сын платовского ординарца Алексея Кислякова — Степан Кисляков. И в тот же день вышел приказ «господина атамана Матвея Платова о производимом офицерском сыне Степане Кислякове в урядники». Вместе с ним были произведены в урядники сыновья офицеров Николаева, Сиротина, Волошинова и Минервина. Указанный Степан Кисляков до 13 лет жил «при родителях», но по спискам был переведен в рабочий полк и якобы занимался на строительстве Новочеркасска «приготовлением разных материалов». С 1 мая 1812 г. он был командирован с командой отпускников в Атаманский полк, участвовал в походе и за атаку под Тарутино был произведен в офицеры. После окончания войны с Наполеоном 15-летний

хорунжий был переведен из Атаманского полка в обычный донской казачий полк.

В целом сохранялся все тот же принцип «родства и дружбы».

Перед войной 1812 г. сам Матвей Иванович Платов, войсковой атаман и генерал от кавалерии, подбирали в возглавляемый им корпус командиров полков «по соображениям родственной связи». Свой своего в бою не бросит. Одних Иловайских на западной границе под общим руководством Платова собралось шестеро — 4-й, 5-й, 8-й, 10-й, 11-й и 12-й.

Иловайские были в родственных связях с другими командирами полков — Денисовым 7-м (Иловайский 4-й был женат на его двоюродной сестре), Родионовым 2-м (тесть Денисова 7-го) и рядом других.

В личном Атаманском полку М.И. Платов держал при себе пасынка (подполковника Кирсанова), двух сыновей, а в полковых командирах из ближайших родственников — троих зятьев: Иловайского 5-го (при нем же многочисленные братья его), Харитонов 7-го и Грекова 18-го.

Рассчитывая на помощь и поддержку родственника в бою, в случае необходимости тех же родственников безжалостно слали в огонь. При штурме Измаила рядом с бригадиром М.И. Платовым в бой шли его сын, пасынок, два родных и два двоюродных брата. В авангарде платовской колонны шел полк его брата, премьер-майора Степана Платова. Когда Степан был убит, командовать его полком был назначен младший брат, войсковой старшина Петр Платов, тяжело раненный во время этого штурма³⁷. Все эти назначения были сделаны в ходе боя начальником колонны, старшим из братьев Матвеем Платовым.

Сам Матвей Иванович Платов (1753—1818), сын участника Петергофского похода, карьеру начал в полку родного отца, а затем стал ординарцем при князе Долгоруком, дядя которого в свое время жесточайшим образом усмирил на Дону восстание К. Булавина. Долгорукий назначил 18-летнего Платова командиром полка и дал ему чин войскового старшины. Карьерному росту М.И. Платова способствовали две выгодные женитьбы — на доче-

³⁷ Сапожников А.И. Род Платовых // Краеведческие записки. Выпуск 6. 250 лет со дня рождения М.И. Платова. Новочеркасск, 2003. С. 98.

ри войскового атамана Степана Ефремова, а затем (когда первая жена умерла) на дочери войскового судьи Дмитрия Мартынова. Платов пользовался особым покровительством фаворита Екатерины II Потемкина, а после смерти Потемкина другого фаворита — Платона Зубова. При Павле I Платов попал в опалу, но позже состоял в очень теплой и доверительной переписке с вдовствующей императрицей Марией Федоровной (вдовой Павла I). Вопреки сложившемуся мнению, под командованием Суворова Платов почти не служил, только участвовал в штурме Измаила, и был в натянутых отношениях с М.И. Кутузовым, с которым по службе действительно часто пересекался.

Интересное описание М.И. Платова оставил француз на русской службе, генерал Ланжерон, с которым они вместе в 1807—1812 гг. воевали против турок в Молдавии.

Платов Ланжерону не понравился. Ланжерон писал, что Платову было в то время под 60 лет (на самом деле 54 года). Всегда, во всех чинах Платов был самым храбрым, самым блестящим казаком в армии, и Потемкин ему покровительствовал. В Молдавии Платов оставался по-прежнему храбрым, но уже не таким деятельным, как раньше. Состарился и был утомлен опалой, не имел прежнего усердия и свежести ума, но сохранил все наклонности казака. Отметим Ланжерон платовскую «корыстолюбивость»: мол, вывозил он с Дона деньги и вкладывал во все банкирские дома в Санкт-Петербурге. Командовать регулярными войсками оказался он якобы неспособен и испытывал к этим войскам глубочайшее презрение. Показалось Ланжерону, что казаки Платова не любят за бывшую «двуличность царедворца» при Потемкине, но на Платова это не действовало, поскольку оказался он в Петербурге в большой моде и слишком там его превозносили.

В целом, анализируя принципы подбора командного состава, можно констатировать наряду с назначениями по карьерным соображениям и устойчивый принцип поддержки и взаимовыручки.

Донская артиллерия

«Хорошо подготовленные пехотинцы с крепкими нервами всегда знали, как построиться в каре, дабы достойно отразить кавалерийскую атаку. При должной организации пехотные каре

встречали скачущих на них всадников такими «ежами» размером в батальон, оцетинившимися, словно иголками, остриями сотен штыков. Посему кавалерийская атака, как и любой успешный тактический маневр на поле сражения в наполеоновскую эпоху, нуждалась в тщательной координации действий всех родов войск — пехоты, кавалерии и артиллерии.

Наполеон считал обязательным правилом поддержку кавалерийских атак огнем артиллерии, поскольку всадники, вооруженные лишь оружием ближнего боя, сами не обладали огневым потенциалом. Соответственно, артиллерийские батареи приписывались непосредственно к кавалерийским дивизиям. Орудийная прислуга в таких частях, называемых конной артиллерией, передвигалась верхом, что позволяло ей поспевать за кавалерией. Конная артиллерия являлась неотъемлемой составляющей каждой кавалерийской дивизии во французской армии. Подобные батареи комплектовались легкими пушками, стрелявшими 4-фунт. (1,8-кг) или 6-фунт. (2,7-кг) ядрами и обеспечивавшими основную огневую поддержку кавалерии в наступлении. Хотя снаряды таких орудий отличались небольшой кассой в сравнении с ядрами пешей полевой артиллерии, конным батареям обычно приходилось иметь дело с легко уязвимыми целями, поскольку для отражения кавалерийских атак пехота строилась в очень плотные порядки.

Подобные сомкнутые формирования были удобными мишенями для пушек, каждый выстрел которых находил цель, убивая зачастую разом по несколько пехотинцев. Способность конноартиллерийских подразделений передвигаться быстрее обычных полевых батарей позволяла довольно легко перемещать артиллерию по полю боя. В тех случаях, когда канониры конной артиллерии подвергались нападению или оказывались под обстрелом, они могли в темпе свернуть батарею и убраться с угрожаемой позиции куда проворнее, чем их коллеги из пешей артиллерии»³⁸.

Конная артиллерия имела не только у французов, но и во всех армиях Европы. В 1797 г., перед походом в Европу, император Павел I повелел создать в войске Донском для постоянной службы две конные артиллерийские роты, которые были сформированы

³⁸ Роберт Брюс, Йен Дики, Кевин Кайли, Майкл Павлович, Фредерик Шнейд. Войны и сражения эпохи Наполеона. 1792—1815. М., 2009. С. 194.

рованы в 1798 г. Роты комплектовались по типу армейских конно-артиллерийских рот по 12 орудий на каждую: шесть 6-фунтовых пушек и шесть 10-фунтовых единорогов с прицельной дальностью стрельбы 800—900 метров.

Предельная дальность действительного огня для 12-фунт. пушки составляла 915 м (1000 ярд.) сплошным выстрелом и 595 м (650 ярд.) — картечью; для 6- или 8-фунт. орудия показатель равнялся 820 м (900 ярд.) и 550 м (600 ярд.) соответственно; для 4-фунт. пушки — 730 м (800 ярд.) и 410 м (450 ярд.); а для 6-дюйм. (152-мм) гаубицы — 1190 м (1300 ярд.) при сплошном выстреле и 500 м (550 ярд.) при картечном снаряде.

Скорострельность зависела от необходимости прочищать ствол после каждого выстрела. Несколько выстрелов подряд были чреваты большими неприятностями. Ствол могло разорвать. Таким образом, темп стрельбы составлял 1—2 выстрела в минуту.

В личный состав конноартиллерийской роты входили 257 человек, в том числе штаб-офицер, 6 обер-офицеров, 14 старших урядников, 12 младших урядников, 224 казака. Вместе с обозом для перевозки боеприпасов и кузницей рота по штатному расписанию имела — 464 казака и 75 офицеров и урядников.

Артиллеристы имели на вооружении сабли и пистолеты.

В донских конноартиллерийских ротах служба неслась постоянно, роты не расформировывались, смену им производили лишь по частям. Личный состав формировался самим войсковым атаманом из наиболее рослых, физически крепких казаков низовых станиц. Калмыков и казаков Татарской станицы в артиллерийские роты не записывали.

1-я рота донской артиллерии под командованием майора Тацына участвовала в Бородинском сражении. Она была придана 2-й сводно-гренадерской дивизии и действовала на самом важном и опасном направлении — в районе Багратионовых флешей. Как вспоминал командир дивизии граф М.С. Воронцов, «в день главного сражения на меня была возложена оборона редутов первой линии на левом фланге, и мы должны были выдержать первую и жестокую атаку 5—6 французских дивизий, которые одновременно были брошены против этого пункта; более 200 орудий действовали против нас. Спротивление не могло быть продолжительным, но оно кончилось, так сказать, с окончанием существования моей

КАЗАКИ ПРОТИВ НАПОЛЕОНА

дивизии... Час спустя дивизия не существовала. Из 4-х тысяч человек приблизительно на вечерней переключке оказалось менее 300; из 18-и штаб-офицеров оставалось только 3»³⁹.

Однако 1-я Донская конноартиллерийская рота вышла из огня Бородинской битвы с небольшими потерями (как здесь не вспомнить поляка Бискупского с его характеристикой «удивительно, как самосохранны»).

Ведомость о числе нижних чинов 1-й роты Донской конной артиллерии, участвовавших в Бородинском сражении

В роте Донской конной артиллерии № 1	Число людей	
В строю 26 августа в сражении находились		
Урядников	19	
Казачков	167	
Из оных убитых		
Казачков	9	
Затем остается с ранеными, коим следует высочайше пожалованное награждение		
Урядников	19	
Казачков	158	Сие число в поданном списке значитя

По роте дежурный есаул Салтысов⁴⁰.

Кроме официально существовавших артиллерийских рот казаки имели у себя в полках и сотнях собственные, зачастую отбитые у врага орудия. Полковник Марбо, участник похода в Россию, вспоминал, что во время преследования французов «казаки ставили на сани маленькие легкие пушки, из которых стреляли до того момента, пока, видя какой-нибудь отряд,двигающийся в их направлении, они не разбегались, гоня лошадей во весь опор»⁴¹.

³⁹ Бородино. Документы, письма, воспоминания. М., 1962. С. 342.

⁴⁰ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии в 1813—1814 гг. С. 198.

⁴¹ Марбо Ж. Мемуары генерала барона де Марбо. М., 2005. С. 613.

Польские конные егеря, столкнувшись в 1812 г. с полками донского ополчения, отметили у казаков наличие «янычарок» — трофейных турецких пушек малого калибра, «с которыми казаки подъезжали к самому фронту и выбирали цель по своему усмотрению»⁴².

Униформа донских казаков, знамена

Будучи иррегулярным войском, донские казаки изначально не имели особой единообразной военной формы. «Со старины глубокой одеваясь во что попало, а главным образом “добывая себе зипуны с вражеского плеча”, донское казачество в основе своей русское, естественно тяготело к русскому платью, каковым и была в общем его одежда. В силу же географических условий и обстановки, характер донского платья, при развитии некоторого благосостояния и оседлости на Дону, к началу XVIII столетия выработался в свой тип с известным восточным отпечатком, а именно: просторные шаровары, заправленные в остроносые азиатские сапоги, часто цветного сафьяна, полукафтаны, весьма сходное с нынешним кавказским бешметом, сверх него кафтан-черкеска с длинными полями, вырезом и отворотами на груди, с прорезными рукавами, в которые можно было по желанию или продевать руки, или отвернув рукава, закидывать их за спину, широкий мягкий пояс, меховая шапка с высоким верхом, заломленным на сторону, и притом оружие преимущественно азиатское. Все платье ярких цветов из сукна, бархата и шелка, расшитое галунами и позументами. Но главным украшением казачьего наряда всегда было оружие; оно кроме своих специальных целей являлось предметом удовлетворения потребностей вкуса и стремления к изящному; на нем сказывался характер казака, в нем была его гордость и тщеславие»⁴³.

По мере усиления «регулярства» больше внимания уделялось единообразию одежды. «... В царствование Императрицы Екатерины II казаки уже выходят на службу в платье однообразного по-

---

⁴² Попов А. Дело под Медынью // Наполеон. Альманах. 2008. С. 72.

⁴³ Хрещатицкий Б.Р. История Лейб-гвардии казачьего Его величества полка. Ч. 1. СПб., 1913. С. 24.

кроя с цветом сукна и приклада по войскам. Например, для Войска Донского: кафтан голубой, отвороты, обшлага и подкладка красные, оторочка желтая, полукафтаны и шаровары голубые, сапоги желтые, кушак малиновый, шапка серая, верх голубой»⁴⁴.

Впрочем, синий или голубой цвета в то время еще не устоялись. Так, в 1784 г. «ее величество жалует каждому казаку зеленого солдатского сукна на чекмень по образцу казачьему»⁴⁵.

Но через десять лет, во время очередного раздела Польши, казаки опять носили мундиры синего цвета, из-за чего поляки иногда принимали их за своих⁴⁶.

В 1801 г. всех военнотружущих казаков заставили одеть новую однообразную форму одежды, приобретаемую за свой счет. В новую форму входили: шапка меховая из черной смушки с красным суконным шльком, свисавшим направо, с кожаным подбородным ремнем, застегивавшимся справа на луженую пуговицу. В парадной форме к шапке полагались белый султан (носили слева) и этикет, как на кивере у пехоты. Вне строя казаки носили фуражку с высокой мягкой тульей из синего сукна (околыш красный, козырек из черной кожи с черным подбородным ремнем, который застегивался на обтяжную или металлическую пуговицу на левой стороне).

Полукафтан из темно-синего сукна застегивался на груди на крючки. Воротник, погоны и прямые обшлага темно-синие с красной выпушкой.

Кафтан (чекмень) имел длинные полы, покрой верхней части как у полукафтана, носился с 1 сентября по 1 мая. Часто кафтан был без погон, для утепления пристегивали подкладку или подбивали мехом. В начале 1812 г. вместо высоких и скопленных воротников ввели низкие и прямые.

Шаровары из темно-синего сукна, широкие, на выпуск, с однорядным красным лампасом.

Кушак красный шерстяной.

Сапоги короткие без шпор.

---

⁴⁴ *Хрецицкий Б.Р.* История Лейб-гвардии казачьего Его величества полка. Ч. 1. СПб., 1913. С. 25.

⁴⁵ Записки донского атамана Денисова. С. 36.

⁴⁶ Там же. С. 61.

Снаряжение казаки имели из черной кожи, на перевязи лядунки носился вензель императора Александра I в венке и цепочка. На практике казаки зачастую использовали снаряжение восточного образца с перевязями и португезями из ремней, тесемок и шнуров.

Урядники Донских полков носили обмундирование, как у казаков, но на воротнике и в обшлагах имели серебряные галуны, султан на шапках был двухцветный — белый с черным верхом; на сапоги им полагались шпоры.

Офицерское обмундирование отличалось тем, что на воротнике и обшлагах кафтанов и полукафтанов были вышиты две серебряные петлицы с украшением в виде листьев и цветов; на плечах полагалось иметь серебряные шнуры, свитые вдвое, наподобие жгута. Султан на шапке носился волосяной, белого цвета, но с примесью черного и оранжевого цветов у основания. Этикет полагался серебряный. На сапоги полагались шпоры. Лядуночная перевязь украшалась серебряными бляхами и цепочками. На саблю полагался темляк, который представлял собой черную тесьму с серебряной прострочкой по краям, с плоской серебряной кистью.

Обмундирование казачьих генералов отличалось от офицерского богатым серебряным шитьем на воротнике, обшлагах и карманных клапанах кафтана в виде дубовых листьев, как это было на мундирах армейских генералов. К парадной форме добавлялся особый вид султана из пучка прямых белых страусиных перьев, с примесью у основания черных и оранжевых петушиных перьев. Он вставлялся в особую металлическую трубку — челенгу, украшенную накладным черным двуглавым орлом и серебряным орлиным крылом.

Обмундирование Лейб-гвардии Казачьего полка отличалось по цвету. Рядовые носили красные полукафтаны и темно-синие шаровары без лампасов. На красном воротнике и обшлагах желтые гвардейские петлицы. Вместо погон — желтые гарусные (шерстяные) эполеты уланского типа. Чепраки и подушки на седлах красные с желтой обкладкой. На голове лейб-казаки носили высокие шапки (кивера) с покрытием из барашковых смушек.

13 февраля 1809 г. командовавший Лейб-гвардии казачьим полком полковник Эльмурзин «за нахождением в отпуску» командира полка В.В. Орлова-Денисова представил «командиру» 1-й дивизии генералу Уварову «по приказанию Его Императорского

Высочества Государя Цесаревича и Великого Князя Константина Павловича построенный для Лейб-гвардии Казачьего полка образцовый мундир (т.е. образец нового мундира)».

15 апреля того же года было утверждено для полка новое обмундирование:

а) Для рядовых — кафтан синий; полукафтаны алое, тот и другое со стоячим воротником, разрезными обшлагами и красными с желтым узором нашивками; шаровары синие; эполеты по образцу гвардейских уланских с медными, вылуженными пуговицами; кушак белый; шапка из черной смушки, с красным верхом, с белым, а в корню черным и оранжевым, волосяным султаном, с желтыми и красными, перемешанных цветов, этишкетами, и с черным, подбородным ремнем, застегивавшимся, у правой стороны, на луженую пуговицу; шинель серая, с красным клапаном на воротнике и с красным погоном на левом плече...

б) Для унтер-офицеров — то же, что и для рядовых, но с прибавлением серебряного галуна на воротнике и обшлагах; этишкететы белые, с примесью черного и оранжевого цветов, и султан белый, с верхушкой из черного и оранжевого волоса.

в) Для трубачей — то же, что и для унтер-офицеров, но с прибавлением крылец синего цвета и нашивок из гвардейского басона: на груди, крыльцах, рукавах и всех швах; также вместо белых султанов они имели красные.

г) Для обер-офицеров — кафтан, полукафтаны и шаровары, цветами и покроем одинаковые с вышеописанными, — первые с шитьем прежнего узора на воротнике и обшлагах; эполеты серебряные, по образцу обер-офицерских в прочей гвардии; султан — как у рядовых; этишкететы серебряные, с примесью черного и оранжевого щелка; лядунка, прежняя, только черный бархат заменен синим, и на звезде — орел золотой — вместо серебряного; перевязь к лядунке, обшитая таким же бархатом, с серебряным, во всю ее ширину, галуном, и с серебряными же бляхами, цепочками и протравниками.

д) Для штаб-офицеров — то же, что и для обер-офицеров, но эполеты с бахромою.

е) Для генералов — то же, что и для всех офицеров, но с серебряным, генеральским шитьем по краям воротника и обшлагам и на карманных клапанах кафтанов; эполеты с толстою кани-

телью; этикетки серебряные; челенг из белых, а к низу из черных и желтых перьев, как было на киверах и шалках генералов гусарских...»⁴⁷

«11-го Сентября Лейб-гвардии Казачьему полку даны фуражные шапки, одного образца с введенными, в это время, во всей армии, но красные; с околышем и выпушкою синими, а у нижних чинов еще с номером эскадрона на околыше из желтого снурка, а в начале 1812 года — воротники у кафтанов, полу-кафтаньев и шинелей повелено носить ниже прежних, застегнутыми на крючках; у нижних чинов с прямыми, всей гвардии присвоенными нашивками, а у офицеров с прежним серебряным шитьем; также этикетки на шапки рядовых даны совсем желтые, на шапки унтер-офицеров — желтые с пестрыми кистями и гайками, а офицерам — совсем серебряные»⁴⁸.

В Атаманском полку рядовые казаки были одеты в темно-синие полукафтаны и шаровары. Лампасы на шароварах, лопасть на шапке, выпушка на воротнике и обшлагах, а также на погонах и чепраках — светло-синие. Приборный металл белый. Вооружены они были саблями, карабинами, пистолетами и пиками с красными древками.

У офицеров Атаманского казачьего полка на воротнике и обшлагах в один ряд шло серебряное шитье Войска Донского. Вместо эполет они носили погоны из переплетенных серебряных шнуров.

Современник, впервые увидавший в сражении при Гейльсберге Матвея Платова во главе Атаманского полка, вспоминал: «Он пронесся мимо нас на рысях, со своим Атаманским полком. Матвей Иванович Платов был сухощавый, уже немолодой человек, ехал, согнувшись, на небольшой лошади, размахивая нагайкой. Все казаки Атаманского полка носили тогда бороды, и не было бороды в полку (выше) пояса. Казаки одеты были в голубые куртки и шаровары, на голове имели казачьи бараньи шапки, подпоясаны были широкими патронташами из красного сафьяна, в которых были по два пистолета, а спереди патроны. У каждого казака за плечами висела длинная винтовка, а через плечо на ремне нагайка со свинцовою пулею в конце, сабля на боку и дротик в руке, наперевес.

⁴⁷ *Хрещатицкий Б.Р.* Указ. соч. С. 275—276.

⁴⁸ Там же. С. 282—283.

Шпор не знали тогда казаки. Люди были подобранные, высокого роста, плотные, красивые, почти все черноволосые. Весело и страшно было смотреть на них!»⁴⁹.

Форма донских артиллеристов практически не отличалась от формы в казачьих полках. Это были шапки из черных смушек высотой в 5 вершков с белыми султаном и этишкетом, с красным верхом; но чаще казаки носили фуражку с красным околышем, черным козырьком и высокой прямой тульей; синего цвета куртки с красной выпушкой на воротнике и обшлагах; погоны темно-синие, без выпушки; синие шаровары, подшитые черными леями, с красными лампасами, заправленные в сапоги; светло-синий пояс (практически отличие заключалось в цвете пояса и в отсутствии выпушек на погонах). Седло и чепрак у них были казачьи, как в донских конных полках. Артиллеристы были вооружены саблями и пистолетами.

Добиться единообразия в одежде было трудно. Некоторые казаки выходили в поход без формы. Командир полка Власов 3-й, приняв полк, доносил с похода в марте 1812 г.: «Всех тех казаков, кои не имеют у себя мундиров, буду стараться по всей возможности исправить оными»⁵⁰.

Позже, во второй половине XIX века проявилась другая крайность. Первый донской атаман неказачьего происхождения М.Г. Хомутов в целях «развития и поддержания казачьего духа» приказал казакам носить военную форму не только на службе, но и вне ее, даже в отставке. Вскоре постоянно сменяемая по мере смены старого царя новым военная форма стала казачьим национальным костюмом. Даже сейчас, в начале XXI века старики казачьего происхождения ходят у себя в хуторах в «камуфляже».

С другой стороны, подчеркивая свои бывшие вольности, казаки при первой возможности щеголяли неуставными атрибутами формы. Так, в начале XX века хорошим тоном считалось явиться домой со службы в сапогах с «наставленными» выше колена голенищами, в фуражках немецкого образца (вместо своих форменных «хлебрезок») и с затупленными наконечниками пик.

⁴⁹ Цит. по: Анисимов Е. Багратион. М., 2009. С. 268.

⁵⁰ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах Русской армии 1813—1814 гг. С. 25.

И. Бабель, наблюдая за казаками во время Гражданской войны, отметил: «Описать убранство их коней, сабли в красном бархате, кривые сабли, жилетки, ковры на седлах. Одеты убого, хотя у каждого по 10 френчей, такой шик, вероятно»⁵¹.

«Чрезвычайно пестрой была знаменная система казачьих и иррегулярных войск»⁵².

С ранних времен казачьей истории наряду с собственными войсковыми знаменами казаки имели знамена, пожалованные казакам русскими царями. Выступление в поход под царским знаменем означало, что казаки выполняют государеву службу, действуют от царского имени.

Расцветка донских полков отличалась большим разнообразием, разнообразной была и символика. По воспоминаниям А.К. Денисова, на знамени его полка, например, было изображение Божьей матери⁵³.

Существовали войсковые знамена, пожалованные всему Войску Донскому. «Донское войско имело войсковые знамена 1803 года (четыре), пожалованные на замену пришедшим в ветхость образцам 1722, 1733, 1746 и 1764 годов. В 1811 году пожаловано войсковое знамя Донскому войску за подвиги в войну 1807 года. Оно было сделано по образцу знамени того же войска, данного за кампанию 1799 года. Отличие этих двух знамен состояло в том, что на новом знамени не было Мальтийского креста, гроссмейстерских корон, изменились вензеля и черная лента была заменена на Георгиевскую. В 1806 году пожалованы первые Георгиевские знамена казачьим Донским полкам Ханжонкова и Сысоева, по одному на полк, за подвиг при Шенграбене. Знамена эти были подобны первым пехотным Георгиевским знаменам, пожалованным за этот подвиг, но штофные, сплошь белые без креста, углов, вензелей с венками в углах, на оборотной стороне вместо герба в венке имели императорский вензель в сиянии и были обшиты золотой бахромой. Атаманский полк, как исключение, получил в 1814 году

---

⁵¹ Конармейский дневник 1920 года // *Бабель И.* Конармия. Рассказы, дневники, публицистика. М. 1990. С. 137.

⁵² *Вилинбахов Г.В.* Носились знамена как тени // *Родина.* 2002. № 8. С. 113.

⁵³ *Записки донского атамана Денисова.* С. 82.

Георгиевское знамя (и к нему еще бунчук) совсем особого типа — голубое, с золотой бахромой с изображением Спасителя и надписью из Священного Писания. В 1817 году Войску было пожаловано Георгиевское знамя, подобное образцу 1811 года, но на георгиевской ленте надпись: “Верноподданному Войску Донскому в ознаменование подвигов оказанных в последнюю Французскую войну, в 1812, 1813 и 1814 годах” и в наверху вместо вензеля императора Александра I георгиевский крест. В 1813 году пожаловано Георгиевское знамя полку Дячкина, сделанное по образцу регулярных, но сплошь зеленое, штофное, с бахромой, вензелями на серебряном поле, с гербом на одной стороне и крестом на другой, с надписью: “Храброму Донскому Дячкина полку”. В том же году пожалованы Георгиевские знамена четырем другим Донским полкам: Власова 3-го, Жирова, Иловайского 11-го и Грекова 18-го, сделанные точно по рисунку кавалерийских штандартов, но лишь белого цвета и с крестом на одной стороне вместо герба, с надписью: “За отличную храбрость и поражение неприятеля в Отечественную войну 1812 года”. Такого же типа знамена, но “За отличие” при Краоне и Лаоне пожалованы в 1816 году еще двум полкам: Мельникова 4-го и Мельникова 5-го»⁵⁴.

---

⁵⁴ *Вилимбахов Г.В. Указ. соч. С. 113.*

ВОЙСКО ДОНСКОЕ И ИРРЕГУЛЯРНЫЕ ЧАСТИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Калмыки и татары в составе Войска Донского

К моменту исследуемых нами событий «большая часть калмыцкого населения находилась в пределах Астраханской губернии, в числе которых до 15 тысяч мужчин, годных к военной службе. Из 10 рот состояло Ставропольское калмыцкое войско «с общими числом населения около 3000 душ обоего пола». Значительная часть калмыков была причислена к войску Донскому»⁵⁵.

«К концу 18 столетия на Дону сложилось стабильное калмыцкое население, инкорпорированное как равностатусное с казаками в состав Войска Донского, со своим административным устройством и управлением. В соответствии с новым положением существенно трансформировалась социальная структура донского калмыцкого населения — утвердилось военное сословие — служилые калмыки-казаки. Впоследствии калмыки, сражаясь в составе Лейб-гвардии Казачьего, Атаманского, донских строевых и ополченских полков, артиллерийских рот в грозные дни Отечественной войны 1812 г. и участвуя в Заграничных походах, прославились вместе с казаками»⁵⁶.

---

⁵⁵ *Убушаев В.Б.* Народное ополчение калмыков накануне Отечественной войны 1812 года // *Участие народов России в Отечественной войне 1812 года. Материалы Всероссийской научной конференции* (г. Элиста, 11—14 сентября 2012). Элиста, 2012. С. 130.

⁵⁶ *Максимов К.Н., Очиров У.Б.* Указ. соч. С. 19.

Калмыки считались и являлись полноправными донскими казаками. «...Они не выделялись из общего состава донского казачества по каким-либо признакам. Тем более в составе войска Донского не создавались отдельные калмыцкие подразделения. Калмыков-казаков при формировании пятисотенных донских полков по 15—30 человек распределяли по некомплектным полкам, в тысячном Атаманском полку по штатному расписанию числился 91 калмык, Лейб-гвардии Казачьем полку — до 20 калмыков, в конноартиллерийских ротах — до 10»⁵⁷.

Не состоящие в полках калмыки были разделены на территориальные сотни и подчинялись своим начальникам и особому «приставу над калмыками».

На 1 июня 1812 г. по списку на Дону числилось служивых 1740 калмыков, из них в 64 полках, 2 артиллерийских ротах и 1 команде находились 1504 калмыка, из них в Атаманском полку 91 калмык⁵⁸.

Наряду с другими донскими казаками калмыки разделили все тяготы Отечественной войны 1812 г. и последующих заграничных походов. Во время сбора ополчения в 1812 г. было принято решение «приставу над калмыками предписать, собрав немедля сотенных атаманов, обще с ними исчислить также всех могущих носить оружие калмык, не исключая ни гилюнов, ни гицулей, ни отставных, ни льготных, ни бедных, ни малолетков, полагая до 17-летнего возраста, кроме сущих калек, равномерно весьма дряхлых и одержимых иногда жестокими болезнями, неспособных к походу, и о числе их тотчас донести сюда с нарочным, а самому ему с сотенными начальниками стараться всевозможно всех их вооружить, заимствуясь для неимущих один у другого оружием.

Буде же и затем останутся пепие или без оружия, о таковых особо сюда доносить, причем рассеянных из них частями собрать на кочевье к их сотням, дабы в случае похода в 24 часа могли и они все выступить и следовать, куда повеление будет...»⁵⁹

До 1805 г. одна из станиц, составлявших Черкасск — столицу Войска Донского, — называлась Татарской и была заселена торкоя-

⁵⁷ Максимов К.Н., Очиров У.Б. Указ. соч. С. 19.

⁵⁸ Там же. С. 178.

⁵⁹ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах Русской армии 1813—1814 гг. С. 135.

зычным казачьим населением. Как считает С.В. Черницын, «скорее всего в составе группы преобладали изначально не просто представители кочевых тюркоязычных народов Сев. Причерноморья, а именно — ногайцы. Донские татары сохраняли значительную культурную обособленность. Еще в XVII в. они явно отличались по одежде, вооружению, внешнему облику от донских казаков... Инженер де-Романо в 1802 г. упоминает, что у донских татар «своя религия, обычай, костюм». И позднее, в справочнике 1919 г. о казаках х. Татарского написано, что они «...между собою говорят по-татарски, ногайским наречием»; отмечается, что «... лицо их довольно красиво, умно и выразительно, но сохраняет чисто монгольский склад...». А относительно внешнего облика можно прочесть; «...Одежду носят казачью, но голову бреют, носят тобетейку (ермолку), сверху часто татарский кафтан. Женщины одеваются по-татарски, лица не закрывают, как и у кочевых ногайцев». В этом фрагменте мы видим сочетание казачьих и этнических традиций в мужском костюме, причем автор акцентирует внимание именно на тюркских признаках»⁶⁰. Станица постоянно пополнялась пришедшими на Дон тюрками и иногда черкесами, не желавшими сменить ислам на православие. Помимо Татарской станицы, жители которой после 1805 г. жили на окраине Новочеркасска, в Войске Донском числились и другие татары. Так, собирая ополчение в 1812 году, донское дворянское собрание приняло решение: «...о каковой готовности к походу дать знать и коллежскому советнику Балгык-бею предписав ему, чтобы приготовил к тому же состоящих в ведении его, пришедших сюда с Молочных вод и причисленных к войску татар, и о числе их донести сюда»⁶¹.

Но количество донских татар было невелико. К 1822 году оно не достигало 1000 человек.

Боевое содружество донских казаков и казаков других войск в наполеоновских войнах

Общая численность казачьих войск в российской армии к началу Отечественной войны 1812 г. составляла 117 тыс. человек.

⁶⁰ Черницын С.В. Донские татары: этнокультурный очерк//Дикаревские чтения (12). Краснодар. 2006. С. 324—325.

⁶¹ Донское казачество в Отечественной войне... С. 135

Казачьи полки других войск зачастую входили в иррегулярные конные соединения, собранные под руководством донских военачальников.

Наиболее древние и устойчивые связи Дон имел с казаками Украины. Там тоже были «вольные казаки», объединенные в Войско Низовое Запорожское, и многочисленные казаки, записанные на службу к польскому королю, занесенные в «реестр». Национально-освободительная война 1648—1654 гг. Украины против Речи Посполитой привела к тому, что в стране установилась власть верхушки реестровых казаков, и эта верхушка признала вассальную зависимость Украины от России. Социальная структура общества упростилась и откатилась до уровня «военной демократии». В течение следующего века при дальнейшем ослаблении Польши и усилении России власть реестровой верхушки — «гетманщина» — себя изжила, Украина окончательно подчинилась России, а освободившихся от польского гнета украинских крестьян и казаков закрепостила своя реестровая верхушка.

С Украины на Дон стали массами переселяться, спасаясь от закрепощения, украинские реестровые казаки. И новые донские дворяне стали прикреплять их к своей земле, тоже закрепощать.

В начале XIX века бывшее казачье (реестровое) население Украины стало основным поставщиком рекрутов в русскую регулярную кавалерию.

Связи донских казаков с «вольным казачеством» Украины — запорожцами — имели давнюю традицию. По данным Татищева, в 1560 г. запорожцы во главе с князем Вишневецким поставили в низовьях Дона Черкасский городок (в документах впервые встречается в 1593 г.).

Пространство между Днепром и Доном формально считалось запорожской территорией. Польский король Стефан Баторий в 1576 г. разрешил запорожцам занимать земли на восток от Днепра до самого Дона. Но реально запорожцы могли здесь селиться лишь на островах по рекам и речкам. Все степное пространство контролировалось крымскими татарами.

Формально запорожцы подчинялись польскому королю, а донцы — русскому царю, но в это время запорожское присутствие и запорожское влияние на Дону особенно заметны.

В случае угроз со стороны русского царя донцы говорили: «А у нас, у донских казаков, с запорожскими приговор учинен таков: как приходу откуда чаять врагов на Дон или в Запороги, то запорожским черкасам на Дону нам, казакам, помогать, а нам, донским казакам, помогать запорожским черкасам, а Дон мы так без крови не покинем». Таким образом, перед нами открытый военный союз.

В 1637 г. донцы и запорожцы захватывают Азов, но в 1642 г. после героической обороны (1641) возвращают его туркам.

В 1709 г. русские войска под командованием Меньшикова разгромили Запорожскую сечь. В 1711 г. уцелевших запорожцев вытеснили на татарскую территорию, в Алешки. Там они вступили в подданство крымского хана.

В 1734 г. запорожцы перешли на сторону России, создали Новую Сечь и поделили свою территорию на паланки (округа). Территория самой восточной — Кальмиусской паланки, — как считали запорожцы, простиралась до нижнего течения Дона.

В 1743 г. была установлена граница между Донским и Запорожским войсками, ею стала речка Кальмиус.

В 1775 г. Войско Запорожское вновь было упразднено, и его личный состав (35 куреней из 38) ушел на турецкую территорию.

14 января 1788 г. «...приняты на службу пешие и конные казаки бывшего Запорожского войска, прибывшие в армию князя Потемкина и затем оставшиеся в ней под названием Войска верных казаков черноморских».

В XVIII—XIX вв. Россия стремительно расширяла свои границы. Присоединенные территории надо было охранять и осваивать. Казаки лучше всего подходили для этой роли. Они имели опыт жизни в экстремальных условиях. Стали создаваться новые казачьи войска, чтобы прикрыть всю границу с Китаем. Начались массовые переселения на Кубань и на Северный Кавказ. Особую роль здесь сыграли казаки бывшего Запорожского Войска. Мало было прикрыть новую территорию войсками, надо было сделать так, чтоб эти войска дрались за каждый камень, защищая эту территорию. Поэтому казаков переселяли вместе с семьями, с детьми, с хозяйством.

В 1790 г. Войску верных казаков черноморских были отведены земли для поселения по берегу Черного моря между реками

Днестр и Южный Буг. После войны Войско переименовали в Черноморское казачье войско и в 1792—1794 гг. переселили на Кубань для несения пограничной службы. К 1812 г. строевой состав войска состоял из 10 конных и 10 пеших полков и Черноморской сотни в составе Лейб-гвардии казачьего полка. Из казаков пеших полков, кроме прочего, формировалась казачья флотилия.

В кампании 1812 г. участвовали Черноморская сотня и 9-й сборный пеший полк, позже, в 1813 г., на войну с Наполеоном был отправлен 1-й сборный конный полк⁶².

Черноморская сотня Лейб-гвардии Казачьего полка была сформирована по предписанию военного министра херсонскому военному губернатору герцогу Э.О. Ришелье от 18 мая 1811 г. В сотню отбирали по 10 человек от каждого полка Черноморского казачьего войска, причем старались набрать казаков «из лучших людей», «хорошего состояния, доброго поведения, здоровья, ростом и лицом видных» (рост от 173 до 191 см). Набирались казаки, имевшие опыт полевой службы, так что средний возраст их составлял примерно 30 лет. На вооружении у казаков были сабли, ружья и пистолеты. Огнестрельное оружие, по свидетельству очевидцев, было «на манер черкесский» или «на манер турецкий». Командиром сотни был назначен войсковой полковник А.Ф. Бурсак. Сотню сформировали за два месяца в составе 5 офицеров, 14 урядников, 2 трубача и 100 казаков. 1 марта 1812 г. сотня прибыла в Санкт-Петербург и вошла в состав Лейб-гвардии казачьего полка.

В составе этого полка сотня провела всю кампанию 1812 г., участвовала в Бородинском сражении, в Тарутинском сражении, в боях при Вязьме, Дорогобуже, Ляхове, Красном и Вильно. В декабре 1812 г., с прибытием императора Александра I в действующую армию, сотня состояла в его охране. В апреле 1813 г. Черноморскую сотню велено было «содержать во всем на положении Лейб-казачьего полка, оставляя только форму обмундирования в прежнем виде, а офицеров переименовать в чины соответственно Лейб-казачьему полку».

В 1812 г. личный состав Черноморской сотни имел форму казачьего типа: «Шапка меховая баранья с алым шлыком, свисав-

⁶² Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М., 2004. С. 771—772.

шим направо. Подбородный ремень черный кожаный. В парадной форме к шапке полагались белый султан (носился слева) и желтый этишкет с гайками и кистями. В походе шапка имела чехол из черной материи. Полукафтан алого сукна застегивался на груди на крючки. Воротник и прямые обшлага черные с белой выпушкой и гвардейскими петлицами. Верхний полукафтан темно-синий с воротником и обшлагами, как на алом полукафтани, имел разрезы подмышками у рукавов, в которые просовывались рукава алого полукафтана (рукава темно-синего полукафтана носились закинутыми за спину). На плечах жгуты из желтых шнуров придерживали откидные рукава и застегивались у плеча алого полукафтана. В начале 1812 г. воротники курток стали прямыми и низкими, а петлицы на воротнике и обшлагах — из желтого басона с красными каемками по краям и с черным просветом в центре. Шаровары темно-синего сукна, широкие навыпуск, с желтым двойным лампасом и желтой обшивкой по нижнему краю, штрипка черной кожи. Сапоги со шпорами. Вооружение — пика с красным древком без флюгера, сабли разных образцов, пистолеты (носились за поясом или на крючке перевязи), ружья (носились за спиной на погонном ремне). Перевязь для пистолета из белой кожи, лядунка — красной кожи на красной перевязи. Конское снаряжение казачьего образца, чепрак темно-синий, подушка красная с обшивкой желтого басона. Урядники имели серебряные галуны на воротнике и на обшлагах, султан с черной верхушкой. Трубачи имели на плечах рукавов красные крыльца, куртки расшиты желтым гвардейским басоном на груди, крыльцах, рукавах и по всем швам, султаны у шалок красные. Офицеры носили на плечах жгуты из серебряного шнура, на обшлагах и на воротнике — серебряное шитье особого образца. Этишкет шалок серебряный, султаны — с черно-оранжевым основанием. Лампасы на шароварах — серебряного галуна. По поясу в строю носился серебряный офицерский шарф. Офицерам разрешалось носить прибивные (привинтные) шпоры⁶³.

9-й сборный пеший полк Черноморского казачьего войска был сформирован в феврале 1807 г. из казаков различных полков для участия в Русско-турецкой войне 1806—1812 гг. Полком командовал войсковой старшина Г.К. Матвеев. Первоначально полк на-

⁶³ Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М., 2004. С. 771.

звался «3-й приморский казачий полк» и действовал в составе Дунайской флотилии. После окончания войны с Турцией полк в составе Дунайской армии был переброшен на борьбу с наполеоновским нашествием и принял участие в боях в составе корпуса генерал-лейтенанта П.К. Мусина-Пушкина. Личный состав давно не пополнялся, и к ноябрю 1812 г. в составе полка числилось 2 штаб-офицера, 10 обер-офицеров, 8 унтер-офицеров, 254 рядовых. Во время боев, с 21 октября 1812 г. по 1 февраля 1813 г., полком командовал войсковой полковник П.Ф. Бурсак. Основную тяжесть боев полк вынес на территории Польши в конце 1812 — начале 1813 г. 9 декабря 1812 г. полк участвовал в бою при местечке Окопов, 20 декабря — при местечке Дубенка, 1 января 1813 г. — при местечках Ухань и Сливочов, 2 февраля — при Владиславиче и Красностае.

2 августа 1813 г. из местечка Хелме 9-й сборный пехотный полк был отправлен обратно на Кубань, куда прибыл 16 октября того же года⁶⁴.

1-й сборный конный полк Черноморского казачьего войска был сформирован в марте 1813 г. из казаков конных и пехотных полков специально на подкрепление иррегулярных войск. Командовал полком есаул Д.С. Плохий. 29 марта 1813 г. полк выступил из Екатеринодара в поход на Брест-Литовск. На 6.6.1813 г. в составе полка числилось 15 обер-офицеров, 11 сотенных есаулов, 547 казаков. Прибыв на театр военных действий, с сентября 1813 г. полк действовал в авангарде летучего корпуса ген. М.И. Платова. В кампанию 1813 г. участвовал в сражениях и боях при Гохкирхене, Альтенбурге, Хемнице, Лейпциге, Веймаре и др., в кампанию 1814 г. — при Вильнев-Ле-руа, Немуре, Арси-сюр-Об, Сезане, Фер-Шампенуазе и др. В марте 1814 г. полк вместе с другими частями армии союзников вошел в Париж. Потери полка убитыми и умершими были относительно невелики — 2 офицера и 56 казаков⁶⁵.

11 апреля 1814 г. Платов собирался во Франции «вместо Костина полка оставить Черноморский полк, как исправней других лошадьми и имеющий в комплекте более 400 человек казаков»⁶⁶.

⁶⁴ Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М., 2004. С. 233.

⁶⁵ Там же. С. 562.

⁶⁶ ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 301. Л. 55.

Барклай де Толли Платову ответил: «А как войско Черноморское защищает полуденные границы России, то и не могу я согласиться на таковую перемену»⁶⁷.

Полк был отправлен на родину и вернулся в Екатеринодар 31 октября 1814 г.

Вместе с донскими казаками в войнах с Наполеоном принимали участие казаки Бугских полков.

Бугское казачье войско было создано 8 мая 1803 г., но ведет свою историю от полка задунайских христиан (молдаван, валахов, болгар, сербов, черногорцев и македонцев) поселенного в 1774 г. на р. Южный Буг. В 1785 г. из этих поселенных казаков сформировали Бугский конный казачий полк. В 1787—1796 гг. бугские казаки входили в состав Екатеринославского казачьего войска, возглавляемого М.И. Платовым. После расформирования Екатеринославского казачьего войска Бугский конный казачий полк, а также выходцы из южнославянских земель, жившие на землях бугских казаков, в 1803 г. были объединены в Бугское казачье войско, имевшее к 1812 г. 3 казачьих полка.

В кампанию 1812 г. особенно отличился 1-й Бугский казачий полк, который после оставления Смоленска входил в арьергард под командованием М.И. Платова, участвовал в рейде Платова-Уварова на Бородинском поле, а затем под командованием ротмистра Чеченского участвовал в партизанской войне в составе отряда Д.В. Давыдова.

В марте 1813 г. после тяжелых боев в составе 1-го Бугского полка оставалось всего 150 человек⁶⁸.

Из потомков украинских реестровых казаков в 1812 г. стали формировать полки ополчения.

Украинские казачьи полки начали создаваться по так называемому предварительному распоряжению от 5 июня 1812 г. «к вящему усилению войск наших легкой кавалерией». Полковнику И.О. Витту было поручено сформировать на территории Киевской и Подольской губерний Украинское конное войско. В формируемые полки «поступали мещане, цеховые, помещичьи, казенные, экономические, ранговые и старостинские крестьяне... с обязан-

⁶⁷ ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 301. Л. 63

⁶⁸ Давыдов Д.В. Указ. соч. С. 430.

ностью иметь лошадь, конскую сбрую и мундирную одежду по образцу». На командирские должности «приглашались отставные обер- и унтер-офицеры, чиновники, служившие в милиции, и чиновная шляхта». В течение месяца были укомплектованы, вооружены и обучены 4 полка восьмизэскадронного состава, общей численностью 3600 человек. Все 4 полка поступили в 3-ю Западную армию генерала от кавалерии А.П. Тормасова и в ее рядах участвовали в сражениях⁶⁹.

Из бывших реестровых казаков и из казенных крестьян формировалось Полтавское ополчение. К концу августа было создано 9 конных полков по 1200 человек в каждом (всего 10,8 тысяч человек). Для обмундирования казаков деньги взималось с населения — по 1 руб. 50 коп. с ревизской души. Лошади и оружие приобретались за счет казачьих обществ. Каждый воин имел саблю, пистолет или ружье.

В середине октября 1812 г. сформированные полки присоединились к армии. Однако в больших сражениях ополченцы не участвовали — несли гарнизонную службу (в 1813 г. — оккупационную на территории Герцогства Варшавского) и блокировали осажденные крепости⁷⁰.

Черниговское ополчение набиралось по такому же принципу, что и Полтавское. Всего к концу августа 1812 г. было создано 6 конных полков по 1200 чел. в каждом (всего 7200 чел.). И боевой путь Черниговского ополчения был примерно такой же, как у Полтавского⁷¹.

В Херсонской губернии ополчение не собиралось, но коллежский асессор В.П. Скаржинский, сын первого атамана бугских казаков, создал на свои средства эскадрон в 180 человек из крестьян и вольных людей. Приняв команду над эскадроном, Скаржинский присоединился к 3-й армии и участвовал в ряде боев⁷².

Наряду с «искусственными» казачьими войсками и остатками бывших казачьих войск существовали и обычные казачьи войска, которые приняли участие в наполеоновских войнах.

---

⁶⁹ Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М. 2004. С. 738.

⁷⁰ Там же. С. 578.

⁷¹ Там же. С. 770.

⁷² Там же. С. 685.

Уральское казачье войско (до 1775 г. — Яицкое казачье войско) вело свою историю с конца XVI в. как община вольных казаков, живших в среднем и нижнем течении р. Яик (Урал). Войско было переименовано в Уральское после подавления восстания под предводительством Е.И. Пугачева. К 1812 г., согласно утвержденному 26 декабря 1803 г. штату, в состав Уральского казачьего войска входили Лейб-уральская сотня и десять конных полков (№ 1—10).

Наказным атаманом Уральского казачьего войска в 1798—1830 гг. был генерал-майор Д.М. Бородин.

Войско удерживало восточные границы России, но тем не менее выставило на войну с Наполеоном 4 полка⁷³.

Вторым подобным войском было Оренбургское казачье войско, образованное 24 мая 1748 г. как Оренбургское нерегулярное войско, предназначенное для обороны Оренбургской укрепленной линии. По Положению «Об устройстве Оренбургского казачьего войска и о штате оногo» от 8 июня 1803 г. в составе Оренбургского казачьего войска числилось 5 кантонов и Оренбургский казачий тысячный полк. Полки Оренбургского казачьего войска формировались по мере надобности при выступлении в поход, а по возвращении — распускались.

В кампании 1812 г. участвовали Оренбургские казачьи полки № 1 и 2, ранее участвовавшие в Русско-турецкой войне 1806—1812 гг. Дополнительно 8 августа 1812 г. были сформированы Оренбургский атаманский казачий тысячный полк (позднее назван «непременным») и Оренбургский казачий № 3 полк 5-сотенного состава. Кроме того, в составе войска существовали Тептярские казачьи полки⁷⁴.

Тептярями называли небашкирское население, живущее на башкирских землях. С 1798 г. тептяри находились в ведении Оренбургского военного губернатора. В 1812 г. было сформировано 2 тептярских полка.

В 1812 г. 1-й Тептярский полк входил в состав казачьего корпуса атамана М.И. Платова. Командовал полком майор Темиров.

1812 г. ознаменовался созданием целого ряда ополченческих полков, казачьих по названию, но ничего общего с настоящими казаками не имеющих.

⁷³ Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М., 2004. С. 743

⁷⁴ Там же. С. 527.

18 июля 1812 г. был издан манифест о созыве внутреннего ополчения. Молодой граф М.А. Дмитриев-Мамонов, известный в то время московский богач, предпринял формирование ополченческого конного полка на свои средства. Полк назывался — Московский казачий полк. На должность командира полка был приглашен князь Б.А. Четвертинский — популярный в свое время кавалерийский офицер. В полк вступил поэт П.А. Вяземский и многие молодые люди из московского дворянства. Рядовой состав комплектовался частью из крепостных крестьян, частью из добровольцев. Формирование полка началось в Ярославле, продолжилось в Москве, а с занятием ее французами — в Серпухове. Эскадрон полка участвовал в Тарутинском сражении.

«В самый день состоявшегося собрания и когда положено было образовать народное ополчение, граф Мамонов подал чрез графа Ростопчина государю письмо, в котором он всеподданнейше предлагал вносить, во все продолжение войны, на военные издержки весь свой доход, оставляя себе 10 000 руб. ежегодно на прожитие. Мамонов был богатый помещик нескольких тысяч крестьян. Государь, приказав поблагодарить графа за усердие его и значительное пожертвование, признал полезнее предложить ему составить конный полк. Так и было сделано. Дело закипело. Вызвал он из деревень своих несколько сот крестьян, начал вербовать за деньги охотников, всех их обмундировал, посадил на коней, вооружил: исправно и скоро полк начал приходить в надлежащее устройство. Были и другие от частных лиц предложения и попытки ставить полки на собственные издержки; но, кажется, один полк Мамонова окончательно достиг предназначенной цели. Мамонов, хотя и в молодых летах, был тогда обер-прокурором в одном из московских департаментов Сената. Военное дело было ему совершенно неизвестно. Он надел генеральский мундир; но, чувствуя, что одного мундира недостаточно для устройства дела, предложил место полкового командира князю Четвертинскому — тогда в отставке, но известному блестящему кавалерийскому офицеру в прежних войнах»⁷⁵.

«Полк Мамонова, --- по воспоминаниям современников, — был замечательно щегольски обмундирован, имел все смены одежды

---

⁷⁵ России двинулись сыны. Записки об отечественной войне 1812 года ее участников и очевидцев. М., 1988. С. 440.

для солдат и невероятное количество белья». Шесть действующих эскадронов полка приняли участие в кампании 1813—1814 гг., сражались у Кацбаха, участвовали в осаде Дрездена, дошли до города Форлуи во Франции, где полк был расформирован.

В Петербурге также были сформированы два волонтерских казачьих полка: Смертоносный и Александрийский.

Первый из волонтерских полков носил также название «Смертоносный гусарский полк» или «Бессмертный гусарский полк» и носил на головных уборах изображение черепа и скрещенных костей, но официально назывался «Первый волонтерский казачий полковника Яхонтова полк». Он начал формироваться летом 1812 г. в Санкт-Петербурге, но окончательно устроен и сформирован был полковником А.А. Яхонтовым, назначенным шефом полка (полковой командир полковник Мейер). Полк состоял из пяти эскадронов сотенного состава и вначале принадлежал к Санкт-Петербургскому ополчению. На фронте полк оказался в начале декабря 1812 г. на Рижском направлении. Здесь он участвовал в преследовании неприятеля от Риги до Мемеля, 16 (28) декабря участвовал в ночном деле при г. Рагнит, 17 (29) дек. — в бою при д. Мелаукен, 24 дек. 1812 г. (5 янв. 1813) — в деле при селении Лаученкруг, 25 дек. 1812 г. (6 янв. 1813) — при Кёнигсберге⁷⁶.

Второй волонтерский полк — Александрийский — имел единственное отличие от «Бессмертного» полка — на форме носил вензель Александра I.

По указу императора Александра I генерал-адъютанту П.В. Голенищеву-Кутузову от 10 сентября 1812 г. был сформирован Тверской-Ямской казачий полк. Александр I повелел собрать с ямов между Вышним Волочком и Москвой «молодых и способных к казачьей службе ямщиков с их собственными лошадьми и пиками» по 200 человек с каждого яма для усиления отряда генерала Ф.Ф. Виндигероде, ведущего партизанские действия к северу от Москвы. Полк в составе 6 сотен формировался в городе Волоколамске Московской губернии. К 20 октября 1812 г. в его рядах числилось 788 человек, вооруженных пиками и саблями. Командиром полка был майор Ф.И. Бешенцов.

⁷⁶ Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М., 2004. С. 559.

В 1812 г. полк действовал в партизанском отряде Винцингероде, а в кампанию 1813 г. сражался на территории Пруссии, Герцогства Варшавского, Саксонии, Мекленбурга, в 1814 г. — на территории Франции. По свидетельствам очевидцев, «полк действовал с отличною храбростию», «находился во многих авангардных делах, употребляем был по разным военным поручениям, кои исполнял всегда с желаемым успехом», «во всех сражениях оный полк отличался особенною храбростию и ознаменовал себя усердием и ревностию к службе». После окончания кампании 1814 года полк расформирован⁷⁷.

На период Отечественной войны 1812 г. были созданы ополченческие части, которые носили название казачьих:

- В Московской губернии — 8 пеших и 1 конный;
- В Тверской губернии — 5 пеших и 1 конный;
- В Ярославской губернии — 4 пеших и 1 конный;
- Во Владимирской губернии — 6 пеших;
- В Рязанской губернии — 4 пеших и 1 конный;
- В Тульской губернии — 4 пеших и 2 конных;
- В Калужской губернии — 5 пеших и 1 конный;
- В Вятской губернии — 3 сотни конных;
- В Симбирской губернии — 1 конный;
- В Лифляндской губернии — 1 конный.

Иностранцы отметили разницу между настоящими казачьими войсками и теми, которые лишь носили это название: «Когда говорят о казаках и их деятельности в 1812, 1813 и 1814 гг., то под этим подразумеваются обыкновенно все иррегулярные части... Это смешение двух разных понятий и объясняет то различие во мнениях, которое существует о казаках, — одни превозносят их до небес, другие считают никуда негодными»⁷⁸.

Во время походов 1813—1814 гг. казаки были настолько популярны, что многие иностранные части в войсках союзников тоже называли себя «казаками».

Поляк Хлаповский, служивший в наполеоновской армии, пишет о боях у Гайнау и Лигница в 1813 г., где произошло столкновение с прусским сводным гвардейским кавалерийским полком,

⁷⁷ Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М., 2004. С. 697.

⁷⁸ Брикс Г. История конницы. Кн. 2. М., 2001. С. 249.

состоявшим из драгун, гусар, улан и казаков. Хлаповский упоминает «несколько берлинских казаков, чьи бороды длиннее, чем у донских».

Германские повстанцы, поднявшиеся в Гамбурге против французов, тоже объявили себя казаками: «Для защиты от этой угрозы они организовали местную милицию, а также совместно с другими ганзейскими городами вооружили около десяти тысяч добровольцев и разместили их в близлежащих фортификационных сооружениях и на островах, примыкающих к городу. Новое соединение сначала получило название “Войско Ганзейской Лиги”, но вскоре обрело новое имя — “Казаки Эльбы”. Рекрутированные из низших классов городского общества, сборище отъявленных бездельников и бедняков, они использовали свой счастливый шанс и сделали все возможное для того, чтобы выгода освобождения от императорских войск и наполеоновской бюрократии падала с каждым днем»⁷⁹.

Именем казаков прикрывались многочисленные мародеры, шествующие по следам армии союзников. «По мере продвижения союзных армий множество бродяг и мерзавцев, особенно пруссаков, переодевались казаками и, толкаемые надеждой на грабеж, мародерствовали, бросаясь на все, что принадлежало французской администрации. Они даже не брезговали захватом вещей, принадлежавших мирным жителям»⁸⁰.

Марбо вспоминал, что во время отступления французов из России поляки, служившие в наполеоновской армии, временами изображали из себя казаков: «Для этого они организовали банды, выбросили свои кивера и прочие военные головные уборы, надели крестьянские шапки и, ускользая с бивуаков, как только наступала ночь, объединялись и возвращались, издавая воинственные крики казаков “Ура! Ура!”. Таким образом, они сеяли ужас в умах слабых людей, многие из которых бросались в бегство, оставляя свои вещи, коляски и провизию. И тогда мнимые казаки, забрав все, что было можно, уходили прочь и еще до наступления утра возвращались во французскую колонну, где снова делались поляками, на следующую ночь вновь превращаясь в казаков»⁸¹.

⁷⁹ Делдерфилд Р. Закат империи. М., 2002. С. 28—29.

⁸⁰ Марбо Ж. Указ. соч. С. 710.

⁸¹ Там же. С. 613.

**Калмыцкие, башкирские, крымско-татарские
и другие иррегулярные полки в составе
казачьих корпусов и отрядов**

Многочисленные малые народы, вошедшие в состав России в XVII—XVIII вв., обязаны были новой Родине военной службой и в случае необходимости выставляли иррегулярные конные части.

К началу Отечественной войны 1812 г. в русской армии находились 3 Калмыцких казачьих полка. 1-й и 2-й полки из жителей калмыцких улусов Астраханской губернии, сформированные 7 апреля 1811 г., были в 3-й Западной армии. 1-м Калмыцким полком, сформированным из калмыков Большедербетовского и Малодербетовского улусов, командовал брат владельца Малодербетовского улуса Джамба-тайша Тундутов. 2-й полк за свой счет (около 100 тыс. руб.) сформировал владелец Хошеутовского улуса нойон Сербеджаб Тюмень (Тюменев). Помимо лошадей было подготовлено для перевозки грузов и сто верблюдов⁸².

3-й калмыцкий полк назывался «Ставропольским» и имел свою историю. В 1798 г. из крещеных калмык было создано Ставропольское калмыцкое войско на Оренбургской линии, на средней Волге вокруг города Ставрополь (ныне окрестности г. Тольятти). Оно составляло 1 кантон из 11 рот. Ставропольский полк из этих крещеных калмыков был сформирован 2 ноября 1803 г. В марте 1812 г. полк был направлен из Московской губернии в состав 1-й Западной армии М.Б. Барклая де Толли, где поступил в состав казачьего корпуса М.И. Платова, в составе которого участвовал в арьергардных боях и в сражении под Миром.

23 июля по приказу М.Б. Барклая-де-Толли был сформирован «летучий» отряд Ф.Ф. Винцингероде, в который, помимо Казанского драгунского и трех Донских казачьих, вошел и Ставропольский полк. Это был первый армейский партизанский отряд в 1812 г.

Калмыки носили общеказачью форму: темно-синие шаровары и полукафтан, в холодное время — казачий кафтан. Лампасы,

---

⁸² *Высочков Л.В.* «Война теперь не обыкновенная, а национальная»: народы России в Отечественной войне 1812 года // *Участие народов России в Отечественной войне 1812 года.* Элиста, 2012. С. 21.

выпуска на воротнике, обшлагах и погонах — желтые. Чепрак темно-синий без украшений. Шапка суконная, желтая, вроде уланской, обложенная по тулье черным бараньим мехом. Урядники носили на воротнике и обшлагах обкладку из серебряного галуна.

Большой иррегулярный контингент составляли башкиры. Башкиры входили в Оренбургский иррегулярный корпус, охраняли Оренбургскую линию. В 1798 г. их обязали выставлять на службу 5413 человек, по 1 от 4-х дворов. Официально башкиры числились «народом», а не войском, но прижилось название Башкиро-Мещеряцкое войско.

Первая встреча башкирских всадников с французами произошла еще в кампанию 1807 г., когда прибывшие к действующей армии башкирские команды и Ставропольский калмыцкий полк, прикрывая отступление русской армии от Фридланда, пустили «несколько сот стрел в неприятеля, изумленного невиданным оружием».

Денис Давыдов вспоминал: «В этот день, как будто для развлечення нас от неблагоприятных обстоятельств, прибыло в арьергард несколько башкирских полков, только что пришедших в армию. Вооруженные луками и стрелами, в вислоухих шапках, в каких-то кафтанах вроде халатов и на лошадях неуклюжих, малорослых и тупых, эти жалкие карикатуры удалых черкесских наездников присланы были в арьергард, — как нас уверяли тогда, — с намерением поселить в Наполеоне мысль о восстании на него всех народов, подвластных России, и тем утратить его... Я не спорю, что при вторжении в какое-либо европейское государство регулярной армии нашей... тучи уральцев, калмыков, башкирцев, ринутых в объезд и в тыл неприятельским войскам, умножат ужас вторжения. Их многолюдство, их наружность, их обычаи, их необузданность, приводя на память гуннов и Аттилу, сильно потрясут европейское воображение и, что еще не менее полезно, вместе с воображением и съестные и военные запасы противной армии»⁸³.

«Как бы то ни было, но французы и те из русских, которые впервые увидели башкирцев, встретили их единодушным сме-

⁸³ Давыдов Д.В. Указ. соч. С. 234.

хом, — достойное приветствие воинственной красотой — безобразия, просвещением — невежеством»⁸⁴.

Для внешней службы в 1811 г. были учреждены 1-й и 2-й конные пятисотенные Башкирские полки. 1-й полк находился в Отдельном казачьем корпусе атамана М.И. Платова, 2-й полк состоял в 3-й Западной армии. «В трудные месяцы отступления российской армии в первый период войны 1812 г. башкиры 1-го и 2-го полков, находясь в арьергарде и участвуя почти ежедневно в боевых столкновениях, покрыли себя неувядаемой славой»⁸⁵.

Адъютант Платова поручик Жилин при Молевом-Болоте, «командуя двумястами отборных башкирцев, которых прежде того приводил в порядок и исправление лошадьми по худобе оных, первый по приказанию генерала Платова вел с неприятелем перестрелку, а когда к неприятельскому корпусу сближались, то он, вместе с другими казачьими полками, сделал на оный сильный удар и, поступая с отличною храбростию, поощрял башкирцев к поражению, где и получил в правую ногу пулею тяжелую рану»⁸⁶.

После опубликования манифеста о созыве ополчения «с хребтов Урала двинулось в поход 23 пятисотенных полка... В полки поступило дворян, татарских князей и мурз до 400». По другим данным, в ходе войны 1812 г. было сформировано 28 башкирских полков по 500 рядовых в каждом. В командный состав входили 30 человек: командир полка, старшина, 5 есаулов, 5 сотников, 5 хорунжих, 1 квартирмейстер, 1 мулла, 1—2 писаря и 10 пятидесятников. Таким образом, общая численность сформированных полков составила 14 840 воинов⁸⁷.

Башкирские конники имели по два коня (строевой и вьючный). Традиционное оружие башкир состояло из копья, сабли, лука со стрелами, сукмара (кистень), щитов различной формы. Позднее использовалось и огнестрельное оружие. Некоторые воины перед

⁸⁴ Там же. С. 235.

⁸⁵ Рахимов Р.Н. Башкирская конница в Отечественной войне 1812 года // Участие народов России в Отечественной войне 1812 г. Материалы Всероссийской научной конференции. Элиста, 2012. С. 29

⁸⁶ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах. С. 153

⁸⁷ Выскочкова Л.В. Указ. соч. С. 20.

боем надевали шлемы, латы и кольчуги. Какой-либо уставной формы одежды в Башкирских полках не было. Воины носили национальные боевые костюмы.

Во время похода башкир увидел взятый в плен французский лейтенант Рюппель: «Несколько дней мимо нас друг за другом шли башкирские полки, которые как кавалерия представляли для меня особый интерес. В таком полку — 400—500 человек: все исключительно сильные, широкоплечие, со смуглыми монголоидными лицами, так что друг от друга их не отличить. Вооружены они были казачьими пиками, большими кожаными колчанами с луком и стрелами, также маленькой саблей. Они носили сапоги без шпор, а вместо них использовали нагайку. Голову их покрывали круглые синие шапки с меховой подбивкой, которую они, когда было очень холодно, могли опустить до самых ушей. Офицеры носили красные шапки, темно-синие меховые кафтаны, перевязь сабли и уздечка у них были украшены серебром, сбруя у них на манер казачьей. Еще я должен заметить, что во всех казацких, калмыцких и башкирских частях знаком высокого ранга является седло, искусно украшенное слоновой костью, перламутром, серебром или золотом»⁸⁸.

Видимо, поголовный призыв в ополчение сказался на боевых качествах выставленного иррегулярного контингента. Вот как воспринял башкирскую конницу профессиональный французский кавалерист — полковник Марбо: «Во время нашего пребывания на Пильницком плато неприятель, особенно русские, получил многочисленные подкрепления под командованием генерала Беннигсена. Всего он привел не менее 60 тысяч человек. Это были корпуса Дохтурова, Толстого и резервный корпус князя Лобанова. Этот резерв прибыл из мест, расположенных за Москвой, в его рядах насчитывалось очень большое количество татар и башкир, из вооружения имевших только луки со стрелами.

Я никогда не мог понять, с какой целью русское правительство привело из такой дали, ценой огромных расходов большие массы необученных всадников, не имевших ни сабель, ни пик и никакого огнестрельного оружия. Поэтому они не могли сопро-

⁸⁸ Рахимов Р.Н. Указ. соч. С. 29.

тивляться регулярным войскам и годились только на то, чтобы истощать местность и вызывать лишения и голод среди регулярных корпусов своей же армии. наших солдат совсем не устрасил вид этих полудиких азиатов, мы называли их Амурами, потому что и у тех были луки и стрелы.

Однако эти вновь прибывшие, еще незнакомые с французами, были подстрекаемы своими командирами, почти столь же невежественными, как и они сами, и ожидали, что мы обратимся в бегство при их приближении. Им не терпелось войти с нами в соприкосновение, и с самого первого дня прибытия на позиции перед нашими войсками они устремились на наших солдат бесчисленными толпами, однако везде были встречены ружейным огнем. Эти омерзительные уродливые дикари, естественно, мгновенно обратились в бегство и оставили на поле битвы большое количество убитых.

Эти потери вовсе не усмирили их пыл. Казалось, они еще больше возбудились. Двигаясь без всякого порядка, используя любые переправы, они непрерывно гарцевали вокруг нас, были похожи на осинный рой, отовсюду ускользали, и нам становилось очень трудно их догонять. Но когда нашим кавалеристам это удавалось, они безжалостно и во множестве убивали башкиров, ведь наши пики и сабли имели громадное преимущество над их стрелами. Тем не менее, поскольку атаки этих варваров не прекращались и русские поддерживали их атаки с помощью гусарских отрядов, чтобы использовать беспорядок, который могли создать башкиры в нескольких пунктах нашей линии, император приказал генералам удвоить бдительность и чаще посещать наши передовые посты.

...Мы уже собирались вернуться в Пильниц, как вдруг заметили множество башкир, мчавшихся на нас со всей скоростью, на какую только были способны их маленькие татарские лошадки. Император, который впервые видел этих экзотических воинов, остановился на холмике и попросил, чтобы постарались взять нескольких башкир в плен. Я приказал двум эскадронам моего полка спрятаться за лесочком, а остальные продолжали двигаться дальше. Эта хорошо известная хитрость не обманула бы казаков, но с башкирами она полностью удалась, поскольку они не имеют ни малейшего понятия о войне. Они прошли возле

лесочка, не послав туда на разведку хотя бы несколько человек, и продолжали преследовать нашу колонну, когда вдруг наши эскадроны внезапно атаковали их, убили многих и взяли в плен около 30 человек.

Я приказал привести их к императору. Он, рассмотрев их, выразил удивление, вызванное у него видом этих жалких конников, которых посылали, не дав им другого оружия, кроме лука и стрел, сражаться против европейских солдат, имеющих сабли, пики, ружья и пистолеты! Эти татары и башкиры выглядели как китайцы и были одеты в очень странные костюмы. Как только мы вернулись в лагерь, мои кавалеристы начали развлекаться, заставляя башкир пить вино. Пленники в восторге от такого хорошего приема, столь нового для них, очень быстро опьянели и стали выражать свою радость гримасами и прыжками, настолько необыкновенными, что гомерический хохот овладел всеми присутствующими, в том числе и самим Наполеоном!»⁸⁹.

В сражении под Лейпцигом: «...Посреди ужасной канонады и ожесточенных атак противника французы по всей линии не уступали свои позиции. Так, на левом фланге маршал Макдональд и генерал Себастьяни сохранили за собой территорию, расположенную между населенными пунктами Пробстхайда и Штеттерлиц, несмотря на многочисленные атаки австрийцев под командованием Кленау и русских под командованием Дохтурова. Внезапно напав войска, размещенные в этом пункте, были атакованы массой всадников из более чем 20 тысяч казаков и башкир. Усилия башкир в основном были направлены против кавалерийского корпуса генерала Себастьяни.

В мгновение ока эти мерзкие варвары с громкими криками окружили наши эскадроны и забросали их стрелами, которые, впрочем, не принесли нам особого вреда, потому что башкиры, не умеющие подчиняться никаким командам, не знали, как строиться в ряды, и в шуме и беспорядке двигались как стадо баранов. Из-за этого беспорядка башкирские всадники не могли стрелять горизонтально, не убивая и не ранив своих же товарищей, скакавших перед ними. Поэтому башкиры пускали свои стрелы по дуге в воздух, и стрелы при этом описывали большую

---

⁸⁹ Марбо Ж. Указ. соч. С. 660—661.

или меньшую кривую, в зависимости от того, насколько удаленным от себя лучники считали врага. Однако такой способ пускать стрелы во время боя не позволяет точно прицеливаться, поэтому $\frac{9}{10}$ стрел падают впустую, а то небольшое количество, какое достигает противника, при подъеме уже теряет почти всю силу, что сообщает стреле тетива лука. Поэтому, когда стрела попадает в цель, она имеет лишь силу собственного веса, а он совсем невелик, из-за этого стрелы обычно наносили только очень легкие ранения. И, наконец, поскольку у башкир не было никакого другого оружия, они были самой неопасной воинской частью, какая только существует в мире.

Тем не менее они налетали на нас массами, и поскольку чем больше их убивают, тем больше прилетает новых, то некоторое количество стрел, выпускаемых в воздух, все же наносило кое-какие тяжелые ранения. Так, один из самых смелых моих унтер-офицеров по фамилии Меслен был пронзен стрелой насквозь. Стрела вошла в грудь и вышла из спины! (видимо, среди башкирского ополчения были и настоящие воины. — А.В.). Бесстрашный Меслен схватил эту стрелу двумя руками, сломал ее и сам вырвал оба обломка стрелы из своего тела. Однако это не могло его спасти: он скончался через несколько мгновений. Мне кажется, это был единственный пример смерти от стрелы, пущенной башкиром. Однако среди моих людей и лошадей многие все же слегка пострадали, и даже сам я был неопасно ранен этим смелым оружием»⁹⁰.

Составной частью башкирской конницы были мещеряки. Мещеряки (мишари) традиционно проживали на Мещерской низменности в бассейне Оки. С 1798 г. мещеряки, поселившиеся на башкирских землях Оренбургской губернии, были переведены в военное сословие. На начало XIX в. 5 кантонов мещеряков (4702 двора) должны были выставлять 1103 всадников. В 1812 г. из их числа было сформировано 2 полка. Один из них — 2-й — в 1813 г. участвовал в осаде крепости Глогау.

Третий иррегулярный контингент составляли крымские татары. «Законодательным актом от 24 января 1808 г. из крымских татар были сформированы конные полки: Симферопольский, Пе-

⁹⁰ Марбо Ж. Указ. соч. С. 673—674.

рекопский, Евпаторийский и Феодосийский. Они были построены по примеру донских казачьих полков. Военнослужащие были одеты по казачьему образцу, но носили татарские шапки. Часть воинов была вооружена пиками, пистолетами, ружьями и саблями, а часть имела только пики, ножи и кулюки. Кулюк-балта — старинное татарское оружие наподобие кирки с короткой ручкой, у которой с одной стороны закругленная головка вроде молотка, с другой — заостренный нос журавля. Это оружие часто бросали в противника на тонком волосяном канате». После начала боевых действий в Отечественную войну 1812 г. крымско-татарские полки принимали участие во всех боях и сражениях в корпусе войскового атамана Платова⁹¹.

---

⁹¹ *Высочков Л.В.* Указ. соч. С. 20—21.

ДОНСКИЕ КАЗАКИ В БОЮ И В ПОХОДЕ

Профессиональный военный, немец на русской службе, командовавший русской армией в войне против Наполеона в 1806—1807 гг., Л.Л. Беннигсен дал краткую, но емкую картину действий казаков на войне: «Казак предохраняют отряды от внезапных нападений, они доставляют сведения о движении неприятельских войск в отдаленном еще расстоянии, с величайшим искусством захватывают в плен всякий раз, когда ощущается необходимость в пленных, чтобы получить какие-либо сведения; ловко перехватывают неприятельские депеши, нередко весьма важные; утомляют набегам неприятельские войска; изнуряют его кавалерию постоянными тревогами, которые они причиняют, а также тою деятельностью, осмотрительностью, бдительностью и бодрствованием, с которыми неприятельская кавалерия обязана отправлять постоянно свою службу, чтобы не быть захваченными врасплох казаками. Кроме того, они пользуются малейшей оплошностью неприятеля и немедленно заставляют его в том расквашаться»⁹².

Задачи казачьих войск были давно известны и опробованы во всех войнах России и, тем не менее они еще раз были сформулированы Барклаем де Толли в предписании М.И. Платову от 1 июня 1812 г.:

«По начатии военных действий исполнять в точности следующее:

- а) беспокоить неприятеля денно и ночью;

---

⁹² Цит. по: Анисимов Е. Багратион. М., 2009. С. 269.

б) действовать ему в тыл и во фланги, стараться овладеть его транспортом и истреблять в тылу неприятельском все, что только может споспешествовать его действиям, особливо гошпитали;

в) отнимать у неприятеля все способы к продовольствию и перевозке нужных для него потребностей, сжигать и истреблять мосты, суда, магазейны и запасы и увезти или уничтожить всякую упряжь и повозки, жителям же оставлять только нужное для их прокормления.

...Фланги и тыл неприятельские должны быть главнейшими предметами Ваших стремлений. Слабого неприятеля бить, а сильного беспокоить всеми средствами, наблюдая в сем последнем случае, дабы от превосходства сил неприятельских не повергаться неудачам»⁹³.

Для выполнения возлагаемых задач казаки располагали всем необходимым.

Донское казачье оружие (пика, сабля, пашка, лук и стрелы, ружье, пистолет) и техника его применения

Донские казаки, как воинское сообщество, имели особую тягу к оружию. Оружие было предметом гордости и даже поклонения. «На первом плане среди оружия стояла сабля. Ценные сабли были с золотою насечкою, с серебряными, вызолоченными оправами, с бирюзью и другими драгоценными камнями; “черены” — рыбьей кости или яшмовые, черепаховые, у более простых сабель роговые и костяные; ножны хозовые и сафьянные в серебре, золоте, усыпанные “самоцветными камнями”, иногда бархатные расшитые галунами; более простые оправлялись медью часто серебрившейся. Щеголяли казаки и пистолетными ольстрами-чушками (кобурами), отвороты которых по сафьяну или сукну расшивались золотом, серебром или шелками. Клинки шашек, сабель и кинжалов были большей частью турецкие, персидские — булатные. Огнестрельное оружие пистолеты и ружья — работы немецкой, швейской и турецкой, — особенно славились винтовки-“турки”. Это оружие тоже бывало богато украшенным в серебре, стволы в золотой насечке, а приклады выложены костью, металлическими гвоздиками и перламутром»⁹⁴.

⁹³ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии в 1813—1814 гг. С. 40.

⁹⁴ Хрещатицкий Б.Р. Указ. соч. С. 24.

Как видно из приведенного отрывка, относящегося, судя по всему, к XVII—XVIII вв., все имевшееся у казаков оружие было либо трофейное, либо купленное. Сами казаки оружия не производили. В Войске готовились только пики, наиболее примитивное и наиболее массовое у казаков оружие. В 1812 г. при сборе ополчения было принято решение «приказать станичным правителям, найдя пильщиков и столяров или плотников, делать ратавья (древки. — *А.В.*), а в кузницах готовить дротики (наконечники пик. — *А.В.*), каковыми и снабдить каждого, кто не имеет у себя оных с тем, чтобы ни один не мог остаться без оружия, а затем остатки хранить за присмотром станичных правителей», и в городе Новочеркасске «велеть комиссии здешней об устройении города, найдя пильщиков и столяров, делать ратовья, а полиции готовить в кузницах дротики»⁹⁵. Как видим, даже такое простейшее оружие делали не сами казаки, а специально найденные «пильщики, столяры и плотники».

Зато казаки владели (могли драться) практически любым оружием. Так, А.К. Денисов, вызывая П.И. Багратиона на дуэль, предложил ему, «чтобы он удовлетворил меня, и непременно, на каком оружии он хочет, кроме шпаги, которой я не разумею»⁹⁶.

Формально к 1812 г. вооружение донского казака состояло из:
 пики с древком, выкрашенным в красный цвет, без флюгера (значка) с темляком в виде ремня из красной юфти с кистью на конце;

сабли произвольной формы с темляком из красной юфти с красной кожаной кисточкой на конце;

пистолета в кобуре на поясной портупее;

ружья (разных образцов).

Некоторые казаки (особенно из ополченцев) не имели ружей или пистолетов и были вооружены только саблями и пиками, либо только пиками.

Урядники и офицеры имели на вооружении саблю и пару пистолетов.

Наиболее массовым и широко используемым оружием была пика (которую казаки называли «дротиком»). Даже на стены

⁹⁵ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах. С. 135—136.

⁹⁶ Записки донского атамана Денисова. С. 110.

Измаила казачьи полки полезли пешими с укороченными дротиками⁹⁷.

Как писал Д. Денисов в «Истории конницы», «казаки вначале были вооружены пиками, составлявшими их главное оружие, шашками и пистолетами»⁹⁸.

Пикой (дротиком) на войне были вооружены все казаки вплоть до командиров полков. А.К. Денисов описывал, как, будучи полковым командиром, он впервые попал в генеральное сражение: «Весь полк с отменной храбростью лавою ударил в скачущего неприятеля, опрокинул и погнал; я неразлучно был с ними и, в глазах многих, убил дротиком одного турчина... Мне дали дротик, и я поскакал вперед. Турки оправились, погнали нас, а после опять казаки их опрокинули. Счастье переменалось раза три... Я убил еще двух турок, из которых видел одного в сильных конвульсиях, боровшегося со смертью. С сего времени (я) весьма возненавидел дротик и уже никогда не имел его во время сражений»⁹⁹.

Пика была своеобразным оружием, и чтобы пользоваться ею, необходим был, по мнению П.И. Багратиона, ряд условий: «Что же касается до пики, то надобно уметь чрезвычайно ловко владеть ею, чтобы она была полезна: в противном случае она только спутает кавалериста. Для наших казаков нет другого оружия, кроме пики, потому что это лучшее оружие в погоне за неприятелем. Но в свалке, как обыкновенно действует кавалерия, сабля или палаш лучше». Полковник Кнорринг, с длинными рыжими усами (Конно-татарского полка, одетого и вооруженного по-улански), доказывал пользу пик для легкой кавалерии. «Ваши татары почти те же казаки, — сказал Багратион. — Но все же для полезного действия пикой надобно быть одетым как можно легче и удобнее, без затяжки и натяжки, одетым, как наши бесцеремонные казаки»¹⁰⁰.

«Русские казаки предпочитали длинную пиху, и их оружие могло достигать 4 м»¹⁰¹.

⁹⁷ Записки донского атамана Денисова. С. 49.

⁹⁸ Денисов Д. История конницы. Кн. I. М., 2001. С. 349.

⁹⁹ Записки донского атамана Денисова. С. 46—47.

¹⁰⁰ Цит. по: Анисимов Е. Багратион. М., 2009. С. 270—271.

¹⁰¹ Роберт Брюс, Йен Дики... Указ. соч. С. 122.

Длину пики в Лейб-гвардии казачьем полку французы определяли в 14 футов. «Парижский фут» равен 0,325 м. То есть, пики были 4,55 м длины.

Удар пикой наносился в поясницу, если били сзади, или в пах, если били спереди, т.е. туда, где всаднику, сидящему на коне, невозможно увернуться. Денис Давыдов вспоминал одного пленного французского офицера: «Несколько сабельных ран по голове и по рукам не столько его беспокоили, сколько мучила его рана пикой в пах, глубокая и смертельная»¹⁰².

Удар, усиленный скоростью скачущей лошади (причем пика для силы и неотразимости удара зачастую направлялась двумя руками, как это тысячелетия назад делали сарматы и парфяне), при встречном движении пронзал человека насквозь. Фактически пика без значка (флюгера), который мог бы препятствовать проникновению древка в тело, была оружием одного удара.

Практически через век (в 1904 г.) иностранцы, видевшие казаков в бою, отмечали: «Казак пользуется в атаке пикой, грозным оружием, с помощью которого он колет противника; обычно он оставляет пику в жертве и продолжает действовать своей саблей»¹⁰³.

Пример владения пикой находим в воспоминаниях казака-участника сражения под Лейпцигом, опубликованные Б.Р. Хрещатицким: «Вывался я это из фронта и несусь. Генерал также увидел меня и повернул навстречу. Весь он закован в латы, так и сверкает весь медью и сталью, а в руках громадный палашище. Смекнул я, что противник-то мой — не новичок в нашем деле: вдет коня — прямо, в разрез, да так и норовит ударить грудью его в бок моего мерина. Ну а ударь он, так я бы со своим масштаком-то раза три перевернулся бы кубарем. Вижу, так будет не ладно. Надо слукавить... Мерин был у меня добрый, из отцовского дома, голоса моего слушал. Чуть только поравнялся я с французом, метнул коня в сторону, да как крикну: тпру! Он и уперся всеми четырьмя ногами. Отнес я пику в сторону, да как махну ею наотмашь — прямо угодил в генеральское брюхо, так и просадил его насквозь...»¹⁰⁴

¹⁰² Давыдов Д.В. Указ. соч. С. 228.

¹⁰³ Иван де Шакк. Картины из прошлого. Нальчик. 2012. С. 81.

¹⁰⁴ Хрещатицкий Б.Р. Указ. соч. С. 385.

«Противоядие» от удара пикой найти было трудно. Судя по воспоминаниям Марбо, защитой служила скатка, одеваемая через плечо. Вспоминая бой под Вахау, Марбо писал: «Я потерял нескольких человек, и мой первый эскадронный начальник г-н Позак был ранен ударом копыя в грудь, потому что не счел нужным защитить ее, как это требовали правила, скаткой из кавалерийского плаща»¹⁰⁵.

Не менее смертоносным оружием в руках казаков была сабля. А.К. Денисов описывает столкновение между татарским воином, муллой, «как видно по одеянию», вооруженным пикой (дротиком), и казачьим офицером Ф.П. Денисовым, дядей рассказчика: «Не оставляя из виду Денисова, мулла заскакал несколько вперед и пустился на него. Тогда Денисов, отпарировав дротик саблею, снизу поднял [ее] несколько выше себя и одним замахом в смерть срубил татарина»¹⁰⁶. То есть описано виртуозное владение саблей, когда парирующий удар превращается в разящий.

Казачьи предпочитали трофейные восточные сабли. Как вспоминал А.К. Денисов, «мой клинок был лучшего турецкого железа, весьма крепкий»¹⁰⁷. Но по мере увеличения количества казаков (1,5 тысячи в начале XVII века и 50 тысяч строевых в начале XIX века) трофейных сабель явно не хватало.

М.И. Платов рапортовал М.И. Кутузову 19 декабря 1812 г.: «Поручил я ему, князю Касаткину, таковую покупку произвести... в Туле — казачьих сабель...»¹⁰⁸.

Судя по отчетности 1814 г., составленной, когда казаки уже возвращались из похода в Европу, в Тептярском полку, в котором тептяри служили «по казачьему обряду», казенные сабли выдавались казакам на период службы — «Воинское оружие в полках в исправности, во 2-м же Тептярском сабли приняты из комиссариата старые»¹⁰⁹.

Саблей действовали, как и пикой, в движении; наносили удар и уходили. Образец можно встретить в воспоминаниях генерала

¹⁰⁵ Марбо Ж. Указ. соч. С. 669.

¹⁰⁶ Записки донского атамана Денисова. С. 19.

¹⁰⁷ Там же. С.67.

¹⁰⁸ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии 1813—1814 гг. С. 312—313.

¹⁰⁹ Там же. С. 557—558.

Марбо, когда он описывал бой под Полоцком: «В этот день я потерял убитыми всего восемь или девять человек, около тридцати были ранены, но в числе этих последних был начальник эскадрона Фонтен. Этот замечательный, смелый офицер был в самых опасных местах боя, когда под ним убили лошадь. Ноги г-на Фонтена запутались в стременах. Он пытался освободиться с помощью нескольких егерей, пришедших ему на помощь, как вдруг проклятый казачий офицер, пролетая галопом мимо этой группы, ловко наклонился в седле и нанес Фонтену ужасный удар саблей, выбил ему глаз, задел другой глаз и разрубил нос! Но в тот момент, как этот русский офицер, гордый своим подвигом, уже удалялся, один из наших солдат прицелился в него с шести шагов из пистолета и убил его, отомстив, таким образом, за своего командира!»¹¹⁰

Интересна проблема с шашками, которые в начале XX века считались и до настоящего времени считаются традиционным казачьим оружием.

Шашки в начале XIX века на Дону, естественно, были лишь трофейные. Массовое применение их относится ко второй половине XIX века. Тогда на Дону появляются шашки златоустовские и золингеновские.

Трофейные шашки начала XIX века, как и пики, были оружием одного удара. Отсутствие гарды, прикрывающей вооруженную руку, не позволяло шашкой фехтовать, любой скользящий удар лезвием по лезвию грозил владельцу шашки потерей пальцев. Отсюда предполагалось нанесение одного удара — первого и последнего — по противнику и немедленный выход из боя, так как отбивать удары шашкой было невозможно или, по крайней мере, опасно для ее владельца.

Луки у казаков были, естественно, трофейные, татарские или ногайские. Нет упоминаний, что в 1812 г. казаки пользовались луками. Возможно, луками была вооружена какая-то часть донских калмыков. Но есть сведения, что лично М.И. Платов в 1807 г., во время свидания Наполеона и Александра I в Тильзите, демонстрировал французам стрельбу из лука в цель со скачущей лошади. Кроме того, луки упоминаются как тренировочное оружие у донских подростков в первой четверти XIX в.

¹¹⁰ Марбо Ж. Указ. соч. С. 560.

Татарские луки веками делались сложносоставными, клееными, сочетающимися в себе детали из дерева, рога, сухожилий. Размер их колебался от 90 сантиметров до 1,4 метра. Носился лук в специальном налучье в ненатянутом виде. Тетива натягивалась непосредственно перед боем. Сила натяжения лука колебалась от 60 до 80 кг.

Стрелы делились на легкие с маленьким острым наконечником для стрельбы на дальние расстояния и на тяжелые с широким плоским наконечником для стрельбы по близкой цели. Длина стрелы определялась тем, чтобы в момент натяжения стрелком тетивы наконечник стрелы оставался на середине лука. Стрелы носились в колчане наконечником вверх, чтобы воин на ощупь мог выбрать стрелу для нужной ему цели.

Для стрельбы лук брали в левую руку за середину или «руко-меть» пальцами в обхват. Стрелу ставили поверх пальцев левой руки, ушком упирали в тетиву, удерживая тетиву пальцами правой руки. Натягивали лук, отводя правую руку с ушком стрелы так, что рука с тетивой оказывалась дальше правого уха стрелявшего. Такой выстрел на расстоянии ста метров пронзал человека насквозь. Но зачастую в бою стрельба велась навесная, «по площадям», и тетива натягивалась до плеча или даже до середины груди стрелявшего. Неприятной особенностью было то, что в момент выстрела тетива сильно била по левой руке стрелка (по большому пальцу левой руки), и необходимы были приспособления для защиты кисти.

Описать казачьи ружья и пистолеты довольно трудно, так как они к 1812 г. были самого разного происхождения.

Ружья встречались не часто. По воспоминаниям А.К. Денисова, в 1807 г. в трех казачьих полках, оказавшихся под его командой, насчитывалось всего 150 человек с ружьями¹¹¹. Дальнобойность ружья в начале XIX века составляла около 200 метров, но обычно действительный огонь из них велся на дистанции 70—100 метров.

Пистолеты имели почти все казаки. Поляк Хлаповский, служивший в наполеоновской армии, отмечал, что у казаков «древние пистолеты» (видимо, трофейные, передававшиеся из поколения в поколение). Обычно считалось, что наверняка поразить человека из пистолета можно с 30 шагов, но казаки старались стрелять в упор, чуть ли не приставляя дуло к противнику.

¹¹¹ Записки донского атамана Денисова. С. 156.

В отличие от регулярной кавалерии, пистолеты казаков носились на поясном ремне, а не на седле¹¹².

Судя по отчетности 1814 г., запас боеприпасов в полку был общий — «Боевые патроны в полках имеются, кроме Семфинопольского татарского, в котором за выстрелением в последних делах при Данциге комплекта нет»¹¹³.

Донская лошадь

Увидев казаков в Европе, иностранцы отметили: «Лошади их малого роста, но быстрые, выносливые и неприхотливые»¹¹⁴.

Кавалерист-девица Надежда Дурова, попав на Дон, охарактеризовала донскую лошадь совсем кратко — «тощие скакуны Дона»¹¹⁵.

Лошади, как и оружие, изначально были у казаков трофейные, местного происхождения, отбитые у татар и ногайцев. У степных жителей к тому времени сложился особый степной тип лошади, которая существовала в суровых условиях табунного содержания и улучшалась естественным отбором. Лошадей, проявивших выносливость в походах или резвость в скачках, использовали в качестве племенного материала.

«С начала XVIII века, после того как на Дон докатилась волна передвигающихся с востока на запад калмыков, — писал крупный специалист по коневодству А.Ф. Басов, — положение в коневодстве начало резко меняться. Калмыки привели с собой огромное количество лошадей монгольской породы. Такой поток прежде всего увеличил общее количество конского поголовья на Дону и одновременно придал ему определенный тип. Монгольская (калмыцкая) лошадь и послужила тем фундаментом, на основе которого создавалась донская лошадь»¹¹⁶.

---

¹¹² Денисон Д. История конницы. Кн. 1. М., 2001. С. 349.

¹¹³ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и зарубежных походах. С. 557.

¹¹⁴ Денисон Д. Указ. соч. С. 349.

¹¹⁵ Дурова Н.А. Указ. соч. С. 46.

¹¹⁶ Цит. по: Максимов К.Н., Очиров У.Б. Калмыки в наполеоновских войнах. Элиста. 2012. С. 162.

Донская лошадь с момента рождения проходила школу закалки в табунах. Все поголовье круглый год, кроме нескольких зимних месяцев, находилось под открытым небом на выпасе. Летом переносило после зной и иссушающие ветры, от которых степь выгорала. А зимой мучилось от голода, если из-за плотной ледяной корки не могло добыть занесенную снегом сухую траву.

Словарь Брокгауза и Ефрона дает следующее описание донской лошади XIX века: «Казачья лошадь характеризуется горбатой головой, тонкой и длинной шеей, прямой и сильной спиной, глубокой подпругой, длинными и сухими ногами и вообще тощим складом тела и небольшим ростом (редко выше 2 арш. П в. — 151 см); масть преимущественно бурая, караковая и рыжая, реже серая или гнедая. Она отличается неутомимостью, выносливостью и неприхотливостью к условиям содержания, остротой зрения и дальновзоркостью, дикостью нрава и быстротой хода (6 вер. в 9 мин и 13 вер. — в 18 мин)».

Казачи считали, что донская лошадь, как и человек, обладает особым характером. Она памятьлива, характер у нее твердый, горячий, первое время — недоверчивый. Конь в плечах не широк, в крестцах достаточно просторен, подпруга глубокая, но не круторебрая, живот подобран, спина прямая. Конь должен быть «неутробист».

Бедро и стегно у донского коня длинны и выпрямлены. Копыта твердые. Ноги высокие, прямые, крепкие, сухие. Мах редок, но широк.

Конь обычно спокоен. Пугливые среди донских лошадей — редкость.

В деле эта лошадь гибкая и ловкая, смело идет на любые препятствия. Способна совершать большие переходы.

При хорошем уходе донская лошадь могла служить до 20 лет.

С конца XVIII века на Дону возникают частные конные заводы (Платова, Мартынова, Иловайских и др.), которые улучшают сложившуюся породу, добавляя в нее кровь лучших персидских и карабахских лошадей. Так в течение XIX века сложилась новая донская порода, сохранившая скорость, выносливость и неприхотливость и приобретающая изящество форм. Та донская порода, которую мы знаем сейчас.

Но перед 1812 г. большинство донских коней были «тощими и неприглядными».

В 1810 г. на территории Войска Донского числилось 153 899 лошадей (в том числе у калмыков — 17 800). То есть примерно по три лошади на одного боеспособного казака.

В XVIII—XIX вв. сложилось и особое отношение казаков к своим коням, сохранившееся до XX в.

Уже в XX в. И. Бабель, увидев казаков в 1-й конной армии Буденного, отметил в своем дневнике: «Великолепное товарищество, спаянность, любовь к лошадям, лошадь занимает ¼ дня, бесконечные мены и разговоры. Роль и жизнь лошади»¹¹⁷.

«Я понял, что такое лошадь для казака и кавалериста, — писал И. Бабель. — Спешенные всадники на пыльных горячих дорогах, седла в руках, спят как убитые на чужих подводах, везде гниют лошади, разговоры только о лошадях, обычай мены, азарт, лошади мученики, лошади страдальцы, об них — эпопея, сам проникся этим чувством — каждый переход больно за лошадь»¹¹⁸.

Любовь к лошади складывалась следующим образом: в 3—4 года дети садились на отцовского коня, водили его в ночное, где постоянно устраивались состязания в ловкости и силе; в 14 лет подростку покупали собственного коня-двулетка, которого предстояло «наезживать», учить. Конь и казак росли вместе, и порой казалось, что конь знает, о чем думает казак, а тот знает, о чем думает конь.

Эти практически родственные чувства заметил И. Бабель: «Лошадь это все. Имена: Степан, Миша, братишка, старуха. Лошадь — спаситель, это чувствует каждую минуту, однако избить может нечеловечески»¹¹⁹.

А.К. Денисов вспоминал, что донские казаки «очень хорошо управлялись» со злыми неукми¹²⁰.

При выступлении на службу к лошадям предъявляли определенные требования. Так, для Лейб-гвардии казачьего полка офи-

¹¹⁷ Конармейский дневник 1920 года // Бабель И. Конармия. Рассказы, дневники, публицистика. М., 1990. С. 137.

¹¹⁸ Там же. С. 187.

¹¹⁹ Там же. С. 190.

¹²⁰ Записки донского атамана Денисова. С. 40.

церу Чеботареву было поручено купить в Черкасске конское снаряжение и было указано купить «совершенно годных к службе соответственных полку здоровых добротных и хороших статей 100 лошадей начиная с 4-хъ не старше 8-ми лет и не ниже мерою 2 аршина 1 вершок»¹²¹. Как видим, даже для гвардейского полка подбирались лошади не ниже 147 см роста.

Для ополчения 1812 г. нормы были снижены. Дворянское собрание постановило собрать для него лошадей, «каковые лошади должны быть не моложе 4 и не старше 12 лет, притом не увечные и не неуки, а здоровые и способные к верховой езде. Причем позволяется давать и кобыл»¹²².

Впрочем, казаки не гнушались лошадьми и других пород. Черкесский конь у командира казачьего полка был отмечен Н. Дуровой¹²³.

М.И. Платов рапортовал М.И. Кутузову 19 декабря 1812 г.: «Поручил я ему, князю Касаткину, таковую покупку произвести из Воронежской губернии и других мест[остей] легких и способных к казачьей службе лошадей...»¹²⁴

В 1920 г. казаки Буденного охотно пересели на трофейных польских лошадей. Как записал Бабель: «...Бахтурову выбирает лошадь из польских, нынче все ездят на польских, великолепные кони, узкогрудые, высокие, английские, рыжие кони, этого не забыть... О польских лошадях, об эскадронах, скачущих в пыли на высоких, золотистых, узкогрудых польских конях»¹²⁵.

Конское убранство тоже было объектом пристального внимания казаков. «Седла для казаков составляли предмет не меньшей заботы, чем оружие, — писал Б.Р. Хрещатицкий, — они были преимущественно восточные: черкесские, турецкие, персидские, татарские, венгерские и иногда польские. Самое седло, арчак, бывало или вовсе без оправы, или "писано по дереву золотом", или

¹²¹ Хрещатицкий Б.Р. Указ. соч. С. 275.

¹²² Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии 1813—1814 гг. С. 142.

¹²³ Дурова Н.А. Указ. соч. С. 45.

¹²⁴ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии 1813—1814 гг. С. 312—313.

¹²⁵ Конармейский дневник 1920 года. С. 170.

крыто ящером, в серебре, с бирюзой или разукрашено — “выложено” серебряными с чернью “штуками” и т.п. Седельные подушки крылись красным, зеленым, гвоздичным бархатом, сафьяном, сукном, шитыми шелками, золотом и серебром. Крылья, тебенки из того же материала, как и подушки. Потники покрывались сафьяном или бархатом, вышивались по углам, а иногда даже обкладывались немецким кружевом “золото с серебром”. Для покрытия седел употреблялись “суконные платы” — чепраки, шитые по углам золотом, серебром, шелками, или сафьянные “помереженные” галунами, или из какой-либо красивой звериной шкуры, напр., барсовой. Узды, пахвы и подперся-“оправные” серебряные, золоченые “болванчатые”. Попоны “красные греческие” или “черкесские, что называются коцы”. Конечно, это наиболее богатые, роскошные уборы, — были и простые монгольские арчаки с какой-нибудь войлочной подкидкой, простого сыромятного ремня — на узелках уздечки и т.д. Все дело случая, дело удачи, что кому в добычу досталось»¹²⁶.

С введением единой формы одежды изменились и требования к конскому убранству. Конское снаряжение казачьего образца представляло собой — «чепрак и подушка темно-синие с красной обкладкой по краю».

И еще одно обстоятельство отметили иностранцы, отличающее казаков от регулярной кавалерии: «Казак не имеет шпор, а вместо того нагайку»¹²⁷.

Боевые порядки (лава)

Навыки кавалерийской службы казаки, видимо, получили в войске Московского государства. Практически все очевидцы-иностранцы находили, что конница московских царей очень сильно напоминает татарскую. Эти навыки были усовершенствованы в постоянных стычках с крымскими татарами и ногайцами, на чьей территории казаки и поселились в XVI в., вклинились между татарами и ногайцами.

Боевые порядки казаков определялись всем их образом жизни и системой воспитания.

---

¹²⁶ Хрецицкий Б.Р. Указ. соч. С. 24—25.

¹²⁷ Денисон Д. Указ. соч. С. 349.

На раннем этапе становления казачества, когда на Дону еще не было женщин, любой вступивший в казачье сообщество поступал в один из отрядов — станиц. Станицы в свою очередь делились на односумства, каждое численностью от 10 до 20 человек. Члены односумства большую часть времени проводили вместе и имели общее имущество, хранившееся в одной суме¹²⁸.

Запорожцы, в свою очередь, по такому же принципу делились по «казанам», от общего котла (казана), из которого они питались. Интересно, что котел был символом и у турецких янычар.

Естественно, общие условия жизни и общее имущество служили сплочению бойцов.

В более поздний период сплочению служило то, что в одну сотню попадали люди, знающие друг друга с детства, вместе учившиеся и вместе игравшие в войну. Они также делились на десятки и также называли себя «односумами». Их спайка усиливалась традицией побратимства.

Эту традицию побратимства описал М. Харузин: «...редкий казак не имеет названного брата, с которым он и заключал союз на жизнь и на смерть. Были случаи, что под одним из братьев во время сражения с неприятелем убивали коня: другой его не покидал, брал к себе на коня, а если этого сделать было нельзя, то сам спешивался и разделял вполне участь брата. Когда один из братьев попадал в плен к неприятелю, то другой всевозможные меры изыскивал, чтобы выручить его»¹²⁹.

А. К. Денисов, описывая трех казаков своего полка, говорит: «Они были разных станиц и артелей, но во время боя — рады умереть друг за друга, и ежели один из них скачет, — что при экзерцициях врассыпную часто случалось, — на неприятеля или находится в опасности, тогда другие, забывая себя, стремятся к своему товарищу»¹³⁰.

И главное в боевом порядке донских казаков была не форма построения — врассыпную стоят казаки или в шеренге, клином

¹²⁸ Сизякин Е. Древний быт донских казаков. Новочеркасск, 1888. С. 5.

¹²⁹ Харузин М. Сведения о казацких общинах на Дону. Материалы для обычного права. Вып. I. М., 1885. С. 81—82.

¹³⁰ Записки донского атамана Денисова. С. 61.

или в колонне, — а то, что плечом к плечу стояли разбитые на звенья побратимы, понимающие друг друга с одного взгляда и готовые погибнуть друг за друга. А форму построения они очень быстро составляли любую.

Как вспоминал А.К. Денисов, обычно казаки выстраивались «в одну линию казачью, несколько редко, что и необходимо нужно было, дабы действовать дротиком, а с тем вместе и безопаснее людям»¹³¹. Это построение носило название «лава». Лава представляла собой рассыпной строй с несколько выдвинутыми вперед флангами — «крылышками» — и небольшим резервом позади — «маяком».

Впечатление создавалось, что казаки в россыпи, в беспорядке, но наметанный глаз мог определить звенья по 10—12 человек. Это и были так называемые «односумы», имевшие в походе общее военное имущество (котлы, например), знавшие друг друга с малых лет и без слов понимавшие. Им предстояло после службы возвращаться в одну и ту же станицу, где каждого и за каждого спросят. Между собой они, родственники и друзья, соревновались в лихости и доблести, но знали, кто из них первый рубака, и, если надо, он шел напролом, уверенный, что односумы ему тыл и бока прикроют. А если увязнут и край подступит, то от резерва — «маяка» — прискачут первые из первых, отцы и дядьки, ветераны службы, вырвут молодых их вражьи рук, собой заслонят.

Даст командир знак, и сомкнутся звенья, пойдут стеной, даст — и рассыплется, облепят или схлынут, рассеются, а надо — слева, справа, наперехват и как угодно звеньями по очереди или вместе налетят. Командир играл ими, как пальцами по клавишам.

Постоянно при перестроении они ломали ряды и сразу же восстанавливали боевой порядок, поскольку в установлении боевого порядка участвовал каждый и каждый учитывал изменение ситуации на поле боя. «Как казаки не знают регулярных правил, то всегда такие обороты делают в смешанном виде — что другим кажется странно и неумело, но для казаков очень хорошо и даже нужно», — отмечал А.К. Денисов¹³².

---

¹³¹ Записки донского атамана Денисова. С. 124.

¹³² Там же. С. 94.

Важнейшей характеристикой лавы и лобого казачьего строя было постоянное движение и постоянные перестроения. Французский капитан Баррэ впервые увидел казаков в сентябре 1813 г. «Как сплоченно они двигались и как быстро они исчезли», — с наслаждением вспоминал он даже спустя годы¹³³.

«Маяк», состоявший из десятка самых лучших казаков сотни, был самой статичной частью построения. К нему возвращались казаки после атаки (отсюда и название).

Наиболее подвижными были «крылышки» — лучшие казаки, собранные на флангах построения. Именно они всегда пытались охватить фланги противника или выезжали на поединки, когда противник сам рассыпался и выказывал желание подраться «один на один» — фланкировал.

Фланкеры, «которые по казачьему называются крылышками», — охарактеризовал их А.К. Денисов¹³⁴.

Естественно, самоутвердиться в таком сообществе, как донские казаки, можно было лишь через победы в единоборствах.

Е. Кательников, описывая события XVIII в., свидетельствует, что лучшие единоборцы носили название «царских слуг» и ради этого почетного названия отказывались от всех наград и производств. «Они имели крылышников своих из охотников, на сражениях всегда отделялись на крыло и выезжали на перепалки»¹³⁵.

Возможно, слова «крылышки» и «крылышки» являются искаженным восприятием друг друга, и вопрос здесь — что первично?

Рассыпаясь и растягиваясь в лаве, казаки тем самым заставляли противника тоже растягиваться, терять строй. А.К. Денисов вспоминал, что в одном из боев «приказал казакам занимать пространнее поле, дабы неприятеля растянуть», заставить его расстроить ряды¹³⁶.

При необходимости казаки быстро научились заменять лаву сомкнутым строем, необходимым для таранного удара. «В начале войны они не умели делать сомкнутых атак подобно прочим

¹³³ Делдерфилд Р. Указ. соч. С. 160—161.

¹³⁴ Записки донского атамана Денисова. С. 65.

¹³⁵ Кательников Е. Исторические сведения о Верхне-Курмойрской станции, составленные из сказаний старожилов и собственных примечаний, 1818 года декабря 31 дня. Новочеркасск, 1886. С. 31.

¹³⁶ Записки донского атамана Денисова. С. 18.

конницам; они атаковали обыкновенно в разомкнутом строю, или лавой, с громким криком, причем каждый намечал себе заранее противника (выделено мной. — *А.В.*).

Позднее, в течение кампании, они прониклись большей дисциплиной и порядком и научились сомкнутым атакам, которые производились ими очень смело и нередко с успехом против французской регулярной конницы и даже против пехотных каре»¹³⁷.

Кстати, проникнув 13 октября 1812 г. в тыл французов, казаки двигались в таких порядках, что сам Наполеон и его свита приняли их за своих: «Так как они были порядочно построены, то мы приняли их за французскую кавалерию», — вспоминал генерал Рапп¹³⁸.

И тем не менее традиционным для казаков считался все-таки рассыпной строй. «Для атак разомкнутым строем нет лучшего примера для подражания, чем действия турок и казаков», — писал известный военный теоретик Жомини¹³⁹.

Казаки и разведка

Казаков всегда называли — «глаза и уши армии». Но было бы неверно сводить их функции только к «освещению местности», «подглядыванию и подслушиванию». Разведку казаки организовали и вели на самом высоком уровне.

«Есть четыре способа получения информации об операциях противника, — писал Жомини. — Первый — это хорошо организованная система шпионажа; второй состоит в рекогносцировке, проводимой опытными офицерами и легкими отрядами; третий — в допросе военнопленных; четвертый — в том, чтобы строить гипотезы и версии... Есть также и пятый способ, состоящий в подаче сигналов. Хотя он используется, скорее чтобы указать присутствие противника, чем для того, чтобы прийти к заключению в отношении его планов, он может быть отнесен к той же категории, что и другие способы»¹⁴⁰.

---

¹³⁷ Денисон Д. Указ. соч. С. 349.

¹³⁸ Давыдов Д.В. Указ. соч. С. 305.

¹³⁹ Жомини Г. Стратегия и тактика в военном искусстве. М., 2009. С. 322.

¹⁴⁰ Там же. С. 283.

Систематическая разведка, проводимая казаками, включала в себя все указанные военным теоретиком способы.

Сам Платов занимался агентурной разведкой, «организованной системой шпионажа». Вот ряд донесений М.И. Платова по поводу действий одного из его агентов. М.И. Платов П.В. Чичагову 11 (23) декабря 1812 г.: «А для вернейшаго разведания обо всем послан от меня находящийся при мне квартирмейстерской части капитан Тарасов до местечка Верболена, коему приказал я послать отто[ль] к стороне Кёнигсберга верного человека из евреев, дав ему за труды и обстоятельное разведание назначенные мною золотую монетою денег»¹⁴¹.

13 (25) декабря М.И. Платов М.И. Кутузову: «Еврей сей доставил дост[оверное] сведение, что в городе Инстенбурге и селении Таплакене, которое в 7 милях от Кенихсберга, неприятеля нет.

В Кенихсберге же, хотя и есть еще неприятель, но большая часть — раненых и больных, а все прочие войска его тянутся от Кенихсберга к Данцигу и к Даршау.

Прусские войска собираются якобы над Вислою в крепости Грауденд, а прочие неприятельские войска, по слухам, собираются будто в разных крепостях близ Вислы, хотя невелики, однако ж для войска достаточны. В Гумбинене, местечках Стальпине, Пильколене и городах: Инстенбурге и Элбинге имеются магазейны, состоящие в приготовленном провианте и фураже под присмотром тамошних обывателей, которые как в Гумбинене, так и в местечке Пильколене принимали партии наши с уважением и желанием»¹⁴².

М.И. Платов М.И. Кутузову 21 декабря 1812 г. (2 января 1813 г.): «Известный Вашей светлости еврей, посланный по дороге к Митаве для разведывания о неприятельском корпусе Магдональда, на возвратном пути в Вильну явился ко мне и известил меня, что граф Виттенштейн 17-го числа сего месяца переправлялся Неман в Ербурге, а Магдональд будто бы вытеснял из Тильзита наш отряд, перешел там Неман 16-го сего месяца и поспешает к Кёнигсбергу»¹⁴³.

¹⁴¹ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничном походе. С. 307.

¹⁴² Там же. С. 309—310.

¹⁴³ Донские казаки в 1812 году. Ростов-на-Дону, 1954. С. 282—283.

Зная в настоящее время истинное положение на театре военных действий, мы можем утверждать, что в целом информация, представленная высокооплачиваемым агентом, вполне достоверна.

Агентурной разведкой занимались командиры казачьих полков. Это видно из рапорта командира казачьего полка генерал-майора Иловойского 4-го М.И. Платову от 16 (28) мая 1812 г.: «Находящийся в заграничном городе Тикочине подпрефект Бельфруа на сих днях получил от маршала Дау повеление: всю коммуникацию города с нами прекратить. Почему теперь рогатка со стороны их замкнута, и ключ хранится расположенного там уланского полка у полковника Домбровского. Кроме сего, достоверно известно мне, что помянутый маршал Дау находится в Варшаве, 5 польские, кроме французских, под командою его состоящие дивизии придвинулись к границе и расположились от оной не далее 4 и 5 миль, 1-я, Домбровского, в высоком Мазовецком, 2-я, Зайончика, в Замброве, 3-я, Конопки, в Острове, 4-я, Рожнецкого, в Снядове, 5-я, Каменского, в двух от пограничного Пяткова Двора милях и в Ломже 2 кавалерийских полка. При Сельцах же между Бреста и Дрогичина находится армия вице-короля Италийского Евгения, из 80 т[ысяч] италианцев, баварцев и саксонцев состоящая. Они предполагают сделать атаку на россиян и тем предупредить всему нашему действию; а тем из их армии, кои доставят пленных, давать в награду за офицера по 3, а за рядового по 1 червонцу. Вашему высокопревосходительству я честь имею о сем почтеннейшее донести»¹⁴⁴.

Более того, как видно из рапорта полкового командира Селиванова 2-го от 4 (16) июня 1812 г., агентурной разведкой занимались казаки до урядников включительно: «Полка, [мне] вверенного, полковой урядник Крюков известил, что узнал он чрез нарочито посланного им новоместного (из местечка Новое Место. — А.В.) еврея в Тильзит, вчерашнего числа возвратившегося, который очевидно видел приехавшего в Тильзит французского генерала, с коим французов 150 человек и насльшаны, что будут чрез 4 дня в Тильжу французской армии 18 тысяч»¹⁴⁵.

¹⁴⁴ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах... С. 34—35.

¹⁴⁵ Там же. С. 42.

Собранная казаками (от урядников до полковников) информация передавалась М.И. Платову, а тот уже передавал ее командованию армии.

«Пол < учено > 9 июня 1812 г.

Милостивый государь князь Петр Иванович.

Что на прошедших днях было известно, то самое и доношу, ниже следующие вести или слухи: большими частями войско неприятелей тянитца чрез Пруссию к Немону: примечательно к стороне Тилзита докозательно, и потому, что и первая Западная армия наша принела вся движением в ту же сторону, а сверх того, по верному известию, князь Иезеф Понетовский и своим корпусом прибыл и к Острелинке только третьей день тому назад, какое ж и с ним число войска — неизвестно! Утверждают также, что фестивальской король Иероним на правом их фланге и с доволным числом войска, примерно против Бреста Литовская в протчем вашему сиятельству быть может больше и верней известно: сего вечера получено писмо от подполковника Мелникова, состоящего на посту в Сураоке; со оного копию вашему сиятельству доставляю и пребывая найвсегда и непременно, и с моим истеннейшим почтением и таковою ж преданностию вашего сиятельства милостивого государя покорнейши слуга

8 июня 1812 год Матфей Платоф»¹⁴⁶.

Естественно, проводился опрос пленных и перебежчиков. Но не все их рассказы брались на веру. Наряду с разведкой работала и контрразведка. Вот рапорт командира бригады Васильчикова М.И. Платову от 9 (21) июня 1812 г.: «Вместе с сим я осмеливаюсь донести, что дезертир, явившийся из-за границы третьего или вчерашнего дня в Сураж и назвавший себя австрийским дезертиром, по полученным мною сведениям, не есть подлинно таков, но что он в самом деле есть посланный из польских войск»¹⁴⁷.

Сведения, собранные у пленных, перебежчиков и местных жителей, и данные полевой разведки тщательно анализировались.

¹⁴⁶ 1812—1814. Секретная переписка генерала П.И. Багратиона. Личные письма генерала Н.Н. Раевского. Записки генерала М.С. Воронцова. Дневники офицеров русской армии. М., 1992. С. 21—22.

¹⁴⁷ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии в 1813—1814 гг. С. 45.

Это видно из рапорта М.И. Платова Барклаю де Толли 3 (15) октября 1813 г.: «Сегодня, в 4½ часа по полудни, с № 36-м донес я Вашему высокопревосходительству, что Наполеон в прошлую ночь находился в селении Коновице, точно там. За отправлением же сего донесения моего действительно дознано мною от вышедших сегодня из Лейбцига жителей, что прошлую ночь неприятель поспешно стянулся по дороге от стороны Дюбина и Вйленбурга и, прошед чрез город Лейбциг, вышел из онаго в Гриммския ворота, куда вышел и обоз самого Наполеона. А потому и полагаательно, что большая часть неприятельской армии находится теперь на Гриммской дороге близ деревень Штетериц и Пробшттейды. Ибо и пред корпусами армии кронпринца шведского, вблизи Лейбцига находящимися, неприятеля в большом числе не открывается, что доказательно и потому, что от корпуса генерал-адъютанта графа Сенприента посылаются разъезды до самого Лейбцига, о чем получил оттоль сего вечера уведомление»¹⁴⁸.

Казачки не только собирали информацию, но вели и дезинформацию противника. Вот краткая выдержка из предписания П.И. Багратиона М.И. Платову от 27 июня (9 июля) 1812 г.: «... Отберите молодцов и пошлите туда, пусть распускают слухи, что мы наступаем»¹⁴⁹.

В 1812 г. казачья разведка и разведка русской армии в целом столкнулись с достойным противником.

В войне против России французами к агентурной разведке широко привлекались поляки, работавшие непосредственно на Францию и на Герцогство Варшавское. «С первых же дней кампании 1812 г. военно-оперативную разведку Великой армии возглавил дивизионный генерал польской и французской служб М. Соколицкий... Штат его сотрудников и адъютантов комплектовался исключительно из польских офицеров... Он же руководил агентурной разведкой»¹⁵⁰.

¹⁴⁸ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии в 1813—1814 гг. С. 478.

¹⁴⁹ Там же. С. 87.

¹⁵⁰ *Безотосный В.М.* Организация деятельности наполеоновских разведок в 1812 г. // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. П. М., 2003. С. 75.

Разведку вело каждое отдельное соединение, каждый корпус. «...Командиры корпусов прикладывали массу стараний и практиковали всевозможные способы и средства для получения разведывательных сведений. Они систематически организовывали силами авангардов и специально выделенных офицеров опрос местных жителей, допросы дезертиров и пленных, отправляли добровольных шпионов в районы, занятые русскими войсками. Для эффективной разведработы к корпусам прикомандировывались польские офицеры-переводчики. Специальные разведотряды, продвигавшиеся впереди наступающих французских частей, посылались для сбора информации... Наполеон составил командирам таких отрядов отдельную инструкцию для ведения кавалерийской разведки»¹⁵¹.

Взгляды Наполеона на различные способы добывания сведений приводит Д. Денисон. Он считает, что эти взгляды «так поучительны, что должны быть известны в полной подробности каждому кавалерийскому офицеру. Их можно, между прочим, найти в одном письме к брату Иосифу, королю испанскому. «Мы не имеем никаких сведений о противнике; это объясняют тем, что таковых нельзя было добыть, как будто это было что-нибудь чрезвычайное, никогда ни в одной армии не имевшее место, как будто шпионы являются сами собой. Вы должны поступать в Испании так, как поступают в других местах. Высылайте разъезды. Прикажите задерживать алькадов, настоятелей монастырей, почтмейстеров и прежде всего письма. Запирайте этих людей, пока они не заговорят; спрашивайте их два раза в день; держите их как заложников. Заставляйте их посылать людей, которых должно обязать во что бы то ни стало доставлять сведения. Если принять решительные, а в случае необходимости и насильственные меры, то всегда можно добыть известия. Все почты должны быть заняты; письма задержаны»¹⁵².

В начале войны основным поставщиком информации для французского командования была многочисленная кавалерия маршала И. Мюрата. «Быстрое наступление больших масс конницы давало возможность перехватывать русскую корреспонденцию (при

¹⁵¹ *Безотосный В.М.* Указ. соч. С. 77.

¹⁵² *Денисон Д.* Указ. соч. С. 343.

взятии административных центров в первую очередь стремились захватить почту, чтобы получить полезную информацию), брать пленных и дезертиров, опрашивать местных жителей, проводить рекогносцировки, при этом скрывая дислокацию частей Великой армии»¹⁵³.

Командир французского конно-егерского полка Марбо писал в воспоминаниях: «Легкая кавалерия, будучи глазами армий, обычно следует в авангарде и на флангах»¹⁵⁴. Кроме того, он вспоминал, что французы добыли очень редкую и подробную карту России. «По одному экземпляру карты император приказал отправить всем генералам и командирам полков легкой кавалерии»¹⁵⁵.

Изначально французы понимали, что главным врагом французской кавалерийской разведки будут казаки.

При ведении разведки французским кавалеристам «рекомендовалось, ввиду опасности нападения казаков, на пересеченной местности посылать не менее 50 всадников, а на равнинах выводить до 1500 человек»¹⁵⁶.

Способность французской кавалерии получать информацию слабела по мере продвижения наполеоновских войск на восток. Это было связано с большими потерями и падежом конского состава. «В Москве слабые кавалерийские части могли использоваться лишь в качестве охраны и уже не годились для поисковых целей»¹⁵⁷.

«Хотя потери, понесенные нами людьми и лошадьми, были огромны, но их можно было пополнить, тогда как потери французской армии были непоправимы; особенно пагубна для Наполеона, как это показали последствия, была дезорганизация его кавалерии. Бородинская битва довершила то, что Мюрату не удалось испортить, гоня кавалерию на смотры по большим дорогам», — писал генерал В.И. Левенштерн¹⁵⁸.

Ситуация резко изменилась. «Всякий военный человек, сведущий в своем деле, увидит ясно, что неприятельская ар-

¹⁵³ Бездосный В.М. Указ. соч. С. 77.

¹⁵⁴ Марбо Ж. Указ. соч. С. 519.

¹⁵⁵ Там же. С. 509.

¹⁵⁶ Бездосный В.М. Указ. соч. С. 77.

¹⁵⁷ Там же.

¹⁵⁸ Бородино. Документы, письма, воспоминания. М., 1962. С. 369.

мия, облепленная, так сказать, отрядами Дорохова, Сеславина, Фигнера и князя Кудашева, не могла сделать шагу потаенно, хотя спасение оной зависело от тайного ее движения мимо левого фланга нашей армии и от внезапного появления ее в Малоярославце»¹⁵⁹.

Под самой Москвой казаки разведали направление движения французской армии (Наполеон хотел прорываться на юго-запад, в богатые, плодородные области), и русские войска успели перехватить французов у Малоярославца. Первым к этому городу прискакал Платов с пятнадцатью донскими полками.

Французы, наоборот, утратили способность вести разведку. «Во время отступления из России французская кавалерия постепенно прекратила свое существование. Покидавшая Смоленск армия Наполеона насчитывала около 36 тыс. человек, из них не более 500 всадников. Штабы Великой армии, за исключением нескольких периодов (вследствие подхода кавалерийских частей с флангов), утратили возможность оперативно получать информацию о русской армии»¹⁶⁰.

Война разведок, как и вся кампания в целом, была выиграна русскими и, в частности, казаками.

Тактика степной маневренной войны

Чтобы выиграть бой, мало было побед в поединках, когда каждый выбирал себе противника и, перехватив пику двумя руками, «напускался» на него во весь опор; мало построиться «несколько редко, что и необходимо нужно было, дабы действовать дротиком». Требовалась особая тактика.

Тактика конного боя казаков напоминает «скифскую войну», это изматывание противника, а затем добивание его, когда он истощит свои силы. Сравнивая послужные списки «коренных» казаков и поляков, записавшихся в казаки в конце XVIII — начале XIX в. (донские атаманы очень ценили поляков, как кавалеристов, и приглашали их на службу), видно, что поляки чаще ввязываются в рукопашный бой и получают раны холодным оружием, казаки же

¹⁵⁹ Давыдов Д.В. Указ. соч. С. 347.

¹⁶⁰ Безотосный В.М. Указ. соч. С. 77—78.

действуют по принципу одного удара — первого и сразу смертельного — и немедленно уходят.

Тактику казаки переняли у соседних степных народов, и учителя нередко преподавали им новые уроки. А.К. Денисов вспоминал, как в Крыму «отборная толпа татар ханской гвардии» атаковала три донских полка, «сильным ударом опрокинула казаков и сильно преследовала»¹⁶¹. Но в войнах против европейских армий казаки со своей степной тактикой были непобедимы.

Прежде всего, надо отметить, что лобовые массовые кавалерийские столкновения происходили довольно редко. Обычно две массы останавливались друг перед другом, и тут большую роль играла сила духа, храбрость — иногда так и разъезжались, а иногда какая-то из сторон все же бросалась вперед и опрокидывала противника. Вот описание боя казаков с поляками 26 мая 1794 г.: «В это время вся неприятельская кавалерия гордо и отважно двинулась на нашу кавалерию и казаков... Все наши полки двинулись и полетели в атаку; неприятель то же сделал; слетелись, остановились на дистанции такой, что лишь саблями не могли рубиться, но наши скоро ободрились, крикнули, пустились вперед, неприятель был опрокинут...»¹⁶²

А вот эпизод из войны 1812 г., воспоминания А.Н. Муравьева: «Под Грядневым 22-го августа удалось мне в первый раз быть действующим лицом с саблею в руках, ибо я во всю войну не имел ни пистолетов и никакого другого оружия, кроме одной сабли, которою я ловко владел, действующим лицом, говорю, в отражении кавалерийской атаки, которую французы произвели на нас. В этой атаке оба фронта, расскакавшись один против другого, встретились, и, доскакав на пистолетный выстрел, оба начали перестреливаться, после чего мы сделали напор, и французы обратили к нам тыл и ускакали, мы же с полверсты преследовали их... Большею частию все кавалерийские атаки представляют этот вид и исход; редко случается, чтоб оба фронта врубались друг в друга»¹⁶³.

¹⁶¹ Записки донского атамана Денисова. С. 19.

¹⁶² Там же. С. 64.

¹⁶³ Бородино. Документы, письма, воспоминания. М., 1962. С. 374—

Любому кавалерийскому столкновению, любому бою предшествовала тяжелая и кропотливая работа казаков по охране русской армии и по разведке.

Своеобразным и весьма практичным в боевой практике был выработанный самими казаками способ содержания ими аванпостов или передовых сторожевых постов, отличавшийся от способа содержания аванпостов регулярной кавалерией.

Регулярная кавалерия выставляла парные посты, которые вытягивались цепью и перекрывали охраняемое пространство.

«Аванпостная цепь у казаков состояла из тройных постов (т.е. из 6 казаков каждый), называвшихся «бекетами». На каждом бекете два казака стояли часовыми, а 4 отдыхали. Отдыхавшие сменяли часовых по очереди сами. В версте сзади бекетов располагались две или три заставы, каждая от 8 до 15 чел. Вся остальная часть сотни становилась в версте или несколько более за линией застав, преимущественно на главной дороге, и составляла резерв бекетов и застав. Из резерва, а частью и из застав, высылались по всем направлениям партии (разъезды). Казачий способ несения аванпостной службы имел то преимущество по сравнению с регулярной кавалерией, что требовал меньшее число людей для охраны одного и того же пространства: одна сотня легко могла занять своими бекетами линию в 5 верст по фронту, полагая около 800—1000 шагов между бекетами, для чего регулярной кавалерии требовалось 2,5 эскадрона. При этом казаки и их лошади пользовались большим отдыхом в самой аванпостной цепи и несравненно менее утомлялись — не нужны были высылка смены бекетов из застав и следование смененных бекетов на заставу, таким образом, избегалась напрасная езда на протяжении версты через каждые два часа»¹⁶⁴.

Охраняя армию, казаки могли прикрыть ее отступление, сделать его незаметным для противника.

Раненый русский офицер А.С. Норов, попавший во французский госпиталь, вспоминал рассказ французского офицера: «Он мне даже довольно подробно рассказал, как Мюрат в продолжение трех дней, думая следить нашу армию, давно уже имел перед собою только несколько сотен казаков, которые на ночь разводили

¹⁶⁴ Калинин С.Е. Донское казачье войско в 1812—1814 гг.

бивуачные огни на далекое пространство, якобы принадлежавшее большой армии; что в одно прекрасное утро самые эти казаки перед ним исчезли, — и он остался один перед пустым полем. «La piste de l'ennemi est perdue!» — сказал Наполеон во всеуслышание. (След неприятеля потерян)¹⁶⁵.

Казаки вели постоянное «освещение местности». Вот фраза из воспоминаний Надежды Дуровой: «... несколько человек казаков, рыская, по обыкновению, по всем местам, заехали и в пустую деревню посмотреть, нет ли чего или кого...»¹⁶⁶.

«Освещая местность», они умели смотреть и слушать. Известно их умение по стуку колес определить количество движущейся неприятельской артиллерии.

Казаки постоянно анализировали ситуацию и не теряли бдительности. Русским офицерам, воспитанным на принципе «стоять и умирать», эта бдительность казалась чрезмерной. «...Никто более казаков не рассуждает об опасности, и едва ли кто видит ее с большим ужасом...», — писал А.П. Ермолов¹⁶⁷.

Казачьи отряды постоянно меняли место своего расположения, что сразу же отметил Наполеон (см. выше). Денис Давыдов, командовавший партизанским отрядом из казаков, писал: «Надобно один раз навсегда знать, что лучшая позиция для партии есть непрестанное движение оной, причиняющее неизвестность о месте, где она находится, и неусыпная осторожность часовых и разъездных, ее охраняющих; что партию отрезать нет возможности, — и держаться русской пословицы: убить да уйти — вот сущность тактической обязанности партизана. Мой противник этого не ведал, и потому мне легко было с ним управиться»¹⁶⁸.

Казакам было присуще постоянное маневрирование, непонятное непосвященному человеку. «...Действия казачьи, военные, не могут представить красивого виду»¹⁶⁹, — писал А.К. Денисов. «Я распорядился, чтобы в марше сгустить ряды, дабы не можно

¹⁶⁵ России двинулись сыны. Записки об отечественной войне 1812 года ее участников и очевидцев. М., 1988. С. 371.

¹⁶⁶ Дурова Н.А. Указ. соч. С. 158.

¹⁶⁷ России двинулись сыны. С. 71—72.

¹⁶⁸ Давыдов Д.В. Указ. соч. С. 336.

¹⁶⁹ Записки донского атамана Денисова. С. 93.

было видеть количества казаков, а когда поскачут в атаку, врассыпную, чтоб занимали обширнее поле, отчего и показались весьма более казаков в действии...»¹⁷⁰ И при постоянном маневрировании существовала четкая согласованность действий между командами отрядов. Каждое движение предвлялось договоренностью, «что делать, ежели один из нас встретится с неприятелем и сражится, и что, в таком случае, должно предпринимать другому»¹⁷¹. Действия отрядов координировались взмахами бунчуков. «Вторично войсковой атаман мне приказал — наблюдать движение его бунчука, и тогда, когда увижу его в движении, то по направлению оного спешил бы с полками на неприятеля»¹⁷².

При передвижении шел постоянный учет условий местности, «потому что в тесных местах чем больше войск, тем опаснее, и что там храбрость немногих больше может сделать хорошего»¹⁷³.

Главное условие для нападения на противника — внезапность. А.К. Денисов, попав в Италию, беспокоился, что местность, селения и города «сделают препятствие нечаянным скрытым казачьим подъездам, без которых действие казаков не было бы страшно неприятелю»¹⁷⁴.

И когда внезапность бывала достигнута, происходило стремительное нападение. В атаке казаки кричали «ги! ги!», — «как у донских сие в употреблении»¹⁷⁵ (впрочем, А.К. Денисов часто упоминает, как казаки в бою кричали обычное «ура»). Внезапное нападение с криком «ги! ги!» породило новое слово — «гикнуть», «гикнули». «Казаки из засады гикнули...», — вспоминал С.Г. Волконский¹⁷⁶; «...человек тридцать гикнуло прямо на карету»¹⁷⁷.

Внезапное нападение из засады мелкими казачьими отрядами на отсталых французов, на их фуражиров практиковалось и отработывалось каждый день. Французы, вступив в Москву, жало-

¹⁷⁰ Записки донского атамана Денисова. С. 93.

¹⁷¹ Там же. С. 72.

¹⁷² Там же. С. 178.

¹⁷³ Там же. С. 102.

¹⁷⁴ Там же. С. 97.

¹⁷⁵ Там же. С. 74.

¹⁷⁶ России двинулись сыны. С. 95.

¹⁷⁷ Там же. С. 110.

вались: «Начальники неприятельской армии поддерживали наших начальников в надежде на мир, уверяя, что прелиминарные пункты будут на днях подписаны. А между тем тучи казаков облегли места, на коих расположены были войска наши, и ежедневно похищали у нас великое число фуражиров».

«К изнурению фуражиров соединялось поражение, наносимое им казаками, подъезжавшими даже к заставам Москвы»

Известно повеление Наполеона маршалу Бертье 22 августа (3 сентября) 1812 г.: «Наконец вы заметите герцогу Эльхингенскому (маршалу Нею), что он ежедневно более теряет людей в фуражировании, нежели в сражении»¹⁷⁸.

При достижении внезапности казаки атаковали неприятеля с неожиданной для него стороны целыми полками. Так, в августе 1794 года полки Карпова и Серебрякова «получили повеление переправиться через Вислу прямо на неприятельские батареи. Казаки сняли с себя мундиры, седла с лошадей и с одними дротиками в руках, с военными кликами, вылетели из лесу и ринулись в Вислу. Поляки так оробели от сего, что оставили все пункты и бежали»¹⁷⁹.

Казаки старались не вязаться в бой, если противник ждал нападения. Служивший у французов поляк Хлаповский, описывая бой у Смоленска летом 1812 г., заметил: «Казаки никогда не атакуют даже 1 эскадрон, если он в порядке, в строю».

Служивший у русских поляк Бискупский подтверждал: «...из-за горизонта далеко сотни две казаков увидели только верх одной бермыцы (польской меховой гренадерской шапки. — А.В.) и довольно, чух! — и исчезли из глаз; где ядра летают, там их не ищи, где случай добычи, тут и своих ограбили и, как хищные птицы, улетели; а между тем этот народ драгоценность для регулярной армии»¹⁸⁰.

Они избегали атаки на нерасстроенную пехоту. Так, А.К. Денисов получил приказ П.И. Багратиона атаковать с двумя полками французов. «Видя неприятельскую пехоту, твердо против меня стоящую, я понимал, что одна злоба выдумала такое повеление и

¹⁷⁸ Давыдов Д.В. Указ. соч. С. 294.

¹⁷⁹ Записки донского атамана Денисова. С. 71—72.

¹⁸⁰ Письма полковника К.А. Бискупского... С. 103.

что в исполнении оного не может быть хорошего, а только потеря казаков и стыд — что нас опрокинут...»¹⁸¹.

И в 1920 году И. Бабель описал неудачную атаку казаков на окопы: «...наши идут, возвращаются, коноводы ведут раненых, не любят казаки в лоб...»¹⁸²

Еще Зейдлиц, лучший кавалерийский генерал Фридриха II, требовал сперва расстронть врага, а потом уже бить его. И казаки шли на самые разные уловки, чтобы расстроить противника или выманить его на поединок. Так, поляки на французской службе вспоминали, как казачий офицер подъезжал на 100 шагов к строю шеволежеров гвардии (лучшей французской кавалерии) и предлагал с ним сразиться, затем слез с лошади и предлагал его поймать.

Естественно, казаки сами старались создать все условия для внезапного нападения. Кавалерийский бой скоротечен. Но чтобы на одну минуту добиться тактического превосходства — ударить плотной массой с фланга или тыла на растянутую или расстроенную движением конницу противника, казаки широко использовали систему засад.

Засада предполагала знание слабых сторон противника, прекрасное знание местности, тщательную подготовку и точное исполнение. Примером служит засада, устроенная известным казачьим военачальником Ф.П. Денисовым против турецкого военачальника Черкес-паши во время Русско-турецкой войны 1768—1774 гг.

Ф.П. Денисов, «уже зная, что Черкес-паша вспыльчивого нрава, ...с двумя или тремя донскими полками пошел скрытно к турецким войскам, где командовал Черкес-паша; через легкие команды осмотрел близ их лагеря места и, найдя одну довольно глубокую ложину, в одну ночь скрылся с отборными казаками, распорядя наперед так, чтоб некоторые офицеры с лучшими казаками по утру рано, в которое время всегда турецкие чиновники пьют щербет, атаковали бы передовые пикеты, а полки, что оставались на назначенном месте, стояли, дабы в случае нужды могли ему сигурсировать (подать помощь. — А.В.). Офицеры, назначенные атаковать, исполнили свою обязанность весьма хорошо, и когда подоспевшие из лагеря турки атаковали наших взаимно, тогда

¹⁸¹ Записки донского атамана Денисова. С. 112.

¹⁸² Конармейский дневник 1920 года. С. 182.

казаки начали — с намерением и по распоряжению — уходить, оставляя Денисова в ложине, бывшей в стороне; который, дождав, что турки его минули, несколько быстро в бок ударил, опрокинул и взял в плен до десяти их чиновников...»¹⁸³

Ныне широко известен такой прием, как венгер. Он описан М.И. Платовым в рапорте Багратиону от 26 июня 1812 г.: «Я теперь нахожусь по сию сторону м[естечка] Мира близ оного, а в Мире — с полком полковник Сысоев 3-й.

Впереди Мира по дороге к Кореличам поставлена в ста человек застава, как для наблюдения за неприятелем, так и для заманки его оттолкнуть ближе к Миру; а по сторонам направо и налево в скрытных местах сделаны засады каждая по сту отборных казаков, называемая венгер. Для того, что ежели открывающие от неприятеля будут стремиться по дороге, тогда застава отступает с намерением с торопливостью и проводит неприятеля сквозь засады, которые тогда делают на него удар, и застава оборачивается ему же в лицо. Полк Сысоева 3-го от местечка Мира стремительно подкрепляет. Ежели удастся сим способом заманить неприятеля, тогда будет не один язык в руках наших»¹⁸⁴.

Иногда засада организовывалась быстро и прямо в ходе боя (импровизировалась). А.К. Денисов, командир донского полка, вспоминал, что во время боя с поляками 25 мая 1794 г. «увидел, что мои партии, соединено с пикетными, сильно преследуемы неприятелем, а потому приказал храброму войсковому старшине Грузинову взять охотников и скрыться в стороне, в лесок, и ежели неприятельские передовые несколько его проскачут, чтоб храбро в них ударил; сам же я поскакал к тем, которых гнали, и направил их отступать к приготовленной засаде. Неприятель, видя малое число наших, без обороны уходящих, гнался без всякой осторожности. Майор Грузинов, вылетев из лесу, ударил с большою отважностью в бок; бегущие спереди опрокинули неприятеля; при этом многих убили, до 20-ти человек взяли в плен и вскачь отступили перед их армией»¹⁸⁵.

¹⁸³ Записки донского атамана Денисова. С. 18—19.

¹⁸⁴ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и в заграничных походах русской армии в 1813—1814 гг. С. 84.

¹⁸⁵ Записки донского атамана Денисова. С. 62.

Отступление, заманивание, удары из засад могли чередоваться с коротким прямым таранным ударом на расслабившегося, не ожидающего атаки противника. А.К. Денисов пишет, что тот же день, когда польская армия остановилась лагерем, отряд польской кавалерии в 300—400 сабель выдвинулся вперед на полторы версты. «Я решился взять из Орлова полка сто человек, да из Янова полка человек 50, с капитаном Красновым, очень храбрым. А как полки были вместе и готовы, то в момент сия команда составила... Майор Иловайский поставил оную лавою, отдал нужнѣй офицерам пред казаками приказ, взял в руки дротик и... пошел прямо на неприятеля шагом, а сам на удалом коне впереди. Неприятельская застава, видя сие, начала устраниваться и обнажила палаша. Иловайский, подошед на ружейный выстрел, пустился рысью и ударил с такою храбростию, что в минуту опрокинул всех и, прогнав несколько верст, ретировался и гнал перед собой человек 50 пленных, да убитыми осталось на месте, по крайней мере, столько же»¹⁸⁶.

В случае решительного удара казаки бросались вперед под развернутым полковым знаменем. А.К. Денисов описывает, как во время атаки на польскую кавалерию знаменосец казак Быкадоров «полетел вперед и от всех казаков отделился саженой на 15, неся в середину неприятеля», далее Быкадоров прорвался сквозь польский строй и оказался в тылу у поляков, куда за ним устремились остальные казаки¹⁸⁷.

В случае нападения сильнейшего противника, казаки практиковали отступление врассыпную. Денис Давыдов описывал, как он «испытал рассыпное отступление, столь необходимое для партии, составленной из одних казаков, в случае нападения на нее превосходного неприятеля. Оно состояло, во-первых, чтобы по первому сигналу вся партия рассыпалась по полю, во-вторых, чтобы по второму сигналу каждый казак скакал сам из вида неприятеля, и в-третьих, чтобы каждой из них, проехав по своему направлению несколько верст, пробирался к предварительно назначенному в десяти, а иногда и в двадцати верстах от поля сражения сборному месту»¹⁸⁸.

¹⁸⁶ Записки донского атамана Денисова. С. 63.

¹⁸⁷ Там же. С. 82.

¹⁸⁸ Давыдов Д.В. Указ. соч. С. 337.

При отступлении враспыленную одну сотню, как правило, отвлекала на себя неприятеля, «продолжала перестреливаться и отступать..., дабы заманить неприятеля на другую сторону той, куда партия предприняла свое направление»¹⁸⁹.

Наполеон так и не понял этого приема: «Я нашел превосходство русской армии только в том, что касается регулярной кавалерии: казаков же легко рассеять», — считал он¹⁹⁰.

В случае необходимости казаки широко применяли спешивание «Конница неприятельская подступила к правому флангу атаковать мой полк, — вспоминал А.К. Денисов, — но болото ей препятствовало произвести то; орудия наши, поставленные против неприятеля, сильно оную разили, а спешившиеся казачьи стрелки также оную били»¹⁹¹.

Спешивание применялось при наступлении через лес. «Так как казаки совсем не могут действовать в лесу» (видимо, конные казаки. — *А.В.*), то часть казаков («казачьих стрелков») спешивалась «сбить неприятеля и очистить дорогу»¹⁹².

Спешивание произошло, например, в Альпах. «...В горах Швейцарии спешенные казаки могли быть даже полезнее, чем на конях»¹⁹³.

30 января 1813 г. «...200 человек напали на казачий пикет, в лесу близ Модлина стоявший, но казаки спешились, опрокинули неприятеля и убили 5 чел. без малейшей с своей стороны потери»¹⁹⁴.

Известен комбинированный бой в 1807 г. в Восточной Пруссии, когда надо было взять французские шанцы. 150 спешенных казаков подползли и открыли огонь из ружей, затем 60 «храбрейших» ударили на шанцы через речку с дротиками¹⁹⁵.

¹⁸⁹ Давыдов Д.В. Указ. соч. С. 351.

¹⁹⁰ Наполеон Бонапарт. Императорские максимы. М. 2003. С. 214—215.

¹⁹¹ Записки донского атамана Денисова. С. 55.

¹⁹² Там же. С. 65.

¹⁹³ Там же. С. 129.

¹⁹⁴ Поход русской армии против Наполеона в 1813 году и освобождение Германии. М.: Наука, 1964. С. 66.

¹⁹⁵ Записки донского атамана Денисова. СПб.: ВИРД, 2000. С. 156.

«В заключение, — писал Д. Денисон, — приведем выдержку из письма к Нолану прусского гвардейского уланского ротмистра фон Ганцауге: “Большую часть последней кампании против французов я был прикомандирован к донским казакам. В это время они были очень мало знакомы с употреблением огнестрельного оружия. Но во время движения по Западной Европе они оценили все выгоды, им доставляемые, особенно при действиях на пересеченной местности, и понемногу вооружились французскими ружьями. При этом на удобной для того местности они стали спешиваться и вести бой в рассыпном строю. Я видел, как они таким путем побеждали превосходную в силах конницу и даже пехоту, если они нападали на них в одиночку. В этих случаях пехота опасалась оставшейся верхом части казаков, которые прикрывали коноводов и держались по возможности ближе от спешенных людей, постоянно готовых сесть на коней и броситься на противника, если он отступал или был выбит из своего закрытия.

Этому образу действий исключительно я приписываю успехи казаков во время кампании на Эльбе и на Рейне и то превосходство, которое они в малой войне и аванпостной службе постоянно имели над неприятельской конницей”»¹⁹⁶.

Сами казаки стремились к взаимодействию с другими родами войск, чтобы использовать их сильные стороны.

Денис Давыдов вспоминал, как он впервые попал с казаками в передовую цепь и увидел среди противостоящей французской цепи одного офицера. «Мне очень захотелось отхватить его от линии и взять в плен. Я стал уговаривать на то казаков; но они только что не смеялись над рыцарем, который упал к ним как с неба с таким безрассудным предложением. Никто из них не хотел ехать за мною...»

Но прошло немного времени, и Денис Давыдов снова «спросил урядника: “А что, брат, если б ударить?” — “Для чего ж нет, ваше благородие”, — отвечал он и, указывая на фланкеров, которые вертелись у нас под носом, прибавил: “Их здесь немного; с ними можно справиться; давеча мы были далеко от пехоты, а теперь близко: есть кому поддержать”. — “Ну, подбивая же на удар своих казаков, — сказал я ему, — а я примусь подбивать гусар и улан” (их

¹⁹⁶ Денисон Д. Указ. соч. С. 367—368.

было рассыпано взвода два в казачьей цепи). Нам удалось. Цепь вся гикнула и дружно бросилась в сечу; мы перемешались с неприятельскими фланкерами. Сабельные удары посыпались, пули засвистали, и пошла потеха....

Сеча продолжалась недолго.

Французские фланкеры, смятые нашими, пошли на уход...»¹⁹⁷

Денис Давыдов вспоминал, как в Финляндии в 1808 г. казаки заманили и «навели» шведских драгун на русскую регулярную кавалерию, а затем бросились преследовать и добивать: «В это время шведские драгуны Ниландского полка, съехав с берега, показались на льду против нашей конницы и двинулись на малую часть казаков, впереди ее рассыпанных. Казацкие фланкеры начали отъезжать и заманивать расстроенную уже от единого движения вперед неприятельскую конницу. Увидя это, Кульнев и я, оставя пехоту, поскакали к нашей коннице, но она, не дождавшись нас, ударила, смяла и опрокинула ниландских драгун. Мы только что успели насладиться действием казацких пик и погонею казаков за неприятелем по гладкой и снежной пустыне Ботнического залива.

Картина оригинальная и прелестная! Много драгун было поколото, много взято в плен»¹⁹⁸.

В 1813 г. генерал А.И. Чернышев, командовавший казачьим отрядом, писал в рапорте М.И. Кутузову: «Как ни хороши казаки, они действуют с гораздо большей уверенностью, если видят за собой поддержку регулярной кавалерии»¹⁹⁹.

Широко применялось взаимодействие казаков со своей донской артиллерией. Артиллерия прикрывала отход казаков с захваченными трофеями под Малоярославцем: «Преследование за ними продолжалось до реки, которую они перешли вброд вместе с отбитыми ими пушками, и огонь из двенадцати орудий донской конной артиллерии, открытый Платовым с правого берега Лужи, разом остановил стремление неприятельской кавалерии. Она отступила без преследования»²⁰⁰.

¹⁹⁷ Давыдов Д.В. Указ. соч. С. 197—198, 201.

¹⁹⁸ Там же. С. 275.

¹⁹⁹ Поход русской армии против Наполеона в 1813 году и освобождение Германии. М. 1964. С. 45.

²⁰⁰ Давыдов Д.В. Указ. соч. С. 306—307.

Предписывая Платову задержать неприятеля, П.И. Багратион отмечал: «Кавалерия их Вас помять также не может, поля открыты, и Вы имеете пространство и много артиллерии конной»²⁰¹.

Командование сводило вместе регулярные и иррегулярные части, чтоб казаки в сражении могли опереться на регулярную конницу и на пехоту. Так, отряд М.И. Платова в 1807 г. состоял из 10 казачьих полков, Павлоградского гусарского, 1-го егерского полков и 12 орудий конной артиллерии.

Распространенным приемом был для казаков набег в тыл противника. Примером может служить бой 13 октября 1812 г. у Городни, когда казаки чуть не взяли в плен Наполеона.

Напомним, что французы вышли из Москвы и двинулись в обход русской армии, стоявшей у Тарутино, чтоб вступить в южные губернии России. Но русские войска вовремя узнали об этом движении и преградили французам дорогу у Малоярославца, развернув фронт вдоль реки Лужа. Казаки Платова прикрыли левый фланг своей армии.

Судя по воспоминаниям П.П. Коновницына, жизнь Наполеона подвергалась опасности дважды. Первый раз это случилось 12 октября, как только французы вступили в Малоярославец: «Неприятель, переправя пехоту через брод, занял уже часть города, и по сю сторону леса с оврагами и луга, покрытые местами кустами; армию всю нашу, поспешающую в сильных колоннах; в голове вдали все казаки с Платовым на марше; шествие войск вдоль по берегу речки, противной стороны берега заняты неприятелем, где в одной деревушке находился и сам Бонапарт, дабы своими глазами удостовериться, что вся наша тут идет армия. Тут по рассказам известно, что Тульского казачьего полка (полк сей милиционный, из мужиков) несколько человек переехали вброд малую там речку, вскакали в деревню, стоящую при самом берегу. Один из молодых, 18-летний казак, бросился на одного француза в сером сертуке, но то был сам Наполеон. Конвой его, скрывшись за избою, хватает его и берет в плен. обстоятельство сие делается нам известным по случаю, что молодой сей казак или мужичок нашел средство

²⁰¹ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии в 1813—1814 гг. С. 98.

уйти, сам рассказывал, а захваченные пленные согласно о сем подтвердили»²⁰².

Эпизод этот остался практически незамеченным, а вот события следующего дня запомнились многим.

М.И. Платов рапортовал М.И. Кутузову 12 октября 1812 г.: «Генер[ал] Дохторов, заняв с рассветом часть Малого Яросла[вца], теперь действует стрелками против держащегося еще там неприятеля. На сей стороне неприятельской кавалерии нет. Я сейчас отправил г[енерал] -м[айора] Иловайского 3-го с 6 полками кружными путями к Городне-селению, отстоящему в равной дистанции на большой дороге от Боровска и от Ярославца, с тем, что, как уповательно, неприятель, действуя теперь здесь, может тянуться и притягивать к себе часть войск, артиллерии или транспортов, то ему, Иловайскому, сильно подействовать на оных и на тыл неприятельский.

С другой стороны, посылаю я большую часть полков для наблюдения неприятеля по дороге к Медыни и левее от сей дороги как для действия на неприятеля, могущего идти частями, так и для истребления его фуражиров и стеснения совершенно круга его продовольствия»²⁰³.

«В ночь с 12 на 13 Октября Платов отрядил 3 сильные партии на левый берег Лужи. Выступив из лагеря, партии шли на одной высоте, находясь между собой в расстоянии версты. Часу в 4-м пополудни переправились они через Лужу, двинулись с величайшей тишиной к столбовой дороге и остановились, увидя за ней бивачные огни неприятелей. Стали всматриваться и заметили тянувшееся по дороге войско, пешее и конное, имевшее между собой частые промежутки. Эго была артиллерия, следовавшая к Малоярославцу. Начальники казачьих партий съехались и, переговора, положили ударить на орудие. Сперва пошли шагом, потом рысью, наконец с обычными криками высыпали донцы на дорогу, прямо на артиллерию, которая, завидя их, своротила в сторону, стараясь спастись по полям, но была настигнута, причем схвачено более 50 орудий. Пока одни из казаков поворачивали пушки, в на-

²⁰² России двинулись сыны. С. 583.

²⁰³ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах. С. 227—228.

мерении увезти их, другие кинулись на обозы, а иные понеслись далее за дорогу и наскочили прямо на 3 кавалерийских взвода, стоявшие неподвижно на месте. Посреди них находился Наполеон. При заре, только что занимавшейся, нельзя было приметить его. Казаки не атаковали регулярной кавалерии и продолжали в рассыпную колоть, забирая что попадалось. Наполеон очутился тут следующим образом. В 5-м часу поутру поехал он из Городни в Малоярославец, в сопровождении только 3 взводов, ибо остальной конвой не успел еще отправиться за ними. Дорогой у одного из его генералов, Паца, упал эполет. Он сошел с лошади поднять его и, наклонясь к земле, услышал справа конский топот и ржание лошадей. Едва успел он доложить о том Наполеону, как вся окрестность наводнилась казаками. Наполеон обнажил шпагу, принял влево, на поле, и остановился с 3 конвойными взводами и находившимися при нем чиновниками. Суматоха подле дороги продолжалась, и тщетны были усилия и крики казачьих начальников, старавшихся собрать войска, ибо оно нашло в обозах бочонки с золотом. Между тем появились из Городни конвойные драгуны и конные гренадеры. Вместе с свитой Наполеона атаковали они Донцов и принудили их отступить. Наши благополучно переправились через Лужу, увезя с собой богатую добычу деньгами и 11 орудий, заблаговременно, при начале нападения, отправленных в лагерь Платова»²⁰⁴.

Это событие создало впечатление, что даже французская гвардия бессильна перед казачьими набегами. «Император чуть было не был взят в плен посреди своей гвардии! Сто раз уже говорилось, что гвардия сражается хорошо, но охраняет плохо. Действительно, ночью казаки находились в 300 шагах от батальона гренадеров!

Безопасность императора действительно представляет большую и сложную проблему для эскорта. Он садится на лошадь днем и ночью, без предупреждения и внезапно. Если дежурный взвод всегда взнуздан, то служебные эскадроны взнуздываются только тогда, когда император просит подать ему лошадей. Таким образом, он уезжает в сопровождении только трех-четырёх человек, а остальные догоняют его рысью или галопом. Именно этим утром

²⁰⁴ Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны в 1812 году. М., 2008. С. 411—412.

дежурные эскадроны не сменялись в течение трех дней, поэтому и люди, и лошади сильно устали. В этот вечер все были и вовсе изнурены»²⁰⁵. «25 октября (н.с.) утром он (Наполеон) выехал, чтобы осмотреть место бывшего накануне сражения, и двигался среди своей армии, считая себя в полной безопасности, как вдруг раздался крик солдат: «Это Плато! Их 10 000!». Наполеон сначала не поверил и попал поэтому в величайшую опасность; его адъютант, генерал Рапп, был сброшен с лошади, и только необычайное мужество его конвоя и прибытие гвардейских конных гренадер и драгун спасло Наполеона от плена», — описывал это событие Д. Денисон²⁰⁶.

Впоследствии историограф французской гвардии А. Лашук воспроизвел эту стычку в деталях, подчеркивая героизм кавалеристов императорского конвоя. «В действительности императора тогда сопровождали не только конные егеря конвойного взвода, но и такой же взвод из 1-го эскадрона польских шеволежеров-улан гвардии под командой лейтенанта Иоахима Хемпеля, а возможно, еще и третий взвод, выделенный из полка гвардейских драгун (по утверждению Г. Гурго, бывшего в 1812 г. первым офицером для поручений императора).

Первым на помощь личному эскорту и свите Наполеона подоспел дежурный эскадрон 1-го полка польских шеволежеров-улан (1-й эскадрон) под командой начальника эскадрона барона Я.Л.И. Козетульского. В схватке с казаками Козетульский был ранен и сброшен с коня ударом пика. Вместо него начальство над эскадроном принял капитан Станислав Хемпель»²⁰⁷.

А. Лашук в описании упоминает гвардейских конных гренадер, драгун, красных (голландских) улан. Фактически по тревоге на помощь Наполеону прибыла почти вся его гвардейская кавалерия. «Подоспели конные гренадеры в строю, и казаки скрылись в лесу, — пишет А. Лашук, но внезапно следует добавление: — Казаки вернулись в большом количестве и охватили с трех сторон красных улан, те потеряли более 100 человек. Поляки — около 20»²⁰⁸.

²⁰⁵ Лашук А. Гвардия Наполеона. М., 2004. С. 314.

²⁰⁶ Денисон Д. Указ. соч. С. 358.

²⁰⁷ Лашук А. Гвардия Наполеона. Комментарии. М., 2004. С. 761.

²⁰⁸ Лашук А. Гвардия Наполеона. Комментарии. М., 2004. С. 761.

Таким образом, получается, что лучшая кавалерия Франции не смогла прогнать казаков. Они вернулись на место происшествия, привлеченные, видимо, яркой расцветкой формы голландских улан. И красные уланы (2-й уланский полк гвардии), судя по всему, не смогли соответствовать красоте своих мундиров и много от казаков претерпели.

«Это дело имело весьма важное влияние на исход кампании. Оно подействовало угнетающим образом на дух Наполеона, убедило его в превосходстве легкой конницы противника и в слабости его собственной как раз в ту минуту, когда многое зависело от смелости и решительности его действий», — писал Д. Денисон²⁰⁹.

Самое интересное, что казаки еще долго не знали, что в их руки мог попасть сам Наполеон. М.И. Платов в октябре 1812 г. рапортовал Александру I о подходе ополчения и доложил о первом бое ополченцев: «13-го числа сего месяца, находясь они со мною по повелению генерала-фельдмаршала князя Голенищева-Кутузова в тылу неприятеля, и, быв побуждаемы ревностнейшим и верноподданническим рвением на защиту августейшего престола и Отечества от нашествия врага, оказали услугу: первый отряд под командою генерал-майора Алексея Иловайского у Малоярославца, разбив неприятеля с жестоким поражением, отбил у него 11 пушек»²¹⁰. И позже, когда французов уже выгнали из пределов России, М.И. Платов, рапортуя М.И. Кутузову 19 февраля 1813 г., напомнил лишь о захваченных 11 орудиях: «13 октября прошлого, 1812 года, на другой день после знаменитой победы, одержанной Вашею светлостию под Малоярославцем, я напал на тыл неприятельской армии, шедшей на подкрепление войск, сражавшихся под Малоярославцем, и по жестоком сопротивлении отбил 11 пушек.

При сем случае отличились: генерал-майор Иловайский 3-й и полковник Кайсаров, который при сильном нападении французской кавалерии, желавшей возвратить отнятые орудия, мужественно удержал сие стремление с егерями 20-го полка, и орудия остались у нас»²¹¹.

²⁰⁹ Денисон Д. Указ. соч. С. 358.

²¹⁰ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах. С. 230.

²¹¹ Там же. С. 385.

Примером исключительно удачного длительного набега в тыл противника может служить рейд отряда полковника Чернышева из армии адмирала Чичагова, направленный против поляков и союзных Наполеону австрийцев.

«...Чичагов послал Чернышева с отрядом для истребления неприятельских запасов в Варшавском Герцогстве и угрожения Варшавы... — говорится в сочинении А.И. Михайловского-Данилевского. — Посланный в Варшавское Герцогство отряд флигель-адъютанта Чернышева состоял из 1 казачьего полка (полк Власова 2-го. — А.В.), 3 эскадронов улан и 4 конных орудий. 3 октября пришел Чернышев из Бреста в Бялу, где в замке Радзивилла, поднявшего оружие против России, заклепал и потопил 15 пушек, а с имения взял денежную дань. Из Бялы направился он к Мендержицу и Седлицу, наперерез шедшим к Венгрову для соединения с князем Шварценбергом 2000 австрийцам, которые, найдя дорогу в Венгров занятой разъездами Чернышева, обратились к Модлину. Услышав о появлении наших войск в тылу своем и не зная числа их, князь Шварценберг переправился у Дрогочина на левый берег Буга. Чернышев оставил против австрийской армии наблюдательный пост и обратился к Люблину, а для устрашения Варшавы послал разъезды через Сточек и Гарволин к Висле. В Седлице, Мендержице, Лукове и Коцке уничтожил Чернышев неприятельские запасы, отправя что можно было из них в Брест. При сожжении магазинов в Лукове произошел в городе пожар. Русские бросились помогать, а Чернышев велел оценить убытки погоревших и раздал им деньги. Таким образом, адъютант императора Александра исторгал из огня имущества поляков, в то самое время, когда братья, родные, отцы тех же самых поляков с остервенением терзали внутренность России и ногами попирали ее святыню. Черту сию должно сохранить в потомстве: она живописует век Александра. “При появлении Чернышева в Герцогстве смятение в Варшаве было чрезвычайное, — пишет Французский Посол, там находившийся, — все готовились к отъезду”. Комендант принял меры к защите города, запер заставы и силой отбирал лошадей у жителей, стараясь наскоро составить конный отряд. Он издавал печатные объявления, именовал отряд Чернышева татарами и призывал к общему вооружению. “Поляки! — говорил он. — Великий Наполеон смотрит на вас с Мо-

сковских колоколен". Риторическая фигура безграмотного коменданта о Наполеоне, стоявшем на обгорелых колокольнях, не принесла пользы. Поляки уже перестали доверять своим мнимым покровителям, не давали лошадей для ополчения, и, едва только отворены были заставы, все лучшее общество удалилось из Варшавы и более не возвращалось туда. Известясь через нарочных об опасности, угрожавшей Варшаве, князь Шварценберг, перешедший в Дрогочине на левый берег Буга, потянулся на Венгров и Седлиц к Бяле. В то же время выступил из Замостья гарнизон против Чернышева, которому нельзя было долее оставаться в Герцогстве, потому что Чичагов прислал ему повеление идти назад в Брест. Он обратился на Влодаву, перешел 7 октября через Буг, привел с собой 200 пленных, забранных в 8-дневном поиске, во время коего прошел до 500 верст, сжег несколько магазинов, ускользнул от войск, посланных за ним в погоню из Замостья, Тарногуры и Модлина, встревожил Варшаву и все Герцогство и был поводом, что князь Шварценберг оставил позицию при Дрогочине и пошел назад для обороны Варшавы»²¹².

Сам А.И. Чернышев 7 (19) октября 1812 г., когда французы еще были в Москве, сообщал с территории Польши, что, имея отряд в 3 казачьих полка, 3 эскадрона легкой конницы и 4 орудия конной артиллерии, состоящий из 1800 конных, был направлен «для вторжения в герцогство Варшавское... В семеро суток перешел я более 500 верст, занял 2 губернских города — Сельце и Вигров, около 20 подпрефектур и местечки... действия моего отряда, который показался неприятелю вчетверо сильнее, нанесли трепет и ужас в Варшаве, от которой в продолжении экспедиции я был только в 6, а от Люблина в 3 милях»²¹³.

Вернувшись из этого рейда, Чернышев собрал новый отряд и вскоре провел еще один рейд по французским тылам с 27 октября по 5 ноября из 3-й западной армии в корпус Витгенштейна, действующий на петербургском направлении. Во время этого рейда казаки отбили у французов пленного генерала Винцингероде, который впоследствии возглавил авангард Главной русской армии.

²¹² Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 376.

²¹³ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах. С. 224.

Успех объясняли тем, что Чернышев «имел под своею командою казачий полк Пантелеева, недавно пришедший с Дона и потому довольно сильный»²¹⁴ (на самом деле полк выступил с Дона в 1810 году).

Во время боя лицом к лицу погибших обычно бывает немного. Трудно убить человека, который сопротивляется и сам хочет убить тебя. Настоящее «смертоубийство» начинается, когда один из противников не выдержал напряжения боя и побежал, показал спину.

Вспомним А.С. Пушкина:

И следом конница пустилась,
Убийством тупятся мечи,
И падшими вся степь покрылась
Как роем черной саранчи.

«Полтава»

Преследование и уничтожение бегущего противника требует особых навыков.

«Если преследуемый неприятель рассыпается, то следует стараться догнать передних, отставшие не уйдут. Догнав голову, можно считать хвост своей добычею. Во все время преследования следует неприятеля колоть, рубить и стрелять и только тогда начинать забирать пленных, когда преследование будет считаться оконченным», — рекомендовал Фридрих Великий²¹⁵. И немецкая кавалерия, помня заветы своего полководца, вела преследование «до последнего вздоха человека и коня».

В русской армии для преследования противника всегда использовали именно казаки.

Роль казаков в сражении при Треббии четко указал в приказе А.В. Суворов: «...Кзаки будут стоять за австрийскою кавалериею и в атаке бросаются во фланг неприятелю. Когда же оный будет сбит, то преследуют его беспрестанно, и всех истребляют»²¹⁶.

---

²¹⁴ России двинулись сыны. С. 110.

²¹⁵ Военная энциклопедия. Т. 11. СПб., 1912. С. 204.

²¹⁶ Записки донского атамана Денисова. С. 123.

Польские конные егеря, вспоминая 1812 г. и бои с казаками, отмечали: «при малейшем обращении (нашем) в тыл казаки мгновенно «садились нам на шею»»²¹⁷.

При преследовании казаки старались нагнать бегущего противника на его же части, чтоб окончательно смешать его ряды. Так, в бою с поляками 26 мая 1794 г. «неприятель был опрокинут и вогнан в середину бегущей уже польской пехоты»²¹⁸. И при занятии Бергами в 1799 году полковник Греков опрокинул французскую кавалерию на французскую пехоту, проходившую по улицам города, в результате чего смешался весь французский отряд и «скорей скороходов пробежал через город»²¹⁹.

Преследовать противника предполагалось до полного его истребления или «до темной ночи»²²⁰.

Но одно дело — преследовать сбитого в рукопашном бою равного тебе по силам противника, другое — преследовать отступающую вражескую армию.

Настоящая работа для казаков появилась, когда наполеоновская армия после сражения под Малоярославцем начала отступление, не выдержала и побежала.

Генерал Раевский писал жене: «Я был в очень жарком деле 12 сего месяца под Малым Ярославцем, и мы все вполне здоровы. Теперь я думаю, что мы больше не будем сражаться, и что дело будет кончено одними казаками»²²¹.

М.И. Кутузов 18 октября 1812 г. писал М.И. Платову: «Я надеюсь, что сей отступный марш неприятелю сделается пагубным и что Вы наиболее тому способствовать можете»²²².

Тогда же, 18 октября, М.И. Платов доносил: «Неприятель, опасаясь внезапного нападения, днем непрерывно находится в ружье и стоит в боевом порядке, а ночью, зажигая все на пути

²¹⁷ Попов А. Дело под Медынью... С. 72.

²¹⁸ Записки донского атамана Денисова. С. 64.

²¹⁹ Там же С. 101.

²²⁰ Там же. С. 77.

²²¹ 1812—1814. Секретная переписка генерала П.И. Багратиона... С. 229.

²²² Донское казачество в Отечественной войне 1812 и заграничных походах. С. 232.

встречающиеся ему селения, ретируется при свете сем без всяких роздыхов»²²³.

Вот рапорт М.И. Платова от 20 октября 1812 г.: «Неприятель преследуем столь живо, что я после вчерашнего рапорта теперь только могу донести, что он бежит так, как никогда никакая армия ретироваться не могла. Он бросает на дороге все свои тяжести, больных, раненых, и никакое перо историка не в состоянии изобразить картины ужаса, который оставляет он на большой дороге. По истине сказать, что нету 10 шагов, где бы не лежал умирающий, мертвый или лошадь... Я теперь накормил войска, сажаю егерей на казачьих лошадех и буду теснить его во всю ночь»²²⁴.

Слова Платова подтверждает дневник французского гвардейского офицера: «2 ноября (н.с.) ... казаки по своему обыкновению ежедневно по несколько раз бросаются на «ура!»».

3 ноября. Казаки захватывают экипажи и отставших; они беспрестанно кидаются на «ура»²²⁵.

После освобождения Вязьмы М.И. Кутузов рекомендовал М.И. Платову в лучших традициях Фридриха Великого нападать на головы колонн отступающих французов. 23 октября 1812 г. он писал: «Вследствие чего Ваше высокопревосходительство старайтесь выиграть марш над неприятелем так, чтобы главными Вашими силами по удобности делать на отступающие головы его колонн нападения во время марша и беспрестанные ночные тревоги...

Таковой род преследования приведет неприятеля в крайнее положение, лишит его большей части артиллерии и обозов»²²⁶.

Судя по воспоминаниям современников, Платов предписание Кутузова выполнил своеобразно.

Мелкие партизанские отряды действительно рванулись наперегонки с бегущими французами. Преследование они вели беспрерывно.

---

²²³ Донское казачество в Отечественной войне 1812 и заграничных походах. С. 233.

²²⁴ Там же. С. 235.

²²⁵ Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев. Л., 1991. С. 281.

²²⁶ Донское казачество в Отечественной войне 1812 и заграничных походах. С. 238.

«От самой Вязьмы образ нашей жизни совершенно изменился, — вспоминал Денис Давыдов. — Мы вставали в полночь. В два часа пополудни обедали так плотно, как горожане обедают в два часа пополудни, и в три часа выступали в поход.

Партия шла всегда совокупно, имея авангард, арьергард и еще один отряд со стороны большой дороги, но все сил отделения весьма близко от самой партии. Я ехал между обоими полками иногда верхом, иногда в пошевнях, которые служили мне ночью вместо квартиры и кровати.

Когда не было неприятеля, то за полчаса до сумерков оба полка спешивались и от того приходили на ночлег с выгулявшимися лошадьми, коих немедленно становили к корму. По приведении в устройство всей военной предосторожности мы немедленно ложились спать и во втором часу садились снова за трапезу, на конь и пускались в погоню»²²⁷.

Но сам Платов с основными силами казаков не торопился обходить и отрезать французов.

Как вспоминал С.Г. Волконский: «Вслед за французами показался и Платов со своими полчищами, и весь наш отряд поступил в его команду. Платов, зная меня, приказал мне, чтобы мой отряд шел с его полчищами. Он сам ехал в санях и посадил меня на облучок оных, и так он и все войско прибыли к Смоленску, в который входили все соединенные корпуса французской армии. Вытеснить французов из Смоленска было ему не по силам, но он бы лучше сделал не останавливаться в виду Смоленска, а опередить отступление французов и, при большой силе его отряда, затруднить их отступление по дороге к Дубровне. Но Платов стал бивуаком под Смоленском, тревожа только французов не спереди их, а с тыла.

Тут я при нем пробыл целую ночь и был свидетелем того, что грустно мне передавать о нем. Не отнимая заслуг его в эту войну, я должен сказать, что он многое упустил по невостребованности своей. Став на бивуаке, он приказал себе подать горчишной, т.е. водки, настоянной на горчице, и, выпив порядочную чапарочку, огруз и заснул. Отрезвившись немного, он велел себе подать другую, опять отрезвившись, велел подать

²²⁷ Давыдов Д.В. Указ. соч. С. 372—373.

третью, но уже такого размера, что свалился, как сноп, и до утра проспал; и поэтому уже пропустил время к распоряжению, дал время французам беспрепятственно продолжать свое отступление и, вступив в Смоленск, захватил только отсталых; а между тем занятие Смоленска по реляциям представлено как значительный его подвиг»²²⁸.

Объяснение такому поведению М.И. Платова следует искать не в «горчишной», а в распоряжении, сделанном им в схожей ситуации П.С. Кайсарову 12 октября 1813 г.: «Чтобы воспользоваться расстройством его и нападать на отделяющиеся части его, тревожить и доводить до дальнейшего расстройства, нахожу я надобным, чтобы Ваше превосходительство с отрядом войск следовали вперед к Готте и далее по Вашему усмотрению, куда найдете удобнее для преследования неприятеля, ибо вообще всеми войсками моими не так удобно действовать на одного соединено, а лучше частями, чтобы разрывать его и беспокоить: денно видеть, а в ночное время малою частию не дать им спать, и полагаю, что от сей нашей налегловости больше он расстроится и побежит, тогда в будущие дни сделается слабее, надеюсь, что мы больше его можем вредить»²²⁹.

Второй проблемой для Платова стало обилие пленных и необходимость выделять войска для их конвоирования.

23 октября М.И. Платов рапортовал М.И. Кутузову: «Неприятеля побито множество, пленных же не собираем, а все раненые и захваченные во оной остаются по дороге с предоставлением участи их жителям.

А я иду за ними с малым уже числом за раскомандированием от меня донских полков по повелениям и за взятием у меня всех егерей, кроме 300 человек 20-го егерского полка»²³⁰.

24 октября М.И. Платов снова доложил М.И. Кутузову, что «пленные частью собраны, а большею частию, чтобы не заниматься ими и не отвлекать для конвоя их людей, отданы жителям»²³¹.

²²⁸ России двинулись сыны. С. 114—115.

²²⁹ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах. С. 490.

²³⁰ Там же. С. 238.

²³¹ Там же. С. 240.

Но 27 октября, судя по такому же рапорту, ситуация изменилась: «Для доставления пленнх и пушек в Дорогобуж оставил я полк войскового старшины Галищина, и впредь к препровождению пленнх будут определяемы от меня казачьи команды, хотя это и сопряжено с развлечением от полков казаков, ...ибо мужики убивают пленнх нещадно. Но в продовольствии пленнх по неимению и в полках хлеба будет неминуемое затруднение»²³².

А 13 ноября Платов уже жаловался Кутузову: «Пленные наводят мне великое затруднение, которым за быстрыми моими движениями счету свести не могу, ибо армия французская, не имея верного продовольствия, части ее отлучаются в сторону для пропитания. И так сими днями случается, что мы ночуем в деревнях друг подле друга»²³³.

19 ноября 1812 г. новая проблема: «Из числа пленнх приказываю я здоровых собирать, а слабые и раненные оставляются по дороге, при селениях; но и из здоровых немало шатаются по сторонам дороги, которых за скоростию преследования моего по следам неприятеля не успеваю я собирать... не изволите ли приказать забирать таковых шатающихся войскам, за мною следующим»²³⁴.

И в-третьих, опираясь на свой огромный боевой опыт, Платов видел, что французская армия и так гибнет, и изо всех сил «не давал в трату» казаков, которые попали наравне с французами в тяжелейшую ситуацию — с боями шли зимой, по морозу, по разоренной, опустошенной местности. «...Смело могу утвердить, что одному только Донскому войску можно перенести и исполнить то, а никому другому, не имевши чрез полуторамесячное преследование неприятеля денно и ночью ни одного дня раздыха, и не получая продовольствия, которое находить надобно было самим», — рапортовал М.И. Платов²³⁵.

После боев под Красным (3—7 ноября 1812 г.) и до Березины (14—17 ноября 1812 г.) преследование остатков Великой армии

²³² Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах. С. 246.

²³³ Там же.

²³⁴ Там же. С. 270—271.

²³⁵ Там же. С. 300.

велось одними казаками, то же самое — после сражения при Березине.

«Кутузов предоставил казакам преследовать армию с тыла. Сам же с главными силами двигался в стороне от большой дороги...»²³⁶. «Каждый вышедший из рядов солдат, если он не попал в руки казаков, был уже не в состоянии нагнать свою часть», — писал военный теоретик Жомини²³⁷.

«К столь многочисленным бедствиям (зловещие подробности, которые вовлекут меня в повторения, почти неизбежные в рассказе и простительные для солдата) следует присоединить еще сонмы казаков и вооруженных крестьян, которые окружают нас. Дерзость их доходит до того, что они пробиваются сквозь наши ряды, похищая ломовых лошадей и фургоны, которые они считают богато нагруженными. У наших солдат нет силы противиться этим похищениям. Тех, кто удаляется с дороги с целью грабежа, убивают крестьяне. Есть и такие, которые покидают ряды нарочно для того, чтобы быть убитыми или захваченными в плен казаками; но даже казакам их больше не нужно, и последние если не убивают их, то довольствуются тем, что грабят их, раздевая донага», — вспоминали французы²³⁸.

После переправы через Березину ситуация во французской армии еще более ухудшилась. «Каждый привал, каждый ночлег ее — был ужасным полем проигранной битвы; тысячи погибали в величайших мучениях. Воины, пережившие, может быть, Аустерлиц, Эйлау и Бородино, доставались нам теперь очень дешево. Каждый казак брал их десятками в плен и приводил их в каком-то бесчувственном состоянии. Они ничего не знали, не помнили, не понимали. Дороги были усеяны их трупами, — во всякой хижине валялись они без призрения», — вспоминал участник войны Р.М. Зотов²³⁹.

19 февраля 1813 г. М.И. Платов в рапорте М.И. Кутузову подвел итог преследования: «В продолжение сей кампании взято

---

²³⁶ Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев. Л., 1991. С. 280.

²³⁷ Там же. С. 288.

²³⁸ Там же. С. 275.

²³⁹ России двинулись сыны. С. 495.

нами 547 пушек, знамен и эстандартов более 30 и более 70 тысяч пленных, в том числе и более 10 генералов разных классов и более 4 тысяч офицеров.

...И неприятель, утвердительно доношу, не более как в тысяче человеках, кроме корпуса Магдональда, без одного орудия, изгнан тем самым путем, которым пришел.

Мы исполнили по верноподданническому долгу нашему присягу и священную обязанность»²⁴⁰.

М.И. Кутузов в письме М.И. Платову 17 января 1813 г. по достоинству оценил дела казаков: «Почтение мое к войску Донскому и благодарность к подвигам их в течение кампании 1812 г., которые были главнейшею причиною к истреблению неприятеля, лишённого вскорости всей кавалерии и артиллерийских лошадей, следовательно и орудий, неусыпными трудами и храбростью Донского войска. Сия благодарность пребудет в сердце моем, дондеже угодно будет Богу призвать меня к себе. Сие чувствование завещаю я и потомству моему...

Наполеон в 29-м бюллетене своем, написанном из Молодечно, говорит теми словами: «Лишен будучи всей кавалерии и потеряв всех артиллерийских лошадей, не мог уже я отважиться без конницы и артиллерии ни на какое сражение»²⁴¹.

Действительно, в своем поражении 1812 г. Наполеон чаще всего винил казаков. Как считал французский министр Коленкур: «Все свои затруднения он приписывал исключительно помехам со стороны казаков»²⁴².

«...Мы не имели кавалерии, которая разведывала бы о неприятеле и сохраняла бы связь между нашими колоннами. Такие неудобства вместе с чрезвычайною, внезапно наступившею стужей, сделали положение наше невыносимым. Русские, видя по дорогам следы злополучия, угнетавшего французскую армию, старались воспользоваться этим и окружали со всех сторон наши колонны казаками, которые, подобно арабиянам в пустыне, отхватывали

---

²⁴⁰ Донское казачество в Отечественной войне 1812 и заграничных походах. С. 390.

²⁴¹ Там же. С. 360—361.

²⁴² Сапожников А. Войско Донское в Отечественной войне 1812 г. М.-СПб., 2012. С. 744.

обозы. Эта негодная конница сделалась грозною в тех обстоятельствах, в какие мы были поставлены"... Так изливал свой бессильный гнев против "аравитян" и "негодной конницы" недавний властелин Европы..."²⁴³.

Военные историки считали, что поход Наполеона на Россию из-за наличия в ней казаков был обречен с самого начала. «Как только выказалось превосходство казаков в малой войне, фуражировкам был положен конец, и скоро, под влиянием голода и лишений, во французской армии ослабла дисциплина и упал дух. Эти обстоятельства более холода способствовали уничтожению ее...

Если армия бросается зря в середину скифской конницы, не имея возможности получать из своей страны продовольствие и фураж, то она неминуемо погибнет... Уже одно то огромное количество повозок, которое должна иметь европейская армия, вторгающаяся в азиатскую страну, губит ее, потому что увеличивает ее балласт и ускоряет минуту, когда армия, окруженная неприятельскими всадниками, должна погибнуть от недостатка продовольствия. Поэтому поход Наполеона против России был неправилен в самом своем основании по той самой причине, по которой все попытки цивилизованных народов вторгнуться в пустыни Востока оканчивались неудачами»²⁴⁴.

Донские казаки на марше

«Способность их к быстрым движениям допускала совершение усиленных маршей с чрезвычайной легкостью в короткое время, и в этом отношении никто в Европе не мог с ними соперничать», — писали о казаках военные историки²⁴⁵.

Скорость и направление их передвижения мало зависели от условий местности. Перед нами предписание М.И. Платова генерал-майору Кутейникову 2-му от 24 июня 1812 г.: «Следование извольте иметь форсированными маршами дню и ночью, несмотря на изнурение лошадей, и самыми прямыми дорогами,

---

²⁴³ Хрещатицкий Б.Р. Указ. соч. С. 364.

²⁴⁴ Денисон Д. Указ. соч. С. 360—361.

²⁴⁵ Денисон Д. История конницы. Кн. 1. М., 2001. С. 349.

так как Вы, не имея никаких тягостей, можете везде пробираться и малыми стежками»²⁴⁶.

При выступлении в поход в первую очередь учитывалась скрытность передвижения. Вот рапорт командира донского полка полковника Сысоева начальнику штаба 2-й армии генералу графу Сен-При от 5 августа 1812 г.: «Получив приказание г<осподи>на Главногокомандующего армиею, я с двумя казачьими полками к назначенному пункту сделал было движение и, отойдя несколько, заметил уповательно нарочитое за мною неприятельское наблюдение. Я, дабы скрасть от него свой путь, тож умышленно поворотил налево и остановился на прежнем месте с тем, чтобы предпринять марш с сими полками ныне вечером и наградить некоторую потерю времени скорым маршем ночью, о чем Вашему сиятельству честь имею донести»²⁴⁷.

Форсированный марш казаков того же Сысоева описан Денисом Давыдовым: «Нужно заметить, что казацкий полковник Сысоев выступил хотя несколькими часами позже из Яловки, но прибыл, по крайней мере, одним часом прежде меня в Зельву. Сему причина та, что я, хотя уже сделал тогда семь кампаний, но отдельно нигде не командовал и не знал [как] водить кавалерию. Сей полковник в форсированных маршах следовал всегда до 30 или 35 верст. Тогда он останавливался кормить лошадей часа 3 или 4 и следовал снова на 30 или 35 верст. Если же на маршу и останавливался, то бывало на минуту для облегчения лошадей от естественной нужды.

Я же, напротив, тогда делал на 15 или 20 верстах привалы по часу и по два без корму, а на 30 или 35 верстах с кормом. Вот почему он у меня всегда выигрывал в сутки часов несколько»²⁴⁸.

Передвижения казаков не замедлялись «излишними» обозами. «У партизанов и казаков нет других повозок, кроме тех, кои они отхватывают у неприятеля, да и этими повозками они не иначе пользуются, как для дальних предприятий, а не в набегам, про-

---

²⁴⁶ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах... С. 78.

²⁴⁷ 1812—1814. Секретная переписка генерала П.И. Багратиона... С. 122.

²⁴⁸ Давыдов Д.В. Неизвестные записки. 1812—1813 гг. // Наше наследие. 1991. № 1. С. 31.

должающихся несколько часов. Обыкновенные их обозы состоят в вьючных лошадях, кои в совокупности называются кошами», — вспоминал Денис Давыдов²⁴⁹.

В походе казаки постоянно заботились о лошадях: «Партия моя, быв тридцать часов непрерывно в походе и действии, требовала отдохновения... Для облегчения лошадей я прибегнул к способу, замеченному мною на аванпостах генерала Юрковско-го еще в 1807 году. Исключив четыре казака для двух пикетов и двадцать — для резерва (который хотя должен был находиться при партии, но всегда был в готовности действовать при первом выстреле пикетов), остальных девяносто шесть человек я разделил надвое и приказал в обеих частях расседлывать по две лошади на один час для промывтия и присыпки ссадин и также для облегчения. Чрез час сии лошади вновь седлались, а новые расседлывались; таким образом в двадцать четыре часа освежалось девяносто шесть лошадей. В тот же день, по просьбе резерва, я позволил и оному расседлывать по одной лошади на один час»²⁵⁰.

Для отдыха в походе казакам требовались минимальные условия. Вот отрывок из воспоминаний Надежды Дуровой: «Я увидела группу казаков, разведших огонь и варивших себе ужин. Сошед с лошади, я подошла к ним: — Здравствуйте, братцы! Вы, верно, будете здесь ночевать? — Будем, — отвечали они. — А лошадей как, пустите на траву?

Они посмотрели на меня с удивлением: — Да куда ж больше! конечно, на траву.— И они далеко не уйдут от вас? — А на что вам это знать? — спросил меня один старый казак, смотря в глаза мне пристально. — Я хотел бы пустить с вашими лошадьми свою пастись на траву, только боюсь, чтоб она не отошла далеко. — Ну, посматривайте за нею, привяжите ее на аркан да обмотайте его около руки, так лошадь и не уйдет, не разбудя вас; мы своих пускаем на арканах.

Сказавши это, старый казак пригласил меня есть с ними их кашу. После этого они спутали своих лошадей и, привязав их на арканы, обмотали концами их каждый свою руку и легли спать»²⁵¹.

²⁴⁹ Давыдов Д.В. Сочинения. М., 1962. С. 307.

²⁵⁰ Там же. С. 323.

²⁵¹ Дурова Н.А. Указ. соч. С. 76.

В зависимости от обстоятельств переходы делались обычные или «усиленные». Так, 26 июля 1812 г. М.И. Платов предписал выслать в армию подкрепления: «Переходы делать им сряду 3 дня от 30 до 35 верст в сутки, а на четвертый день иметь расстах»²⁵². Но после Бородинского сражения требования ужесточились: «открытое повеление» Платова требовало выступать на Москву «форсированно без раздыхов, делая переходы по шестидесяти верст в сутки, разве случится дурная погода, то не менее 50 верст»²⁵³.

Если казаки двигались по своей, а не по занятой врагом территории, на марше предполагалось тщательно следить за лошадьми и проводить занятия с молодыми казаками. При движении на «Москву форсированно без растахов, делая переходы в сутки по шестидесяти верст», командиры должны были наблюдать, «чтобы лошади не были доведены не только до какого-либо малейшего изнурения, а состояли бы в совершенной сытости и справности к делу противу неприятеля. И в таком случае людей вестъ в каждый день перехода сколь можно более пеши, снабдевая лошадей пастбищными местами и водооями благовременною посылкою офицер для получения оных от стороны земского начальства. Всемерно заботиться, чтобы казаки во время похода причаеми были правилам казачьей службы, то есть чтобы ловко сидели на лошадях, умели бы ими и дротиками управлять с быстротою, свойственною казакам, так чтобы все чины доведены были до такой степени совершенства, дабы при первом действии с неприятелем могли быть такими казаками, которые много уже лет находились на походной службе и сражались многократно с неприятелем»²⁵⁴.

При свойственной казакам выносливости большие переходы на них не сказывались. Так, полк Попова 13-го прибыл с Дона в партизанский отряд Дениса Давыдова. «Сей полк, невзирая на усиленные переходы от самого Дона, представился мне в отличнейшем положении и усилил партию мою пятью сотнями добродельных казаков», — вспоминал Давыдов²⁵⁵.

²⁵² Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах... С. 140.

²⁵³ Там же. С. 209.

²⁵⁴ Там же. С. 200.

²⁵⁵ Давыдов Д.В. Сочинения. М., 1962. С. 337.

Полководческое искусство донских генералов

Современники отметили, что донские офицеры не имели такого образования, как штабные офицеры, но превосходили обычных офицеров памятью, глазомером, способностью ориентироваться на местности. Так, в Вероне в 1799 г. Суворов приказал Денисову идти с казачьими полками впереди в авангарде и, по распоряжению австрийского генерал-квартирмейстера, маркиза Шателера, начать кампанию. Последний посоветовал заготовить для каждого офицера планы и верными часами, необходимыми для действий в такой стране, как Италия.

Сначала Денисов встревожился, «что будут делать офицеры, не имеющие понятия о планах и не умеющие обращаться с ними, да и часы, по бедности наших офицеров, не могут многие купить. Почему отвечал его превосходительству, Шателеру, что того нельзя сделать, а по усмотрении вначале придумаем о способах».

С первых же верст все устроилось само собой. Если начальники отряженных казачьих команд не могли передать старшему командованию названия местности, то указывали на то или другое место по строениям и отличающим их фигурам и краскам. Шателер имел возможность удостовериться в верности показаний казаков, и когда они указывали на особенности здания, то итальянцы, бывшие при Шателере, тотчас же узнавали местность и называли ее, «тогда и казаки припоминали, что так и жители говорили, а посему и уверялись, что точно то селение, где французов видели; да и по карте показания казаков о расстоянии и направлении согласны были». По получении и сверке всех донесений начальников казачьих команд генерал Шателер сказал, «что ежели бы он не был самовидцом, то никогда бы тому не поверил, и прибавил мне, чтобы я действовал по своему усмотрению, а сам он возвратился к фельдмаршалу Суворову»²⁵⁶.

Но это было проявление обычного опыта, наработанного непрерывными походами и войнами в самых разных местах и в самых разных уголках бескрайней империи. И современники единодушно отдавали казакам должное в превосходстве за счет опыта. Но вот в стратегических способностях они казачьим военачальникам почему-то отказывали.

²⁵⁶ Записки донского атамана Денисова. С. 97—98.

В предыдущих войнах с французами, турками, поляками и шведами выделилась весьма достойная плеяда донских военачальников. А.В. Суворов во время боев с поляками и в Итальянском походе весьма отличал А.К. Денисова. Уже тогда выделился М.И. Платов, возглавлявший казачьи полки в Персидском походе Валериана Зубова. В 1806—1807 гг. во время войны с французами в Восточной Пруссии и Польше ярко заблестала звезда того же А.К. Денисова и началась европейская слава М.И. Платова. Затем была изнурительная, но не менее богатая сражениями и подвигами война с турками. И там отличились те же Платов и Денисов, а еще многие Иловайские и Грековы. Лейб-казаки со своими командирами, Орловым-Денисовым и Ефремовым, прекрасно показали себя в Финляндии.

Но все это трактовалось, как обычная тактическая выучка и хорошее руководство на уровне сотенных командиров. И через век, в годы Гражданской войны, белые офицеры-«добровольцы», боровшиеся за влияние на рядовое казачество, пытались распространить мнение, «что казачьи низы способны и доблестны, а верхи бездарны и невежественны». Даже верховный вождь «добровольцев» М.В. Алексеев говорил, что у казаков «некоторые сотенные командиры были на своих местах, но выше — сплошные неудачники». В унисон с Алексеевым звучат слова донского офицера И. Плахова: «У нас были хорошие командиры полков (часто из прапорщиков) и очень часто плохие генералы...»²⁵⁷

Зато о донских генералах, поступивших служить не в Донскую армию, а в Добровольческую, белые отзывались в превосходных тонах: «...выдающийся кавалерийский начальник, кавалер ордена Св. Георгия 4-й и 3-й степени, генерал Савельев»²⁵⁸, «блестящий кавалерийский начальник, прекрасно разбиравшийся в обстановке, храбрый и решительный...» — о том же Савельеве²⁵⁹. Справедливость требует сказать, что Виктор Захарович Савельев был действительно выдающимся военачальником, заслужившим за время Мировой войны Георгиевское оружие и два ордена Святого

²⁵⁷ Родимый край. № 111. С. 49.

²⁵⁸ Воспоминания генерала барона П.Н. Врангеля. М., 1992. Т. 1. С. 275.

²⁵⁹ Там же. С. 347.

География. Заслужил он их на посту начальника штаба 1-й Донской дивизии, а затем командира уланского полка.

Попробуем разобраться самостоятельно.

Принципы ведения войны формулировались многими теоретиками и во все времена. Признанным авторитетом в области военного искусства в первой половине XIX века стал генерал Жомини — швейцарец на французской службе, перешедший в 1813 г. на сторону союзников, врагов Наполеона.

Жомини да Жомини,

А об водке ни полслова...

Этой фразой поэт-партизан Денис Давыдов выразил свое сожаление, что молодые офицеры ударились в военную теорию, но не знают реальной военной жизни.

Что же рекомендовал Жомини, какие военные принципы?

«Основополагающий принцип войны

Этот раздел призван показать, что все военные операции охватываются одним основополагающим принципом и этому принципу необходимо следовать во всех операциях. Он включает в себя следующие постулаты:

1) бросать силы армии, применяя стратегические маневры, на решающие пункты театра войны и, максимально возможно, против неприятельских коммуникаций, не подвергая при этом риску собственные коммуникации;

2) совершать маневр так, чтобы главные силы вступали в бой лишь с частями неприятельской армии;

3) на поле боя бросать основную массу сил на решающий пункт или на тот участок расположения противника, на котором важно прорваться в первую очередь;

4) расположить силы таким образом, чтобы эти массы не только были брошены на решающие пункты, но чтобы они и вводились в бой в подходящий момент и энергично»²⁶⁰.

Сами постулаты, как мы видим, предполагают равенство в качестве вооружения и касаются лишь принципов построения и ма-

---

²⁶⁰ Жомини Г. Стратегия и тактика в военном искусстве. М., 2009. С. 70—71.

неврирования с целью добиться превосходства над противником в нужный момент в нужном месте и отрезать его от баз снабжения.

Но принцип «иметь больше войск в нужное время в нужном месте» казаками используется постоянно и как нечто само собой разумеющееся. Вот ситуация в июле 1812 г. под Могилевом — полковник Сысоев громит польский конно-егерский полк: «По прибытии же сегодня генерал-майора Сиверса с 2 драгунскими и 2 казачьими полками Сысоев подвинулся вперед и, открывши неприятеля, из одного конно-егерского полка состоящего, в 5 верстах от Могилева, обошел его со всех сторон, атаковав, разбил, получив в плен полковника — одного, обер-офицеров — 8 и более 200 рядовых. Спасшихся преследуя до Могилева, встретил 4 батальона пехоты с 6 орудиями и возвратился в соединение к Сиверсу»²⁶¹ (поляки признавали, что их 1-й конно-егерский полк потерял половину личного состава — 10 офицеров и 240 нижних чинов)²⁶².

Рапорт самого Сысоева: «Генерала от инфантерии и кавалера князя Багратиона имел я приказание со вверенными мне от него в командование 5 казачьими полками взойти на Могилевскую большую дорогу. Неприятель, пред сим занявший сей город, выслал до несколько эскадронов своей кавалерии с намерением атаковать меня. Лишь только он сблизился с таким покушением ко мне к селению Новоселке, то я, предупредя его в том, сам сделал на него удар и по сильном противоборстве разбил все сии эскадроны и погонею до Могилева чрез 15 верст истребил их до остатка. Вместе с ними убит и командовавший ими генерал, в плен взят полковник — 1, 8 офицеров и более 200 рядовых, в том числе было несколько настоящей наполеоновой гвардии»²⁶³.

Донское командование очень хорошо умело само создать «превосходство в силах». На второй день боя под Миром, когда поляки не поддались на «вентерь», Платов разыграл иной сцена-

²⁶¹ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и в заграничных походах русской армии в 1813 — 1814 гг. С. 111.

²⁶² Буддыменко П.В. Уланы Герцогства Варшавского // Воин № 13. 2003. С. 61.

²⁶³ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и в заграничных походах русской армии в 1813—1814 гг. С. 221.

рий. Удерживая главные силы противника, он перебросил свежий отряд (бригаду Кутейникова) с другого участка фронта, рассчитав время и место удара переброшенного отряда во фланг связанного боем противника. Так в 1808 г. французы разгромили испанцев под Туделой, так в 1815 г. Веллингтон и Блюхер разбили Наполеона при Ватерлоо.

Поляки были смяты и опрокинуты. Как доносил М.И. Платов П.И. Багратиону 28 июня 1812 г., «сильное сражение продолжалось часа 4, грудь на грудь, так что я приказал придвинуть гусар, драгун и егерей.

Генерал-майор Кутейников подоспел с бригадою его и ударил с правого фланга моего на неприятеля так, что из 6 полков неприятельских едва ли останется 1 душа или, быть может, несколько спасется»²⁶⁴.

Но бывали случаи, когда добиться численного превосходства было невозможно. Что ж, и тогда казацкие военачальники «выжимали» из ситуации максимум возможного. Рейд казачьего корпуса Платова в Бородинском сражении — пример того, как с малыми силами можно решать глобальные задачи. По диспозиции полки Платова стояли за 1-й армией. В 6 утра, как только началось сражение, они получили приказ переправиться через речку Колочу, искать и поражать неприятеля. В 7 часов 32 сотни отряда выступили, перешли Колочу и за лесом стали скрытно. Неприятеля непосредственно перед казаками не оказалось. Разведка, переходившая речку еще ночью, донесла, что левый фланг французов прикрыт незначительными силами кавалерии, а пехота левого фланга сосредоточена против русского центра у деревни Бородино. Оказалось, что два русских корпуса стоят практически против пустого места, а французы сосредоточили свои войска против русского центра и левого фланга.

Платов послал известить о том Кутузова и предложил произвести диверсию против французов, если в помощь ему пришлют регулярные войска и артиллерию.

Когда платовский посланец, Эрнст Гессен-Филипп-Стальский, обратился к любимцу Кутузова генерал-квартирмейстеру Толю,

---

²⁶⁴ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и в заграничных походах русской армии... С. 91.

ситуация на поле боя была крайне тяжелой. Три часа прошло с начала сражения, а левый фланг русских был уже отброшен, Багратион ранен, и за малым не прорван центр русской позиции. Расстроенные войска приводились в порядок. Пробитые французской атакой бреши в обороне закрывались резервами и полками с правого фланга. Толь предложил Кутузову послать на поддержку Платова гвардейскую кавалерию Уварова, чтобы отвлечь французов от левого фланга русской армии.

В начале 11-го корпус Уварова тронулся, но двигался медленно. Платовские казаки сбили противостоящую им баварскую конную бригаду, отогнали ее к речке Войне, до плотины, прикрытой пехотой. Место, где Уваров с корпусом мог бы развернуться, было расчищено, а сам Платов с казаками взял правее и через лес вышли еще дальше во фланг французам. Здесь они сбили еще одну баварскую бригаду и подоспевшую ей на помощь итальянскую кавалерию.

Наполеон приостановил общую атаку на русскую армию. Появление казаков на фланге встревожило его. Платов же, как на зло, не показывался из леса, скрывал свои силы, и французы долго не могли определить, насколько реальна опасность, угрожающая их флангу. На всякий случай послали туда пехоту и часть гвардейской кавалерии.

Конечно же, 32 донские сотни не могли нанести значительного урона 135-тысячной французской армии. Платов, опытный военачальник, прекрасно это понимал. Он лишь грозил и тем самым отвлекал французов. Если бы он вывел из леса и развернул все свои наличные силы, Наполеон просто перестал бы тревожиться, двинул на казаков любую из своих дивизий (этого оказалось бы вполне достаточно) и снова взялся бы за русский левый фланг... В общем, Платов сделал, что мог, выиграл время и дал русской армии передышку, возможность подвести резервы и закрепиться на новых позициях.

Д.Н. Болговский, дежурный штаб-офицер 6-го корпуса, вспоминал: «Этот маневр Платова решил участь русской армии, потому что Наполеон, извещенный о происходившем на его крайнем левом фланге, приведенный в сильное раздражение этой помехой, направил на его поддержку возможно поспешнее колонну в двадцать три тысячи человек — диверсия, которая лишила его на остальную часть дня средств воспользоваться успехами, одержанными его правым

крылом... Таковы факты, которые многим неизвестны. Они доказывают, что если бы Платов действовал соответственно предписанным ему приказаниям, что если бы он считал своей обязанностью только строгое повиновение своему начальству, поражение нашей армии было бы весьма вероятным; потому что, пока он со всеми своими пиками оставался в дефиле, он угрожал; но если бы он атаковал неприятеля силами, которые не имели никакого значения в регулярном бою, очарование исчезло бы, и двадцать три тысячи человек, отделенных от победоносного неприятельского крыла, несомненно довершили бы разгром нашей армии»²⁶⁵.

Вскоре Уваров после безуспешных атак ушел за Колочу, а вслед за ним ушел и Платов.

В сражении под Романово летом 1812 г. Платов продемонстрировал способность драться на любой позиции и в любых боевых порядках.

«Надеясь, что после этого урока поляки оставят его в покое, он на ночлеге заботился, как обыкновенно, о выгоде лошадей и людей и расположился около речки, не переходя на другой берег, а переправив одну только пехоту. Утром 28-го аванпосты, расположенные в 5 верстах, дали ему знать, что неприятельская кавалерия сильно на них наступает. То была польская дивизия генерала Рожнецкого, составлявшего авангард Вестфальского короля. Генерал Платов высмотрел неприятеля и приказал отыскивать броды. Речка была глинистая, лошади вязли и бродов не отыскано. Для переправы оставался деревенский мостик. Платов сказал: “Не топиться же нам, ребята”, и решился драться. Сам засел в кусты по одной стороне дороги. Илювайского спрятал на другой, а перед неприятелем оставил только два полка. Шесть полков уланов на них бросились и занеслись по обыкновению слишком далеко до самого моста. Платов ударил во фланги; дело завялось, и сначала не знали, чем оно кончится»²⁶⁶.

По воспоминаниям Д.В. Давыдова, «передовые польские полки были опрокинуты и много потеряли. Но новые их силы подошли

---

²⁶⁵ Бородино. Документы, письма, воспоминания. М., 1962. С. 341—342).

²⁶⁶ Паскевич И.Ф. Походные записки (1837—1838) // 1812 год в воспоминаниях современников. М.: Наука. 1995. С. 83).

и наши принужденными нашли отступить за реку в неожиданном порядке, ибо если б неприятель более усилил натиск свой, то, конечно, большая часть казачьих полков погибла в болотистой реке, окружающей Романово»²⁶⁷.

Отступление проходило под прикрытием конной артиллерии, установленной на «своей» стороне реки.

М.И. Платов зарекомендовал себя прекрасным арьергардным начальником. 19 февраля 1813 г. в письме он напомнил М.И. Кутузову: «Я не распространяю здесь дела, бывшие в июне и июле месяцах и до половины августа прошлого 1812 г., где я прикрывал ретираду обеих армий и дрался с неприятелем ежедневно, спасая все, как и остающихся за слабостию солдат, подвозя их на казачьих лошадях и не дав взять неприятелю ни одной повозки, о чем тогда же известно было обоим предводителям армий; но труды, подъятые нами, были неисчислимы»²⁶⁸.

Сам Наполеон в своих высказываниях был более краток, чем Жомини, и афористичен: «Военное искусство состоит в размещении войск таким образом, чтоб они были одновременно повсюду»²⁶⁹. Но именно французы весь 1812 год жаловались, что «казачи вездесущи», «казачи повсюду».

Еще один наполеоновский «максимум»: «На войне нужны простые и точные решения»²⁷⁰.

Но для принятия простого и точного решения нужна большая аналитическая работа. И М.И. Платов постоянно анализировал действия противника и старался предугадать его последующие шаги. Вот отрывок из рапорта М.И. Платова П.И. Багратиону от 1 июля 1812 г.: «Неприятель, чтобы сильно стремился в бой, сего не видать, а по всему приметно, что заводит остановку и имеет какой-нибудь особый план свой»²⁷¹.

²⁶⁷ Давыдов Д.В. Неизвестные записки. 1812—1813 гг. // Наше наследие. 1991. № 1. С. 31.

²⁶⁸ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и в заграничных походах русской армии в 1813—1814 гг. С. 390.

²⁶⁹ Платов А. Так говорил Наполеон. М., 2003. С. 575.

²⁷⁰ Там же. С. 579.

²⁷¹ 1812—1814. Секретная переписка генерала П.И. Багратиона... С. 76.

Особое внимание исследователей всегда привлекало чудесное спасение остатков наполеоновской армии на Березине. Подходящая с Дуная армия адмирала Чичагова перекрыла французам дорогу и заняла на ней ключевой пункт — город Борисов. С севера, с петербургского направления, двигался корпус Витгенштейна. С востока на французов наседали Платов. Основные силы Кутузова находились верстах в ста юго-восточнее места, где должна была произойти развязка.

М.И. Платов заранее, 12 ноября, связался с Витгенштейном и высказал в письме уверенность, что французы будут прорываться через Березину на Вилейку, севернее Борисова. «У нас слухи есть будто бы Минск Чичаговым занят, а с сим словом меня извещают, будто бы часть его корпуса разбила корпус Домбровского даже у Борисова. О Вашем же сиятельстве сказывают мне, будто бы аванпосты Ваши будут ночевать у Бобра. Не знаю, какую посему дорогу может взять Наполеон как не на Вилейку? Я с моими войсками на походе к Крупкам, около которого буду ночевать. Главная же армия наша шестой день назад была в Романове»²⁷².

Практически за два дня до того, как французы, обманув Чичагова, начали переправу, Платов правильно указал направление и место их переправы.

О том же и тогда же он писал Кутузову: «По всему кажется, неприятель от Борисова должен поворотить на Вилейку»²⁷³.

Командование и «партнеры» не вняли платовским «прогнозам», и 15 ноября, когда Наполеон уже вырвался из ловушки, Платов иронично написал Витгенштейну: «Распоряжения Ваши на поражение неприятеля полезны и похвальны»²⁷⁴.

А М.И. Кутузов, судя по переписке, и вовсе «проморгал» переправу Наполеона через Березину. 18 ноября, когда Наполеон был уже далеко, Кутузов, отставший с основными силами армии, спрашивал у Платова: «Получил я, кроме Вашего рапорта от 16-го числа, и рапорт от адмирала, и по сию пору еще в неизвестности; по рапорту Павла Васильевича, казалось бы, что

²⁷² Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и в зарубежных походах русской армии в 1813—1814 гг. С. 264

²⁷³ Там же. С. 265.

²⁷⁴ Там же. С. 268.

неприятель еще нигде Березы не переправился, а по Вашему думать можно, что уже он реку перешел; и мне весьма бы нужно было о сем ведать»²⁷⁵.

Ситуация повторилась во время «Битвы народов» под Лейпцигом.

5 октября 1813 г., в день затишья, М.И. Платову исход сражения уже был ясен. Он беспокоился, что Наполеон, потерпев поражение, сможет уйти из Лейпцига в сторону Эрфурта, и просил направить его с казаками перекрыть это направление.

5 октября М.И. Платов рапортовал М.Б. Барклаю де Толли: «По случаю сближения всех наших армий к одному пункту, и стеснения оными противной армии от Галле, Дрездена и Борны, когда не предложит неприятелю вероятно свободнейшего ходу иначе, как на Эрфуртскую дорогу, то не будет ли согласно с мнением Вашего высокопревосходительства, дабы я с войсками моими двинулся как в преграждение его пути, так и для действия противу резервов неприятельских, которые бы ему могли от Эрфурта сюда подходить. Впрочем, генеральный план действий всех армий укажет, может быть, мне чрез Ваше высокопревосходительство те пункты, на которые мне будет нужнее действовать, о чем и буду я иметь честь ожидать разрешения Вашего высокопревосходительства чрез сего посланного»²⁷⁶.

Но командование Платову не вняло.

М.Б. Барклай де Толли М.И. Платову 5 октября: «Господину генералу от кавалерии графу Платову

На представление Вашего сиятельства под № 39 спешу отозваться, что Вы с вверенными Вам войсками должны впредь до повеления оставаться на занимаемом Вами пункте и действовать на неприятеля как можно решительней, а особенно когда прибудет на сей же пункт генерал Беннигсен»²⁷⁷.

6 октября М.И. Платов вместе с генералом Беннигсеном атаковал Лейпциг с юго-востока, а 7-го разбитый Наполеон ушел из города именно тем путем, на который указывал Платов.

²⁷⁵ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и в заграничных походах русской армии... С. 270—271.

²⁷⁶ Там же. С. 479—480.

²⁷⁷ Там же. С. 481.

**Рациональное и нерациональное
использование казаков русским командованием**

В русской армии зачастую бывали случаи, когда казачьих военачальников ставили в подчинение младших по званию «русских» командиров. Казаки это, естественно, переживали. А.К. Денисов, попав под начало П.И. Багратиона, «молча переносил, как всегдашнюю участь казаков. Притом же я обнадеживался, что военные дела представят мне случай заслугами найти право старшинства»²⁷⁸.

Но дело здесь было не в нарушении принципа старшинства, а в том, что «русские» военачальники иногда просто не умели правильно использовать казаков. Как вспоминал А.К. Денисов, «...не имея твердых и утвержденных государями и военного коллегиею правил, ...войсковые и полковые начальники... делали каждый свои предложения и заключения, ...многие не знали даже и того — для чего принято иметь всегда впереди полков полковые знамена, а также, что одни называли казачьи сотни — эскадронами, другие — ротами; одни строили полки — во фронт, другие — в линию, казаки же, приученные строиться лавою, не понимали значения фронта или линии, не знали, что считать лучшим, сожалели и смущались, что не по древнему обычаю ими управляют...»²⁷⁹.

Бывало, что казаков просто губили, заставляя стоять под ядрами, нести бессмысленные потери без нанесения хотя бы ответного ушерба противнику. А.К. Денисов вспоминал один эпизод: «Полк мой стал... во фланге, несколько уступя назад, и частью был прикрыт малым возвышением. К нам швыряли поминутно ядра, от которых казаки мои не могли стоять спокойно и часто просили, чтоб их весть в атаку...»²⁸⁰

Ведущие военные теоретики прекрасно понимали сильные и слабые стороны казачества. «Опыт показывает, что атаки отрядов нерегулярной конницы могут привести к разгрому лучшей кавалерии частичными наскоками, — писал Жомини, — но он также демонстрирует, что в обычных сражениях на нерегулярную

²⁷⁸ Записки донского атамана Денисова. С. 92.

²⁷⁹ Там же. С. 186.

²⁸⁰ Там же. С. 55.

конницу нельзя положиться в том, от чего может зависеть судьба войны. Такие атаки являются ценными дополнениями к атаке кавалерии в строю, но сами по себе они не приведут к решающим результатам»²⁸¹.

Денис Давыдов критиковал неправильное использование корпуса М.И. Платова в 1807 г.: «До марта месяца он находился в авангарде главной армии. От 1 (13) марта до 24 мая (5 июня) он составлял при Пассенгейме связь главной армии с корпусом, действовавшим на Нареве, а потом, до Тильзита, он не выходил из состава боевой линии той же главной армии. Какая произошла из этого польза? Никакая или весьма скудная! Казацкое войско било, было бито, нападало, отступало и, наконец, отступило до Тильзита вместе с прочими войсками армии... Но боже мой! Какое представлялось ему поле для развития его природной удали!

Если бы впоследствии, вместо того чтобы... заниматься около трех месяцев пустыми перестрелками с новонабранными польскими войсками, параллельно против них стоявшими,... казаки наши, разделяясь на партии, предприняли бы поиски... на сообщение главной французской армии...

Тогда только они принесли бы истинную пользу общему делу. Действуя в совершенном смысле партизанской войны, в земле, с нами союзной и против конницы усталой и неспособной, при самой свежести своей, к отражению партизанских натисков — неожиданных, пролетных, — они неминуемо посеяли бы разрушение и ужас в тылу французской армии...»²⁸²

В 1812 г. сами французы отметили, что русское командование казаков очень часто использует неправильно.

По воспоминаниям генерала Марбо, одного из лучших французских кавалеристов, во время сражения под Полоцком русское командование поставило казаков удерживать позицию, и они вынуждены были, стоя на месте, встретить конную атаку французов. Нарушен был главный принцип — казаки должны быть в постоянном движении. «Мой полк стоял против казаков русской гвардии, которых можно было узнать по красному цвету их курток, а также по их прекрасным лошадям, — вспоминал

²⁸¹ Жомини Г. Указ. соч. С. 324.

²⁸² Давыдов Д.В. Сочинения. С. 288.

Марбо. — Как только, двигаясь галопом, мы оказались на достаточном расстоянии от противника, генерал Кастекс скомандовал атаку, и вся бригада двинулась на русских. В первый же момент 24-й (конно-егерский. — *А.В.*) полк пробил линию драгун. Мой полк испытал со стороны гвардейских казаков большее сопротивление. Казаки были отборными, сильными людьми. Они были вооружены пиками длиной 14 футов и держали их твердой рукой. У меня было несколько убитых и много раненых, но в конце концов мои храбрые кавалеристы прорвали вражескую линию, оцетинившюся пиками. Удача была на нашей стороне, потому что длинные пики вредны в кавалерийском сражении, когда те, кто держит эти пики, оказываются в некотором беспорядке и их теснит противник, вооруженный саблями. Противник легко может воспользоваться своими саблями, а уланам и казакам весьма трудно применить свои пики. Поэтому казакам пришлось обратиться в бегство»²⁸³.

Вину за неудачу лейб-казаков Марбо без колебаний возлагает на их командование: «Кавалерийские сражения гораздо менее гибельны для людей, чем сражения кавалерии против пехоты. Впрочем, русские кавалеристы обычно неловки во владении холодным оружием, а их командиры, мало сведущие в тактике, не умеют посылать своих кавалеристов в атаку в нужный момент, так что, хотя мой полк и сражался в Полоцком сражении с казаками русской гвардии, известными как самые лучшие кавалеристы русской армии, он не понес значительных потерь»²⁸⁴.

Казаки и их начальники видели, что их используют неправильно. Прикрывая отступление русской армии, они — конница — должны были драться в лесной местности. Вот рапорт М.И. Платова М.Б. Барклаю де Толли от 10 августа 1812 г.: «Неприятель в кавалерии и пехоте стремительно на меня наступает и находится уже от переправы через Днепр версты 4.

Я в рассуждении лесных мест, хотя и отступаю, но занимаю его перестрелкою и удерживаю, но действовать сильно кавалериею в лесах не могу, а выбрано место при плотине, и по обеим сторонам лес. Тут полагаю его позадержать несколько, пока он орудиями

²⁸³ *Марбо Ж.* Указ. соч. С. 559.

²⁸⁴ Там же. С. 560.

своими может заставить отступить; но при всем том буду стараться, чтобы его до вечера не допустить сблизиться к армии»²⁸⁵.

Казачков, дерущихся в арьергарде, заставили подбирать слабых и отсталых пехотинцев. М.И. Платов рапортовал М.И. Барклаю де Толли 10 августа 1812 г.: «Всех таковых слабых оставленных полками приказано от меня полкам подвозить на казачьих лошадях, от чего довольно казаков, будучи заняты сим употреблением, идут пеши и отвлекаются от употребления по службе и даже от действия противу неприятеля». В итоге Платов просил найти другие средства для сбора отсталых²⁸⁶.

М.И. Платов считал, что при рациональном использовании для ведения войны хватило бы и половины поставленных в строй казачьих полков. 15 декабря 1812 г. он писал графу Н.А. Саблукову: «При армиях, по моему мнению, довольно бы было и 32 или по крайней мере 35 полков, ежели будут уметь употреблять их...»²⁸⁷

Но «русские» командиры русских войск, находившие «повиновение начальству — сей необходимый, сей единственный склей всей армии, — доведенным в нашей армии до совершенства»²⁸⁸, и гордые этим, хотели от казаков слепого повиновения и заранее (априори) были недовольны их действиями. Рейд Платова в ходе Бородинского сражения, который, по мнению ряда участников, спас русскую армию от поражения, вызвал ряд нареканий и даже обвинений со стороны высшего командования.

«Во время всех сих происшествий, князь Кутузов отрядил 1-й кавалерийской корпус к Москве реке для нападения на левой фланг неприятеля с помощью казаков генерала Платова, если бы сие нападение исполнилось с большею твердостью, не ограничиваясь одним утомлением неприятеля, то последствие оно было бы блистательно», — сетовал Барклай де Толли²⁸⁹.

«В продолжение сего 1-й кавалерийский корпус генерал-адъютанта Уварова и полки войска Донского под личным началь-

²⁸⁵ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах. С. 177.

²⁸⁶ Там же.

²⁸⁷ Там же. С. 312.

²⁸⁸ Давыдов Д.В. Сочинения. С. 168.

²⁸⁹ Бородино. Документы, письма, воспоминания. М., 1962. С. 335.

ством Платова с правого нашего фланга сделали атаку, которая хотя и ничего не имела решительного, но замечено было движение в прилежащих к сему пункту неприятельских войсках, а в других местах жестокость огня уменьшилась, из чего заключить можно, что полезно было левое крыло их угрожать нападением, что по крайней мере служило бы развлечением их сил; но как случается обыкновенно, что казаки в генеральных сражениях никакой не приносят пользы, то и в сем случае, встретивши некоторое препятствие, возвратились», — вспоминал А.П. Ермолов²⁹⁰.

Декабрист А.Н. Муравьев объяснял «вялые» действия казаков их неприязню к Барклаю де Толли: «Казаки вообще очень вяло действовали в этот день, тогда как могли бы произвести важную диверсию на левом неприятельском фланге; но это, может быть, произошло оттого, что Платов временно причислен был к армии Барклая, к которому все питали ненависть, в особенности же казаки, потому что они более нас еще ненавидели немцев»²⁹¹.

В целом мы видим, что казаки были действительно уникальным боевым механизмом, который тем не менее требовал умелого и грамотного руководства.

Великий вклад, внесенный казаками в победу над неприятелем в 1812 году, был оценен высшим руководством и всеми участниками событий несколько позднее. Между тем вслед за Отечественной войной 1812 года последовала освободительная кампания в Европе, в которой казакам предстояли не меньшие подвиги и не меньшее напряжение.

---

²⁹⁰ России двинулись сыны. С. 70.

²⁹¹ Бородино... С. 377.

ДОНСКИЕ КАЗАКИ И СТРАТЕГИЧЕСКАЯ СЛУЖБА КОННИЦЫ В 1813 ГОДУ: РАЗВЕДКА, ЗАВЕСА, ЛИШЕНИЕ ПРОТИВНИКА ИНФОРМАЦИИ, РЕЙДЫ

Выход донских казаков от Немана на линию Эльбы, прикрытия развертывания союзных армий

Донские казаки пересекли границы России и начали освободительный поход в Германию в начале декабря 1812 г.

К этому времени соотношение сил противоборствующих сторон разительно отличалось от ситуации середины 1812 г.

23 ноября (5 декабря) 1812 г. Наполеон оставил свою армию и бежал в Париж. Наголову разбитые и потерявшие до 85—90 % личного состава французские войска уходили с территории России двумя группировками. В районе Варшавы сосредотачивались воевавший в 1812 году на Волыни 40-тысячный австрийский корпус Шварценберга и остатки участвовавшего в походе на Москву польского корпуса Понятовского (16 (28) декабря 1812 г. эти остатки вошли в Варшаву, насчитывая 4 генерала, 120 офицеров, 220 солдат и 30 орудий)²⁹². В район Кёнигсберга отступали до 12 тысяч войск, включавшие остатки X армейского корпуса под командованием маршала Э.Ж. Макдональда, остатки Император-

²⁹² Булдыменко П.В. Уланы Герцогства Варшавского // Воин № 13. 2003. С. 62.

ской гвардии и корпусов главной группировки Великой армии под командованием короля Неаполитанского (затем вице-короля Евгения Богарне), и до 18 тысяч союзных Франции пруссаков. Свыше 30 тысяч наполеоновских солдат занимали крепости на Висле, до 20 тысяч — крепости на Одере, около 18 тысяч — крепости на Эльбе.

Русские войска тоже сильно сократились. За два месяца наступательных действий, с начала октября до начала декабря 1812 года, Главная армия уменьшилась со 120 тыс. до 51 тыс. человек, армия Чичагова, подошедшая с Дуная, сократилась с 40 тыс. до 24 488 человек, войска Виттенштейна, прикрывавшие петербургское направление, с 50 тыс. до 34 493 человек. Всего в трех армиях без корпусов Сакена, Эссена и других было почти 111 тыс. человек при 533 орудиях. А с этими корпусами и с казачьими частями насчитывалось около 141 тыс. человек²⁹³.

Войска были измотаны. 25 ноября (7 декабря) М.И. Кутузов рапортовал царю, что необходимо остановить Главную армию у Вильно, «дабы дать ей время несколько собраться, ибо быстрое движение сей армии на 800 верст в преследовании неприятеля, кроме потери в разных сражениях... немаловажно, но главная причина нынешнего ее ослабления происходит оттого, что тысячами иногда усталых и заболевших должно было оставлять на дороге...»²⁹⁴.

И 1 декабря 1812 г., остановив армию в Вильно, Кутузов доложил царю: «...признаться должно, что, ежели бы не приостановись, а продолжить действия еще верст на полтораста, тогда бы, может быть, расстройка дошла до такой степени, что должно бы, так сказать, снова составлять армию»²⁹⁵.

2 (14) декабря он рапортовал царю, что вынужденный отдых Главной армии «может продолжиться до двух недель». Но нельзя было останавливать преследования, и тем же рапортом Кутузов сообщил: «Граф Платов со всеми казачьими полками, одним гусарским и 2-мя драгунскими из армии адмирала Чичагова, равно и

²⁹³ Поход русской армии против Наполеона в 1813 году и освобождение Германии. Сборник документов. М., 1964. С. 14.

²⁹⁴ Там же. С. 1.

²⁹⁵ Там же. С. 2.

авангард графа Витгенштейна и Чичагова, преследуют неприятеля по его следам и должны продолжать свое движение до самой Вислы»²⁹⁶.

Александр I, напротив, требовал немедленного перехода через границу всей армией, чтобы следовать непрерывно за неприятелем, «отрезывать ему сообщение и соединение с новыми подкреплениями его»²⁹⁷. Царь полагал, что появление русских войск за границей вынудит Австрию и Пруссию тотчас же порвать с Наполеоном²⁹⁸.

Австрийские и прусские войска, формально союзные Франции, действительно не воспринимались русскими командирами как серьезный реальный противник, все усилия были направлены на добывание остатков наполеоновских корпусов, входивших полгода назад в пределы России

3 (15) декабря М.И. Платов рапортовал М.И. Кутузову: «Остатки его от разных корпусов после поражения находятся с гвардиею и последовали от Ковно, как выше донесено, по дороге на Вилковский и на Тильзит и не более по примечанию, как тысяч 20. Орудий же при оных и 20-ти нет»²⁹⁹.

Невзирая на волю царя, М.И. Кутузов дал основной части войск трехнедельный отдых. За это время армия была на «центр» и два «крыла». Утомленные силы Главной армии, преследовавшие французов от Малоярославца до Вильно, составили «центр». Преследовавшие французов от Березины в сторону Кёнигсберга войска Витгенштейна и Чичагова образовали мощное «правое крыло», а подошедшие с Волыни отдельные корпуса Остен-Сакена и Мусина-Пушкина — «левое крыло». Наконец, 21 декабря (2 января) вышел приказ по армиям о переходе границы: «Не останавливаясь среди геройских подвигов, мы идем теперь далее. Пройдем границы и потщимся довершить поражение неприятеля на собственных полях его»³⁰⁰.

²⁹⁶ Поход русской армии против Наполеона в 1813 году и освобождение Германии. Сборник документов. М., 1964. С. 4—5.

²⁹⁷ Там же. С. 5.

²⁹⁸ Там же. С. 15.

²⁹⁹ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничном походе. С. 296—297.

³⁰⁰ Поход русской армии против Наполеона в 1813 году. С. 13.

Но преследование разбитых наполеоновских войск не прекращалось. Оно велось авангардами, состоящими из легких войск и казаков. 2 (14) декабря М.И. Кутузов направил М.И. Платову предписание: «По переходе неприятеля чрез Неман все казачьи войска, в команде Вашей находящиеся, равно и те, которые в команде генерал-адъютанта Кутузова, должны следовать за неприятелем до самой Вислы»³⁰¹. Впрочем М.И. Платов продолжал преследование неприятеля и без предписания высшего начальства. 1 (13) декабря 1812 г. он писал П.Х. Витгенштейну: «От меня посланы уже донские полки для преследования неприятеля и поражения его за Неман, и надеюсь, что завтра будут от Немана верстах в 30»³⁰².

Пройдя за полтора месяца с боями тысячу верст по разоренной дороге в зимних условиях, казачьи лошади, по словам М.И. Платова, «пришли в усталость», поэтому для преследования из всех казачьих полков были отобраны лишь «доброконные казаки» «с остатками полковых начальников»³⁰³. 9 (21) декабря 1812 г. М.И. Платов рапортовал М.И. Кутузову: «Повеление Вашей светлости от 2-го числа сего месяца я имел честь получить. Приношу всепокорнейшую благодарность мою за делаемую мне доверенность в преследовании остатков неприятеля до Вислы.

Но о преследовании до Вислы позвольте Вашей светлости, как благодетельному начальнику, по всей истине доложить, что в Донских полках после непрерывного денно и ночью преследования неприятеля чрез полуторамесячное время не более осталось казаков, как в лучшем полку полтора человека, на таких лошадях, кои могут еще, хотя с трудностью, действовать. Впрочем, сделано много казаков, больных разными болезнями, ознобивших ноги в бывшие сильные морозы, в которые я, несмотря ни на что, старался давить неприятеля, и не мало осталось их за усталю лошадей, которые, хотя и собираются к полкам, но все еще не все собрались, на что потребно время, ежели не более, то, по крайней мере, неделя. Почему и нахожу я необходимо нужным, чтобы дать

³⁰¹ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничном походе. С. 293.

³⁰² Там же. С. 292.

³⁰³ Там же. С. 295.

полкам на сне время раздых, дабы, во-первых, пособрались казаки, о[т] ставшие от полков за усталостью лошадей, как выше сказано; во-вторых, повыздоровели бы больные от ознобления ног, и, в-третьих, все вообще при случае отдыха подкрепили бы изнурившихся до усталости лошадей своих, о чем имею я особенное попечение мое.

Впрочем, я должен свято исполнять все повеления Вашей светлости во всей точности и делаемую мне доверенность оправдывать»³⁰⁴.

Пройдет около года, и мы увидим в донских полках по 300 всадников, и это при том, что с Дона официально подкреплений не поступало. Получается, что донские полки отсталыми потеряли более половины состава, но оставшие впоследствии свои полки догнали. Но был и еще один канал оттока казаков из полков. К.А. Бискупский, оказавшийся вместе с казаками в партизанском отряде А.С. Фигнера, записал, что занятие казаков — «лишь грабить и грабить, наполнять огромные вьюки огромных своих ковшов и отправлять на Дон во всякое время войны по несколько раз»³⁰⁵. То есть даже из партизанского отряда казаки отправляли домой награбленное несколько раз и, естественно, импровизированные обозы сопровождали вооруженные отряды. Добыча, взятая в 1812 г., была огромна (о чем ниже), и чтобы сопроводить ее до дому, требовались значительные конвои (о чем, естественно, в официальном полковом делопроизводстве не говорилось). Вот почему к концу 1812 г. казачьи полки оказались так малочисленны. А к концу 1813 г. они имели в строю по 300 всадников (о чем ниже). Во-первых, дисциплина стала строже, грабежи строжайше карались. Во-вторых, из Западной Европы через чужие границы и чужие таможи обоз с награбленным добром тайком от высшего командования не отправившь...

Казачьи и иррегулярные полки в начале освободительного похода русской армии в Европу были распределены следующим образом:

Главная армия

Авангард Ф.Ф. Винцингероде

Легкий отряд полковника Д.В. Давыдова:

³⁰⁴ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. ... С. 302.

³⁰⁵ Письма полковника К.А. Бискупского... С.101.

Донской казачий Попова 13-го полк

1-й Бугский казачий полк

Казачий отряд генерал-майора В.Д. Иловайского 12-го

Донской казачий Грекова 9-го полк

Донской казачий Грекова 21-го полк

Донской казачий Кутейникова 4-го полк

Донской казачий Семенченкова полк

Донской казачий Иловайского 12-го полк

3-й Уральский казачий полк

Кавалерийский корпус генерал-адъютанта князя В.С. Трубецкого

1-й Украинский казачий полк

3-й Украинский казачий полк

Евпаторийский конно-татарский полк

Летучий корпус генерал-лейтенанта графа П.П. Палена 3-го

Донской казачий Власова 2-го полк

Донской казачий Исаева 2-го полк

Колонна генерала от кавалерии графа А.П. Тормасова

Лейб-гвардии казачий полк

Колонна генерала от инфантерии М.А. Милорадовича

Казачья бригада генерал-майора А.А. Карпова

Донской казачий Слюсарева 1-го полк

Донской казачий Чернозубова 4-го полк

Донской казачий Карпова 2-го полк

Казачий полк Тульского ополчения

Правое крыло

Казачий корпус генерала от кавалерии графа М.И. Платова

Атаманский полк

Донской казачий Быхалова 1-го полк

Донской казачий Гревцова 2-го полк

Донской казачий Денисова 7-го полк

Донской казачий Сысоева 3-го полк

Донской казачий Грекова 18-го полк

Донской казачий Власова 3-го полк

Донской казачий Сулина 9-го полк

Донской казачий Комиссарова 1-го полк

Донской казачий Иловайского 11-го полк

Донской казачий Жирова полк
Донской казачий Белгородцева 1-го полк
Донской казачий Мельникова 4-го полк
Донской казачий Грекова 1-го полк
Донской казачий Андриянова 2-го полк
Донской казачий Иловайского 5-го полк
Донской казачий Грекова 5-го полк (?)
Донской казачий Иловайского 10-го полк (?)
Донской казачий Ребрикова 3-го полк
Донской казачий Иловайского 3-го полк
Донской казачий Харитоновна 7-го полк
Донской казачий Кутейникова 6-го полк
2-й Башкирский казачий полк
Симферопольский конно-татарский полк
Перекопский конно-татарский полк
1-я Донская батарея артиллерийская рота
2-я Донская батарея артиллерийская рота

Армия генерала от кавалерии графа П.Х. Витгенштейна

Казачий отряд генерал-майора Иловайского 4-го
Донской казачий Платова 4-го полк
Донской казачий Лощина 1-го полк
Донской казачий Иловайского 4-го полк
Донской казачий Грекова 17-го полк
Донской казачий Сучилина 2-го полк
Донской казачий Ягодина полк
Донской казачий Иловайского 9-го полк
Казачий полк Тверского ополчения
2-й авангард генерал-майора Д.Д. Шепелева
Ставропольский калмыцкий полк
Донской казачий Родионова 2-го полк
Донской казачий Чернозубова 8-го полк
Корпус генерал-лейтенанта Ф.Ф. Левиза
Донской казачий Селиванова 2-го полк
Волонтерский Яхонтова полк

3-я Западная армия адмирала П.В. Чичагова

Летучий корпус генерал-майора графа М.С. Воронцова

Казачья бригада полковника Г.А. Луковкина
Донской казачий Луковкина полк
Донской казачий Барабанщикова 2-го полк
Донской казачий Пантелеева 2-го полк
Авангард генерал-лейтенанта Е.И. Чаплица
Казачий отряд генерал-майора П.М. Грекова 8-го
Донской казачий Исаева 2-го полк
Донской казачий Грекова 8-го полк
Донской казачий Грекова 4-го полк
Донской казачий Киреева 2-го полк
Донской казачий Дячкина полк
Донской казачий Мельникова 5-го полк

Резерв генерал-лейтенанта А.П. Засса
Волонтерный Скаржинского полк

Левое крыло генерал-лейтенанта барона Ф.В. Остен-Сакена

Отдельный корпус генерал-лейтенанта барона Ф.В. Остен-Сакена

1-й Калмыцкий казачий полк
4-й Уральский казачий полк
Донской казачий Власова 2-го полк
Донской казачий Чикилева полк
2-й Башкирский казачий полк
2-й Калмыцкий казачий полк
2-й Украинский казачий полк

Отдельный корпус генерал-лейтенанта П.К. Мусина-Пушкина
Донской казачий Турчанинова 1-го полк

Полки, как мы помним, были малочисленны, едва могли выставить по 150 доброконных казаков. Казачьи полки, подошедшие с Дуная и воевавшие на Волыни, сохранились лучше, некоторые имели в строю по 250—280 казаков. На пополнение казачьих полков в декабре 1812 г. с Дона прибыли 2488 казаков³⁰⁶. Возможно, это собрали и отправили обратно в полки тех, кто сопровождал на Дон обозы с добычей. Впрочем, какого-то объяснения этой цифре

---

³⁰⁶ Максимов К.Н., Очиров У.Б. Указ. соч. С.239.

и этому факту в документах найти не удалось. Но и эти пополнения не могли поправить положения. Полки оставались малочисленными, да и регулярная кавалерия авангарда сохранилась не лучше казаков.

М.И. Платов докладывал М.И. Кутузову 11 декабря 1812 года: «Донские полки малочисленны, а регулярной кавалерии всего во всех 4 полках: Ольвиопольском гусарском и драгунских: Арзамасском, Житомирском и Нежинском, не более налицо здоровых и на способных к действию лошадей, как только до 7 сот человек»³⁰⁷.

Кампанию в Европе можно разделить на несколько этапов.

На 1-м этапе кампании, в декабре 1812 г., русское командование планировало нанести главный удар правым крылом по территории северной Польши и Восточной Пруссии. Задача — добить бегущие перемешанные французские корпуса, уничтожить более или менее сохранившийся корпус Макдональда (ранее действовавший на рижском направлении), изолировать колеблющихся пруссаков от французов и верных французам поляков и очистить территорию до Вислы.

Задача возлагалась на армии Виттенштейна и Чичагова (практически на их авангарды) и на казачий корпус Платова (всего до 55 тысяч человек).

Уже 13 (25) декабря казаки Платова разведали, что впереди на западе до самой Вислы неприятеля нет. М.И. Платов, стоявший со своим корпусом в Ковно, решил повернуть казаков на север, вниз по течению Немана, чтобы перехватывать наполеоновские войска, отступающие с рижского направления, о чем доложил Кутузову: «Так как впереди до самой Вислы неприятеля нигде нет, то я до повеления Вашей светлости подвигаю исподволь полки вниз по течению левой стороны реки Немана, так чтобы иметь мне направление между Юрбургом и Гумбиненом, если это будет надобно»³⁰⁸.

Сам Александр I рассчитывал на моральное воздействие, которое должны были произвести казаки Платова на отступающего Макдональда. 13 (25) декабря П.П. Коновницын, дежурный

³⁰⁷ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничном походе. С. 306.

³⁰⁸ Там же. С. 310.

генерал русской армии, писал М.И. Платову: «Государю Императору очень приятно будет, чтобы Вы сами с войсками находились впереди, ибо от того много зависеть будет успех наших действий на Макдональда, против которого действует ныне граф Виттенштейн»³⁰⁹.

Макдональд, имея под своим командованием польско-баварско-вестфальскую дивизию Гранжана и две дивизии пруссаков, начал отступление на Неман от Митавы и Бауска 6 (18) декабря. Но 13 (25) декабря русский генерал Дибич из армии Виттенштейна отрезал прусские войска генерала Йорка фон Вартенбурга от остальной части корпуса Макдональда, а авангард армии Чичагова занял Тильзит, отрезав Макдональда от Восточной Пруссии. Прусскому генералу Дибич предложил вступить в переговоры, и тот ответил согласием. Недаром русский военный агент Чуйкевич сообщал о Йорке в 1812 г.: «Генерал Йорк отменно любим в прусском корпусе, имеет много сведений, пылкий и решительный дух и питает сильную ненависть к французам».

Видимо, решив, что с Макдональдом покончено, М.И. Кутузов решил окружить осколки французской армии в Кёнигсберге и 14 (26) декабря 1812 г. предписал М.И. Платову: «По случаю движения армии адмирала Чичагова в направлении через Гумбинен на Кёнигсберг, а корпуса графа Виттенштейна через Юрбург в направлении также к Кёнигсбергу, Ваше сиятельство, благоволите отрядить сильные партии через Алленбург, Крейцбург к Браунсбергу на коммуникации неприятельские, из Кёнигсберга в Эльбинг идущие. Если бы обстоятельства востребовали, тогда имеете Вы присоединиться с частью войск Ваших к адмиралу Чичагову по его требованию»³¹⁰.

Знаменуя начало нового рейда, Платову в тот же день, 14 (26) декабря 1812 г., прислали нового, отличившегося именно в этой сфере деятельности дежурного генерала: «Его Императорское Величество по желанию [господина] генерал-адъютанта Чернышева быть употребленным при Вашем сиятельстве, соизволяя на отправление его к Вам, поручил мне Вас уведомить, что Вы може-

³⁰⁹ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничном походе. С. 308.

³¹⁰ Там же. С. 311.

те его употреблять в должность дежурного при Вас генерала»³¹¹. И Чернышев впоследствии проявил себя наилучшим образом.

На следующий день Платов повернул свой корпус на Инстенбург и доложил Кутузову, что отправляет «сильные партии из выбранных из полков таких казаков, кои имеют способных к действию и лучше других лошадей, чрез Алленбург, Кренцбург к Браунсбергу, на коммуникации неприятельские из Кёнихсберга в Элбинг идущие».

Костяк войск, собранных к 13 (25) декабря в Кёнигсберге, составляла наполеоновская гвардия. Корпус Мортье («молодая гвардия») насчитывал 278 офицеров и 795 солдат, включая гессенцев и Невшательский батальон. Под командованием старшего адъютанта Жеродиа оставалось 4—5 офицеров и 35—40 моряков гвардии. У маршала Бессьера — 800 более или менее замерзших гвардейских кавалеристов. Генерал Кольбер командовал 19 офицерами, 200 голландскими и 150 польскими шеволежерами. Кюриаль и Мишель («старая гвардия») возглавляли 159 офицеров и 1300 солдат-ветеранов («ворчунов»). Артиллерия была представлена 200 артиллеристами, 130 солдатами обоза, 9 орудиями и 5 зарядными ящиками.

9 (21) декабря маршал Мортье, герцог Данцигский, сообщал начальнику главного штаба, что среди его солдат максимум 500 человек способны разжечь огонь; все остальные замерзают или страдают от гангрены. 200 наиболее тяжелых больных в тот день отправили на санях в Данциг, чтобы им могли сделать как можно скорее ампутацию пальцев ног и рук. «Элитный корпус истреблен, остатки представляют жалкое зрелище», — отмечали исследователи³¹². Казалось, что Платову и другим военачальникам можно будет взять французов в Кёнигсберге «голыми руками». Только бы дойти до Кёнигсберга...

Но двигаться приходилось с большой осторожностью, чтоб не вызвать недовольства пруссаков, которые формально оставались союзниками Наполеона. Адмирал П.В. Чичагов писал М.И. Платову 19 (31) декабря: «Необходимо нужно, чтоб Ваше сиятельство

³¹¹ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничном походе. С. 311.

³¹² Лашук А. Гвардия Наполеона. М., 2004. С. 332.

упреждали движение Ваше прилагаемыми у сего прокламациями, замечая при том, какое действие произведет в народе вступление войск российских в Пруссию, и если бы сверх чаяния возродило оно ропот и неудовольствие, в таком случае извольте остановиться и о том немедленно дайте мне знать»³¹³.

И с окружением Макдональда дело не заладилось. 14 (26) декабря дивизия Гранжана выбила русских из Тельзита и даже взяла пленных. Макдональд занял город и остановился, поджидая прусские войска.

Однако 18 (30) декабря генерал Йорк заключил с русскими конвенцию о нейтралитете. 18 тысяч прусских солдат вышли из войны. Узнав об этом событии, М.И. Кутузов отдал, наконец, приказ русским войскам переходить границу. 19 (31) декабря, узнав об измене пруссаков, Макдональд оставил Тельзит и с остатками своего корпуса (7 тысяч солдат, 20 орудий) двинулся к Кёнигсбергу.

Французский командующий, маршал Мюрат, король Неаполитанский, не имел ни возможности, ни желания бороться за ставший враждебным Кёнигсберг и начал отвод войск из него, не дожидаясь подхода Макдональда. Не имея после Вильно какого бы то ни было плана действий, Мюрат все же решил переместить армию за Одер и устроить свою штаб-квартиру в Познани, чтобы собрать здесь остатки Императорской гвардии³¹⁴.

П.В. Чичагов писал М.И. Платову 21 декабря (2 января): «Сейчас получил известие, что пруссаки оставили Макдональда и что король неаполитанский идет из Кёнигсберга к Инстенбургу...»³¹⁵

«Крепость Кёнигсберга в 1813 году была столь же полезной для французов, как и крепость Дрездена, которая обеспечивала предместными укреплениями стратегический рубеж на Эльбе», — считал военный теоретик Жомини³¹⁶, но Мюрат не стал оборонять Кёнигсберг. «У Мюрата было много отваги и мало ума. Громад-

³¹³ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничном походе. С. 313.

³¹⁴ Лашук А. Указ. соч. С. 335.

³¹⁵ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничном походе. С. 315.

³¹⁶ Жомини Г. Указ. соч. С. 156.

ный разрыв между этими его свойствами и определил личность Мюрата», — говорил о нем Наполеон³¹⁷.

«Беспорядок, царивший во время перехода французской армии через Пруссию, объясняется прежде всего нерадивостью Мюрата, который принял на себя командование после отъезда императора, а позже слабостью принца Евгения Богарнэ — вице-короля Италии», — вспоминал генерал Марбо³¹⁸.

Французы, стремясь вырваться из ловушки, оставили столицу Восточной Пруссии и начали отступать к Эльбингу и Данцигу. Дальнейшие военные действия свелись к попытке русских войск отрезать путь отступления французам, бегущим из Кёнигсберга, и перехватить их хотя бы в городе Эльбинг.

Казачи Платова на измученных лошадях торопились по замерзшим озерам и болотам Восточной Пруссии, проходя не менее 5 миль (20 верст) в сутки³¹⁹. От Платова требовали хотя бы «опередить корпус Магдональда и тем дать время гр[афу] Витгенштейну нанести ему разительный удар»³²⁰.

Окружить французов в Кёнигсберге не удалось. 23 декабря (4 января) Макдональд ушел из Кёнигсберга, дав арьергардный бой у Лабиау.

В ночь на 24 декабря (5 января) иррегулярные полки авангарда Д.Д. Шепелева — Ставропольский калмыцкий, Донские казачьи Родионова 2-го и Чернозубова 8-го — вступили в столицу Восточной Пруссии. Вместе с ними туда вошли 4 полка казаков под командованием полковника Ягодина, посланные Платовым в подкрепление Витгенштейну. В городе было взято 1300 пленных из числа отсталых и захвачены неприятельские госпитали, где содержались 8 тысяч больных и раненых солдат противника.

Выскользнувшие из готовившегося мешка французы стали разворачивать новый фронт с опорой на города Эльбинг и Браунсберг. Но казаки Платова уже вышли на одну дорогу с ними, и

³¹⁷ Платов А. Так говорил Наполеон. М. 2003. С. 311.

³¹⁸ Марбо Ж. Указ. соч. С. 625.

³¹⁹ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничном походе. С. 316.

³²⁰ Там же. С. 317.

Платов, не давая противнику опомниться, бросился отрезать их от переправ на Висле и «ударил по штабам».

25 декабря (6 января) он докладывал М.И. Кутузову: «А как неприятель тянется к Висле, то, дабы ускорить и отрезать переправу, хотя лошади от форсированных маршей много изнурены, выбрал я из казачьих полков моего корпуса полторы тысячи лучших казаков на исправных лошадях с надежнейшими чиновниками и с четырьмя орудиями Донской конной артиллерии; препоручил оный отряд господину генерал-адъютанту Чернышеву, снабдя его надлежащими наставлениями, следовать, не медля ни мало, с быстротою, как можно форсированно до Мельзака, а оттуда далее, по которой дороге неприятель последует, стараться отрезать оного. В подкрепление ему отрядил я подполковника Власова с 2 полками, так, чтобы он вблизи от него находился не далее 10 верст»³²¹.

Генерал-майор А.И. Чернышев (будущий военный министр России), вырвавшись вперед с лучшими доброконными казаками, выяснил, что маршалы Ней и Макдональд держатся с остатками войск в Браунсберге, главнокомандующий маршал Мюрат, король Неаполитанский — в Эльбинге, и войск у них до 12 тысяч³²².

Чернышев обошел Эльбинг с тыла и стал ждать подхода соединившихся отрядов Платова и Шенелева. Но тут Чернышеву стало достоверно известно, что в городе Мариенвердер находятся вице-король Итальянский (командующий бывшим IV корпусом) и принц Невшательский (начальник штаба наполеоновской армии) с небольшим прикрытием войска, и он сообщил об этом Платову.

30 декабря Платов отрядил Чернышева с отрядом в 2 тысячи казаков, «ежели малейшая возможность будет, схватить оных особ в Мариенвердере»³²³.

В полночь Чернышев с отрядом скрытно двинулся из Вейсхофа к Мариенвердеру и шел так, чтобы прийти к воротам города до рассвета, что ему и удалось, не потревожив никого из жителей города. Остановившись «в умеренной дистанции» от города, Чернышев послал сильные пикеты перерезать все тракты, ведущие к

³²¹ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничном походе. С. 317.

³²² Там же.

³²³ Там же. С. 323—324.

Мариенвердеру, разделил свой отряд на три колонны и приказал колоннам наступать на город с трех сторон.

Первой ворвалась в город колонна подполковника Андриянова. Французы, хотя и были застигнуты врасплох, контратаковали. Вице-король Евгений Богарнэ сам шел пешком впереди своих контратакующих колонн. Французы пытались удержать ретраншемент, «ибо сие важное мостовое укрепление снабжено было 15 медными пушками, довольно значащим магазином и припасами». Маршал Виктор, командир бывшего IX корпуса Великой армии, «туда же кинувшись, пристал к нему» (Евгению Богарнэ). Но, увидев, что колонны противника наступают со всех сторон, французы прорвались из города «с частию пехоты, которую не могли удержать казаки», и начали отступать к городу Нейнбургу. Казаки вступили в оставленный город, где было взято до 300 пленных, в том числе 1 генерал³²⁴, но на этом не остановились и продолжили преследование.

Баденская кавалерия, входившая в IX корпус и сведенная после русского похода в один эскадрон, пыталась прикрыть отступление Богарнэ и Виктора, но подполковник Андриянов атаковал этот Баденский эскадрон, взял 47 человек в плен, а прочих истребил.

Казаки преследовали французов до Вислы, здесь в г. Эксельбурге Чернышев остановил свой отряд и «дал оному отдохновение, в чем ему была крайняя нужда, ибо более 24 часов мы не сходили с лошадей». Французы же, переправившись через Вислу, уходили к г. Нейнбургу. Чтобы не дать им уйти, Чернышев отобрал «лучших из лучших» и организовал «последний рывок». «Между тем, дабы воспользоваться страхом неприятеля, я тотчас послал переправиться чрез Вислу 2 полка Денисова и Жирова под командою майора Победнова, которые почти взошли в город вместе с вице-королем, который шел неотступно от своей пехоты, которая тотчас засела в дома и остановила стремление наших храбрых казаков. Причем нельзя не заметить, сколько нужно при легком кавалерийском отряде, каков мой, иметь хотя батальон пехоты, и смею сказать, что в таком случае вице-король и маршал Виктор были бы моими пленными», — докладывал Чернышев³²⁵.

³²⁴ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничном походе. С. 326.

³²⁵ Там же. С. 327—328.

В тот же день генералы Шепелев и Иловайский 4-й со своими отрядами заняли Эльбинг.

Генерал граф М.С. Воронцов, командующий авангардом соседней армии Чичагова, пришел в Мариенвердер во главе трех казачьих полков (Луковкина, Барабанщикова и Пантелеева) на следующий день, 1 (13) января, и записал в дневнике: «Пришел поутру в Мариенвердер и, кажется, что ежели бы Чернышев накануне не зделал пустую атаку со своими казаками, то вице-король, Виктор, до 20 генералов и несколько сот офицеров были бы в наших руках»³²⁶.

Но оспаривать победу Чернышева никто не стал. Жалкие остатки Великой армии, некогда вступавшие в пределы России, бежали и укрылись в Данциге либо погибли, отступая от Мариенвердера до Нейнбурга. Последние 15 орудий, увезенных французами от Немана, и 1000 пленных были захвачены Чернышевым, «а сам вице-король с маршалом едва спаслися не более как с 400 человек. **Итак, вся армия его погибла напрях**», — докладывал М.И. Платов М.И. Кутузову³²⁷.

Лишь осколки французской гвардии под командованием маршала Мортье покинули Эльбинг, сохранив строй. «В пути колонну тревожат казаки; 20 января недалеко от Каммина противник предпринимает сильную атаку, но благодаря пехоте ее удается отразить»³²⁸.

Казачьи полки корпуса М.И. Платова 1 (13) января вступили в Мариенвердер и Мариенбург, выйдя на широком фронте к Висле. Надо было переправляться и блокировать Данциг.

Но Макдональда в Данциге уже не было. 30 декабря (11 января) он вышел из Эльбинга, 31 декабря (12 января) вступил в Данциг и передал командование генералу Раппу. 2 (14) января прославленный маршал покинул город.

Но и без Макдональда мощный гарнизон Данцига нависал с севера над всем бассейном Вислы, и русское командование это не могло не беспокоить. Однако переход нижнего течения Вислы означал дальнейшее вторжение в Пруссию. Между тем Пруссия во

³²⁶ 1812—1814. Секретная переписка. С. 287.

³²⁷ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничном походе. С. 389—390.

³²⁸ Лашук А. Гвардия Наполеона. М., 2004. С. 335.

главе с королем формально оставалась в союзных отношениях с Францией, и нейтралитет 18 тысяч прусских солдат, объявленный 18 декабря, прусский король осудил, в прусских газетах появились сообщения об отставке Йорка.

Исходя из этого Кутузов запретил войскам Виттенштейна, Чичагова и Платова переходить Вислу.

Чичагов передал Платову 3 (15) января это повеление, но от себя добавил: «Желательно, чтоб Ваше сиятельство от времени до времени посылали партии за Вислу, хотя не на дальнее расстояние, в намерении тревожить выходящего из Данцига для разных с земли сборов неприятеля и в то же время осведомляться о движениях и положении его»³²⁹. Но оказалось, что Платов уже за Вислой и «3 числа января Данциг взял в блокаду со всех сторон»³³⁰.

Эти действия Платова совпали с изменением общей обстановки в Пруссии. Прусский король боялся Наполеона, но прусские генералы готовы были выступить против французов. Генерал Бюлов, командующий корпусом и генерал-губернатор Восточной Пруссии, вступил в переговоры с русским командованием, а войска Йорка открыто присоединились к армии Виттенштейна. Узнав об этом, М.И. Кутузов 3 (15) января приказал Виттенштейну и Чичагову переходить Вислу³³¹.

Уезжая из России, Наполеон вначале надеялся на то, что части Мюрата смогут удерживать рубеж на Висле, однако оказалось, что это невозможно. Оставив генерала Раппа с сильным гарнизоном 30 000 человек, чтобы удерживать Данцинг, и другие части общей численностью 7000 человек в Торне и Модлине, Мюрат, не удержавшись на линии Вислы, стал собирать войска в Познани. Это были разрозненные малочисленные гвардейские части. Реальной помощи они могли ждать только от поляков.

18 (30) декабря был обнародован декрет Рады министров от 8 (20) декабря 1812 г. о созыве Посполитого рушения (всеобщего шляхетского ополчения). Но на призыв откликнулось лишь не-

³²⁹ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничном походе. С. 331.

³³⁰ Там же. С. 390.

³³¹ Поход русской армии против Наполеона в 1813 году и освобождение Германии. М., 1964. С. 25.

сколько сотен польских дворян. Кроме Посполитого рушения, был объявлен набор конскриптов. По этому набору предполагалось собрать 25 тыс. человек. Но перспективы и этого набора были туманны.

4 (16) января Мюрат покинул свой пост и уехал в Неаполь. Начальник штаба армии маршал Бертье объявил: «Его величество неаполитанский король болен, и командование армией в отсутствие императора временно принимает его императорское высочество вице-король»³³². Труд собирать остатки разбитых войск и сдерживать наступление русских лег на плечи пасынка Наполеона, вице-короля итальянского Евгения Богарнэ.

Наполеон высоко ценил верность Богарнэ: «Если бы мне было нужно переступить через пропасть, он один протянул бы мне руку», — говорил он³³³, но, видимо, отдавал себе отчет, что задача чересчур сложна для молодого генерала. «Эжен — умелый администратор и человек высоких достоинств. Однако он, конечно, не гений. Ему не хватает твердости характера, которая отличает великих людей»³³⁴.

На Богарнэ возлагались две главные задачи: выиграть время, чтобы Наполеон мог закончить свои приготовления, и задержать противника как можно дальше к востоку. Начиная с 12 (24 января) он, получая инструкции от императора, принимается за большую реорганизацию армии: формирует наблюдательный корпус Эльбы, состоящий из шести дивизий, в том числе одной гвардейской под командованием Роге³³⁵. Одновременно Богарнэ приводит в порядок крепости на Одере и пытается удержать линию Вислы в верхнем ее течении. Передовые казачьи отряды русской армии не дали ему выполнить задание императора.

Заняв Кёнигсберг, форсировав Вислу, блокировав Данциг и еще ряд крепостей, правое крыло русских войск угрожающе нависло над неприятельскими силами с севера. В это же время в наступление перешли русские войска в центре и на левом фланге. Главной целью их была Варшава.

³³² Лашук А. Указ. соч. С. 335.

³³³ Платов А. Указ. соч. С. 307.

³³⁴ Там же. С. 308.

³³⁵ Лашук А. Указ. соч. С. 335.

Здесь русским противостояли довольно мощные силы французских союзников — австрийский вспомогательный корпус Шварценберга (до 30 тысяч), саксонские войска Ренье (5700 человек), польские войска (до 2 тысяч). В общем, до 38 тысяч³³⁶. Но австрийцы были французскими союзниками поневоле. Непримирым противником русских оставались поляки. Нельзя было сбрасывать со счетов и саксонцев — король Саксонии одновременно являлся верховным правителем Герцогства Варшавского. 6 (18) января 1813 г. король Саксонии издал декрет о реорганизации армии Герцогства Варшавского. Для этой цели были выделены 1 145 557 флоринов, но реально было потрачено 6 499 919 флоринов³³⁷.

Русские войска, перешедшие польскую границу, оставались немногочисленны. Они наступали тремя группами. Войска Торماسова (18 тысяч) двигались от Меречи на Плоцк, обходя левый фланг Шварценберга. Части Милорадовича (10 тысяч) действовали в направлении на Ломжу, с фронта. Группа Остен-Сакена и Ратта (15 тысяч) обходила Шварценберга с юго-запада. Все эти группы подкреплял резерв Главной армии (17 тысяч). В полках числилось по 200—300 человек, в дивизиях по 1,5—2 тысячи, в корпусах по 3—4 тысячи.

На Украине и в Белоруссии разворачивалась резервная армия Лобанова-Ростовского, в которой полагалось иметь по штату 153 567 человек пехоты и 25 326 человек кавалерии³³⁸, но на самом деле там в запасных частях подготовили и направили в действующую армию с марта по июль 1813 года 38,5 батальона — 36 тысяч человек, реально дошли 21 853 человека.

Сопротивления не было. Если оно и случалось, то отпор встречали лишь передовые русские части, те же казаки. Тем не менее русские продвигались очень медленно и вели постоянные переговоры с австрийцами, склоняя их выйти из войны.

На севере события развивались гораздо более стремительно. Генерал-майор А.И. Чернышев писал 10 (22) января А.А. Аракчеву: «Все, что до меня дошло о расположении Берлинского двора

³³⁶ Поход русской армии против Наполеона... С. 36—37.

³³⁷ Булдыменко П.В. Уланы Герцогства Варшавского. С. 63.

³³⁸ Поход русской армии против Наполеона в 1813 году. С. 14.

и вообще всех немцев, подтверждает, что они с нетерпением ожидают появление войск наших на Одере и что оно служить будет сигналом их передачи на нашу сторону...» Чернышев предлагал сформировать 3 летучих корпуса и послать их на Одер. Это подтолкнуло бы пруссаков к восстанию против Наполеона, отвлекло французов и «позволило бы Большой армии пользоваться отдыхом, ей нужным, когда она достигнет Вислу»³³⁹ (видимо, малочисленность и усталость русских войск были заметны на расстоянии).

М.И. Кутузов 15 (27) января сообщил Платову, что на помощь ему под Данциг Витгенштейн пришлет пехотный корпус. Платову же надлежало из освободившихся войск «посылать сильные партии к Одери»³⁴⁰.

17 (29) января М.И. Платов ответил М.И. Кутузову: «Желая ныне для точного исполнения предписания Вашей с[ветлос]ти распространить рассылку партий до Одера и притом удержать все тракты, к Данцигу идущие, отрядил я генерал-адъютанта Чернышева для вторичного им преследования неприятеля к Одери»³⁴¹. Чернышеву в тот же день Платов предписал: «По случаю военных обстоятельств отряжаю я Вашего превосходительства с 10-ю полками к стороне Одера.... Не назначаю Вам пункта, до которого Вы должны иметь направление, а собственно отдаю на Ваше благорассмотрение, которое мною испытано»³⁴².

**Состоящие в отряде господина генерал-адъютанта
Чернышева³⁴³**

№	Полки казачьи:
1	Полковника Быхалова
2	Войскового старшины Гревцова
3	Генерал-майора Денисова 7-го
4	Генерал-майора Сысоева 3-го

³³⁹ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничном походе. С. 350.

³⁴⁰ Там же. С. 356.

³⁴¹ Там же. С. 357.

³⁴² Там же. С. 359—360.

³⁴³ Там же. С. 378—379.

№	Полки казачьи:
5	Полковника Грекова 18-го
6	Подполковника Власова 3-го
7	Подполковника Сулина 9-го
8	Войскового старшины Комисарова
9	Полковника Иловайского 11-го
10	Войскового старшины Жирова

Давая Чернышеву «карт бланш» в операциях на Одере, Платов фактически самоустранился от руководства ими. Чернышев в очередном письме к Аракчееву вообще отмечал, что Платов отправил его к Одере из-за недостатка фуража под Данцигом³⁴⁴. Между тем 10 казачьих полков было явно недостаточно для формирования 3 летучих отрядов, способных поднять на восстание пруссаков, как о том просил Чернышев. Для создания их потребовалась бы вся конница Платова. Но тогда ее пришлось бы раздробить на три части...

Как показали последующие события, письмо Чернышева Аракчееву было благосклонно воспринято не только Аракчеевым, но и самим царем.

17 (29) января М.И. Кутузов предписал М.И. Платову явиться в Главную квартиру: «Государь Император приглашает Вас в Главную Его Императорского Величества квартиру, которая 25-го сего месяца быть имеет в Плоцке. При личном с Вами свидании его величество желает переговорить с Вашим сиятельством касательно Донского войска и поблагодарить Вас за все подьятые труды в сию кампанию... Пометы: Получено 20 января 1813 г.»³⁴⁵. За день до получения этого предписания, 19 (31) января 1813 г. «граф Матвей Иванович получил известие с Дону о кончине супруги его, что его чрезвычайно поразило»³⁴⁶.

Платов 24 января (5 февраля) отбыл в Главную квартиру, передав командование своей конницей Чернышеву³⁴⁷. Из Главной квартиры он к своему корпусу не вернулся.

³⁴⁴ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничном походе. С. 364.

³⁴⁵ Там же. С. 361.

³⁴⁶ Там же. С. 365.

³⁴⁷ Там же. С. 373.

И военные действия на какое-то время уступили место дипломатии.

18 (30) января в Зейче русское командование заключило бессрочное перемирие со Шварценбергом. Австрийский вспомогательный корпус двинулся на юг, в Краков и в Галицию, открывая русским войскам дорогу на Варшаву.

Польские войска, осознавая огромное неравенство сил, отступали вслед за австрийцами по направлению на Петриков и Краков. 4 (16) февраля командующий польскими войсками князь Понятовский остановился в Ченстохове. Туда же прибыло и все войско Герцогства Варшавского силой в 10 500 чел., из которых под ружьем находилось только 6500 человек³⁴⁸.

Саксонцы Ренье стали отходить на запад, к Одеру, на Калиш. Авангард русской Главной армии под командованием Винценгероде устремился наперерез Ренье через Безунь и Влоцлавск.

Вторым дипломатическим успехом было начало переговоров с прусским генералом Бюловым, который командовал 15-тысячным корпусом в окрестностях Кольберга.

Бюлов формально подчинялся вице-королю Евгению Богарнэ, который с 10-тысячным французским корпусом стоял в Познани. Богарнэ предписывал Бюлову «вытянуться со своими войсками до р. Нетце». Но Бюлов, ссылаясь на неготовность войск, требовал две недели сроку. На самом деле, как сообщил он 18 (30) января русскому командованию, давал возможность прусскому королю вывезти все свои драгоценности из Берлина, чтобы потом открыто перейти на сторону русских войск³⁴⁹.

Русские генералы просили Бюлова не препятствовать их движению к Одеру. Бюлов, в свою очередь, предложил Чернышеву и Воронцову (командовавшему авангардом армии Чичагова) зайти в тыл французским войскам в Познани. «Операция в тылу Познани выгодна тем, что при отступлении к Одеру немногие из французов достигли бы реки», — считал Бюлов. Кроме того, отступление французов из Познани открыло бы сообщение прусских войск с Силезией. «Тогда король сможет объявить войну»³⁵⁰.

³⁴⁸ Булдыменко П.В. Указ.соч. С. 64.

³⁴⁹ Поход русской армии против Наполеона в 1813 году. С. 39.

³⁵⁰ Там же. С. 43.

Прусский король славился своей нерешительностью, но после того как стало известно, что генералом Ожеро готовится арест Фридриха-Вильгельма, король в январе переехал из Берлина в Бреславль.

Весь январь Главная русская армия медленно шла от Немана к Висле. Сражений не было. На правом фланге авангард Виттенштейна не двигался дальше Данцига и вел переговоры с Бюловым; авангард Чичагова (отряд Воронцова) около месяца простоял в Бромберге (Быдгощ), сам Чичагов осаждал Торн (Торунь). В самом конце января Вислу наконец-то достигли. 24 января (5 февраля) Тормасов занял Плоцк, 27 января (8 февраля) Милорадович вступил в Варшаву.

В самом начале февраля передовые отряды казаков подтолкнули отступающего неприятеля. Авангард под командованием Винценгероде достиг саксонцев Ренье под Калишем и разбил 1 (13) февраля, взяв в плен генерала Ностица, 3 полковников, 36 офицеров и 1500 рядовых и захватив 2 знамя и 7 орудий. Эта победа и награда за нее была, как ни странно, болезненно воспринята другими генералами. «Барон Венцельроде с 20 т <ис. > чел. разбил 6 <тыс. >, и ему дали Св. Георгия 2-й степени... — сетовал герой войны генерал Н.Н. Раевский. — Этот Венцельроде был лишь один раз в деле. под Калишем, он был разбит, хотя и имел перевес в силах, но князь Мадатов, имев на следующий день счастье отрезать генерала Ностица с арьегардом и взять его в плен, послал об этом хорошую реляцию. Венц <ельроде > получил Св. Георгия 2 ст. и пользуется доверием у Императора, не пользуясь оным ни у кого в армии»³⁵¹.

Корпус Евгения Богарнэ был вытеснен из Познани за Одер. 25 января (6 февраля) Воронцов во главе авангарда армии Барклая де Толли (бывшей Чичагова) из 9 батальонов пехоты и 4 казачьих полков двинулся на Познань с севера, а Чернышев со своим отрядом стал обходить Познань с запада. Здесь он столкнулся с бригадой литовских улан — 17-м (500 чел.) и 19-м (779 чел.) полками.

Эти полки были причислены к корпусу вице-короля. «В 10-х числах января 17-й и 19-й уланские полки отправились в тыл, чтобы спокойно реорганизовать свои ряды, при этом им было по-

³⁵¹ 1812—1814. Секретная переписка. С. 238.

ручено охранять коммуникации между Берлином и Костжином. 17-й полк остановился в Сквезжине и Медзыходзе, а 19-й — в Серакове и Шамотулах... Там находились они под общим командованием генерала князя Ромуальда Гедройца, насчитывая вместе 1 тыс. чел.»³⁵².

Чернышев, прибыв в местечко Филен, узнал, что Литовская дивизия в числе 2 тысяч человек под командою генерала князя Гедройца расположена по реке Варте от Бирнбаума до Вронки, имея главную квартиру в местечке Цирке. «Хотя по рассылке в разные места отрядов и не оставалось при генерал-адъютанте Чернышеве более 500 казаков и 2-х орудий и несмотря на переход девяти миль, в тот день сделанный, решился он атаковать в ночь с 30 на 31 генваря неприятеля в его позиции. Но так как пред мест. Цирке поднят был мост, и стрелки оный защищали, то послал он в обход чрез р. Варту полковника Ефремова, который, исполнив сие предписание, напал с неустрашимости в тыл на изумленного неприятеля, прорвался до подъемного моста и, спустив оный, открыл генерал-адъютанту Чернышеву с артиллериею свободный к поражению неприятеля путь. При сем взяты в плен сам дивизионный генерал князь Гедроич, начальник главного штаба дивизии полковник князь Гедроич, оба раненные, и адъютант первого, довольно число офицеров и более 200 чел. [нижних чинов]. До сих пор приводят беспрестанно пленных. Убитыми у неприятеля считают до 300 чел. В заключение генерал-адъютант Чернышев доносит, что подполковник Власов 3-й занял мест. Оберзичке, что подполковник Греков овладел мест. Бирнбаум, а майор Денисов в мест. Пинне, где и захвачены гвардейские квартиры вице-короля италийского. Литовская дивизия сим поражением совершенно разбита; с нашей стороны потеря весьма маловажна», — записали в журнал боевых действий русской армии³⁵³.

Уцелевшие уланы, потеряв половину состава, пришли в себя только в Гамбурге, где их слили в один полк³⁵⁴.

³⁵² Булдыменко П.В. Указ. соч. С. 64.

³⁵³ Поход русской армии против Наполеона в 1813 году. С. 69.

³⁵⁴ Энциклопедия. Отечественная война 1812 г. М., 2004. С. 421—422.

В тот же день Чернышев «получил уведомление, что вице-король италийнский выступил сего утра из Позена» (об этом рассказали захваченные в Пинне квартирьеры италийнской гвардии), но не решился преградить ему дорогу. «...число пленных все умножается офицерами и рядовыми, но я слишком слаб, чтоб решиться [действие] вать против вице-короля», — доложил он³⁵⁵.

После того как Богарнэ покинул Познань, войска Воронцова 1 (13) февраля вступил в город. «Перед рассветом Денисов с казаками тревожил неприятеля в Познани, где оставалось только несколько баварцев в арьергарде, и в 5 часов пошел в город на плечах оставшихся из оных, около 50 пушек захвачено, в 7 часов пехота пришла. Префектуры члены выезжали навстречу и принимали очень хорошо», — записал Воронцов в дневнике³⁵⁶. Евгений Богарнэ отступил за Одер.

Перехватить Евгения Богарнэ в чистом поле тоже не удалось. Наполеоновские войска, удерживающие линию Одера, перешли реку и двинулись навстречу корпусу Богарнэ. «В самое то время, как я приутоплялся напасть на бегущих из Позена, — докладывал Чернышев, — получил из разных сторон известия, что авангард корпуса Гренье в числе 1000 человек пехоты и 1500 кавалерии, между коими находились: наполеонов драгунский полк и по большей части италийнцы и французы с 5-ю орудиями, перешел Одер в Франкфурте и стремился на соединение с вице-королем, который, принудив посланный мной полк выступить из Пинне, сошелся с помянутым авангардом между Мезернице и Пинне»³⁵⁷.

Соединившись, французы попытались окружить самого Чернышева в Цирке. Видя себя со всех сторон окруженным неприятельскою пехотою и имея для отступления один дризенской дефилей, Чернышев оставил бригаду полковника Быхалова для прикрытия своего отступления через Варту и 2 (14) февраля быстрым движением перешел в Дризен. Здесь «принял вправо, сколько для на-

³⁵⁵ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничном походе. С. 378.

³⁵⁶ 1812—1814. Секретная переписка. С. 293.

³⁵⁷ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничном походе. С. 379—380.

блюдения за левым флангом неприятеля, столько, чтобы войти в сообщение с отрядами генерал-майора Бенкендорфа и полковника Теттенборна; движение сие удалось ему успешно»³⁵⁸.

Русские корпуса, перевалив Вислу, поползли к Одеру. Как и между Неманом и Вислой, двигались они крайне медленно. Вырвавшийся вперед авангард Воронцова стоял в Познани три недели — до 22 февраля (7 марта).

Один из лидеров прусского освободительного движения, барон Штейн, писал Александру 1 29 января (10 февраля), что сейчас главное положить конец колебаниям прусского правительства. Армия Пруссии состояла из 84 тысяч человек (корпус Йорка — 24 тысячи, корпус Бюлова — 26 тысяч, прусские войска в Силезии — 34 тысячи), это были «замечательные войска, воодушевленные стремлением отомстить врагу (французам, разгромивших их в 1806—1807 гг. — А.В.) и завоевать прежнюю славу». Чтобы положить конец колебаниям, надо было уговорить короля выступить против французов (это Штейн брал на себя). «Другой важный момент — завоевание как можно большей территории в Германии, чтобы свести на нет влияние французов и активизировать силы этой страны, которая с величайшим нетерпением ждет своих освободителей...» Штейн рекомендовал направить 18-тысячный русский корпус на Одер и дальше за Одер, на Магдебург, и еще дальше — за Эльбу. «Если операция удастся, война окончательно перекинется на левый берег Эльбы...»³⁵⁹ В случае освобождения от французов территории между Одером и Эльбой (коренные прусские земли) Пруссия, несомненно, вступила бы в войну на стороне России.

Но ждать, что русские корпуса, измотанные непрерывной зимней кампанией, вдруг рванутся и с боями форсируют сразу две реки, означало ждать чуда. И тем не менее казаки бывшего корпуса М.И. Платова активизировались.

Главнокомандующий сформировал на базе казачьих полков бывшего корпуса М.И. Платова летучие отряды А.И. Чернышева, Ф.К. Теттенборна и А.Х. Бенкендорфа. Они, оторвавшись от главных сил на 300 верст, форсировали Одер, развернули парти-

³⁵⁸ Поход русской армии против Наполеона в 1813 году. С. 71.

³⁵⁹ Там же. С. 50—51.

занские действия вокруг Берлина и устремились к Эльбе, не давая противнику выстроить эшелонированную оборону.

Перед фронтом Главной армии Винцингероде направил через Одер отряды Давыдова и Пренделя.

Рейды на Берлин и за Эльбу

Костяком французских сил на новом этапе боев стал XI многонациональный корпус Великой армии под командованием маршала Ожеро, основные силы которого в 1812 г. не вступали на территорию России, а удерживали коммуникации в Европе.

К февралю 1813 г. остатки Великой армии — 11 000 человек под командованием Евгения Богарне заняли позиции по Одере во Франкфурте, Кроссене и Глогау. К ним присоединились вновь сформированные части. В Берлине стояла дивизия Фрессинье и вюрцбургская пехота под общим командованием маршала Ожеро — до 6 тысяч человек, 40 орудий. Там же в госпиталях размещались 13 тыс. больных.

Всего вместе с войсками на Эльбе и Одере и гарнизонами в крепостях в Польше и Германии у французов насчитывалось 135 тысяч войск.

У Кутузова на середину января 1813 г. войск было всего 141 тысяча³⁶⁰.

На направлении главного удара силы Виттенштейна — 20 тысяч — двигались от Коница к Ландсбергу. Прусские корпуса Бюлова и Йорка тоже двигались к Одере. Но дело должны были решить двигавшиеся в авангарде Виттенштейна легкие отряды Чернышева, Теттенборна и Бенкендорфа, состоявшие в основном из казаков.

В отряд Чернышева вошли донские полки генерал-майора Сысоева 3-го, полковников Грекова 18-го, Власова 3-го, Иловайского 11-го и И.Е. Ефремова (Лейб-гвардии Казачий), войскового старшины Жирова, полковника Быхалова и 2 орудия донской конной артиллерии, 2 эскадрона Финляндского драгунского, 2 батальона Изюмского гусарского полков.

Под команду А.Х. Бенкендорфа поступили 6 донских полков (генерал-майора Иловайского 4-го, полковника Андриянова 2-го,

³⁶⁰ Поход русской армии против Наполеона в 1813 году. С. 36.

подполковника Лащилина 1-го, войскового старшины Кутейникова 6-го, генерал-майора Иловайского 12-го, войскового старшины Т.В. Ребрикова 3-го, полроты донской артиллерии, Ставропольский калмыцкий, Башкирский полки).

В отряд полковника Ф.К. Теттенборна попали 4 донских полка (генерал-майора Денисова 7-го, полковника Сулина 9-го, войсковых старшин Гревцова 2-го и Комиссарова), 2 батальона Изюмского гусарского полка.

Отступив 2 (14) февраля в Дризен, Чернышев написал оттуда полковнику Теттенборну и предложил двинуться общими силами за Одер и идти к Берлину или действовать между Берлином и Франкфуртом, «дабы стараться сколь возможно прервать между неприятелем всякого рода коммуникации»³⁶¹.

Полковник Теттенборн был известен как смелый кавалерийский начальник еще с 1805 г., когда он служил в австрийской армии. С.Г. Волконский писал о нем: «...вступивший тогда в русскую службу из австрийской, подполковник барон Теттенборн, офицер, приобретший уже известность в Австрийской Ульмской кампании содействием своим принцу Фердинанду Австрийскому с небольшим отрядом не принять капитуляцию Макка и совершивший сквозь полчища французские, можно сказать, не отступление, но пробой»³⁶².

Отряд полковника Теттенборна был командирован Витгенштейном на Одер к Шведту (между Кюстрином и Штеттином) перерезать коммуникации прусского корпуса Бюлова с войсками Богарне³⁶³. 2 (14) февраля он находился в Сольдине, выдвинув аванпосты в Кёнигсберг (около Неймарка)³⁶⁴. Два полка его отряда, переправившись у Шведта, уже были за Одером — один из полков (подполковника Гревцова 2-го) 3-го числа выдвинулся в деревню Брицин, а полк Сулина под командованием майора Бенкендорфа пошел к мест. Вернейхену, находящемуся в трех милях от Берлина³⁶⁵.

---

³⁶¹ Поход русской армии против Наполеона в 1813 году. С. 68.

³⁶² Россия двинулась сыны. С. 105.

³⁶³ Поход русской армии против Наполеона в 1813 году. С. 46.

³⁶⁴ Там же. С. 69.

³⁶⁵ Там же. С. 68.

Лед на Одере таял, и Теттенборн искал место для переправы через реку, чтоб не потерять связи с этими полками. Он выбрал местечко Целин «по дошедшим до него сведениям, что в том месте лед довольно крепок, во всех же прочих местах р. Одер уже размылась». Тогда же, 3 февраля, Теттенборн получил отношение Чернышева с просьбой соединиться с ним, «дабы иметь лучший успех». Теттенборн согласился и предполагал, что в тот же день, «может быть, смотря по обстоятельствам, дойдет и до Целина»³⁶⁶.

Французы, упустив Чернышева, оттягивались к Одера. Их войска оставили г. Ландсберг и 2-го числа отретировались к Франкфурту. Но войска вице-короля, ушедшие из Познани, оставались на правом берегу Одера, поскольку их никто не преследовал и не отрезал.

Между тем 3 (15) февраля майор Бенкендорф с полком Сулина, следуя по данному ему направлению к Вернейхену, узнал, что вестфальская довольно многочисленная пехота заняла на пути его лежащий г. Вритцен. Бенкендорф «взял влево и тем пресек Берлинскую и Кистринскую дороги неприятелю, которому с другой стороны угрожал полк майора Гребцова. Майор Бенкендорф послал парламентаря с предложением сдаться, но получив противный ответ, решительно ударил на построившегося в колонну неприятеля и, невзирая на сильный ружейный огонь, принудил его положить оружие; при сем случае взято в плен 1 полковник, 1 подполковник, 3 капитана, несколько других офицеров, 450 рядовых и 2 знамя». О чем полковник Теттенборн от 4 февраля донес Витгенштейну уже с левого берега Одера, из мест. Нейлевина³⁶⁷.

Чернышев, получив согласие Теттенборна, поспешил к Целину. «Сильные дожди и оттепель, два дни продолжавшиеся, соделали сию переправу почти невозможною, берега реки совсем отстали, а в середине реки лед был чрезвычайно тонок. Я препоручил инженер-капитану князю Кантакузину устроить подмости по обеим берегам и, переправя одну бригаду и часть регулярной кавалерии для прикрытия артиллерии, с оною и остальною частию войск, к удивлению всех жителей, столь щастливо перешел, что потерял только одну повозку и драгунский зарядный ящик». В тот

³⁶⁶ Поход русской армии против Наполеона в 1813 году. С. 69.

³⁶⁷ Там же. С. 70.

же вечер 5 февраля река вскрылась и отрезала переправившихся казаков от армии Витгенштейна. «Но я надеюсь, что сие самое обратится к славе и пользе российского оружия», — рапортовал Чернышев Витгенштейну³⁶⁸.

Фактически казаки перешли Одер раньше, чем это сделал корпус Богарнэ. Генерал-майор граф Воронцов рапортовал, что, по данным его разведки, «вице-король пошел в Франкфурт 6-го числа сего месяца с пехотою и конницею до 1500 чел., девятью пушками и двумя гаубицами, а 7-го числа отправилась туда же остальная часть пехоты до 2500 человек»³⁶⁹.

Разлившаяся река отделила казачьи отряды от корпуса Богарнэ. А переход казаками Одера в двух милях от крепости Кюстрина, в середине операционной линии неприятеля, не дал время французам соединить свои рассеянные отряды и по левой стороне реки. И казаки начали бить их поодиночке.

6-го числа бригада полковника Ефремова из отряда Чернышева, «встретив в Циндорфе французский легкоконный полк, мужественно напала на него и, разбив совершенно, взяла в плен 107 чел. и 150 лошадей; тяжело раненный при сем отряде находящийся генерал увезен был в Берлин»³⁷⁰.

7-го числа следующий с авангардом Чернышева полковник Быхалов, «найдя в селении Тасдорф пехотный французский полк, по упорном и долговременном защищении в церковной ограде согласил оный на капитуляцию чрез находящегося при нем прусской службы поручика барона Димара и, обещав каждому сохранение своего имущества за отобранием оружия и припасов, взял военнопленными одного полковника, 5 штаб-, 9 обер-, 18 унтер-офицеров и 164 рядовых»³⁷¹.

Французское командование двинуло бригаду Фрессинье из Франкфурта, надеясь захватить казаков Чернышева в Штраусберге.

Отряд Теттенборна все это время вел бои у Вернейхена с бригадой генерала Пуенсона. Неприятель из города «высылал по временам малое число конницы, подкрепляемое стрелками, которые,

³⁶⁸ Поход русской армии против Наполеона в 1813 году. С. 71.

³⁶⁹ Там же. С. 85.

³⁷⁰ Там же. С. 71.

³⁷¹ Там же.

однако же, всегда были опрокинуты в город передовыми нашими постами». В ночь с 7 на 8 (19 на 20) февраля Тоттенборн «известился», что из Берлина в Вернейхен прибыло еще около 2 тыс. пехоты, 8 орудий и 600 человек конницы³⁷². Тогда же два начальника отряда, Чернышев и Тоттенборн, встретились в Вритцене и «согласились действовать вместе обеими отрядами из Ландсберга» (Альтландсберг)³⁷³. Теттенборн оставил «перед самыми воротами Вернейхена некоторое число казаков с приказанием беспрерывно беспокоить неприятеля и содержать в ночи сильные огни» и выступил на Альтландсберг, где отряды и соединились 8 (20) февраля.

Из Ландсберга оба отряда двинулись на Марцан и Шенгаузен, обходя Берлин с севера «в перерез большой дороги в Малхов и Панков». Заняв Панков (к северу от Берлина), партизаны отрядили подполковника Власова с майором графом Пушкиным и двумя полками для занятия Шарлоттенбурга и Потсдамской дороги (к западу от Берлина) и «засадили все ведущие к Берлину дороги»³⁷⁴.

Французы растерялись. Как докладывал Теттенборн, «они не ожидали, чтоб войска, которые пред тем теснили их с дороги Вернейхенской, могли с артиллериею пройти в течение 8 часов пространство 50-ти верст»³⁷⁵.

Теттенборн докладывал впоследствии Витгенштейну 9 февраля. «Мы сами, взяв позицию в Панкове, положили ударить на Берлин со всех сторон в последующую ночь. Но едва успели мы занять местечко, как получили рапорт, что неприятельская конница, из города выезжающая, сбивает передовые наши посты»³⁷⁶. Чернышев подтверждал, что в полдень неприятельская кавалерия показалась из Шенгаузенских ворот, намереваясь сделать осмотр позиций казаков. Чернышев немедленно поехал к ней навстречу с полковником Теттенборном, который, взяв полк Комиссарова, «сделал быстрый удар и на плечах конницы вскакал в город»³⁷⁷.

³⁷² Поход русской армии против Наполеона в 1813 году. С. 75.

³⁷³ Там же. С. 72.

³⁷⁴ Там же. С. 73.

³⁷⁵ Там же. С. 75—76.

³⁷⁶ Там же. С. 75.

³⁷⁷ Там же. С. 73.

Теттенборн докладывал: «Неприятельские эскадроны, тотчас опрокинутые, ввели нас на плечах в город. Несясь вслед за ними по всем улицам, из коих в каждой оставлены были для наблюдения сильные команды, достигли мы Александровской площади, где выстроенная пехота встретила нас сильнейшим огнем, тогда как неприятельские стрелки из окон, из ворот, из казарм сыпали в нас пулями и когда два орудия, в нашу середину наведенные, вырвали храбрых казаков, коих в ту минуту не более было со мною как 40 чел.»³⁷⁸.

Некий житель Берлина записал: «Началось с того, что в полдень через Бранденбургские ворота ворвались казаки, рассеяли и частично перебили охрану у ворот и с неслыханной смелостью в одиночку или небольшими группами промчались от одного конца города до другого. Полагают, что количество ворвавшихся в город равно от 2 до 3 сотен чел., но их, конечно, никто не считал. Далее утверждают, что среди них были переодетые пруссаки, потому что они прекрасно разбирались в улицах и немного говорили по-немецки. Один из них якобы крикнул "Виват Шиль!"...

Мы стояли у Оперного моста, где встал в ружье французский караул, и увидели густую толпу народа, мчавшуюся со стороны Собачьего моста в нашу сторону с непонятными криками. Тотчас же караул взял на руку, и все разбежались. Это было весьма устрашающее выступление. Весь шум был вызван одним полупьяным казаком, который на своем пути зарубил нескольких французов и попытался крикнуть по-немецки «ура». О подобных сценах мне сообщали из многих частей города. Наши защитники были охвачены паническим страхом. Можно подумать, что несколько тысяч казаков вызвали такое замешательство»³⁷⁹.

Чернышев стал спешно собирать казачьи полки и регулярную кавалерию, намереваясь подкрепить атаку Теттенборна, но тут сильная неприятельская колонна выступила из Пренцлауских ворот (северо-восточных) и пошла вдоль берлинской крепостной стены, намереваясь перекрыть Шенгаузские ворота и отрезать Теттенборну путь отступления. Чернышев приказал тогда подвезти орудие конной артиллерии и картечными выстрелами принудил

³⁷⁸ Поход русской армии против Наполеона в 1813 году. С. 75.

³⁷⁹ Там же. С. 78.

французскую колонну к отступлению за ворота. Затем он послал бригаду полковника Ефремова в город через Гамбургские ворота (северо-западные) и полк Грекова 18-го чрез Кенигстор (Королевскую заставу) «подкрепить усилия неутомимо сражающегося в городе полковника Теттенборна».

«Подвиги сих четырех полков выше похвалы, — докладывал Чернышев, — час и три четверти проходя чрез все улицы Берлина, они остановились только у реки, над которой все деревянные мосты были поломаны, а каменный укреплен 6-пушечною батареею. Ободряясь примером полковников Теттенборна и Ефремова, четыре раза нападали на неприятельские колонны и, обращая в бегство, остановились только у Александровской площади, где выстроенный карей с 8 пушками удержал их мужественные усилия»³⁸⁰.

Казачи вынуждены были остановиться, захватив лишь часть города, так как деревянные мосты через реку Шпрее были разрушены, а каменный мост прикрывала 6-орудийная батарея.

Отбитый от Александровской площади Теттенборн отступил влево, соединился с полком Грекова 18-го, посланным Чернышевым в город с другой стороны, и занял 4 главные дороги и 6 улиц, ведущие к двум воротам, к Шенгаузенским и к Гамбургским³⁸¹.

Попытки французов вытеснить казаков из города не удавались. «Я сам видел, как маршал Ожеро собственной персоной приказал гнать с полдюжины русских вниз по Шарлоттенштрассе и поймать одного заблудившегося казака, что, однако, не удалось сделать, — записал житель Берлина. — Несколько горожан были случайно ранены ружейными выстрелами, направленными в казаков»³⁸².

Чернышев попытался запугать и отвлечь французов, «рассылав оба отряда по необозримой площади, приближался к городу в порядке, послав парламентаря с предложением очистить город, которое, однако же, не было принято»³⁸³.

Французы контратаковали. Они вывели из города 4 колонны (5—6 тысяч чел. и 10 орудий) и попытались оттеснить казаков от

³⁸⁰ Поход русской армии против Наполеона в 1813 году. С. 73.

³⁸¹ Там же. С. 75.

³⁸² Там же. С. 78.

³⁸³ Там же. С. 75.

стен и отрезать ворвавшихся в город. Войсками командовал лично маршал Ожеро. «Он сам находился несколько часов за воротами, и я мог сквозь решетку ворот различать его шляпу с плюмажем», — записал берлинский житель³⁸⁴.

Чернышев въехал сам в город и, «удостоверясь, что содействие жителей, которое одно могло бы способствовать к изгнанию неприятеля, ограничивалось одними восклицаниями и пьянством», приказал бывшим в городе четырем полкам возвратиться в поле и ударить во фланг французским колоннам³⁸⁵.

Чернышев, выставив два орудия против французских колонн, поколебал их, а затем бросил в атаку регулярную кавалерию. «Гусары и драгуны ударили в них с такою силою, что бросили к стенам две из их колонн, усиливающих протянуться по равнине»³⁸⁶.

В это время стали выходить из города заскакавшие туда казачьи полки. Они увидели колонну французов, которая пыталась «зайти и действовать в левой наш фланг». Теттенборн, взяв полк Грекова 18-го, поспешил на высоту, «на левой стороне находящуюся, и, поднявшись на оную, бросился с нее на колонну сию. Стремительность движений и внезапность, с коей полк понесся на неприятеля, все решило; в беспорядке должны они были пробежать большое пространство, чтоб присоединиться к своим. Казаки, между тем преследуя их, истребили и захватили большую часть из них». Атаку Теттенборна поддержали другие части. С правого фланга дорогу французам перекрыли два казачьих полка, прикрывавшие возвращение русских войск из города; с левой стороны успешная атака казаков и кавалеристов Чернышева опрокинула и стеснила их к середине. Французы откатились под городские стены, «к которым прислонясь, так сказать, действовали еще артиллерией, после чего покровительствуемые наступившей темнотою успели заключить себя снова в город»³⁸⁷.

По докладу Чернышева, «в неоднократных сих нападениях взято до 500 чел. в плен, убито же гораздо превосходное число».

³⁸⁴ Поход русской армии против Наполеона в 1813 году. С. 78.

³⁸⁵ Там же. С. 73.

³⁸⁶ Там же. С. 75.

³⁸⁷ Там же. С. 76.

Пока шли бои под стенами Берлина, подполковник Власов с полком Сысоева под командою майора графа Пушкина овладели упорно защищаемым неприятелем мест. Шарлоттенбургом и Потсдамским трактом, причем взято 4 офицера и 164 рядовых³⁸⁸.

Тоттенборн подтверждал, что в плен взято 6 штаб-, 12 обер-офицеров и более 600 рядовых, а убитых «несравненно большое число»³⁸⁹. В окрестностях города было захвачено 18 орудий.

Потеря в обоих отрядах не превышала убитыми и ранеными 150 человек. Войсковой старшина Комисаров был ранен в левую руку.

«Вообще смею смело утвердить, что все офицеры превзошли в сем случае полного понятия о истинной храбрости; и если бы сего не было, то могла ли легкая конница ворваться в обширный город, охраняемый 40 пушками и 7 тыс. пехоты, держаться в нем в продолжение пяти часов, потом драться до самой ночи с бессравненно сильнейшим неприятелем и, вынудив его силою из города, силою опять его в город заключить», — рапортовал Тоттенборн³⁹⁰.

Особо в рапортах Чернышева и Тоттенборна подчеркивалось отношение жителей к налету казаков на Берлин. Чернышев указывал на «доброе расположение жителей, покушавшихся подать нам руку помощи», и «исступление самих женщин, нас приветствующих всеми их полу предоставленными способами», но в то же время отмечал «неприятные распоряжения» городской полиции³⁹¹. Тоттенборн докладывал: «Что касается до жителей столицы, то восхищение было начертано на лицах их; они приняли нас восклицаниями, громко раздавалось высочайшее имя, но градская полиция притесняла их усердие и даже стреляла в те толпы народа, которые более протчих колебались в радостном шуме»³⁹².

Войска, выходявшие искать казаков в Штраусберге, а также войска, двинутые на помощь Берлину из Кюстрина и Франкфурта, заставили казачьи отряды отступить. Чернышев рапортовал: «Мы намереваемся расположиться в Ораниенбурге, где по близ-

³⁸⁸ Поход русской армии против Наполеона в 1813 году. С. 73.

³⁸⁹ Там же. С. 76.

³⁹⁰ Там же.

³⁹¹ Там же. С. 73.

³⁹² Там же. С. 76.

кому расстоянию от неприятеля, прикрыт будучи р. Гавелем, всегда останется в удобности вредить в тыл его сообщениям и движениям», и высказывал надежду: «Оттянув нашими движениями большую часть войск от крепостей и Одера, я уповаю, что авангард вашего сиятельства менее найдет препон к переходу чрез сию реку и что сие даже немало будет выгодно и для большой действующей армии»³⁹³.

Французы, полагая силы казаков в десяти тысячах, бросились запоздало укреплять город. Утром 9 (21) февраля все 14 ворот Берлина были заперты, частично заложены бревнами, на улицах, на главных площадях поставлены пушки с горящими фитилями и подготовленными трутами. Гарнизон расставлен на улицах в боевой готовности, все подступы к Оперному мосту, к Фридрихштрассе и Шарлоттенштрассе и по всем остальным поперечным улицам, были уставлены пушками³⁹⁴. Город отправил к казакам депутатов, которые умоляли не атаковать вторично города и пощадить их от бед³⁹⁵, а принц Генрих, брат прусского короля, бывший сражения 8 (20) февраля, обратился письменно к маршалу Ожеро с изъяснением, «что в случае подобного нападения он не отвечает за народ, тем более, когда маршал защищал город в самых стенах его, что сего быть не должно; а если он чувствует себя слабее русских, то долг ему повелевает уступить им город. Если же он почитает себя довольно сильным, дабы противустать им, то чтобы выступил он к ним навстречу»³⁹⁶.

Вечером бригады генералов Пуенсона и Фрессине, находившиеся ранее у Вернейхена и Штраусберга, вошли в Берлин. Туда же, оставив Франкфурт, прибыл сам вице-король Евгений Богарнэ в сопровождении маршала Гувюна Сен-Сира с 10 эскадронами гвардейской кавалерии (500 человек). Всего в Берлине собралось (по мнению казачьих начальников) до 15 тыс. войск, которые намеревались атаковать казачьи отряды.

Казачьи командиры, нагнетая обстановку, послали маршалу Ожеро ультиматум. «Нашему маршалу Ожеро предложено капи-

³⁹³ Поход русской армии против Наполеона в 1813 году. С. 74.

³⁹⁴ Там же. С. 78.

³⁹⁵ Там же. С. 76.

³⁹⁶ Там же. С. 87.

тулировать. Он ответил, что будет защищаться до последней капли крови», — отметил берлинский житель³⁹⁷.

Поняв, что французы не имеют точного представления об их силах, командиры казачьих отрядов 10 (22) февраля отошли в Ораниенбург и оттуда контролировали все большие дороги, стекающиеся к Берлину. Они помнили, что следующей их задачей является движение на Мекленбург, где планировалось поднять восстание пруссаков против французов, но захваченные пленные и трофеи сковывали их передвижение. «Число захваченных одним отрядом моим по переходе через Одер пленных превышает 600 чел. и чрезвычайно меня затрудняет по неимению надежного пункта, чрез который бы можно было доставить их в безопасное место...» — докладывал Чернышев³⁹⁸. Да и Берлин после недавнего удачного налета не казался казакам неприступным.

Чтобы нанести французам окончательный удар, нужна была пехота. «С достоверностию можно предположить, что переход чрез Одер первого пехотного полка есть предшественник занятия Берлина», — докладывал Витгенштейну полковник Теттенборн³⁹⁹.

Но именно 9 (21) февраля М.И. Кутузов предписал П.Х. Витгенштейну остановиться и не наступать дальше: «Из последнего донесения вашего сиятельства с приложением письма генерала Йорка усмотрел я, что прусской корпус не только что отстал от корпуса вашего сиятельства, но и, по-видимому, без позволения короля не намерен идти далее Шлохау, что побуждает меня остановить корпус ваш на некоторое время в окрестностях Дризена, где имеете расположиться по кантонир-квартирам, начиная от сего города и простираясь чрез Вальденбург до Аренсвальда; авангард ваш расположится в Ландсберге.

Главная армия останавливается в окрестностях Калиппа; передовые ее корпуса: генерал-адъютанта Винценгероде в мест. Равиц, генерал от инфантерии Милорадовича в Гостине». И далее М.И. Кутузов запоздало рекомендовал сделать то, что уже вершилось под стенами Берлина: «Дабы не оставить неприятеля в покое

³⁹⁷ Поход русской армии против Наполеона в 1813 году. С. 76.

³⁹⁸ Там же. С. 73.

³⁹⁹ Там же. С. 77.

*Казачи отбивают обоз Наполеона в районе Городни.
Художник Б.В. Зворыкин*

*Казачи преследуют наполеоновские войска.
Художник О.-Ж. Дезарно*

Казак и француз. Из журнала «Сын Отечества»

*Знамя, пожалованное Всевеликому Войску Донскому
за войну с французами*

*Блюхер и казаки в Бауцене.
Художник Б.П. Виллевальде*

*Сражение под Лейпцигом. Фрагмент.
Художник В.И. Мошков*

*Въезд Александра I в Париж.
Неизвестный художник*

*Лагерь на Елисейских полях.
Художник Г.-Э. Опиц*

М.И. Платов. Художник Т. Филипс

А.К. Денисов 6-й. Неизвестный художник

В.В. Орлов-Денисов. Художник Дж. Доу

И.Д. Иловайский 4-й. Художник Дж. Доу

Н.В. Иловайский 5-й. Художник Дж. Доу

В.Д. Иловайский 12-й. Художник Дж. Доу

*Казачи в Гамбурге 18 марта 1813 г.
Художник С. Кристофор*

*Русские казаки за границей.
Неизвестный художник*

Русские казаки. Художник Г.-Э. Опиц

Хорошие новости 12 февраля 1814 года. Художник Г.-Э. Опиц

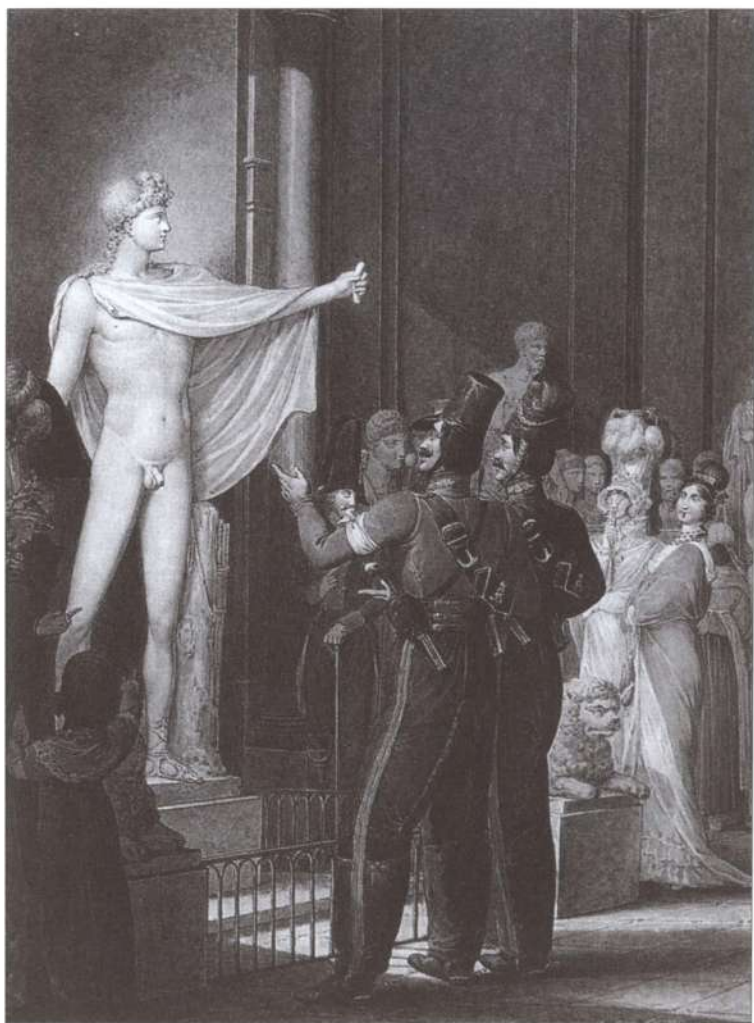
*Парижане читают сводки военных действий. Улица Кастигльон.
Художник Г.-Э. Опиц*

Русские казаки в Париже. Художник Г.-Э. Опиц

Конный казак на улицах Парижа. Художник Г.-Э. Опиц

Козаки у статуи Аполлона в Лувре. Художник Г.-Э. Опіц

*Казачи рассматривают карикатуры на себя. Париж. 1814 г.
Художник Г.-Э. Опиз*

Русский казак. 1814 г. Неизвестный художник

в течение сего времени, нужно устроить более легких партий для партизанов, которые бы, перейдя Одер, нанесли страх неприятелю не только в окрестностях Берлина, но и до самой Эльбы. В то самое время партизаны Главной армии, перейдя Одер между Франкфуртом и Глогау, устремятся в Саксонию»⁴⁰⁰.

Поскольку пехота остановилась, вперед были посланы новые силы конницы. Отряд подполковника Пренделя из авангарда Винценгероде перешел Одер в мест. Штейнау и двинулся к Эльбе. Первым «подвигом» казаков Пренделя за Одером был захват 150 быков, которых они отправили в Глогау⁴⁰¹.

Севернее Штейнау и Глогау дела развернулись более серьезные. 11 (23) февраля легкий отряд генерал-майора Бенкендорфа (5 казачьих полков, сводный гусарский полк, 2 эскадрона драгун, 2 орудия) перешел Одер у Франкфурта и пошел по большой Берлинской дороге, ведущей из Франкфурта через Минихберг.

Из Франкфурта на Берлин двигались французские войска. Арьергард одной французской колонны два казачьих полка под командою майора Мельникова догнали и разбили в Тацдорфе, взяв 60 человек в плен. Сам Бенкендорф с остальным отрядом встретил у Шенфельда шедшую из Франкфурта на Берлин вторую неприятельскую колонну, состоящую из 900 человек кавалерии. Это был итальянской 4-й конно-егерской полк, прибывший только что из Италии и состоявший из 6 эскадронов (остальные французские и итальянские полки имели по 4 эскадрона).

Бенкендорф итальянцев разбил и гнал до Треплина близ Франкфурта. В преследовании в плен взято 23 офицера, 16 юнкеров и 664 рядовых, прочие же убиты, исключая 20 чел. и одного офицера, которой успел ночью уйти в Франкфурт. «Урон наш в людях убитыми невелик, но раненых довольно, потеря же в лошадах была заменена лучшими из неприятельских»⁴⁰².

Из рапорта к принцу Невшательскому шефа 4-го конноегерского итальянского полка полковника Эркюля, разбитого генерал-майором Бенкендорфом, следовало, что от полка осталось 11 офицеров, 33 рядовых и 29 лошадей; и уцелели они, поскольку

⁴⁰⁰ Поход русской армии против Наполеона в 1813 году. С. 72.

⁴⁰¹ Там же. С. 85.

⁴⁰² Там же. С. 80.

часть офицеров не была в строю, а оставалась по поручениям в Франкфурте...⁴⁰³

Хотя Наполеон требовал, чтобы рубеж по Одеру был бы удержан любой ценой, французы начали оставлять линию Одера. Во Франкфурте оставался еще генерал Жирар с 2000 пехоты и 7-ю орудиями, но мост через Одер уже был приготовлен к сожжению. Кроме того, отойдя, французы оставили гарнизоны в ключевых городах Германии — Штеттине, Кюстрине и Глогау.

Остатки корпуса вице-короля, идущие через Минихберг в Берлин, после появления у Минихберга отряда Бенкендорфа, повернули на Фирштенвальд и Кепнин, а прочие войска потянулись еще левее на Бесков. Разведка доносила, что некоторые французские части ретируются за Эльбу через переправы при Торгау, Дрездене и Виттенберге.

Витгенштейн считал, что «сие отличное дело генерал-майора Бенкендорфа доставило нам двойную пользу: первое, что истребил почти последнюю неприятельскую кавалерию, которой и без того уже чрезвычайно мало было, а второе, что корпус вице-короля отрезал от Берлина и не допускает соединиться его с тамошним гарнизоном»⁴⁰⁴.

Истребив итальянцев, генерал-майор Бенкендорф двинулся через Фирштенвальд между Митенвальдом и Берлином, чтобы тем самым окружить Берлин со всех сторон тремя отрядами легкой кавалерии и принудить войска, находящиеся в Берлине, оставить город⁴⁰⁵.

12 (24) февраля отряд генерал-майора Бенкендорфа перехватил письмо, направленное к генералу Жирару начальником французского Главного штаба: «Письмо сие служит удостоверением того, что неприятель не остается на правом берегу Одера»⁴⁰⁶.

Тоттенборн с Чернышевым решили не торчать бесполезно под Берлином, а отойти к городку Гранзею. Оттуда они разослали партии в мекленбургские владения и нашли их совершенно свободными от неприятеля, хотя Росток еще был в его руках.

⁴⁰³ Поход русской армии против Наполеона в 1813 году. С. 100.

⁴⁰⁴ Там же. С. 80.

⁴⁰⁵ Там же.

⁴⁰⁶ Там же. С. 85.

14 (26) февраля Теттенборн запоздало удостоверился, что вице-король с маршалом Ожеро и с 2 тыс. пехоты двинулся из Берлина на Кепеник на следующий день после своего прибытия в прусскую столицу и направляется в Саксонию. Командование войсками в Берлине передано маршалу Гуввиону Сен-Сиру⁴⁰⁷.

15 (27) февраля Теттенборн узнал, что еще около 4 тыс. пошли вслед за вице-королем из Берлина на Кепеник, и они с Чернышевым решили немедленно приблизиться к Берлину. Генерал-адъютант Чернышев пошел через Кремен на Велефанц, а Теттенборн подошел на милю к городу, стал в Бланкенфельде и выставил аванпосты в Нидершенгаузене и в Луизенбруне.

Ситуация изменилась, и 15 (27) февраля генерал-от-кавалерии граф Витгенштейн отпортовал Кутузову, что идет прямо к Одеру, дабы заняться построением переправ...⁴⁰⁸

Чернышев выдвинулся западнее и начал действовать казачьими отрядами на коммуникацию неприятеля между Берлином, Бранденбургом и Магдебургом, посылая сильные партии вплоть до дороги, идущей из Берлина к Витгенбергу через Саармунд. Сам генерал-адъютант Чернышев с драгунами и гусарами перешел в с. Гермздорф.

Отряд генерал-майора Бенкендорфа перешел р. Шпрее и перекрыл дороги, ведущие в Саксонию.

Расположение казачьих отрядов перерезало все тракты в Берлин и из Берлина, что вызвало затруднения в продовольствии.

Всего в окрестностях Берлина, между Одером и Эльбой, оперировало до 26 тысяч французов и их союзников. Но малочисленность французской кавалерии позволила партизанам держать город в постоянной блокаде.

16 (28) февраля фельдъегерского корпуса прапорщик Петрович захватил близ Потсдама у Баумгартенбрика дипломатических чиновников: французского советника посольства Лефевра, вестфальского министра графа Линдена и испанского поверенного в делах кавалера Уркихо⁴⁰⁹.

В это же время 15 (27) февраля 1813 г. Гарденбергом в Бреславле и 16 (28) февраля Кутузовым в Калише был подписан насту-

⁴⁰⁷ Поход русской армии против Наполеона в 1813 году. С. 86—87.

⁴⁰⁸ Там же. С. 85.

⁴⁰⁹ Там же. С. 87.

пательный и оборонительный договор между Пруссией и Россией. Россия обязалась выставить 150 тысяч войск, Пруссия — 80 тысяч.

16 (28) февраля Пруссия объявила войну Франции.

18 февраля (2 марта) авангард русских войск под командованием генерал-майора князя Репнина переправился через Одер у Гюстембизе и 19 февраля (3 марта) подошел к Берлину, пехота авангарда расположилась перед Вернейхеном в двух с половиною милях от Берлинских ворот.

Отряд Чернышева, предупрежденный жителями (кроме того, Чернышев получил уведомление от прусского министра Штеймана) о готовящемся уходе французов, подошел к Рейникендорфу у Ораниенбургских ворот.

В ночь на 20 февраля (4 марта) французы вышли на виттенбергскую дорогу. Последним вышел арьергард под командованием Гренье.

«20-го числа в половине 5-го майор граф Пушкин, требовав напрасно открытия ворот, решился оные прорубить, и в 5 час я вступил в город, тогда как еще неприятель выходил чрез Потсдамские и Галльские ворота, — докладывал Чернышев. — Первое мое распоряжение было приказать отвалить все ворота и, оставив драгун и один казачий полк в городе, отправил остальную часть в преследование неприятеля»⁴¹⁰.

В городе было захвачено в плен до 150 рядовых, и в госпитале победители нашли ранеными до 40 офицеров и 1593 рядовых солдат противника.

В 10 часов в Берлин вступил легкий отряд Теттенборна, легкий отряд Бенкендорфа (через Франкфуртские ворота) и полк Селиванова 2-го из авангарда Виттенштейна, а в 12 — сам авангард армии Виттенштейна под начальством генерал-майора князя Репнина, которому Чернышев и сдал город⁴¹¹.

Французы отступали из Берлина в двух колоннах, одна взяла направление на Магдебург, а другая на Виттенберг. Соответственно отряды Чернышева и полковника Теттенборна преследовали первую колонну, а отряд генерал-майора Бенкендорфа и кавале-

⁴¹⁰ Поход русской армии против Наполеона в 1813 году. С. 90.

⁴¹¹ Там же. С. 90.

рия авангарда Витгенштейна под начальством генерал-майора барона Дибича последнюю⁴¹².

Витгенштейн докладывал Кутузову, что город не потерпел ни грабежа, ни разорения «от своих злодеев». Французы заключили было конвенцию с полицией, в силу которой российские войска не должны были быть извещены о ретирате, ни впущены в город ранее 10 часов утра. «Но радость от избавления от несносного ига, восторг видеть и принять своих избавителей и друзей заставили жителей забыть сию конвенцию и открыть заваленные ворота»⁴¹³.

Главные силы Витгенштейна вступили в Берлин лишь 27 февраля (11 марта) 1813 г. До этого момента бои продолжались на дорогах, ведущих к Эльбе, — казаки преследовали отступающего противника.

Ушедшие из Берлина французские войска объединились и отступали на Витгенберг, в Саксонию.

У Кенздорфа французы заняли между озер и гор весьма крепкую позицию. Чернышев распорядился, чтобы часть его отряда продолжала напирать на противника по большой дороге, а с другою частью и с орудиями взял влево чрез скрытые места и 22 февраля (6 марта), обогнав, встретил французов при мест. Белитце. Неоднократными нападениями и притворным отступлением он принудил противника прорываться дальше по дороге на Витгенберг и навел его на устроенную на высоте батарею из 4-х орудий. 7 тыс. пехоты и 700 чел. кавалерии вынуждены были ретироваться через мест. Белитц, проходя мимо этой батареи и под ее огнем. Ни один взвод неприятельской пехоты не прошел без потери. Отступали французы поспешно и не успели даже истребить мосты через речку Ниплиц⁴¹⁴.

Как докладывал Чернышев Аракчееву, «имел счастье под Беллицем с 1100 человек кавалерии прогнать мимо малой моей артиллерии 7 тысяч пехоты и 700 конницы так, что, кидая кивера и башмаки в величайшем беспорядке, бежали до Трейенбриценна, откуда немедленно пошли на Виттемберг»⁴¹⁵.

---

⁴¹² Поход русской армии против Наполеона в 1813 году. С. 89.

⁴¹³ Там же.

⁴¹⁴ Там же. С. 95.

⁴¹⁵ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничном походе. С. 399.

В тот же день, 22-го числа, казачьи полки Селиванова и Лощилина и Тверской-Ямской под командою генерал-майора барона Дибича, бывшие под общим командованием генерала Бенкендорфа, выбили противника из города Ютербок. Преследуя французов, казаки перешли саксонскую границу, с боем заняли деревню Зейгаузен (полки Мельникова и Тверской-Ямской) и преследовали французов до г. Цана.

Французские войска перешли за Эльбу и стали укреплять г. Виттенберг, где, по-видимому, хотели держаться. Вследствие этого Витгенштейн предписал генерал-майору Бенкендорфу наблюдать и беспокоить неприятеля в Виттенберге, а генерал-адъютанту Чернышеву — у Магдебурга.

Полковник Теттенборн получил особое поручение. Так как Витгенштейн получил известие, что жители г. Гамбурга взбунтовались против французов, и «смтение» продолжалось два дня, то Теттенборн с его отрядом должен был следовать прямо в Гамбург и Любек «для дальнейшего возмущения жителей того края»⁴¹⁶.

Отряд Чернышева пошел чрез Брюк, Гольцов, Цизар и Гентин к берегу Эльбы, где стал готовиться к переходу через реку и устанавливать связь с немецкими патриотами в Вестфалии, «в которой уже кипит дух освобождения и патриотизма немецкого края»⁴¹⁷.

К началу марта русские войска размещались на Висле и Одере, а прусские сосредотачивались в четырех группах (Йорка — 20,9 тыс. человек в Восточной Пруссии, Бюлова — 16,2 тыс. человек у Грауденца, К. Борстеля — 4 тыс. человек у Кольберга и Г.-Л. Блюхера — 26 тыс. человек в Силезии). Главнокомандующим объединенными русско-прускими войсками был назначен фельдмаршал Кутузов.

Чтобы создать условия для развертывания антинаполеоновского движения в Германии, союзники решили продолжить наступление до Эльбы. Эта мера могла привести к разрушению Вестфальского королевства и Рейнского союза и отпадению от Наполеона Саксонии и Австрии.

⁴¹⁶ Поход русской армии против Наполеона в 1813 году. С. 96.

⁴¹⁷ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничном походе. С. 399.

Союзные войска были разделены на две группы. В северную группу, действующую на берлинском направлении, вошли соединения Витгенштейна, Йорка и Бюлова (50 тыс. человек). Командующим этой группой стал Витгенштейн. В южную группу вошли войска Блюхера и Винценгероде (40 тыс. человек). Командующим был назначен Блюхер. Группа получила задачу наступать на Дрезден. Главная армия (27 тыс. человек) оставалась на Одере у Калиша в качестве резерва.

«Эта эпоха — я говорю о времени шествия нашего от Вислы к Эльбе — была краткою эпохою какого-то мишурного блеска оружия... — вспоминал Денис Давыдов. — Французы продолжали бегство; мнение о их непобедимости постепенно исчезало; некоторые союзники их соединились с победителями; но другие, ошеломленные неожиданностью события... — ожидали. Надлежало нам пользоваться успехами нашими и до прибытия новых сил из Франции затопить силами нашими сколь можно более пространства, никем, или почти уже никем, не защищенного... Все в союзных армиях начало мечтать о столицах, торжественных въездах в столицы, повержении ключей столиц к стопам императора. Начиная с Блюхера... всякий начальник отдельного многочисленного корпуса требовал столиц на пропитание честолюбию своему, потому что для огромных сил столицы доступны были не менее городков, предоставленных на поживу честолюбиям нашей братии — голодной сволочи дробных героев». Отметим, кстати, что слово «сволочь» имело тогда несколько иное значение, чем сейчас. «К этому надо прибавить, что после разгрома несметных Наполеоновых полчищ в России никто уже не ожидал войны, по крайней мере, такой, какой она вновь явилась»⁴¹⁸.

Со своей стороны вице-король Евгений, командовавший шестидесятитысячной французской армией, составленной из остатков Главной армии, из некоторых войск, оставшихся в крепостях, и из резервов, прибывших из-за Рейна, разместил ее следующим образом:

— Маршал Даву с 17 тысячами защищал Эльбу — от Дрездена до Торгау. В команде его состояли: VII корпус Ренье, 31-я диви-

---

⁴¹⁸ Давыдов Д.В. Указ. соч. С. 426—427.

зия Жерара, баварский корпус Рехберга и саксонские войска Лекока и Либенау;

— Виттенберг, Магдебург и все расстояние между ними защищали Гренье и Лористон. Войска их состояли из тридцати четырех тысяч и находились под личным начальством самого вице-короля;

— Маршал Виктор командовал на нижней Эльбе. Корпус его заключал в себе не более шести тысяч человек.

Остальные войска находились в Лейпциге, при главной квартире вице-короля и корпусной — маршала Даву⁴¹⁹.

Крупные гарнизоны наполеоновских войск оставались в тылу союзников: в Данциге, Ченстохове, Торне, Модлине, Шпандау и Штеттине. Они сковывали значительную часть русских и прусских войск.

Наполеон в это время уже разрабатывал план новой кампании и потребовал от Богарнэ передислоцировать войска. В его инструкции «подчеркивалась необходимость того, чтобы Даву остался хозяином нижней Эльбы вплоть до Гамбурга, тогда как основная часть войск Евгения должна была сосредоточиваться около Магдебурга. Согласно этому плану императора, маршал Виктор должен был создать предместные укрепления на Эльбе в Торгау, Виттенберге и Дессау, а на генерала Рейнье возлагалась ответственность по защите верхней Эльбы вплоть до австрийской границы. Наполеон считал, что после занятия этих позиций его армия на Эльбе будет способна противостоять лобовому нападению противника. В крайнем случае можно будет сдать Дрезден, который менее важен, чем Гамбург, так как новая Великая армия будет вскоре собираться в окрестностях Майнца и любой ценой должна быть прикрыта»⁴²⁰.

Как видим, удар планировалось нанести в северной Германии, от Магдебурга на Данциг, где сидел в осаде 30-тысячный французский гарнизон.

Описывая свой план Евгению 27 февраля (11 марта), Наполеон рассчитал, что при ускоренном марше его армия смогла бы снять осаду с Данцига через двадцать дней после переправы через Эльбу.

⁴¹⁹ Давыдов Д.В. Указ. соч. С. 425—426.

⁴²⁰ Чандлер Д. Военные кампании Наполеона. М., 2000. С. 530.

Но 28 февраля (12 марта) «местный французский командующий эвакуировал Гамбург на том основании, что невозможно удерживать весь рубеж на Эльбе»⁴²¹.

Это событие и переход казачьих отрядов через Эльбу сорвали очередной план войны, разработанный Наполеоном.

Очередным объектом действий союзной русско-прусской армии стали Лейпциг, Дрезден и вся Саксония в целом. Территория Саксонии разобщала земли уже определившегося союзника в войне с Наполеоном — Пруссии — и потенциального союзника — Австрии. Австрия с 1792 года уже четыре раза объявляла войну Франции, и ее присоединение к русско-прусскому союзу считалось лишь вопросом времени. Естественно, французы стремились удержать за собой саксонский плацдарм, разобщавший Австрию и Пруссию; с другой стороны, из Саксонии для них открывался путь в Варшавское герцогство, полное приверженцев Наполеона, что они не могли не учитывать, строя на будущее наступательные планы.

Кутузов планировал занять территорию Саксонии концентрическим наступлением двух групп. Южная группа Блюхера получила задачу выйти к Дрездену, а затем овладеть Лейпцигом. Северная группа Витгенштейна должна была, овладев Берлином, переправиться через Эльбу, соединиться здесь с войсками авангарда армии генерала Блюхера и также двинуться к Лейпцигу. Главная армия, составлявшая резерв, двигалась за южной группой. В результате на Дрезденском плацдарме должна была сосредоточиться более чем 100-тысячная армия.

Наступление началось только 8 (20) марта. Южная группа Блюхера двинулась на Дрезден. Впереди войск Блюхера шли подвижные отряды Давыдова, Пренделя и Мадатова под общим командованием Мадатова. В тот же день, 8 (20) марта, отряд Давыдова подошел к Дрездену и вступил в переговоры с местными властями, требуя ухода из Дрездена французских войск (3-тысячного отряда генерала Ж.-Ф. Дюрютта). 10 (22) марта отряд Давыдова (1-й Бугский казачий полк, Донской Попова 13-го полк, сотня полка Мелентьева и команда ахтырских гусар) вступил в Новый город Дрезден. 12 (24) марта французы ушли из Старого города

⁴²¹ Чандлер Д. Военные кампании Наполеона. М., 2000. С. 530.

Дрездена. Город был полностью занят войсками Винценгероде, который затем 22 марта (3 апреля) овладел также и Лейпцигом.

Главные силы Витгенштейна задержались в Берлине до 15 (27) марта. Витгенштейн отдавал себе отчет, что ему предстоит форсировать реку и совершать фланговый марш на юг, имея перед собой равного по силам противника. И он, чтобы отвлечь внимание французов, послал через Эльбу уже проверенные легкие отряды. Они имели целью, во-первых, поднять на борьбу с французами местное население и, во-вторых, сковать сосредоточенные на севере Германии французские войска. Поскольку подтолкнуть местное население на восстание силами одних казаков вряд ли было возможно, помимо казачьих отрядов за Эльбу были посланы и чисто прусские отряды.

Именно действия казачьих отрядов за Эльбой были восприняты иностранцами-исследователями как классические партизанские действия.

«Поход 1812 г. дал толчок началу партизанских действий... В войну 1813 г. партизанские действия в тылу французской армии были еще распространеннее и смелее; в этих предприятиях особенно выдавались русские всадники и их предводители, — считал Д. Денисон. — Первым выдающимся делом этой кампании было взятие Гамбурга Теттенборном, деятельным и энергичным офицером, с отрядом из 3000 пехотинцев и 3000 казаков»⁴²².

На самом деле отряд Теттенборна насчитывал 1300 человек (4 казачьих полка и 6 эскадронов гусар и драгун при 2 орудиях). Он выдвинулся к Гамбургу, одному из самых крупных городов Германии, включенному в состав Французской империи, насчитывавшему в то время более 100 тыс. населения. Гарнизоном Гамбурга командовал генерал Карра Сен-Сир.

«Находившийся поблизости казачий атаман, полковник Теттенборн, имел под началом не более двенадцати сотен всадников... но Сен-Сир этого не знал. Слухи о громадной русской армии,двигающейся к Эльбе вслед за побитыми морозом остатками Великой армии, передавались из уст в уста на всех углах и во всех кабачках старого города, и полуживые свидетельства жестокого разгрома французской армии были у всех перед глазами. Без особого шума

⁴²² Денисон Д. Указ. соч. С. 361.

12 марта (н.с. — А.В.) 1813 года Сен-Сир отступил, оставляя после себя в Гамбурге полный политический вакуум»⁴²³.

Тогда, по версии Делдерфилда, гамбургские сенаторы пригласили в город двенадцать сотен казаков Теттенборна из деревушки Бергдорф, где они до этого стояли⁴²⁴.

На самом деле отряд Теттенборна шел до Гамбурга с боями. На пути его лежали Мекленбург-Шверинские владения, в которые он вступил 2 (14) марта и пошел на Лудвигслуст, «где был принят жителями и двором с чрезвычайной радостью. Герцог, приняв все предложения, сделанные ему полковником Теттенборном, обещал вскоре сформировать 3 тыс. чел. войска». Авангард Чернышева достиг Лауенбурга, принадлежавшего прежде Ганноверу и, соответственно, «находившемуся под скипетром короля великобританского». Казаки здесь «были приняты с восхищением; народ мгновенно сорвал французские орлы и поставил вместо оных английские гербы, и 300 чел. граждан взяли оружие для воспрещения французам перехода через реку»⁴²⁵.

На подступах к Гамбургу Теттенборн встретил посланный против него отряд генерала Морана в числе 2 тыс. чел. пехоты, 200 чел. конницы и при 18 орудиях.

4 (16) марта под деревней Эшенбургом с неприятелем началась перестрелка. Французы заняли стрелками горы вокруг деревни, а их орудия охраняли большую дорогу, но казаки полков Сулина, Гревцова и Денисова спешили и после стрелкового боя ночью заняли Эшенбург. Французы начали отход на Гамбург, путь их пролегал через мекленбург-шверинскую и датскую территорию, но принц Голштейнбек и датской генерал Эйвальд после переговоров с полковником Теттенборном, выставили на свою границу 3 тыс. пехоты и 24 орудия и запретили им переход, мотивируя это своим нейтралитетом.

5 (17) марта французы (2800 человек и 17 орудий) начали переправу через Эльбу у мест. Цолленштекер, где через час были достигнуты отрядом Теттенборна. Французы выставили 6-орудийную батарею и продолжили переправу.

⁴²³ Делдерфилд Р. Закат империи. М., 2002. С. 26.

⁴²⁴ Там же. С. 29.

⁴²⁵ Поход русской армии против Наполеона в 1813 году. С. 117.

Теттенборн спешил своих драгун и казаков и взял переправу в полукруг. «В 4 часа пополудни, когда часть неприятельской пехоты под защитою 6-пушечной батареи переправилась чрез реку, то полки Гревцова и Денисова начали с такою живостию подходить под орудия, что рассыпанные неприятельские стрелки в беспорядке бросились к переправе, где был решительный удар, полки Денисова и Гревцова бросились на пушки со всех сторон, и те 6 24-фунтовых орудий остались в руках победителей»⁴²⁶. Разбитый генерал Моран ушел в сторону Бремена.

6 (18) марта вечером полковник Теттенборн вступил в Бергдорф, где встречен был гамбургскими депутатами, которым он обещал возвратить их прежнее правление.

На утро 7 (19) марта Теттенборн вступил в Гамбург, где был встречен «с сердечным восхищением», и первые два сенатора Кох и Шульц вручили ему городские ключи⁴²⁷.

Казаки Теттенборна были единственными русскими войсками, оказавшимися в Гамбурге. «Никаких колонн русских гренадер, строем марширующих через город, не было видно, да и эти двенадцать сотен казаков Теттенборна очень скоро рассеялись в поисках новой добычи по всему Балтийскому побережью, в частности, их вскоре увидели и в другом вольном городе — Любеке. В иные дни их оставалось в городе не более сорока человек. И казаки, оставшиеся в Гамбурге, как и пригласившие их городские власти, начинали проявлять беспокойство относительно возможностей обороны города в случае французской контратаки.

Для защиты от этой угрозы они организовали местную милицию, а также совместно с другими ганзейскими городами вооружили около десяти тысяч добровольцев и разместили их в близлежащих фортификационных сооружениях и на островах, примыкающих к городу. Новое соединение сначала получило название «Войско Ганзейской Лиги», но вскоре обрело новое имя — «Казаки Эльбы»⁴²⁸. Этих «казаков» английское правительство взяло на свое содержание.

⁴²⁶ Поход русской армии против Наполеона в 1813 году. С. 109.

⁴²⁷ Там же. С. 110.

⁴²⁸ Делдерфилд Р. Указ. соч. С. 28—29.

«Рекрутированные из низших классов городского общества, собирающиеся отъявленных бездельников и бедняков, они использовали свой счастливый шанс и сделали все возможное для того, чтобы выгода освобождения от императорских войск и наполеоновской бюрократии падала с каждым днем. Вскоре Сенат уже был рад одарить полковника Теттенборна пятью тысячами золотых монет за то, чтобы его войско покинуло пределы города»⁴²⁹.

Теттенборн устроил в Гамбурге свою базу и стал действовать казачьими отрядами на Любек, Бремен, Варден и Люнебург. Отряд подполковника Бенкендорфа занял Любек 10 (22) марта. 13 (25) марта началось восстание в Люнебурге, где у французов был отбит транспорт с 1032 французскими ружьями. В городе сразу же началось формирование повстанческих войск, для вооружения которых ожидали еще 2 или 3 тыс. ружей из Гельголанда⁴³⁰. Волнения перебросились даже в Данию.

Для дальнейшего разжигания восстания и для руководства повстанцами нужен был человек, знающий обстановку и известный самим патриотам. Таковым был уроженец Гессена генерал Дернберг, поступивший на русскую службу в 1812 г. Прусское руководство еще в конце января рекомендовало его Александру I: «Генерал Дернберг готовится к экспедиции в Вестфалию к Касселю. Это человек, движимый самыми благоразумными стремлениями, но хорошо бы ему придать помощника с большими военными и политическими способностями...»⁴³¹

В распоряжение Дернберга был послан генерал Бенкендорф с частью своего отряда, и 9 (21) марта отряд Дернберга в составе казачьих полков Мельникова 4-го, Андреянова 2-го, Лоцилина 1-го, а также 1-го Башкирского, сводного гусарского, 2-го егерского полков, 2 орудий донской артиллерии и 2 орудий конной роты № 5 выступил из Берлина к Эльбе. Отряду Чернышева приказано было поддержать Дернберга.

13 (25) марта отряд Дернберга переправился через Эльбу у Зандова и занял город Вербен, где ждал подхода отряда Чернышева. Но на другой день, 14 (26) марта, французская кавалерия под

⁴²⁹ Делдерфилд Р. Указ. соч. С. 29.

⁴³⁰ Поход русской армии против Наполеона в 1813 году. С. 122.

⁴³¹ Там же. С. 51.

командованием генерала Монбрена выбила Дернберга обратно на правый берег Эльбы.

16 (28) марта подошедший отряд Чернышева и отряд Дернберга снова форсировали Эльбу, но уже ниже по течению. Чернышев перешел реку близ селения Беслау у Сандкруга, выдвинул к Лихтерфельду казачий полк под командованием майора графа Пушкина, а сам пошел к местечку Зесгаузену, чтобы прикрыть переправу отряда генерала Дернберга, проходившую в Ленцене.

Войска маршала Даву немедленно двинулись к месту переправы, их авангард вышел к Лихтерфельду и начал теснить полк под командой майора графа Пушкина. Пушкин, получив в подкрепление целый полк, отбивался, опрокинул неприятеля и взял у него 2 офицера и 60 человек пленных.

Между тем 19 (31) марта Чернышев получил сведения, что генерал Моран с 3500 солдат и 9 пушками занял город Люнебург и производил там казни немецких патриотов, восставших против французов (по мнению Дернберга, корпус генерала Морана, состоял из 3 тыс. инфантерии, 12 пушек и 300 чел. кавалерии)⁴³².

Чернышев и Дернберг, посоветовавшись, решили оторваться от корпуса Даву, теснившего отряд Чернышева с левого фланга, и, выиграв у Даву несколько маршей, внезапно напасть на войска генерала Морана, стоящие в Люнебурге.

За сутки партизаны прошли 50 английских миль⁴³³.

20 марта (1 апреля), подойдя к селению Биненбютелю, Чернышев приказал полковнику барону Палену с 2 казачьими полками следовать по левому берегу речки Эльминау и, зайдя в тыл неприятелю, беспокоить его сильной ружейной стрельбой, чтобы оттянуть французов от той стороны города, на которую должны были сделать нападение оба отряда, Чернышева и Дернберга.

Пален двинулся в обход и отвлек на себя внимание гарнизона. Генерал Моран оставил в городе 1 батальон, а сам выступил против Палена. Тогда к городу двинулись Дернберг и Чернышев. Оставленные в городе французы увидели подходящий к Люнебургу отряд Дернберга и немедленно выступили из стен города 3 колоннами (300 пеших и 100 кавалеристов) ему навстречу. Они

⁴³² Поход русской армии против Наполеона в 1813 году. С. 128.

⁴³³ Денисон Д. Указ. соч. С. 361.

выставили 2 орудия и заняли выгодную позицию. Но тут подошла кавалерия отряда Чернышева (тоже с двумя орудиями) и стала обходить французскую позицию, стремясь отрезать неприятеля от города.

Французы начали отходить. Их 2 орудия были захвачены конницей Бенкендорфа. Быстро отступив, французы остановились на 2 мостах чрез речку Эльменау, находящихся у самого города. На каждом мосту они поставили по 4 орудия и сильный отряд стрелков. Чернышев, не теряя времени, пошел со 2-м егерским полком и регулярной кавалерией своего отряда атаковать мост и Альтенбрюкские ворота с левого фланга, а генерал Дернаберг с прусской пехотой и кавалерией его отряда атаковал так же другой мост и Люнерторские ворота с правого фланга. «Неприятель защищался с неизъяснимою упорностью сильным ружейным и картечным огнем, но видя твердую непоколебимость наших войск, уже несколько часов сражавшихся, побежал из города». Казаки Чернышева, не дав французам время истребить мосты, вступили вместе с ними в город «и выгнали их стремительно из оногo». Конница Бенкендорфа обошла город справа, чтоб отрезать путь отступления.

Моран, слыша в городе стрельбу, вернулся и «с большой смелостью бросился опять в город, что ему и удалось»⁴³⁴. Конная артиллерия и русская и прусская пехота, «видя сие, бросились с большим отчаянием и выгнали неприятеля из города вторично»⁴³⁵.

Французы смогли устроиться и начали в порядке отходить по дороге к Гамбургу, но тут казачьи полки под начальством барона Палена перерезали им путь. А со стороны города продолжала наседать русская регулярная кавалерия и вела огонь артиллерией.

Неприятель, «видя неизбежную свою гибель... просил пощады». Отрядам Чернышева и Дернаберга достались 2290 пленных, раненый дивизионный генерал Моран, начальник штаба его дивизии Делор, полковник Поазва, саксонский полковник Еберштейн, около 100 офицеров, 9 орудий, взятых с бою, и 3 знамени⁴³⁶. Партизаны потеряли от 300 до 400 человек убитыми и ранеными.

---

⁴³⁴ Поход русской армии против Наполеона в 1813 году. С. 129.

⁴³⁵ Там же.

⁴³⁶ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничном походе. С. 409.

«Эти успехи имели очень важное значение, так как они подняли дух народа и восстание скоро распространилось по всей Германии»⁴³⁷.

В разгар этих боев Александр I принял решение объединить командование партизанскими отрядами за Эльбой и вокруг Гамбурга в руках генерала Вальмодена: «Его императорскому величеству угодно, чтобы господин Вальмоден, по сведениям его по Германии, употреблен был вами к командованию трех легких отрядов Чернышева, Дернберга и Теттенборна. Государь надеется, что таковое распоряжение даст еще больше согласия в действиях тех отрядов», — писал Кутузов Витгенштейну 18 (20) марта⁴³⁸.

Генерал-лейтенант Вальмоден-Гимборн поступил на русскую службу из австрийской, а до этого послужил в прусской и ганноверской армиях и проявил себя способным кавалерийским начальником. Его назначение увенчало тенденцию ставить немцев во главе казачьих отрядов. Фактически весь бывший корпус Платова, разделенный на три отряда, был переподчинен Вальмодену.

Впрочем, немцы всегда ценились русским командованием как хорошие партизаны. Известно предписание М.Б. Барклая де Толли М.И. Платову от 13 (25) июня 1812 года, едва лишь началась Отечественная война: «Предлагаю Вашему высокопревосходительству определенного высочайшим приказом минувшего мая месяца 5 числа в нашу службу прусского майора Барнекова причислить его к Вашему корпусу на случай военных действий, ныне открывшихся. Хотя он российского языка и не знает, но, имея отважный дух и ревностную приверженность к России, можно на него положиться и употребить с пользою к партизанским действиям по Вашему благоусмотрению»⁴³⁹.

На следующий день после боя под Люнебургом отряды Чернышева и Дернберга отошли на правый берег Эльбы, так как к городу подступил корпус генерала Вандамма. 27 марта (8 апреля) Витгенштейн отозвал отряд Дернберга к Магдебургу, где сам несколько дней назад выиграл бой с французами. 28 марта (9 апреля) войска

⁴³⁷ Денисон Д. Указ. соч. С. 361.

⁴³⁸ Поход русской армии против Наполеона в 1813 году. С. 127.

⁴³⁹ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах. С. 49.

Витгенштейна начали переправу у Росслау, чтоб идти на соединение с Блохером к Лейпцигу. В тот же день отряд Чернышева вновь переправился через Эльбу у крепости Демец и занял Данненберг.

М.И. Кутузов объяснял Витгенштейну, что все действия за Эльбой «имеют в предмете: 1-е, поддержать дух во всей Германии и 2-е, держать самого неприятеля в неразумении и в бездействии. Вы, без сомнения, видите, что сей образ войны с нашей стороны чрез некоторое время перемениться должен и перемена сия [должна] последовать с приближением резервов наших»⁴⁴⁰.

Но резервы, высылаемые из Белоруссии и Украины, были явно недостаточны, и союзники, наступая, умудрялись избегать сражений, действуя одними легкими войсками.

«Операции наших партизанов опять начались на левой стороне Эльбы», — рапортовал Витгенштейн Кутузову 4 (16) апреля. Тоттенборн занял Ротенбург, Дернберг вновь занял Люнебург и выдвинул свои передовые части к Зольтау, Чернышев стоял в Данненберге, его казаки доходили до Ильцена. В дальнейшем отряды Чернышева и Дернберга двинулись на Целле, Ганновер и Брауншвейг.

На саксонском направлении два казачьих полка тирольца полковника Пренделя вышли к предгорьям Гарца, а казаки авангарда генерала Ланского дошли до Нордхаузена.

Главные силы союзников (92 тысячи, 656 орудий), выполнив замысел М.И. Кутузова, расположились в Саксонии, между Лейпцигом и Дрезденом, главная квартира находилась в Фробурге.

28 марта (9 апреля) М.И. Кутузов в письме директору Морского кадетского корпуса Л.И. Голенищеву-Кутузову объяснил, почему русские войска зашли так далеко. «Отдаление наше от границ наших, а с тем вместе и от способов может показаться нерасчетливым, особливо если исчислить расстояние от Немана к Эльбе и расстояние от Эльбы к Рейну. Большие силы неприятельские могут нас встретить прежде, нежели мы усилимся прибывающими из России резервами, вот что тебе и всем, может быть, представляется. Но ежели войти в обстоятельства и действия наши подробнее, то увидишь, что мы действуем за Эльбою легкими отрядами, из которых (по качеству наших легких войск) ни один не пропадет.

⁴⁴⁰ Поход русской армии против Наполеона в 1813 году. С. 131.

Берлин занять было надобно, а занявши Берлин, как оставить Саксонию и по изобилию ее и потому, чтобы отнять у неприятеля сообщение с Польшею. Мекленбург и ганзейские города прибавляют нам способов. Я согласен, что отдаление от границ отдаляет нас от подкреплений наших, но ежели бы мы остались за Вислою, тогда бы должны были вести войну, какую вели в [1] 807 г. С Пруссиею бы союзу не было, вся немецкая земля служила бы неприятелю людьми и всеми способами, в том числе и Австрия»⁴⁴¹.

Австрия — новый потенциальный союзник — обещала России и Пруссии помощь. Генерал Н.Н. Раевский указал в письме к супруге 1 (13) апреля: «Наши войска от Эльбы идут на Везер. Австрия нам дает 40 т <ыс. > человек»⁴⁴².

Но это пока были только обещания. В апреле 1813 года, когда Наполеон с новой, наспех набранной армией перешел в наступление, Австрия в войну еще не вступила.

Пока русские и прусские войска медленно, на ощупь шли к Эльбе, Наполеон успел создать новую армию. «Армия — или некоторое подобие армии — была создана. В стране треть физически пригодных мужчин в возрасте от семнадцати до сорока четырех лет были одеты в форму, а за пределами Франции принц Евгений, вице-король Италии, создавал новое соединение из 40 000 человек, сплавивая их вокруг крошечного ядра тех, кто выжил после российского похода»⁴⁴³. Новая французская «армия Эльбы» состояла из 189 500 пехоты и 16 800 кавалерии⁴⁴⁴.

«Однако между количеством солдат и их качеством существовала пропасть, — писали военные историки, — новые армии невыгодно сильно отличались от старых. Коленкур даже характеризует эти новые войска как «организованный сброд», но их храбрость в последующих боях помогла увидеть их в другом свете»⁴⁴⁵.

Сам Наполеон охарактеризовал новую армию так: «В числе 240 000 человек, из коих состояла в этом походе французская армия, было 50 000 саксонцев, вестфальцев, баварцев, вюртемберг-

⁴⁴¹ Поход русской армии против Наполеона в 1813 году. С. 142.

⁴⁴² 1812—1814. Секретная переписка. С. 238.

⁴⁴³ Делдерфилд Р. Указ. соч. С.68.

⁴⁴⁴ Чандлер Д. Военные кампании Наполеона. М., 2000. С. 540.

⁴⁴⁵ Там же. С. 529.

цев, баденцев, гессенцев и солдат герцогства Бергского, не расположенных к Наполеону и более вредных, чем полезных. Остальные 200 000 состояли, за исключением гвардии, из молодых солдат (особенно в кавалерии), поляков, двух или трех полков легкой и четырех или пяти полков тяжелой кавалерии. Такой недостаток в легкой кавалерии не давал возможности вести разведку»⁴⁴⁶.

Впоследствии Наполеон писал, что русских и пруссаков заманили в Саксонию намеренно: «Движение к Дрездену было предусмотрено: было сделано все, чтобы завлечь туда неприятеля»⁴⁴⁷. Он планировал ударами с запада и северо-запада отбросить расположенные в Саксонии русско-прусские войска на юг и прижать их к границе все еще нейтральной Австрии. Следующим должен был стать удар войск маршала Даву из северной Германии через Эльбу и Одер на Данциг, где сидели в осаде более 20 тысяч ветеранов русского похода 1812 г.

12 (24) апреля Наполеон писал королю Вюртемберга: «Союзники продемонстрировали нерешительность. Первая цель моих операций будет заключаться в том, чтобы отбросить врага правее Заале, затем правее Мульды и даже правее Эльбы»⁴⁴⁸. С этой целью Наполеон начинает наступление от Эрфурта к Лейпцигу, а вице-король от Альслебена к Лейпцигу.

В этот критический момент 16 (28) апреля М.И. Кутузов умер в Бунцлау. Главнокомандующим был назначен генерал Витгенштейн.

В данной ситуации российское командование обратилось к испытанному средству. 22 апреля (4 мая) 1813 г. Ф.Н. Глинка записал: «Генерал-адъютант князь Волконский известил генерала Милорадовича, что государь поручает ему учредить вновь партизанскую войну для действий на сообщении неприятеля в гористом пространстве от Иены до Лейпцига»⁴⁴⁹.

Донские казаки в составе партизанских отрядов вновь были брошены за Эльбу (некоторые за Эльбой и встретили наступление

⁴⁴⁶ *Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. Избранные произведения.* С. 744.

⁴⁴⁷ Там же.

⁴⁴⁸ *Лашук А. Наполеон. Походы и битвы 1796—1815.* М., 2004. С. 596.

⁴⁴⁹ *Глинка Ф.Н. Письма русского офицера.* М., 1990. С. 167.

противника), но теперь их действия имели цель не столько прикрывать передвижения (наступление, отступление, развертывание) армии, сколько рейд по тылам наступающего неприятеля.

Витгенштейн собрал большую часть своих сил у Люцена, чтобы отрезать часть вражеских корпусов. Здесь произошло генеральное сражение. Русские атаковали Наполеона на марше под Люценом 20 апреля (2 мая), но были отбиты, понесли больше потерь и начали отход.

Союзники сдали Лейпциг и Дрезден, но все же смогли уйти за Эльбу и потянулись к г. Бауцену на р. Шпрее. Здесь и была разработана «Общая диспозиция для партизанов»: «Поелику армия сосредотачивается при Бауцене, где неприятелю будет дано сражение, то и составляются по мере ее отступления от берегов Эльбы два главные летучие корпуса. Первой под командою генерал-майора Ланского, коему подчиняется полковник Прендель с своим отрядом. Второй под командою генерал-майора Эммануеля, коему подчиняется полковник Орлов с своим отрядом. Главной предмет сих летучих корпусов должен состоять в том, чтобы во время марша обнимать неприятеля генерал-майор Ланской с левого, а генерал-майор Эммануель с правого флангов...

Партизаны наиболее обращают внимание свое, чтобы сжечь парки неприятельские, дабы отнять у него действие огнестрельного оружия, ибо больших запасов не может также иметь с собою. В день сражения генеральное партизаны остаются в тылу у неприятеля, открывая связь с армиею»⁴⁵⁰.

8—9 (20—21) мая союзники проиграли Наполеону сражение под Бауценом и продолжили отступление. Французы дошли до Бреслау.

Но и тогда «после победы Наполеона при Люцене и Бауцене, партизаны не переставали тревожить его тыл и причиняли ему много забот, тем более что воспоминание об отступлении из Москвы было еще очень живо в его памяти»⁴⁵¹.

На правом фланге союзников Вальмоден с отрядами Теттенборна и Дернберга решил отстаивать Гамбург, а Чернышеву 16 (28) мая «отдал на волю» присоединиться к этим отрядам или

⁴⁵⁰ Поход русской армии против Наполеона в 1813 году. С. 167.

⁴⁵¹ Денисон Д. Указ. соч. С. 361—362.

«действовать на неприятеля, смотря по обстоятельствам». Чернышев, «крайне соболезнуя о слишком уж долгом бездействии наших трех летучих корпусов», решил переправиться через Эльбу, идти на Хальберштадт и далее действовать на коммуникационную линию неприятеля, идущую через Эрфурт и Дрезден⁴⁵².

Отряд Чернышева в ночь с 16 на 17 мая переправился через Эльбу при селении Ферхланде, пошел к селению Бургсталь, где из перехваченных писем узнал, что с 17 на 18 мая в местечке Хальберштадте будет иметь ночлег сильный артиллерийский парк, идущий к главной неприятельской армии. Парк состоял из 14 орудий, 80 зарядных ящиков со снарядами и более 800 лошадей упряжных, под прикрытием 2 тысяч человек пехоты и кавалерии.

Чернышев решил, не теряя времени, сделать в один марш 15 миль до Хальберштадта, чтобы внезапно напасть на этот парк. Не доходя милю до Хальберштадта, еще из одного перехваченного письма, Чернышев узнал, что в 3 милях, в селении Гессен на дороге из Брауншвейга находился новый транспорт артиллерии под прикрытием 4 тысяч пехоты, 500 человек конницы и 16 орудий. Оба транспорта должны были тем же утром соединиться в Хальберштадте и следовать к армии вместе под надежным прикрытием.

Сразиться с 6-тысячным отрядом неприятеля сил Чернышева явно не хватало, поэтому он, хотя и «сделал 15 миль в продолжение 30 часов», решил атаковать Хальберштадт немедленно, до подхода второго французского транспорта. Прибыв к городу в 4 часа утра 18 (30) мая, Чернышев обнаружил, что весь артиллерийский парк построен в каре близ города, окружен орудиями и пехотой, а по флангам стоит кавалерия, причем одна сторона каре опирается на лес, а другая на дорогу со рвами.

Полк Сысоева был откомандирован по дороге к селению Гессен наблюдать за вторым французским парком, а полковнику Власову приказано было «следовать рысью прямо на батарею в чаении застать неприятеля в расплохе, но оный, быв уже предуведомлен о нашем приближении, встретил сего полковника жестоким картечным и ружейным огнем и принудил несколько отступить». Французская пехота, стоявшая в городе, поспешила к парку.

---

⁴⁵² Поход русской армии против Наполеона в 1813 году. С. 180.

Полковник Греков 18-й со своим полком и 2 эскадронами Рижского драгунского полка ворвался в город, перебил оставшихся там французов, а затем стал подступать к парку со стороны города. 2 орудия конной артиллерии отряда Чернышева стали обстреливать неприятельский парк и взорвали пять зарядных ящиков. 14 французских орудий отвечали и тоже взорвали у Чернышева 1 ящик. В это время, «когда победа над неприятелем еще была сомнительна», Сысоев доложил, что французы из Гессена спешат на выстрелы.

Чернышев решил не дожидаться прихода «на помощь неприятелю столь превосходного подкрепления», а сделать со всех сторон общее нападение на это почти неприступное артиллерийское каре. По знаку «гусары, драгуны и казаки, стремительно ударив на батарею, выдержали только один выстрел картечный из орудий, мгновенно изрубив всех артиллеристов». Французская пехота «защищалась штыками с отчаянием» и стреляла из-под повозок. Большую часть ее порубили саблями.

Вследствие победы были захвачены все 14 орудий (12 двенадцатифунтовых и 2 шестифунтовые), 80 ящиков с зарядами, из которых 12 взято, а прочие взорваны; в плен попали дивизионный генерал Аксо, полковник — 1, обер-офицеров — 15 и рядовых до 1000, побито на месте более 800 человек. В городе были истреблены склад с сухарями и большой склад с амуницией. Из тысячи взятых в плен только 600 уведены с отрядом, прочие, захваченные ранеными, за неимением подвод оставлены в городе. Потери отряда — ранен легко полковник Древич, ранены 3 офицера, убитых и раненых рядовых до 40.

После этого Чернышев 4 часа сильной перестрелкою и огнем из орудий удерживал французов, подошедших от Гессена, чтоб увести пленных и трофеи⁴³³.

Французский отряд, не зная о силах Чернышева и опасаясь нападения, всю артиллерию отправил обратно в Брауншвейг.

Это нападение казачьего отряда Чернышева стало последней каплей, остановившей наступление Наполеона: «Наконец, давление партизанских и казачьих налетов на линии коммуникаций

⁴³³ Донское казачество в Отечественной войне 1812 и заграничных походах. С. 421—422.

делали практически невозможным подвоз продовольствия и боеприпасов. Только 30 мая был захвачен артиллерийский конвой и 1600 человек около Хальберштадта. В результате был утрачен темп наступления Наполеона, и была необходима передышка», — пишет Чандлер⁴⁵⁴.

Между противоборствующими сторонами 23 мая (4 июня) было заключено перемирие. Но Чернышев не знал об этом, 24 мая (5 июня) он двинулся к Лейпцигу, где предполагал встретить «неприятеля до 4000 пехоты и несколько сот кавалерии»⁴⁵⁵.

На помощь Чернышеву 24 мая (5 июня) выступил из-под Магдебурга с частью осадного корпуса (13-й егерский полк, 5 батальонов гренадер, прусский батальон Люцова и 16 орудий конной артиллерии) генерал-лейтенант Воронцов, в экспедиции принял участие кавалерийский отряд генерала Орурка. По дороге в Деличе отряды встретились. Сделав в 36 часов переход в 14 миль (около 60 верст), отряд Воронцова прибыл под Лейпциг 26 мая (7 июня) утром.

В Лейпциге располагался III кавалерийский корпус французской армии под командованием родственника Наполеона Арриги, герцога Падуанского, а пехоты, наоборот, было немного, так как накануне 2000 ушли Дрезден.

Лейпциг находился в 200 верстах не то что от линии фронта, но и от главной квартиры Наполеона, и появления русских там мало ожидали. Тем не менее кавалерия Орурка и Чернышева была встречена в 7 верстах от города довольно сильной неприятельской кавалерией. В начавшемся бою партизаны французов разбили, взяли в плен 2 полковника, 14 офицеров и до 500 рядовых, остальные отступили в беспорядке к своей пехоте, оставленной в предместье. Уже русская пехота подходила к городу и готовилась его штурмовать, как вдруг вышли оттуда парламентареры и объявили о перемирии...⁴⁵⁶.

После объявления перемирия подпоручик Гурко был послан объявить партизанам о прекращении военных действий. Из французских тылов после его предупреждения вернулись отряд пол-

⁴⁵⁴ Чандлер Д. Указ. соч. С. 546.

⁴⁵⁵ Донское казачество в Отечественной войне 1812 и заграничных походах. С. 422—423.

⁴⁵⁶ Там же. С. 435.

ковника Прендела (встреченный у Вальдау) и отряд Иловайского 5-го (встреченный в Шпремберге)⁴⁵⁷. Отряд Чернышева вернулся из рейда в распоряжение Вальмодена лишь 6 (18) июня.

Блокирование крепостей

Наступая по территории Польши и Германии, русское командование столкнулось с целым рядом сильных крепостей с достаточно многочисленными гарнизонами.

«...Прежде чем решиться увести свои войска из Польши и Пруссии, император, желая сохранить там возможности для последующего наступления, приказал оставить сильные гарнизоны в местах, обеспечивающих переправы через Вислу, Одер и Эльбу, — таких, как Прага, Модлин, Торн, Данциг, Штеттин, Кюстрин, Глогау, Дрезден, Магдебург, Торгау, Виттенберг и Гамбург», — вспоминал генерал Марбо⁴⁵⁸.

Отличительной чертой гарнизонов был их пестрый контингент. В частности, в Данциге стоял неаполитанский 7-й королевский африканский полк, составленный из гаитянских негров, который в 20-градусные морозы вымерз почти целиком⁴⁵⁹. Наполеон оставлял в крепостях итальянские, польские и немецкие полки из Рейнской конфедерации, «чтобы не слишком уменьшать количество солдат в частях»⁴⁶⁰.

Осаждать или с ходу штурмовать эти крепости сил не было. Русское командование ограничивалось их блокадой и двигалось дальше. Тем не менее наличие неприятельских крепостей значительно тормозило продвижение войск.

Первыми к крепостным валам подходили казаки, и их зачастую оставляли для блокады.

Одной из первых 10 (22) января была взята в осаду войсками Сиверса крепость Пиллау. Она же первая и сдалась 1 (13) февраля, и осаждавшие ее войска ушли на осаду Данцига.

⁴⁵⁷ Поход русской армии против Наполеона в 1813 году. С. 198.

⁴⁵⁸ Марбо Ж. Указ. соч. С. 625.

⁴⁵⁹ Шиханов В.Н. Под знаменами императора. Малоизвестные страницы наполеоновских войн. М.: Рейтар, 1999. С. 45.

⁴⁶⁰ Марбо Ж. Указ. соч. С. 625.

15 (27) января остатки I армейского корпуса маршала Даву — 800 офицеров и 1500 солдат — и несколько баварских отрядов заперлись в крепости Торн. Осаждали ее войска Чичагова и отряд генерала Чаплица. После трех вылазок — 28 января (9 февраля), 4 (16) февраля и 16 (28) марта — гарнизон 4 (16) апреля сдался. Осаждавший крепость гарнизон ушел на осаду Модлина, который с 24 января (5 февраля) осаждали войска Паскевича.

Крепость Штеттин на Одере осаждали прусские войска Тауэнцина, но они запросили под крепость 2 казачьих полка⁴⁶¹.

Костяк гарнизона крепости Кюстрин составляли 3 тысячи вестфальцев. Ее осаждали войска Воронцова, а затем прусские войска и 2 казачьих полка.

1 (13) марта войска Милорадовича под командованием генерала Сен-При осадил крепость Глогау, затем передали ее осаду пруссакам, но оставили под городом 3 казачьих полка.

На южном фланге генерал-лейтенант С.Л. Радт 22 февраля (6 марта) осадил поляков в крепости Замостье. В осаде принял участие казачий полк Платова 5-го.

Польский корпус Понятовского пытался сделать своим опорным пунктом крепость Ченстохову, в которой за 150 лет до описываемых событий поляки выдержали осаду шведского войска. Крепость славилась чудотворной иконой. Сначала эту крепость наблюдал отряд генерал-майора Б.А. Грекова 3-го из трех полков (самого Грекова, Луковкина и Чернозубова 4-го), но 25 февраля (9 марта) из Варшавы на Ченстохову был двинут корпус барона Остен-Сакена. Остен-Сакен осадил Ченстохову 10 (22 марта), и после бомбардировки крепость капитулировала 23 марта (4 апреля). 54 офицера и 1026 солдат сдались в плен⁴⁶².

Падение Ченстоховы привело к вытеснению из Герцогства Варшавского польских войск Понятовского. Против войск Ф.В. Остен-Сакена главнокомандующий польским войском мог выставить 14 тыс. солдат, состоящих на $\frac{4}{5}$ из новобранцев, и 20 орудий. Поляки ушли на территорию, формально принадлежащую Австрии, но не были интернированы. По договору короля Саксонии Фри-

⁴⁶¹ Поход русской армии против Наполеона в 1813 году. С. 97.

⁴⁶² *Бантыш-Каменский Д.М.* Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. Т. 4. М., 1990. С. 92.

дриха Августа (чьими подданными формально считались жители Герцогства Варшавского) с австрийской стороны от 6 (18) апреля 1813 г., поляки могли пройти через Галицию, Моравию и Чехию в Саксонию. 5 (17) июня поляки прибыли в Циттау⁴⁶³. Здесь из них был сформирован VIII (польский) корпус армии Наполеона.

Выходя к Эльбе, русские и прусские войска пытались блокировать или осадить Магдебург и Торгау, но когда Наполеон перешел в наступление, сняли осаду и отступили.

После заключения перемирия, 25 мая (6 июня) 1813 г., когда все неприятельские крепости, находящиеся на территории контролируемой союзниками, были блокированы, М.И. Платов представил ведомость казачьим полкам, участвовавшим в блокаде.

При обложении города Данцига — полки Грекова 1-го, Грекова 5-го, Грекова 17-го, Иловайского 9-го, Харитонова 7-го, Сучилина, Чернозубова 8-го. «Кроме сих 7 донских полков, находятся там же еще 2 Крымские татарские — Симферопольский и Перекопский».

При обложении города Штетина — полки Иловайского 3-го, Кутейникова 6-го.

При обложении города Кюстрина — полки Барабанщикова 2-го, Пантелеева 2-го.

При обложении крепости Глогау — полки Чернозубова, Белгородцева.

При обложении крепости Модлина — полки Андриянова 1-го, Андриянова 3-го, Шамшева 2-го, Данилова 2-го.

При обложении крепости Магдебурга — полки Мельникова 5-го, Дячкина, Грекова 9-го.

Итого — 20 донских казачьих полков, чуть меньше трети всех донских полков, участвовавших в походе. С учетом двух полков — Власова 2-го и Турчанинова, — оставленных в качестве гарнизонов в уже занятых городах, — больше трети.

М.И. Платов, представляя эту ведомость, писал: «О находящих при разных крепостях донских казачьих полках вторично осмеливаюсь всеподданнейше донести, что при обложении крепостей регулярными войсками находится им такому числу, каково есть теперь, нахожу лишним, разве для одних только из-

⁴⁶³ *Булдыменко П.В.* Уланы Герцогства Варшавского. С. 64.

вещательных посылок, то довольно будет при больших крепостях по 2 полка, а при других — по одному полку»⁴⁶⁴.

В какой-то мере использование казачьих частей при блокаде крепостей было оправдано. Блокировать — означало не спускать с крепости глаз, никого не впускать и не выпускать и не давать собирать продовольствие и фураж в окрестностях. Казаки, как никто другой, подходили для этой роли.

Естественно, в первую очередь гарнизон пытались склонить к капитуляции. Причем М.И. Платов, начавший блокаду Данцига, показал себя при переговорах хорошим психологом. Давая наставления парламентеру графу Мусину-Пушкину, направляемому к коменданту крепости генералу Раппу, М.И. Платов писал 18 (30) января 1812 г.: «1-е. По известному пылкому и надменному нраву генерала Раппа Вы изложите ему со всевозможною умеренностию, но ясно, силу подступивших под Данциг наших корпусов и естественную невозможность долго защищаться в многолюдном и не запасенном городе противу толикого войска...»⁴⁶⁵

Параллельно пытались разложить гарнизон, учитывая его национальный состав. Так, М.И. Платов предписывал Иловайскому 3-му 17 (29) января: «...предписываю в дополнение наблюдения на аванпостах за мекленбургскими нижними чинами, разглашать между ими, что оные, переходя к нам добровольно, не будут принимаемы как военнопленные, но совершенно отдается на их произволы: или вступить в нашу службу в немецкие легионы с удержанием получаемого ими теперь жалованья, или свободный пропуск в их отечество с заплакою соразмерной цены за удерживаемое у них оружие и сохранением всего прочего их имущества»⁴⁶⁶.

Осаждая Кюстрин, «казаки, содержащие ближайшие к крепости пикеты, всегда звали на свою сторону выходящих оттуда вестфальцев и других французской армии принадлежащих солдат, обещая им свободу», но дезертировали всего 33 вестфальца⁴⁶⁷.

⁴⁶⁴ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и в зарубежных походах... С. 430—431.

⁴⁶⁵ Там же. С. 362.

⁴⁶⁶ Там же. С. 360.

⁴⁶⁷ Поход русской армии против Наполеона в 1813 году. С. 102.

В итоге, как признавали французы, «почти все иностранные солдаты сражались очень вяло и кончили тем, что перешли на сторону врага»⁴⁶⁸.

Если войск для блокады или осады не хватало, казаки своими силами держали гарнизон в напряжении, не давали ему покоя. Так, генерал-лейтенант Воронцов, вынужденный временно снять войска из-под осаждаемого Магдебурга, «чтобы удержать гарнизон магдебургский от покушения на блокаду, велел, ...переправя Донской Мельникова 5-го полк, подойти оному как можно ближе к крепости и держать гарнизон в осторожности.

Все сии меры имели желаемый успех, гарнизон магдебургский был беспрестанно в ружье, когда противу него не было почти войск...»⁴⁶⁹

В случае попыток гарнизона снять блокаду или прорваться из крепости, казаки действовали решительно. Так, 23 января (4 февраля) «неприятель, вышедши из Данцига в пехоте до 5 тысяч и до 6 тысяч кавалерии с 2 орудиями, стремился сбить передовые посты наши», но генерал-майор Иловайский 3-й с 4 казачьими полками «сильным ударом находящуюся неприятельскую кавалерию с подкреплением стрелков опрокинули и прогнали от постов наших более 3 верст с поражением. И колонны отретировались в город...»⁴⁷⁰

Во время перемирия в тылу союзников, на Висле и Одере, еще держатся несколько важных крепостей: 30-тысячный X корпус генерала Раппа оборонял Данциг, 4500 поляков генерала Хауке — Модлин, 8-тысячный гарнизон под командой генерала Грандо — Штеттин, 4-тысячный гарнизон генерала Фурнье д'Альба — Кюстрин.

Во время перемирия осаждавшие даже должны были снабжать осажденных продовольствием⁴⁷¹.

Исчерпав все возможности обороняться, 18 (30) ноября капитулировал Штеттин, 19 ноября (1 декабря) — Модлин, 14 (26) декабря — Торгау.

⁴⁶⁸ Марбо Ж. Указ. соч. С. 625.

⁴⁶⁹ Донское казачество в Отечественной войне 1812 и заграничных походах. С. 435.

⁴⁷⁰ Там же. С. 371.

⁴⁷¹ Шиканов В.Н. Указ. соч. С. 51.

Дольше их держался Данциг. В городе заперлись остатки X корпуса Макдональда (7-я дивизия Гранжана, поляки и баварцы) и три дивизии из XI корпуса Ожеро — 30-я дивизия Эделе, 33-я неаполитанская дивизия д'Эстре и 34-я дивизия Моршана.

Очевидцы дали им следующие характеристики: «Дивизия Эделе состоит из мальчишек и не в состоянии поддержать утомленные войска. Что же касается 34-й дивизии, то она в ходе отступления потеряла почти весь свой личный состав»⁴⁷².

До 30 тысяч солдат защищали 20 бастионов. 2/3 солдат были больны, безоружны и деморализованы. Под ружьем генералу Раппу удалось удержать 10 тысяч. В городе началась эпидемия тифа. В январе 1813 года умерло 400 человек, в феврале — 2000, в марте — 4000, в апреле — 3000. Умерли 2 генерала — Франчески и Голь⁴⁷³.

Пережив страшные зимние и весенние месяцы, гарнизон Данцига держался еще все лето и всю осень. После того как были съедены 29 тысяч собак и кошек⁴⁷⁴, город капитулировал 21 декабря 1812 г. (2 января 1814-го). В плен сдались 5200 французов и 1300 неаполитанцев. Потери составляли 19 392 человека (убито 1996, умерло 15 736, в плен до капитуляции 643, дезертировали 1017)⁴⁷⁵.

Последней важной во всех отношениях осадой, в которой участвовали казаки, была осада Гамбурга, начавшаяся 2 декабря 1813 г.

Как было сказано выше, весной 1813 г. Гамбург был занят отрядом Теттенборна. Когда Наполеон перешел в наступление с новой армией, 17 (29) апреля под Гамбургом начались бои. 30 мая (11 июня) Теттенборн ушел из Гамбурга, 31 мая (12 июня) в Гамбург вступили войска маршала Даву, XIII армейский корпус — 3-я дивизия Луазона, 40-я дивизия Тьебо, 50-я дивизия Вишери. На Гамбург и Любек была наложена контрибуция в 50 млн франков. Поскольку раньше Гамбург был включен в состав Империи, Даву приказал всех, кто поддерживал Теттенборна, расстреливать

⁴⁷² Шиканов В.Н. Указ. соч. С. 44.

⁴⁷³ Там же. С. 45.

⁴⁷⁴ Там же. С. 53.

⁴⁷⁵ Там же. С. 55—56.

как изменников. Большинство таковых все же бежало. Заняв Гамбург, Даву получил приказ двигаться на Штеттин к Одери, но так и не продвинулся. И теперь, в декабре 1813 года, город оборонял все тот же маршал Даву, имея гарнизон в 42 тысячи солдат (из них 8 тысяч больных). Оборону Даву организовал со всей ответственностью, из 120 тысяч горожан 25 тысяч выслал из города.

Осаждали город русская (польская) армия Беннигсена и шведские войска бывшего французского маршала, а в тот момент наследного шведского принца Бернадотта. Войска Беннигсена насчитывали примерно 60 тысяч и войска Бернадотта примерно столько же.

В осаде участвовали казачьи полки Шамшева, Андриянова 3-го, Платова 5-го, Турчанинова 1-го, 15-й Башкирский и 5-й Уральский.

Четыре раза, 20 января, 9 февраля, 17 февраля и 27 февраля 1814 года, союзные войска пытались штурмовать город.

Город капитулировал 11 (23) мая 1814 года, после отречения Наполеона. Французские войска окончательно покинули его 27 мая.

Магдебург, Глогау, Вюрцбург и Эрфурт, осажденные во второй половине 1813 года, тоже сдались в 1814 году после заключения мира.

Стратегические ошибки Наполеона из-за отсутствия верной информации

«По сути нет никого, кем бы я мог заменить себя — ни в армии, ни здесь (в Париже). Я был бы, конечно, рад доверить ведение войны моим генералам, но я слишком долго приучал их только подчиняться», — сказал Наполеон 3 (15) апреля 1813 г. перед отъездом на войну⁴⁷⁶.

Новая кампания начиналась, мягко говоря, в непривычных для Наполеона условиях. Главной особенностью стало невероятно малое число французской кавалерии и, следовательно, проблемы с разведкой и получением информации. Эта ситуация была закономерным итогом событий 1812 г. «На всем протяжении пятисот-

⁴⁷⁶ Платов А. Указ. соч. С. 181.

пятидесятимильного марша отступающих от Москвы до Немана французов основной их пищей была конина», — писал Делдерфилд⁴⁷⁷, и «французская кавалерия как род войск фактически перестала существовать к концу 1812 года»⁴⁷⁸. Восстановление ее было проблематично. Во-первых, не хватало лошадей. Многие из самых известных конных заводов Европы находились в Пруссии и Центральной Германии, но эти территории быстро захватили передовые отряды союзников и тем самым лишили французскую армию многих источников пополнения конского состава. Во-вторых, на подготовку кавалериста требовалось гораздо больше времени, чем на подготовку пехотинца.

Русская разведка сразу определила, что кавалерии у Наполеона мало: «Кавалерии весьма мало, даже передовые его пикеты занимали пехотные отряды»; «французская кавалерия весьма худа и забирает под себя обывательских лошадей»⁴⁷⁹.

«Общая нехватка лошадей затрагивала также артиллерию и административные службы. Хотя Франция и Империя оказались способны возместить потери 1812 года, не было достаточной замены упряжек. Однако император настаивал на усилении количества дивизионной артиллерии для компенсации неизбежного дальнейшего ухудшения качества пехоты. А нехватка тягловой силы ставила службу снабжения в уязвимое положение»⁴⁸⁰.

Наполеон с присущей ему энергией взялся за дело восстановления кавалерии. Начало было положено призывом 3000 офицеров и сержантов жандармерии, составивших ее ядро⁴⁸¹. К апрелю было набрано 16 000 человек при 22 000 лошадей. «Для этого каждая ферма во Франции лишилась всех своих животных, которых использовали не на пашне, а для езды»⁴⁸².

Тем не менее недостаток кавалерии, как считали военные историки, «так никогда и не удалось ликвидировать, и немало причин разгрома Наполеона в 1813 году связано с некомплектом кавале-

⁴⁷⁷ Делдерфилд Р. Указ. соч. С. 68.

⁴⁷⁸ Чандлер Д. Указ. соч. С. 529.

⁴⁷⁹ Поход русской армии против Наполеона в 1813 году. С. 198, 200.

⁴⁸⁰ Чандлер Д. Указ. соч. С. 529.

⁴⁸¹ Там же. С. 528.

⁴⁸² Делдерфилд Р. Указ. соч. С. 68.

рии». Он лишился «жизненно важных сведений о противнике из-за малого числа кавалерийских патрулей», а в случае победы не имел возможности «развивать успех своим обычным ожесточенным преследованием противника». (Чандлер Д. Военные кампании Наполеона. М., 2000. С. 529)

«Мы будем драться как в Египте, — говорил император. — У нас нет кавалерии, но французская пехота с артиллерией должна постоять за себя»⁴⁸³.

Трезво сопоставляя соотношение сил в кавалерии, Наполеон выстроил «свои коммуникации через Ганновер, вместо того чтобы совершить более короткий путь через Тюрингию. Он надеялся на то, что корпус Даву за преградой нижней Эльбы лучше обезопасит его тыловые связи, чем обычная кавалерия»⁴⁸⁴.

И все же Наполеон отдавал себе отчет в необходимости увеличить число своих кавалеристов. «Императора начинала все сильнее тревожить слабость кавалерии. Это не только лишило его детального знания направления движения и численности противника, но легкая кавалерия противника начинала изводить французские колонны при их продвижении, вызывая задержки и смятение... накануне Наполеон как раз писал королю Вюртембергскому, сообщая о своих затруднениях: “Я бы мог закончить дела очень быстро, если бы только у меня было еще 15 000 кавалерии; но я испытываю слабость в этом роде войск”. Он продолжал, что ожидает поступления в армию еще 30 000 кавалеристов в течение мая, и, возможно, он был готов отсрочить решающий миг своего наступления, пока не прибудет это пополнение. Однако этому не суждено было случиться; действия союзников открыли возможность сражения в самом начале месяца»⁴⁸⁵.

Далее просчеты пошли один за другим. «Его знание численности войск и диспозиции (противника) было очень неполным, и еще до 19 апреля он считал, что противник на левом берегу Эльбы имеет “между шестьюдесятью и семьюдесятью ты-

⁴⁸³ Лашук А. Наполеон. Походы и битвы 1796—1815. М., 2004. С. 602.

⁴⁸⁴ Чандлер Д. Указ. соч. С. 534.

⁴⁸⁵ Там же. С. 535.

ссячами человек пехоты, кавалерии и артиллерии”, между тем как в действительности у противника в это время было более 90 000 человек»⁴⁸⁶. В итоге «из-за нехватки кавалерии французы все еще не располагали данными о точном местонахождении противника»⁴⁸⁷. «Малочисленность и недостаток опыта его конницы в 1813 г. привели к тому, что перед сражением при Лютцене он совершенно ничего не знал о близости союзников и был неожиданно вовлечен в генеральное сражение»⁴⁸⁸. Под Лютценом союзники напали на французскую армию на марше. Наполеон выиграл это сражение благодаря храбрости своих солдат и несогласованности действий союзников, которыми командовал генерал, всего несколько дней назад вступивший на пост главнокомандующего. Обрадованный император объявил: «Лютценская битва будет поставлена выше сражений при Аустерлице, Йене, Фридланде и Москве-реке (т.е. Бородине. — А.В.). Я уже 20 лет командую французскими армиями, и никогда не видел еще столько смелости и преданности».

Однако победа не имела решающего характера... В какую сторону отступают русские и пруссаки? Французам трудно это установить, так как их слабая кавалерия ничего не может сделать с завесой из многочисленной конницы противника, прикрывающей его отступление...»⁴⁸⁹. Одна русская армия имела на начало апреля 21 тысячу регулярной кавалерии и 23 тысячи иррегулярной⁴⁹⁰, а Пруссия на конец марта имела в строю 9700 кавалеристов⁴⁹¹. Благодаря превосходству в коннице, прикрывавшей отход, союзные войска отступили в полном порядке, увезя с собой пушки и подобрали своих раненых.

Выиграв сражение под Лютценом, Наполеон перешел Эльбу и выиграл сражение под Бауценом. «Но становилось очевидно, что у французской армии нет достаточно сил, чтобы одним ударом закончить кампанию. Их коммуникациям везде угрожали казаки»

⁴⁸⁶ Чандлер Д. Указ. соч. С. 534.

⁴⁸⁷ Там же. С. 540.

⁴⁸⁸ Денисон Д. Указ. соч. С. 326—327.

⁴⁸⁹ Лашук А. Наполеон. Походы и битвы ... С. 608—609.

⁴⁹⁰ Поход русской армии против Наполеона в 1813 году. С. 147.

⁴⁹¹ Там же. С. 138.

отряды, кишящие повсюду; у молодых солдат быстро падал моральный дух при виде жертв сражений, болезней, потерь оставших, когда не было видно признаков настоящей победы»⁴⁹².

Победы апреля и мая 1813 г. дали французам возможность использовать линию Эльбы как оборонительную или наступательную базу по направлению к Данцигу и Северной Германии. Рейнская конфедерация, король Саксонии, население Вестфалии и другие западногерманских государств подтвердили свою верность Франции. На сторону французов перешла Дания. Французы вернули себе Гамбург, один из корпусов французской армии стоял под стенами Берлина, а главная квартира Наполеона находилась в Бреслау. «...Но Австрия, вмешавшись в дело, посоветовала Франции заключить перемирие»⁴⁹³. Ссориться с одной из крупнейших стран Европы в то время не входило в планы французского императора.

Вынужденный заключить перемирие, Наполеон писал военному министру генералу Кларку 21 мая (2 июня): — «Это перемирие прервет череду моих побед. Два соображения заставили меня принять это решение: нехватка кавалерии, что не дает мне нанести большой удар, и враждебное отношение Австрии»⁴⁹⁴.

Перемирие было заключено 24 мая (5 июня) 1813 г. на 6 недель.

Во время перемирия 2 (14) и 3 (15) июня Англия заключает в Рейхенбахе конвенции с Пруссией и Россией и обязуется выплачивать им 40 миллионов фунтов стерлингов в месяц (17 миллионов Пруссии и 33 миллиона России) на содержание 80 000 прусских и 160 000 русских солдат до полного разгрома Франции.

15 (27) июня там же, в Рейхенбахе, Россия, Пруссия и Австрия заключили союзную конвенцию.

Австрия начала переговоры с Францией и выдвинула заведомо неприемлемый ультиматум. На следующий день после начала переговоров, 27 июля (8 августа), союзные державы заявляют о прекращении перемирия и о начале военных действий с 5 (17) августа. 29 июля (10 августа) переговоры между Францией и Австрией прекращаются, и в тот же день Австрия объявляет войну Франции,

⁴⁹² Чандлер Д. Указ. соч. С. 545.

⁴⁹³ Наполеон Бонапарт. О военном искусстве... С. 744.

⁴⁹⁴ Чандлер Д. Указ. соч. С. 546.

выставляя 150-тысячную армию и открывая военные действия в Италии. В данной ситуации, сложившейся в Европе, больше всех выиграла, естественно, Австрия. «Она за два месяца отвоевала Италию и вернула свое влияние в Германии, которое было потеряно в течение пятнадцати лет неудач», — писал Жомини⁴⁹⁵.

Новая линия фронта разрезала Европу пополам: от Гамбурга через Магдебург, Бреслау, западную границу Богемии, долины рек Инн и Изонцо до острова Корфу.

К середине августа 1813 г. все силы коалиции были распределены между тремя большими армиями. В Северной Богемии дислоцировалась Богемская армия Шварценберга: 253 200 человек (128 200 австрийцев, 79 200 русских и 45 800 пруссаков) при 786 орудиях, в Верхней Силезии — Силезская армия Блюхера: около 104 000 человек (65 500 русских и 38 500 пруссаков) при 339 орудиях, и в районе Берлина — Северная армия шведского наследного принца Карла-Юхана (Бернадотта): 128 700 человек (74 300 пруссаков, 31 000 русских и 23 400 шведов) при 290 орудиях. Кроме того, в Мекленбурге располагался отдельный Нижне-Эльбский корпус генерала Вальмодена: 27 000 человек, 60 орудий и 32 ракетных «станка». В союзных войсках, выставленных против Наполеона на Германском театре военных действий, числилось почти 513 000 человек при 1475 орудиях без учета гарнизонов крепостей и 3-тысячного английского отряда генерала Джинббса, высадившегося 11 августа в Штральзунде. Позже союзные войска должна была усилить «Польская» армия генерала Беннигсена, сформировавшаяся в Польше из русских регулярных частей и ополчения (59 400 человек и 60 орудий). Главнокомандующим всеми армиями союзников считался австрийский фельдмаршал князь Шварценберг, однако общее руководство осуществлял совет трех монархов: русского царя Александра I, императора Австрии Франца I и короля Пруссии Фридриха-Вильгельма III⁴⁹⁶. Австрийцы, кроме того, двинули 42-тысячную армию в Италию, куда вынужден был уехать Евгений Богарнэ. Франгузы и итальянцы на территории Италии выставили 52-тысячную армию, но она на 90 % состояла из новобранцев.

⁴⁹⁵ Жомини Г. Указ. соч. С. 17.

⁴⁹⁶ Лашук А. Наполеон. Походы и битвы... С. 630—631.

Из-за плохой организации разведки Наполеон имел неверное представление о силах противника и сильнейшей считал Силезскую армию Блюхера (на самом деле слабейшую). Австрийцев он сперва серьезно в расчет не принимал, считал, что их армия «была еще малочисленна, дурно организована и малоспособна открыть военные действия»⁴⁹⁷ (на самом деле Богемская армия, состоящая из австрийцев, русских и пруссаков, была количественно самой сильной).

Во время кампании 1813 г. в Германии войска Наполеона были объединены в так называемую «Великую Германскую армию» (*Grande Armee d'Allemagne*). У французов против армии Бернардотта на берлинском направлении готовилась действовать группировка маршала Удино, дислоцировавшаяся севернее Виттенберга в районе Луккау и Даме: IV корпус Бертрана, VII корпус Рейнье, XII корпус Удино и III кавалерийский корпус Арриги — более 67 000 человек при 216 орудиях.

Против Силезской армии Блюхера, фронтом на восток, император выставил 130-тысячную группировку маршала Нея. В ее первом эшелоне, на реке Катцбах, находились III корпус Суамы, V корпус Лористона и II кавалерийский корпус Себастьяни (вместе они насчитывали 78 000 человек при 226 орудиях), во втором эшелоне, на реке Бобер, — VI и XI корпуса Мармона и Макдональда (52 000 человек и 182 орудия).

Против Богемской армии Шварценберга были развернуты XIV корпус Сен-Сира с 10-й легкой кавалерийской дивизией Пажоля и V кавалерийский корпус (под временным командованием генерала Леритье), которые располагались у Дрездена, Пирны и Кенигштайна. Дрезденский гарнизон, подчинявшийся генерал-губернатору Дюронелю, состоял из восьми батальонов пехоты. В районе Циттау и Острица разместились VIII корпус Понятовского и IV кавалерийский корпус Келлермана, которые также готовились действовать против армии Шварценберга.

I корпус генерала Вандама, перебрасываемый в Саксонию с нижней Эльбы, должен был расположиться у Баутцена. Позади польских частей, на линии Герлиц—Остриц, располагался II корпус Виктора.

⁴⁹⁷ Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. Избранные произведения... С. 745.

Маршал Даву с XIII корпусом удерживал Гамбург.

Наполеоновская гвардия была сосредоточена в Дрездене.

После прибытия корпуса Вандамма общая численность главных сил императорской армии, собранных в Саксонии, могла увеличиться до 180 000 человек при 616 орудиях»⁴⁹⁸.

«Итак, вокруг французской армии создавался громадный полукруг», — писал Марбо⁴⁹⁹. Союзники к тому времени имели план держать три армии отдельно. На какую из них Наполеон нападет, та должна отступать, завлекая противника, а две остальные спешить ей на помощь или напасть на коммуникации врага. Согласованность действий в таких случаях играла первостепенную роль.

Военные действия начались походом французов на Берлин.

«Все, должно быть, хорошо известно, в каком гневе пребывал император и как велико было его желание немедленно отомстить Пруссии», — вспоминал маршал Мармон⁵⁰⁰. Сам Наполеон с главными силами двинулся на Блюхера, а войска маршала Удино, состоявшие из IV, VII и XII корпусов, направил непосредственно на Берлин.

Неверная оценка сил противника привела к тому, что на Берлин против 127-тысячной армии пруссаков, русских, шведов и англичан под командованием одного из лучших полководцев своего времени, бывшего маршала Франции Бернадотта была послана группировка из 67 тысяч французов, итальянцев и саксонцев под командованием маршала Удино, который, «будучи уважаемым человеком и храбрым солдатом, был мало пригоден для командования столь многочисленной армией»⁵⁰¹. Правда, эти корпуса должны были поддержать маршал Даву из Гамбурга (30 тысяч) и генерал Жирар из Магдебурга (12 тысяч). Но необученная кавалерия и болотистая местность не позволили Удино определить точно место расположения противника, и с армией Бернадотта французы столкнулись задолго до подхода Даву и Жирара, 11 (23) августа. Удино потерпел поражение и отступил, потеряв 8 орудий.

На силезском направлении у французов был численный перевес, но едва они двинулись, как двухсоттысячная армия союзни-

⁴⁹⁸ Лашук А. Указ. соч. С. 631.

⁴⁹⁹ Марбо Ж. Указ. соч. С. 636.

⁵⁰⁰ Мемуары маршала Мармона // Воин № 7. С. 55.

⁵⁰¹ Там же.

ков, русских, пруссаков и австрийцев, перевалив Богемские горы, устремилась на Дрезден. Командовал армией австриец Шварценберг, с ним были связанные союзом монархи.

Наполеон передал командование маршалу Макдональду, а сам с частью войск (VI корпус) отправился 12 (24) августа спасать Дрезден. У Макдональда остались III, V и II армейские корпуса и II кавалерийский корпус. Они насчитывали примерно 80 тыс. человек. Объединившись вокруг Гольдберга, III и V корпуса располагались впереди, а кавалерия генерала Себастьяни — сзади.

Руководство Макдональда операцией против Блюхера закончилось поражением французов, и опять большую роль сыграла плохо организованная разведка.

В данной операции Наполеон, помимо прочего, рассчитывал на горячность своего противника. «Блюхер очень храбрый солдат, хороший рубака. Он похож на быка, который с закрытыми глазами устремляется вперед, не видя опасности. Он совершил миллион ошибок, и если б ему не помогли обстоятельства, я бы мог не раз взять его в плен, равно как и большую часть его армии. Он упрям, неутомим и ничего не боится, но как генерал он лишен таланта», — считал он⁵⁰².

«Наполеон приказал Макдональду (шестьдесят пять тысяч) ожидать Блюхера (семьдесят пять тысяч) и напасть на него, как только тот откроется в своих смелых передвижениях», — писал Жомини⁵⁰³. То есть Макдональд должен был выждать какую-нибудь ошибку Блюхера, совершенную по горячности, и тогда ударить.

Насчет характера Блюхера Наполеон не ошибся. «Генерал Блюхер тотчас же решил пойти в наступление, и, начиная с 25-го, привел свои колонны в движение, — вспоминал маршал Мармон. — Со своей стороны герцог Тарентский (Макдональд), решив атаковать неприятеля, предполагая, что он все еще сосредоточен в Яуэре, направил туда свои войска»⁵⁰⁴. То есть, Макдональд не знал, где находится Блюхер, и начал наступление практически вслепую. Он «перебрался со своими отрядами через стремитель-

⁵⁰² Платов А. Указ. соч. С. 403.

⁵⁰³ Жомини Г. Указ. соч. С. 127.

⁵⁰⁴ Мемуары маршала Мармона // Воин № 7. С. 55.

ные воды Кацбаха, которые час от часу становились все более бурными, и наступал навстречу Блюхеру»⁵⁰⁵.

В ходе наступления выяснилось, что вновь набранная французская кавалерия не имеет представления о принципах ведения разведки. По воспоминаниям маршала Макдональда: «Я приказал нескольким эскадронам и легкой артиллерии произвести рекогносцировку... Эти приказы были отданы достаточно ясно, но ни один из них не был четко исполнен». Целый кавалерийский корпус генерала Себастиани двинулся вперед на высоты, «хотя я всего-навсего приказал нескольким эскадронам продвинуться вперед с целью разведки»⁵⁰⁶.

Марбо, описывая сражение под Кацбахом, говорит, что две дивизии этого корпуса поднялись на плато без элементарной разведки и были внезапно атакованы прусской кавалерией. «Я ехал впереди моего полка, находившегося, как я уже говорил, во главе колонны, как вдруг услышал сзади себя громкие крики. Оказалось, это была неожиданная атака многочисленных прусских улан»⁵⁰⁷.

У союзников на этом направлении разведку вели 6 казачьих полков Карпова, и атака была организована профессионально. Барон Остен-Сакен, «еще раньше убедившийся через Карпова, что селения на левом фланге противника не заняты», бросил свою конницу во фланг и тыл французам.

«В бою при Кацбахе 26 августа 1813 г. союзники обязаны успехом преимущественно русской коннице корпуса Сакена под начальством Васильчикова. Эти храбрые всадники атаковали кирасир Себастиани, когда они выходили из дефиле, что привело в беспорядок все левое французское крыло и вынудило его к отступлению. Затем и сам Макдональд должен был отступить, причем во время преследования союзники взяли у него много пленных и трофеев»⁵⁰⁸. Прижатые к берегу и сброшенные в разлившуюся реку французы потеряли до 30 тысяч человек (из них 18 тысяч пленными) и 103 орудия.

⁵⁰⁵ Жомини Г. Указ. соч. С. 127.

⁵⁰⁶ Цит. по: Делдерфилд Р. Указ. соч. С. 395.

⁵⁰⁷ Марбо Ж. Указ. соч. С. 653.

⁵⁰⁸ Денисон Д. Указ. соч. С. 352.

«Эта короткая кампания, длившаяся всего пять дней, стоила французской армии 10 тыс. чел. убитых и раненых и 15 тыс. пленных, — вспоминал маршал Мармон. — Трудно припомнить еще какую-нибудь настолько плохо продуманную и проведенную операцию. Распределение сил и их раздробление были необдуманными. Наступление вперед осуществлялось неосмотрительно и без сведений о местонахождении противника»⁵⁰⁹.

В тот же день сам Наполеон нанес поражение Богемской армии союзников под Дрезденом. Союзники еще 13 (25) августа подошли к Дрездену, но медлили с атакой, а 14-го (26-го) на помощь городу подошел сам Наполеон. Император Александр не решился ввязываться в сражение и велел отступать, но Витгенштейну повеления вовремя не доставили и он начал атаку... Сражение разгорелось жестокое, к тому же дождь полил проливной, стрелять невозможно, дрались холодным оружием. Отступать пришлось в бурную ночь по размокшим дорогам. Кругом — беспорядок, уныние, ожесточение, русские бранили немцев.

Бонапарт, к счастью, сам не преследовал, он послал наперерез отступающим союзникам корпус генерала Вандама, чтобы тот зажал их в горных теснинах... Но казаки генерал-майора Иловайского 12-го это движение обнаружили, и Иловайский 12-й доложил командованию, что «дорога в Богемию еще не была занята неприятелем, но он находился во всех пунктах к ней ближе, нежели мы»⁵¹⁰.

Русская гвардия успела преградить дорогу Вандаму и вступила с ним в неравный бой. Отступавшие союзники, узнав об этом, свернули с дороги и сами вышли Вандаму в тыл, зажав его между двух огней. Причем и здесь французская кавалерия (30 эскадронов) «не сработала» — когда пруссаки вышли Вандаму в тыл, он сначала принял их за своих... Победа эта была любимой победой императора Александра. Французы потеряли 9 тысяч убитыми, 8 тысяч пленными, 2 орла, 3 знамени и 81 орудие. Генерал Вандам и еще 3 генерала были взяты казаками Иловайского 12-го. Судя по наградным документам, «Войска Донского казачьего Иловайского 12-го полка есаулу Бирюкову и хорунжему Александрову за от-

⁵⁰⁹ Мемуары маршала Мармона // Воин № 7. С. 55.

⁵¹⁰ Поход русской армии против Наполеона в 1813 году. С. 225.

личие их и за взятие ими в плен генерала Вандама Государь Император всемилостивейше пожаловать соизволил ордена Св[ятого] Владимира 4-й степени с бантом»⁵¹¹. После сего славного дела союзники ушли в Богемию и стали приводить армию в порядок.

Наполеон опять повернул на Берлин и стал готовить новую операцию. «Но несчастье Вандама и полный провал в Силезии оказались слишком пагубными, чтобы восстановить равновесие. После этих событий противники Наполеона избегали сражений с ним и изматывали его армию бесконечными передвижениями до тех пор, пока его силы не стали на исходе и результат борьбы стал очевиден»⁵¹².

Характерной чертой обстановки было отсутствие достоверной информации о противнике, и виной тому во многом были казаки.

Французский генерал де Брак говорил о казаках следующее: «Казаки были родом войск, делавшим войну в высшей степени опасной, в особенности для тех наших офицеров, которые посылались на рекогносцировку. Многие из них, особенно генерального штаба, выбранные начальником его для этого назначения, предпочитали привозить известия, собираемые у местных жителей, чем удаляться на значительное расстояние вперед и подвергнуться нападению казаков. Император не был, таким образом, в состоянии судить об обстановке»⁵¹³. Трудно придумать большую похвалу этим легким всадникам, чем выпеприведенные слова.

Маршал Мармон вспоминал о своей встрече с Наполеоном в это время: «Он сказал мне, что, вероятно, театр военных действий вскоре изменится и мы будем отступать... что все труднее становится освобождать эти области от отрядов, которые проникают туда и угрожают нашим лагерям и нашим коммуникациям, и чтобы я был готов к выступлению. Наконец, при расставании он сказал мне: "Шахматная доска становится все запутанней, лишь я один могу себе в этом признаться". Увы! Он сам потерялся в этом лабиринте»⁵¹⁴.

---

⁵¹¹ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и зарубежных походах русской армии... С. 444.

⁵¹² Мемуары маршала Мармона // Воин № 7. С. 56.

⁵¹³ Денисон Д. Указ. соч. С. 366.

⁵¹⁴ Мемуары маршала Мармона... С. 57.

К началу октября 1813 г. сведения Наполеона о расположении противника и его силах были настолько неверны, что русское командование, перехватив французские штабные документы, заподозрило, что эти бумаги — специально подброшенная дезинформация.

3 (15) октября 1813 г. М.Б. Барклай де Толли писал М.И. Платову: «Генерал Блюхер перехватил курьера с письмом от принца Невшательского, из коего видно, что неприятель полагает принца Шведского и генерала Блюхера за Эльбою, почему и отряжены будто бы туда два корпуса. Между тем чрез шпионов открывается, что сам Наполеон находится в Конневице. Невероятно кажется, чтобы неприятель ошибался так грубо на счет армии Блюхера и принца Шведского, а потому и можно заключить, что курьер сей отправлен был с намерением...»⁵¹⁵.

Но документы не были подброшены, а Наполеон действительно ошибался так грубо. Когда 3 (15) октября армия союзников вышла к Лейпцигу с севера и маршал Мармон сообщил об этом императору, Наполеон, развернувший свою армию фронтом на юг, сообщению не поверил. «Император раскритиковал все мои отчеты и заключения, — вспоминал Мармон. — Он писал, что мой страх не дает мне здраво рассуждать, более того, он утверждал, что никакого противника передо мной не было»⁵¹⁶.

А на следующий день началась «Битва народов» под Лейпцигом...

---

⁵¹⁵ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах. С. 479.

⁵¹⁶ Мемуары маршала Мармона // Воин № 8. С. 57.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ ДОНСКИХ КАЗАКОВ И ЭЛИТНОЙ ЛЕГКОЙ КАВАЛЕРИИ ЕВРОПЫ

Донские казаки во время «Саксонской кампании»

25 мая (6 июня) 1813 г., вступив в командование объединенными союзными русской и прусской армиями, М.Б. Барклай де Толли распорядился, чтобы М.И. Платов представил ему ведомость о количестве и нахождении казачьих полков⁵¹⁷. М.И. Платов составил и представил ведомость по донским казачьим полкам. Он не знал расположение лишь одного полка — Платова 5-го. «Неизвестно, где находится чрез целый год, но до того находился в Киевской губернии».

Особо отмечалось: «Все значащиеся по сей ведомости войска Донского полки казачьи, за убылью в продолжении сей войны — убитыми, от ран и болезней умершими — не имеют полного комплекта казаков».

Платов писал, что, согласно высочайшей воле, следовало из них некоторые расформировать и разместить на укомплектование других полков, так чтобы из 65 составить 50 или более комплектных полков, «если наберется». Но «за отдаленным в разных местах нахождением» полков не было возможности рассмотреть это. Согласно той же высочайшей воле, из 22 «ополчительных»

---

⁵¹⁷ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и в заграничных походах... С. 429.

полков велено было отпустить на Дон по 70 человек казаков «из отставных, престарелых, дряхлых и не могущих ездить верхи на лошадях», и этого пока Платов не смог исполнить⁵¹⁸.

За все это время лишь два некомплектных полка, Траиллина и Галицына, были сведены в один полк — Табунищикова.

Медлительность Платова понятна. Поскольку во многих полках числилось всего по 150 казаков, ему предстояло фактически ополовинить полки ополчения. Тем не менее некоторые полки расформировать было необходимо.

Таковым был находящийся при обложении Данцига полк Грекова 1-го. «Сей ополчительный полк, по немалому числу состоящих в нем престарелых и дряхлых из отставных казаков, полагается рассмотрению, и годные к службе, хотя и отставные, поступят в комплект по полкам, а прочие, совершенно неспособные к службе, будут уволены на Дон. Ибо и полковой командир отставной генерал-майор Греков стар летами, дряхл и увечен».

Из четырех ополченческих полков, находящихся при обложении крепости Модлина — Андриянова 1-го, Андриянова 3-го, Шамшева 2-го, Данилова 2-го, — после увольнения из каждого полка по 70 человек из отставных, престарелых и дряхлых казаков, полк Андриянова 1-го предполагалось расформировать для пополнения прочих 3-х полков, «как и сам полковой командир полковник Андрианов 1-й из отставных, стар летами, дряхл и увечен».

Еще один ополченческий полк в составе Главной армии — Кошкина 1-го — имел налицо менее ста человек, годных к службе, поскольку остальные были «в разных отдаленных откомандировках». Предполагалось, что годные к службе, хотя и отставные казаки поступят в комплект по другим полкам, а прочие «по совершенной неспособности к службе» будут уволены на Дон⁵¹⁹.

М.Б. Барклай де Толли учел данные ведомости, представленной М.И. Платовым. Приказом № 105 от 8 (20) июня 1813 г. «для лучшего порядка и устройства при армии казачьих полков» ка-

⁵¹⁸ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и в заграничных походах... С. 430—431.

⁵¹⁹ Там же.

зачьи полки в каждом корпусе или отряде передавались в управление «особым начальникам или чиновникам сего же войска» — частным и бригадным начальникам, которые назначались по согласованию с Платовым и утверждались главнокомандующим. Бригадные начальники подчинялись частным, частные — корпусным, лишь «по внутренней службе» казачьи части подчинялись войсковому атаману.

В войсках правого фланга, находящихся под командованием генерала от инфантерии графа Ланжерона, состояли полки:

Грекова 8-го, Кутейникова 8-го, Селиванова 2-го, Исаева, Чикилева и Тептярский.

Частным начальником здесь был генерал-майор Греков 8-й, бригадными — полковники Кутейников 8-й и Селиванов 2-й.

При армии генерала от кавалерии графа Виттенштейна состояли полки: Родионова 2-го, Иловайского 10-го, Ягодина 2-го, Горина 1-го, Грекова 21-го, Ежова 2-го, Попова 13-го, Ставропольский калмыцкий.

Частным начальником был назначен генерал-майор Родионов 2-й, бригадными — полковники Иловайский 10-й и Ягодин 2-й.

В резерве под командой Великого князя Константина Павловича находились полки:

Атаманский, Грекова (бывший Чернозубова 4-го), Ребрикова 5-го, Иловайского 12-го, Украинский 2-й и Украинский 3-й.

Частным начальником числился генерал-майор Иловайский 12-й, бригадами командовали: полковой командир Атаманского полка полковник Греков 18-й и генерал-майор граф де Витте (Украинскими полками).

При корпусе генерал-лейтенанта барона Сакена находились полки:

Карпова 2-го, Луковкина, Чернозубова 5-го, Кутейникова 4-го, Семенченкова, Украинский 4-й, Башкирский 2-й, Калмыцкий 2-й.

Частным начальником был генерал-майор Карпов 2-й, бригадами — полковники Луковкин и Чернозубов 5-й.

При корпусе генерал-лейтенанта барона Винцингероде находились полки:

Иловайского 4-го, Барабанщикова 2-го, Пантелеева 2-го, Ребреева (бывший Белгородцева), Бугский 1-й, Яхонтова волонтерский, Уральский 3-й.

Частным начальником был назначен генерал-майор Иловайский 4-й, бригадными — подполковники Барабанщиков 2-й и Пантелеев 2-й.

При прусском корпусе генерал-лейтенанта Бюлова состояли казачьи полки:

Иловайского 3-го, Быхалова 1-го, Грекова 9-го, Дячкина, Мельникова 5-го, Иловайского 5-го, Кутейникова 6-го, Ямской-Тверской.

Частным начальником здесь был генерал-майор Иловайский 3-й, бригадными — полковники Быхалов 1-й и Греков 9-й.

При корпусе генерал-лейтенанта графа Вальмодена состояли казачьи полки:

Денисова 7-го, Власова 3-го, Андриянова 2-го, Лащилина 1-го, Мельникова 4-го, Грекова 18-го, Сысоева 3-го, Иловайского 11-го, Жирова, Гревцова 2-го, Сулина 9-го, Комисарова, Башкирский 1-й.

Частным начальником был назначен генерал-майор Денисов 7-й, бригадными — полковники Власов 3-й, Андриянов 2-й, подполковники Лащилин 1-й, Мельников 4-й.

При корпусе генерала от кавалерии принца Александра Вюртембергского состояли казачьи полки:

Грекова 5-го, Грекова 17-го, Харитонова 7-го, Чернозубова 8-го, Иловайского 9-го, Сучилина, Перекопский татарский, Симферопольский татарский.

Частный начальник — генерал-майор Греков 5-й, бригадные начальники — командир Симферопольского полка полковник князь Балатуков 1-й и командир Перекопского полка подполковник князь Хункалов.

При корпусе генерала от инфантерии Дохтурова состояли казачьи полки:

Турчанинова, Власова 2-го, Данилова 2-го, Андриянова 3-го, Шамшева, Платова 5-го, Уральский 3-й, Калмыцкий 1-й.

Частный начальник временно не назначен, бригадные начальники — подполковник Турчанинов, войсковой старшина Власов 2-й, майор Данилов 2-й.

В конвое при главной квартире всех армий и при подвижных «магазинных» состояли полки:

Киреева, Платова 4-го, Тульский, Бугский 3-й, Табунщикова.

В конвое при главной квартире генерала графа Витгенштейна — Бугский 2-й.

В распоряжении генерал-интенданта всех армий для конвоирования транспортов и охраны «магазинных» — Малороссийский Черниговский.

В распоряжении военного генерал-полцимейстера генерал-лейтенанта Эртеля — Попова 3-го, Украинский 1-й.

Полки Грекова 1-го, Андриянова 1-го и Кошкина расформировывались «по давнему их служению при армии, по престарелости и не большому в них количеству людей», личный состав шел на укомплектование других полков.

Полк Слюсарева 1-го, уже расформированный, исключался из списков.

Полковники Чернозубов 4-й и Белгородцев 1-й были «за старостию лет уволены от службы на Дон».

Фактически кампания в Саксонии, начавшаяся после перемирия, велась казаками теми же силами, что и кампания 1812 г. Подкрепления с Дона прибыли позже, когда главные бои 1813 г. уже отгремели (о чем ниже).

Легкая кавалерия европейских армий в борьбе против казаков

«Наполеон ставил конницу очень высоко и обладал глубоким пониманием ее свойств, — писал историк кавалерии Д. Денисон. — Никто так не ценил легкую конницу при скрытии движений своей армии или для разведывания о движениях противника. Он также придавал огромное значение атакам конницы большими массами на поле сражения и умел ими пользоваться для нанесения удара целому флангу неприятеля»⁵²⁰.

Так как Наполеон сам служил в артиллерии, то он был недостаточно знаком со всеми деталями кавалерийской службы, но прекрасно знал цену кавалерии и отлично понимал задачи кавалерии по разведке и охранению⁵²¹.

Одной из задач кавалерии являлось нанесение сокрушающего удара по врагу на поле сражения. Но это была не единственная задача. Не менее важны были разведка, прикрытие передвижения

---

⁵²⁰ Денисон Д. Указ. соч. С. 324.

⁵²¹ Там же. С. 325.

армии и преследование побежденного противника. В соответствии с задачами и функциями кавалерия в европейских армиях подразделялась на тяжелую, служившую для ударных атак на поле сражения, и легкую, используемую для разведки, рейдов, налетов и тому подобных заданий. Кирасиры, карабинеры и конные гренадеры гвардии считались тяжелой кавалерией, гусары и конные егеря — легкой. Драгуны и уланы (носившие во французской армии название «шволежеры-лансьеры») считались «линейной кавалерией» и применялись как для атаки в сомкнутом строю на поле боя, так и для решения задач, присущих легкой кавалерии.

Идеалом обученной и маневренной конницы для того времени в Европе была прусская кавалерия Фридриха II.

«Наполеон, чувствующий, что его коннице недостает маневренной способности конницы Фридриха, старался восполнить этот недостаток большими массами ее, что повело за собой движение в атаку рысью, так как только на этом аллюре значительные массы могли соблюдать должный порядок и сомкнутость»⁵²².

Его 14 кирасирских и 2 карабинерских полка (на 1812 г.) были сведены в кирасирские дивизии (5 чисто французских кирасирских дивизий) и в решающие минуты сражения зачастую бросались в атаку одновременно всем составом.

Легкая кавалерия традиционно называлась так потому, что всадники и их кони бывали обычно меньше ростом и, соответственно, весом, чем в тяжелой кавалерии, легче и быстрее двигались и лучше маневрировали. Легкая кавалерия гораздо чаще тяжелой участвовала в боях, поскольку, предвзяря сражения, неделями вела разведку и постоянно сталкивалась с легкой кавалерией противника. Такая служба вырабатывала у кавалеристов инициативность, агрессивность, способность к импровизации на поле боя. Идеалом французского легкого кавалериста был гусарский генерал Лассаль, погибший под Ваграмом в 1809 г., известный помимо боевых подвигов фразой: «Гусар, не убитый к 30 годам, дрянь, а не гусар».

«Когда вспыхивало сражение, гусары обычно находились в стороне от событий «главной сцены» и вступали в спорадические стычки на флангах с такой же легкой конницей противника.

⁵²² Денисон Д. Указ. соч. С. 327.

Случались и значительные отступления от общепринятого правила, когда гусары участвовали в знаменитых ударных атаках под Фридландом и Ваграмом, а также в других местах»⁵²³.

Конно-егерских полков (*chasseurs a cheval*) во французской армии в 1812 г. было 28; они были вооружены саблями, пистолетами и мушкетонами.

Гусарских полков, богато и ярко одетых и потому дороже стоящих, в 1812 г. насчитывалось 11. Вооружены они были как и конные егеря.

В 1811 г. число драгунских полков достигало до 30, и они делились на 6 дивизий.

В 1811 г. шесть драгунских полков были переформированы в уланские («шеволежерские»). Особенностью их вооружения была пика, гусарская сабля и 2 пистолета. Наполеон предназначал их для борьбы с казаками. Еще непосредственно на французской службе были два уланских полка (7-й и 8-й) из поляков (о чем ниже) и один польско-немецкий полк (9-й).

«Наполеон отлично понимал роль конницы как при подготовительных к бою операциях, при завязке боя, для прикрытия движения пехоты и артиллерии; во время сосредоточения и развертывания, так и во время самого боя для поддержания других родов оружия при атаке и для удержания натиска неприятеля. Так же хорошо умел он бросать ее в решительную минуту на потрясенного врага, чтобы этим ударом закрепить за собой успех»⁵²⁴.

Практически легкая кавалерия Наполеона занималась тем же, чем занимались в русской армии казаки. «Наполеон так же хорошо умел пользоваться конницей и для сокрытия своих движений, и результатом этого был почти постоянный успех его блестящих стратегических планов. Его способность скрывать свои намерения была не меньше способности угадывать неприятельские»⁵²⁵.

Легкая кавалерия неотступно преследовала и добивала разбитого противника. Особенно известно преследование французской кавалерией разбитой прусской армии в 1806 году. В течение 20 дней французы Мюрата прошли всю Германию, пленив боль-

---

⁵²³ Роберт Брюс, *Йен Дики...* Указ. соч. С. 93.

⁵²⁴ *Денисон Д.* Указ. соч. С. 329.

⁵²⁵ Там же. С. 344.

шую часть прусской армии (140 000 прусских солдат и 800 орудий) и даже захватив несколько крепостей.

Организационно все полки французской армии делились на 4 эскадрона, каждый эскадрон, в свою очередь, делился на 2 роты. 1-я рота 1-го эскадрона считалась элитной и отличалась формой одежды (высокие меховые шапки, красные султаны и др.). Формально в полку числилось 980 человек и 800 лошадей⁵²⁶, но в реальности в полках редко было более 500 всадников. Помимо 4 действующих эскадронов в каждом полку был 5-й запасной эскадрон, расположенный на территории самой империи и готовивший для полка пополнения.

Вооружение кавалеристов того времени не отличалось разнообразием. «Кавалеристы, особенно те, что служили в легкой коннице, иногда использовали пистолеты, мушкетоны или карабины. Тем не менее главным их оружием повсеместно оставалась сабля. В тяжелой кавалерии применялись массивные палаши с длинным прямым клинком, предназначенные в первую очередь для нанесения колющих ударов. Бойцы легкой кавалерии предпочитали сабли меньшего размера и веса, чьи изогнутые клинки подходили в первую очередь для того, чтобы рубить ими противника... В бою с неприятельскими всадниками, по мере нарастания скорости и сближения с целью, кавалеристы обычно поворачивали клинки горизонтально, а не держали их вертикально, поскольку так оружие легче проходило через ребра противника, снижая шанс застрять в теле. Энергии скачущей лошади вполне хватало для верного поражения врага холодным оружием. Кавалеристов учили начинать вытаскивать клинок обратно сразу же после того, как он вонзался в тело жертвы. Это надо было сделать как можно скорее, чтобы получить возможность нанести повторный удар и прикончить оппонента или же вступить в схватку со следующим врагом, если первый выходил из строя либо просил пощады. При обучении рубящим ударам кавалеристов заставляли доводить клинок как можно ниже, чтобы, если враг пригнется в седле, — обычный рефлексорный оборонительный маневр, — лезвие все равно задело бы какую-то часть тела»⁵²⁷.

---

⁵²⁶ Брикс Г. История конницы. Кн. 2. М., 2001. С. 207.

⁵²⁷ Роберт Брюс, Йен Дики... Указ. соч. С. 121.

Французские полки шволежеров-лансьеров (улан) имели на вооружении французскую пику образца 1811 г., или *lance française*, которая при общей длине 2,75 м имела наконечник в 21,6 см (8,5 дюйм.). «Французские шволежеры... были не слишком довольны наличием у пики матерчатого вымпела, или флюгера. Хотя развевающийся вымпел и придавал внешнему виду уланских частей такую эстетическую утонченность, он снижал, как бы сказали мы сегодня, аэродинамические свойства оружия на скаку и служил источником лишних неудобств в походе»⁵²⁸. До французов просто не доходило, что наличие «значка» («вымпела или флюгера») делает пику в бою оружием многообразного использования, поскольку не дает острию глубоко проникнуть в тело противника и позволяет выдернуть пику после удара.

Вообще пика давала кавалеристу ряд преимуществ, в частности, возможность наносить удары, держась на большем удалении от противника. Например, в августе 1813 г. в сражении под Дрезденом, когда пошел проливной дождь и намочил у солдат патроны, французские уланы подскакивали к австрийским и русским каре и кололи пиками солдат, которые не могли ответить залпом.

Наполеон основал значительное число кавалерийских школ, где основательно подготовлялись офицеры и инструкторы для конницы. И тем не менее французская кавалерия всегда уступала кавалерии других армий Европы. Как считал гораздо позже Ф. Энгельс, французы в Европе были самыми плохими наездниками, «которые когда-либо украшали седло». И брали они за счет количественного превосходства и храбрости. Подтверждение находим мы в сочинениях «кавалерист-девицы» Надежды Дуровой, которая, вспоминая события 1812 г., пишет: «посредственность французской кавалерии давно была мне известна»⁵²⁹.

Известный военный теоретик Г. Жомини, послуживший во французской армии, писал: «Когда я говорю о блестящей французской кавалерии, я имею в виду ее отчаянную храбрость, а не безупречность действий, потому что она не может сравниться с русской или германской кавалерией ни в искусстве верховой

⁵²⁸ Роберт Брюс, *Йен Дики...* Указ. соч. С. 121—122.

⁵²⁹ Дурова Н.А. Указ. соч. С. 167.

езды, ни в организации, ни в уходе за лошадьми»⁵³⁰. Да и лошади французские были слабее казачьих, что казаки заметили в первых же стычках. После одного из боев весной 1807 г. А.К. Денисов считал, «что французские лошади весьма слабее наших, то самое и пленные доказывали тем, что не более как человек 15 или 20 спаслись»⁵³¹.

Русские отдавали должное храбрости французов — «у французов лишь атака, офицеры, подняв сабли, летят впереди фронта и первые врываются молча, ни слова, грациозно, эффектно, как дули непобедимые...»⁵³²

Но в целом, как показала практика, французская легкая кавалерия не могла состязаться с казаками на равных. И Жomini предупреждал о недопустимости легкой кавалерии драться с казаками в рассыпном строю, в тех же порядках, что и казаки: «...Ни в коем случае не следует делать вывод, что отряд легкой кавалерии, развернутый подобно стрелкам в цепи, может действовать столь же успешно, как казаки или другая нерегулярная кавалерия. Очевидно, что последние привыкли двигаться беспорядочной массой, в то же время все они и каждый в отдельности неуклонно устремляются к общей цели. Самые опытные гусары никогда не смогут действовать в такой манере, которая инстинктивно присуща казакам, черкесам и туркам»⁵³³.

Итог противостояния двух конниц подвел французский генерал Моран: «Этим диким всадникам совершенно неизвестны наши подразделения, наше правильное равнение, наша сомкнутость, которым мы придаем такое значение. Они крепко держат лошадь ногами и упираются в широкие стремяна, которые служат им точкой опоры при действии оружием. Они умеют с места мчаться карьером и на карьере круто останавливаться; лошади кажутся одним телом с ними. Люди всегда бдительны, поворотливы, нетребовательны и исполнены военного честолюбия. Какой прекрасный вид представляла французская конница, когда она стояла на берегах Немана, освещенная лучами июньского солнца, блестя золотом и

⁵³⁰ Жomini Г. Указ. соч. С. 328—329.

⁵³¹ Записки донского атамана Денисова. С. 150.

⁵³² Письма полковника К.А. Бискупского... С. 103.

⁵³³ Жomini Г. Указ. соч. С. 329.

сталью и полная мужества! Какое глубокое прискорбие возбуждает воспоминание о маневрах, которые ее напрасно утомляли в борьбе с казаками, ранее презираемыми, сделавшими для спасения России больше, чем все ее регулярные армии! Каждый день они появлялись на горизонте длинными линиями, а их смелые наездники подъезжали к самым нашим рядам. Мы строились и шли этим линиям навстречу; в ту минуту, как мы к ним подходили, они пропадали и перед нами оказывались только сосны и березы; но час спустя, когда мы кормили лошадей, нападение возобновлялось и опять появлялись эти черные линии, повторялись те же маневры и с теми же результатами. Таким образом, утомилась и растаяла храбрейшая и прекраснейшая конница в борьбе с людьми, которых она презирала, но которые сумели спасти родину, истинными защитниками и освободителями которой были они. Мы должны еще прибавить, что наша конница была многочисленнее казаков, что она была поддержана самой легкой и храброй артиллерией, которая когда-либо существовала! Вождь ее, предмет удивления для героев, поддерживал ее маневры самой неустрашимой пехотой; и, несмотря на это, казаки вернулись на берега Дона со славой и добычей, а все поля России были усеяны телами и оружием наших смелых несравненных воинов!»⁵³⁴

Кавалеристы французской армии, набранные в 1813 г., были еще менее способны бороться с казаками, нежели их предшественники в 1812 г.

По воспоминаниям генерала Марбо, костяк будущей кавалерии имелся. «Прежде всего каждый из 108 существовавших в то время департаментов на протяжении нескольких лет имел кавалерийскую часть, именуемую департаментской. Это было нечто вроде гвардии господ префектов, которым нравилось, чтобы в этой гвардии служили солдаты с самой лучшей выправкой. Эти солдаты никогда не покидали главных городов департамента, где они находились в хороших казармах, получали хорошее питание и обмундирование. Служба их не была обременительной, и у них было время увеличивать физические силы, поскольку большинство солдат департаментской гвардии вели подобную жизнь на протяжении 6—7 лет. Они регулярно учились владению оружи-

⁵³⁴ Цит. по: Денисон Д. Указ соч. С. 366—367.

см, участвовали в проведении маршей и маневров, им не хватало только боевого крещения, чтобы превратиться в самые отборные воинские части. В зависимости от размера того или иного департамента эти кавалерийские части состояли из 150—200 или 250 человек. Император послал все эти подразделения в армию, где они растворились в линейных полках»⁵³⁵.

По эскадрону от каждого из 108 департаментов и набираются 27 полков, которым «не хватало только боевого крещения, чтобы превратиться в самые отборные воинские части». Эти «департаментские» кавалеристы, видимо, и составили первые 16 000 кавалеристов новой армии Наполеона.

Что касается еще 30 тысяч кавалеристов, которых Наполеон ожидал получить в мае, то с ними дело обстояло гораздо хуже. «Большинство купленных и поспешно приведенных в депо лошадей не годилось для кавалерийской службы. Кавалеристы, прозванные «увальнями, падающими со своих лошадей как дождь», в начале кампании не умели перестраиваться на ходу и совершать групповые эволюции, не могли уверенно владеть личным оружием и ездить всеми тремя видами аллюра (шагом, рысью и галопом), а нередко даже не знали, как оседлать лошадь. Из 15 000 человек только 3000 в действительности способны служить в кавалерии. Придется ждать девять месяцев, чтобы новобранцы смогли наконец научиться управлять лошадьми!»⁵³⁶

И все же к окончанию перемирия, к августу 1813 г., Наполеон имел достаточно многочисленную конницу. «В 1813 г. вся французская конница была сведена в 5 корпусов, имевших по окончании перемирия, с августа по октябрь, следующий состав:

I корпус Латур-Мобура: 2 легкие и 2 кирасирские дивизии (по 8 и 10 полков) — 34 полка, 10 000 человек;

II корпус Себастиани: 2 легкие и 1 кирасирская дивизии (по 6 и 7 полков) — 19 полков, 6000 человек;

III корпус Арриги: 2 легкие и 2 драгунские дивизии (по 8 и 10 полков) — 36 полков, 8000 человек;

IV корпус Келлермана: 3 смешанные дивизии (по 9, 3 и 2 полка) — 14 полков, 5000 человек;

⁵³⁵ Марбо Ж. Указ. соч. С. 627.

⁵³⁶ Лашук А. Наполеон. Походы и битвы... С. 591.

V корпус Мильо: 1 легкая и 2 драгунские дивизии — 5000 человек.

Кроме того, имелись:

Гвардейская конница Нансут: 3 дивизии — 5000 человек;

Распределенная по пехотным корпусам конница — 10 000 человек⁵³⁷.

Таким образом, на поле боя французы выставили 49 тысяч всадников, разделенных на 118 полков. Непосредственно французских полков (набранных на территории империи, включавшей немецкие, голландские, швейцарские, итальянские земли) было 93, кавалерия союзников и иностранцев на французской службе насчитывала 25 полков.

Более половины союзников — 15 полков — составляли немцы, 4 полка выставили итальянцы. Организационно кавалерийские полки союзников Франции были неоднородны. Итальянские полки организационно копировали французские и состояли из 4 эскадронов. Баварский легкоконный полк (иных не было) имел 7 эскадронов по 129 человек. Саксонский легкоконный полк имел 4 эскадрона, всего в полку числилось 718 человек (таких полков было четыре), а в единственном гусарском — 1002 человека. Вестфальские полки имели по 3 сильных эскадрона, численность полка — 829 человек. Вюртембергские конные егеря и шеволежеры имели по 4 эскадрона, в каждом полку — 500 человек. Баденский гусарский полк имел 6 эскадронов и насчитывал 678 человек. Наиболее слабым звеном здесь были итальянцы, и пример тому — судьба 4-го итальянского конноегерского полка, уничтоженного в первом же бою казаками Бенкендорфа (о чем выше).

Немецкая кавалерия, более дисциплинированная и обученная, чем французская, имевшая лучший конский состав, уступала французам в «порыве», в своеобразной удали. Она хорошо зарекомендовала себя в боях 1812 г. и «растаяла» позже французской. Баденцы и гессенцы на Березине стремительной атакой по метели опрокинули русскую пехоту и почти все погибли в схватке с русской кавалерией. Но в 1813 г. немецкая союзная кавалерия не проявила должной надежности.

---

⁵³⁷ Брикс Г. Указ. соч. С. 212.

В сражении под Лейпцигом 25-я кавалерийская (вюртембергская) бригада генерала Нордмана (2-й лейб-шеволежерский и 4-й королевский конноегерский полки) прямо на поле боя перешли к союзникам. Маршал Мармон вспоминал: «Вот уже четыре часа шел ожесточенный бой. Неприятель понес огромные потери благодаря превосходящей численности нашей артиллерии и сокрушительному действию, которое она произвела в его рядах, когда он попытался атаковать. Эта попытка, как и все предыдущие, окончилась неудачно и сильно нарушила порядок его построений. Я отдал приказ бригаде вюртембергской кавалерии, находящейся в распоряжении генерала Норманна, атаковать пехоту, пребывающую, на мой взгляд, в наибольшем смятении. Поначалу кавалерия отказалась выполнить мой приказ, а спустя короткое время уже поздно было что-либо предпринимать. Тем не менее, получив второй приказ, бригада пришла в движение, но, вместо того, чтобы устремиться на противника, они двинулись на батальон 1-го морского артиллерийского полка и разгромили его; противник тем временем восстановил порядок в рядах и продолжил наступление»⁵³⁸.

Воспоминания английских офицеров, военных наблюдателей в армии союзников, и наградные документы дают представление о том, как после окончания перемирия казаки стали истреблять французскую кавалерию.

7 (19) августа 1813 г. полковник Быхалов получил приказание произвести с донским казачьим полком рекогносцировку по направлению на Люкенвальде. «Французские пикеты начали отходить при его приближении, и мы получили возможность вполне ясно видеть поля, лежащие к северу и востоку от Люкенвальда, — вспоминали англичане. — Как раз в это время сильный отряд конницы поспешно двигался из города прямо на нас и, подойдя, построился в сомкнутую эскадронную колонну; фланкеры пристроились к флангам. Затем французы двинулись рысью, плотно сомкнувшись, чтобы не дать русским возможности прорваться в интервалы, прямо на наш центр, который немедленно раздался, и казаки бросились на тыл и фланг колонны. Французы, не встречая с фронта никакого сопротивления, остановились, а их мучители начали колоть флан-

⁵³⁸ Мемуары маршала Мармона // Воин № 9. С. 68—69.

говые ряды и стрелять в густую массу, где скоро возник совершенный беспорядок, лишивший возможности сделать какое-либо перестроевание. Казаки даже и не пытались произвести общую атаку и продолжали колоть и стрелять, производя частные нападения, где представлялась к тому возможность. Между тем фланговые ряды французов повернули кнаружи, так что получилось нечто вроде каре, и открыли стрельбу из карабинов, продолжавшуюся около получаса. Наконец появились головы французских пехотных колонн, и, как только артиллерия их открыла огонь, конница была освобождена из тяжелого положения. Полковник Быхалов отошел по дороге на Шарфенбрик, никем не преследуемый»⁵³⁹.

Второй англичанин описывал бои в Силезии близ Мюльберга 6 (18) сентября 1813 г., где 1200 казаков генерала Иловайского атаковали 2000 французских драгун: «Французы окончили перестройки, пока казаки развертывались; они построились в одну линию en tiraille, с небольшим резервом. Казаки бросились, были встречены огнем из карабинов и повернули назад; французы совсем не обнажали сабель. Они заехали в колонну, взяли полные интервалы и вторичным заездом построились во фронт. Мы каждую минуту ожидали атаки, но, как кажется, намерение их состояло просто в удлинении протяжения фронта, чтобы не подвергнуться охвату — обыкновенному образу действия казаков... После того, как обе стороны окончили почти одновременно приготовления к бою, казакам было строго приказано не поворачивать назад перед огнем неприятеля, а офицерам — рубить первого, кто повернет. Несколько сотен получили приказание атаковать противника во время боя с тыла и флангов. Все эти приказания были исполнены в точности. Казаки наскочили на французов и окружили их; я видел при этом собственными глазами, что многие из драгун, выстрелив, не успели вынуть сабли, как были зарублены или заколоты. Французы сначала сопротивлялись упорно, насколько это возможно для стоящей на месте конницы, против такого деятельного противника, нападающего со всех сторон; затем некоторые одиночные люди повернули назад, их примеру скоро последовали прочие. Резерв, вместо того чтобы восстановить бой, также обратился в бегство: все скакало по направлению к Якобсталу, и вся равнина

⁵³⁹ Цит. по: Денисон Д. Указ. соч. С. 365.

была покрыта бегущими всадниками. Не было ни одного взвода, отступавшего в порядке; это была настоящая охота; многие падали с лошадей и затем захватывались в плен. Наконец, мы наскочили на линию кирасир, выходявших из леса, и ее сомкнутость остановила нас без всякой команды. Мы, впрочем, были довольны одержанной нами победой и ушли назад в Мюльберг»⁵⁴⁰.

19 сентября (1 октября) отряд генерал-майора И.Д. Иловайского 4-го, напав в Гросенхайне на 8-й и 19-й конно-егерские полки, взял в плен 17 офицеров и 500 рядовых⁵⁴¹.

Наградные документы показывают, как это произошло. Список отличившихся в бою 19 сентября «при разгроме у деревни Бораки неприятельских конных егерей» показывает, что в бою участвовали полки Иловайского 3-го, Иловайского 5-го, Быхалова, Кутейникова 6-го.

Полка Иловайского 3-го есаул Петр Тарасов: «Командуя полком, повел быстро оный в атаку на неприятельские колонны в правый фланг оных»;

Полка Иловайского 5-го есаул Григорий Кошкин: «Командуя полком, с примерною храбростию бросился с оным в центр неприятельских колонн»; есаул Иван Пимонов: «Бросился с сотней в колонну, стоявшую в центре, и тем принудил оную ретироваться в беспорядке»;

Полка полковника Быхалова есаул Лев Денисов: «Командуя полком ударил в центр колонн неприятельских и опрокинул оные»; хорунжий Леонов: «Был с фланкерами впереди и сам изрубил нескольких егерей»;

Командир полка своего имени Василий Кутейников 6-й: «Командуя полком, удачным нападением на левый фланг неприятеля решил сие дело в нашу пользу и принудил неприятеля ретироваться»; его полка сотники Иван Греков и Федор Попов: «С сотнями врубилась в неприятельский левый фланг и взяли многих егерей в плен»⁵⁴².

⁵⁴⁰ Цит. по: Денисов Д. Указ. соч. С. 365—366.

⁵⁴¹ Подмазо А.А. Большая Европейская война 1812—1815 гг.: Хроника событий. М., 2003. С. 128.

⁵⁴² Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах. С. 463—464.

Недавние враги и нынешние союзники

В 1812 г. на стороне Наполеона в походе на Россию участвовали Австрия и Пруссия. Но участвовали без большой охоты и воевали «спустя рукава».

Прусская кавалерия считалась хранительницей традиций Фридриха Великого, но в кампанию 1806—1807 гг. потерпела ряд поражений и подверглась резкому сокращению (примерно наполовину) после проигранной войны.

В 1809 г. Пруссия располагала следующим составом кавалерии. Всего 19 полков — 4 кирасирских (в том числе *garde du corps* № 3), 6 драгунских, 6 гусарских и 3 уланских, все по 4 эскадрона, и 1 эскадрон лейб-улан (всего 77 эскадронов).

Эскадроны по штату имели 125 коней, и, кроме того, в каждом из них должно было быть наготове еще 25 человек (в том числе 3 вице-унтер-офицера) для пополнения рядов в случае мобилизации⁵⁴³.

В походе в Россию приняли участие по 2 эскадрона от 4 драгунских, 6 гусарских и 2 уланских полков, сведенные в 6 полков (2 драгунских, 3 гусарских и 1 уланский) и 3 бригады; всего около 4000 человек (вместе с пехотой — 14 тысяч).

В 1813 г., выступив против Наполеона, Пруссия начала формирование многих новых конных частей, из которых некоторые были чисто временного характера.

1 (13) февраля был сформирован гвардейский казачий эскадрон, который вместе с гвардейским уланским и двумя учебными эскадронами образовал легкий гвардейский кавалерийский полк из 4 эскадронов⁵⁴⁴.

Весной на основании разрешения короля от 27 марта в провинциях стали формироваться так называемые национальные полки. Первыми их выставили Восточная Пруссия (3 полка, вооруженных пиками, в одежде наподобие гусарской, по 5 эскадронов в полку), Померания (1 конно-егерский в 3 эскадрона) и Силезия (1 гусарский в 2 эскадрона). Позднее, с развитием операций и возвращением прежних областей, были созданы еще 2 гусарских полка: эльбский и бергский.

⁵⁴³ Брикс Г. Указ. соч. С. 218.

⁵⁴⁴ Там же. С. 219—220.

На основании того же воззвания только на время войны начали формировать вольные егерские команды при всех конных полках (включая национальные) — на каждый полк по эскадрону в 204 всадника. Всего набралось около 2350 человек.

Кроме того, на время войны была сформирована ландверная кавалерия. К августу 1813 г. 6 старых провинций выставили 31 полк — 12 054 человека. Впоследствии, к концу года, были сформированы еще 10 эскадронов, или 2 полка, в возвращенных Пруссии ее старых провинциях⁵⁴⁵.

Кроме того, появилось значительное число вольных отрядов (Шилля, Гельвига, Лютцова и др.), имевших по несколько эскадронов гусар. Больше всего конницы было в отряде Лютцова, который начал создаваться с 6 (18) февраля 1813 г. (2 гусарских, 1 егерский и 2 уланских эскадрона).

Всего эти вольные отряды (Freischaagen), именовавшиеся также «черными егерями» или «ночными разбойниками», насчитывали 5 тысяч человек⁵⁴⁶.

Вооружена прусская кавалерия была карабинами, пистолетами, саблями и пиками.

Кирасирские и драгунские полки имели по 20 карабинов на эскадрон и по 48 винтовок на полк; прочие люди в этих полках были вооружены пистолетами. Гусары были все вооружены карабинами.

Прусский карабин имел следующие характеристики — длина 100, 7 см, приклад — 62, 5 см. Вес 4,54 кг, калибр от 14, 64 мм до 16, 42 мм. Прусский пистолет для кавалерии образца 1787 г. имел длину 41 см, длину ствола 23, 5 см.

В легкой кавалерии в вольных корпусах применялся британский карабин — длина 78 см, ствол 40 см, калибр 17 мм — и британский пистолет — калибр 17 мм, длина 40 см, длина ствола 23 см.

Кирасиры и драгуны имели на вооружении палаши, но после 1811 г. драгуны получили вместо палашей сабли английского образца, подобные гусарским. Сабли имели длину 875 мм, ширину 40 мм на $\frac{7}{8}$ и 50 мм на конце, пика, бывшая на вооружении толь-

⁵⁴⁵ Брикс Г. Указ. соч. С. 220.

⁵⁴⁶ Делдерфилд Р. Указ. соч. С. 26.

ко у улан, а также в национальных и ландверных полках, имела длину 2, 53 м⁵⁴⁷.

Заметно распространение пики, которой до кампании 1806 г. в Пруссии был вооружен только один полк — легкоконный полк № 9.

Боевое содружество прусской кавалерии и казаков проявилось еще до перемирия, что явствует из рапорта генерала Чаплица о бое под Гайнау от 15 (27) мая 1813 г.: «13-го числа сего мая, ночевав в селении Кренбау, поутру неприятель 14-го числа начал на нас наступать. Отступая к Гейнау на преследующую нас кавалерию, генерал-майор Иловайский с генерал-майором Грековым 8-м с казачьими полками ходили 2 раза в атаку, причем взято 8 человек в плен и много истребили. При приближении моем к Гейнау получил я от генерала Блохера извещение удерживать неприятеля, сколь возможно будет, и потом понемногу отступать, стараясь заманивать неприятеля подалее от города в то время, как он со всей своей кавалерией и артиллерией ударит с флангов и в тыл неприятеля. Условием между нами было положено, что, когда стоящая на высоте ветряная мельница загорится, мне со всей моей кавалерией ударить во фрунт неприятеля, а генералу Блохеру — во фланг. Неприятель вывел на возвышение 12 орудий под прикрытием пехоты и кавалерии, открыл по мне канонаду. Отступлением моим, будучи обманут, подавался вперед за мною. В 6 часов пополудни положенный знак был подан, мельница загорелась, и я приказал немедленно всей моей кавалерии и казакам атаковать неприятеля. В то самое время прусские войска пустились тоже в атаку. Храбрость соединенных войск была необыкновенная, неприятель, уstraшенный атакой, мнил спастись бегством. Нашей кавалерией отнято у неприятеля 2 орудия, убито много и в плен взято 62 рядовых и 3 офицера»⁵⁴⁸.

Австрия позже вступила в войну с Наполеоном, но имела более длительный опыт союзных отношений с Россией. Вместе с австрийцами русские воевали против французов и еще раньше против турок.

⁵⁴⁷ Горинев А. Добровольческий прусский королевский корпус Люцова // Воин № 2.

⁵⁴⁸ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничном походе русской армии... С. 417.

К началу описываемых событий в австрийской коннице было полков: 8 кирасирских, 6 драгунских, 6 легкоконных, 12 гусарских и 3 уланских. Тяжелые полки (кирасиры и драгуны) имели по 6, легкие — по 8 эскадронов; кроме того, в военное время еще по одному резервному эскадрону, на который возлагалось пополнение полка людьми и лошадьми.

Полки тяжелой кавалерии (кирасиры и драгуны) имели 3 дивизиона, или 6 эскадронов по 133 коня, всего 788 строевых; полки легкой кавалерии (легкоконные, гусары, уланы) — 4 дивизиона, или 8 эскадронов по 149 коней, всего 1192 строевых человека в полку. Всего было в линейной коннице — 11 172 и в легкой — 25 032 человека⁵⁴⁹.

Юго-восточные провинции австрийской империи славились своим коневодством и во время войны могли выставить конное ополчение. «В Венгрии, Трансильвании и Хорватии Австрия имела ресурсы, которыми обладали немногие другие государства», — писал по этому поводу Жомини⁵⁵⁰. Так, венгерская конная «инсurreкция» в 1809 г. выставила до 98 эскадронов (15 107 человек).

В 1813 г. количество австрийской кавалерии увеличилось. Галиция выставила 4-й уланский полк, а в Венгрии были на вербованы из охотников дивизионы велитов, которые были приданы по два каждому гусарскому полку.

В 1814 г. австрийская кавалерия была усилена 7-м легкоконным полком, сформированным в Ломбардии.

Лучшей легкой кавалерией Европы до начала XIX века считались венгерские гусары, входившие в состав австрийской армии.

«Венгерская поговорка так определяет роль гусар в войне: «Гусары первыми приходят на поле боя и последними с него уходят». То есть в задачу гусар входила разведка, нанесение беспokoящих ударов, устройство засад, проведение внезапных набегов, а также преследование отступающего противника. Гусары первыми устанавливали контакт с противником, вели фуражировку, обстреливали аванпосты противника. Небольшие рейды и засады расстраивали планы противника. Перехват курьеров противника

⁵⁴⁹ Брикс Г. Указ. соч. С. 225—226.

⁵⁵⁰ Жомини Г. Указ. соч. С. 330.

часто давал гусарам очень важную информацию...»⁵⁵¹. Гусары часто сопровождали артиллерийские конные батареи, поддерживая их в атаке и обороне. С конца XVIII в. гусары часто поддерживали действия тяжелой конницы, создавая локальное численное превосходство или проводя маневренные атаки.

«Слово “гусар” происходит от латинского *cursarius*, означавшего “участник набега”. Так обычно именовались балканские мародеры. Позднее слово попало в венгерский язык, где стало обозначать легкую конницу»⁵⁵².

Гусары формировались на территории современных Венгрии, Словакии, Румынии, Сербии, Хорватии, Словении. Подавляющее большинство составляли венгры, пришедшие в Европу в X веке из Азии в составе орды кочевников. Местное ополчение, формируемое на этих территориях, составляло корпус легкой кавалерии, который быстро создавали с началом войны, а в мирное время расформировывали, чтобы сберечь средства. К концу XVII века это ополчение приобрело структуру европейских кавалерийских полков. Первый регулярный гусарский полк (Надасдь) был сформирован в 1688 г.

По закону, принятому в 1715 г., гусарские полки комплектовались исключительно на добровольной основе. Рекрут должен был быть в возрасте от 18 до 30 лет, рост желателен не менее 168 см. Критерием здоровья служило отсутствие седых волос.

Добровольцы подписывали договор на службу в течение двух-трех лет или на время войны. Реформа 1802 г. определила службу в кавалерийских частях сроком в 12 лет, а в 1811 г. этот срок увеличили до 14 лет. До 1781 г. рекруты получали премию при поступлении на службу в размере 1 дуката (8 флоринов или гульденов). В дальнейшем премию увеличили до 5 дукатов.

«На службу шли из чувства патриотизма, любви к выпивке, желания избежать проблем гражданской жизни, стремления к безделью, нежелания заниматься общественно-полезной деятельностью, под давлением родителей, желанием испытать себя, надеясь получить в армии свободу, из опасения попасть под суд за совершенные прежде преступления, а также множества других причин,

⁵⁵¹ Венгерские гусары. 1756—1815 // Новый солдат. № 192. С. 25.

⁵⁵² Там же. С. 2.

обычно называемых бездельниками. Но для большинства азарт добычи и возможность носить красивую униформу вместо серого крестьянского тряпья служило достаточным стимулом для поступления на службу»⁵⁵³.

Один из полков составлял исключение — 11-й секлерский. Он набирался из племени секелей, связанного с мадьярами, жившего у восточных карпатских перевалов⁵⁵⁴. В рапорте, составленном в 1792 г., о секелях содержался следующий отзыв: «прекрасные и сильные люди, коренастого и нормального телосложения. Обычно у них овальные лица, основные их черты: плоский лоб, маленький кривой нос, маленький рот с выступающими вперед губами, совершенно круглый подбородок... пара свирепых глаз. Они смуглые, волосы их обычно черные, хотя среди выходцев из Верхнего Цика встречаются и блондины... Простой образ жизни обеспечивает им изрядное долголетие. Простые люди... очень суеверны, упрямы и честны. Вместе с тем они добродушны, трудолюбивы, верны, смелы, сочетая в себе осторожность и отвагу»⁵⁵⁵. Служба секелей была отнюдь не добровольной. Семьи получали во владение земельные наделы, обязуясь взамен нести военную службу. Все мужчины записывались в армию. Жители пограничных округов обязывались нести военную службу с 14 лет, но в одно время призывался на службу только один мужчина от семьи. Откупиться от службы было невозможно, но в тяжелых случаях существовала возможность выставить вместо члена семьи другого добровольца»⁵⁵⁶. Офицерский состав полка состоял из немцев, секелей и венгров.

До 1751 г. гусарские полки формировались и финансировались магнатами (Inhaber). Во главе полка стоял полковник (Oberst), которому помогал подполковник (Oberstleutnant). Дивизионами командовали первый и второй ротмистр (Rittmeister), которым помогали обер-лейтенант и лейтенант (Oberleutnant и Leutnant). В каждом эскадроне имелся вахмистр (Wachtmeister), восемь капралов (Korporal) и два младших капрала (Vize-Korporal). Эскадрон подразделялся на два крыла (Fluegel), которые в свою

⁵⁵³ Венгерские гусары. 1756—1815... С. 2.

⁵⁵⁴ Там же.

⁵⁵⁵ Там же. С. 8—9.

⁵⁵⁶ Там же.

очередь подразделялись на два взвода (Zug). Взводы состояли из двух капральских отрядов (Korporalschaft), а те — из трех отделений (Kameradschaft). Отделение состояло из солдат, живущих в одной палатке. В каждом дивизионе имелся знаменосец (Estandartenfuehrer), который нес дивизионный штандарт.

В отличие от пехотных частей, в кавалерии большинство кандидатов в офицеры выдвигались из числа рядовых.

Обучение предусматривало на первом этапе пехотную (zu Fuss) подготовку, которую гусары проходили без лошадей. В ходе первого этапа новобранцы также учились обращаться с огнестрельным оружием и нести боевое охранение. Гусары также отрабатывали строевые упражнения: построение в шеренги и повороты. Далее гусары учились приемам рукопашной борьбы, отрабатывали навыки заряжания оружия и стрельбы залпами и попеременной стрельбы (Lauffeuer). Кроме того, отрабатывались построения в две и три шеренги из построения маршевой колонной, повороты и развороты.

Рекруты, не умевшие ездить верхом, сначала тренировались на деревянных козлах, отрабатывая правильную посадку в седло. Далее учения проводились с живыми лошадьми.

После того как новобранцы в полной мере овладели искусством верховой езды, приступали к строевой подготовке верхом (zu Pferd). Строевая подготовка верхом заключалась в отработке построения в шеренги, посадку в седло и спешивание, а также действия в составе небольших подразделений. Затем проводились учения «на плацу». Рекруты перестраивались, удваивая или, наоборот, сплачивая ряды, совершали повороты и развороты, вынимали сабли из ножен, заряжали карабины и пистолеты, стреляли залпами и по очереди, двигались вперед и назад, отрабатывали остановку и эшелонированное наступление, а также развороты. Отрабатывались перестроения из двух шеренг в одну, а также развертывание в цепь. Практиковались учения по посадке и спешиванию³⁵⁷.

После отработки движений с саблей и пистолетами, начинались упражнения с «турецкими головами» — чучелами из дерева и соломы. Как правило, упражнение предусматривало поражение

³⁵⁷ Венгерские гусары. 1756—1815... С. 9.

поочередно нескольких целей за один заход. По турецким головам сначала стреляли, потом, приблизившись, рубили их саблями. Здесь просматривается главное отличие от обучения казаков. Казаки рубили и кололи на полном скаку. Гусары, выстрелив по мишени, приближались к ней галопом, но «в 6—8 шагах от первой цели гусар переходил на шаг и наносил три удара по первой “турецкой голове”»⁵⁵⁸.

К рассматриваемому периоду гусары были вооружены саблей образца 1803 г., полностью откованной из стали. Длина клинка 84 см. Клинок офицерских сабель часто был шире, чем у рядовых. Ножны полностью железные, подвешены на двух ремнях к поясу тапки. Красный кожаный темляк на рукоятке общей длиной 45 см.

Гусары имели карабин образца 1798 г., который при длине 85,2 см весил только 2,45 кг и представлял собой укороченный вариант полноразмерного ружья образца 1798 г., его носили на перевязи прикладом вниз. Кроме того гусары имели пистолеты образца 1798 г. Пистолетные кобуры прикреплялись к седлу. К пистолетам полагался небольшой патронный ящик на восемь патронов.

С 1788 г. в каждом эскадроне назначались шесть снайперов, которых вооружали нарезными штуцерами. Штуцер представлял собой вариант егерской винтовки с семью нарезками в канале ствола калибром $\frac{5}{4}$. Кавалерийский штуцер образца 1798 г. при длине 69 см весил 2,5 кг, его подвешивали к стандартной карабинной перевязи.

Гусары предпочитали венгерских и трансильванских лошадей в возрасте от четырех до семи лет, высотой в холке 14—15 ладоней. Лошадей закупали централизованно, на уровне полка или военного министерства. Каждый эскадрон старался по возможности держать лошадей одной масти⁵⁵⁹. При покупке старались отбирать животных с «живым темпераментом, быстрых и выносливых. Узкая голова и шея, живые глаза, ровные плечи и мускулистые ноги однозначно характеризуют лошадь положительным образом», — отмечалось в уставе 1807 г.⁵⁶⁰

⁵⁵⁸ Венгерские гусары. 1756—1815... С. 12.

⁵⁵⁹ Там же. С. 9.

⁵⁶⁰ Там же. С. 16—17.

«Лошадь — неотделимый товарищ всадника, разделяющий с ним самые важные моменты жизни», — гласил устав 1807 г. «Лошадь делит со всадником славу, помогает ему одерживать победу, спасает в случае опасности». Коня полагалось кормить в 5 и 8 часов утра, в полдень, в 4 и 8 часов вечера. Кони получали соль, каждые восемь дней лошадей осматривал полковой ветеринар. С 1 ноября и до конца апреля лошадей кормили сухарями, тогда как летом их пасли на лугах. С июля начиналась заготовка фуража (Pferdfutter). Лошадей кормили смесью, на треть состоящей из старого сена, на треть — из соломы и на треть из ячменя или пшеницы. Устав 1807 г. гласил: «Всадник должен знать характер и темперамент своего коня, и обращаться с животным соответственно. Он не должен плохо обращаться с животным, но стараться пресечь дурные привычки с терпением и любовью... После каждой напряженной поездки или в жаркую погоду всадник должен сперва поводить животное по кругу, освободив уздечку и другую упряжь, промыть лошади глаза и не кормить и не поить ее до тех пор, пока она не остынет»⁵⁶¹.

Униформа гусар основывалась на костюме куманов — тюркского племени, прибывшего в Европу вместе с мадьярами. Куманы заселяли верхнее течение Тисы, их костюм был популярен среди мадьярской знати.

Устав 1751 г. (Regulament und Ordnung fuer gasammte k.k. Nusaren-Regimenter) прописал единообразную гусарскую униформу, которая получилась весьма эффектной, и вскоре была скопирована большинством европейских армий.

Любимой тактикой гусар была внезапная атака, которую они начинали, стреляя из карабинов и пистолетов, а потом вынимая сабли. В атаку гусары шли полным галопом, сея панику и смерть среди солдат противника⁵⁶². Первая тактическая директива для гусар была издана в 1722 г. Она определяла *fuorog hungariuis* — умелый и быстрый охват противника с фланга и нарушение его боевых порядков: «Венгерский кавалерист в бою предпочитает действовать саблей. Он сближается с противником, действуя спокойно и мужественно. Гусар срывается с исходной позиции, направляется

⁵⁶¹ Венгерские гусары. 1756—1815... С. 18.

⁵⁶² Там же. С. 30.

к противнику со скоростью пули. Он атакует прямо, рубя врага саблей. Если противник обращается в бегство, гусар преследует его, пока не поразит из пистолетов или карабина, не давая врагу шанса повернуться лицом к лицу. Если же противник повернулся, гусар вынимает саблю, сберегая заряды в карабине и пистолетах как можно дольше. Если противник пытается перегруппироваться, гусар снова атакует врага, ведя огонь из карабина, и снова пытается опрокинуть противника и обратить его в бегство. Если же противнику удалось закрепиться, гусар отступает, сохраняя порядок»⁵⁶³.

Устав 1751 г. определял, что гусары должны сражаться, построившись в три шеренги, хотя практиковалось построение и в две шеренги. С 1807 г. обычным построением гусар стало построение в две шеренги. В первую шеренгу ставили самых сильных и рослых гусар, вторую шеренгу составляли менее способные солдаты. В третьей шеренге находились старшие и славнейшие воины. Наиболее решительных гусар ставили на фланги (распределение бойцов в построении напоминает казачью лаву. — А.В.). Гусары всегда образовывали плотный строй, исключая возможность прорыва строя противником.

Со времен введения устава 1751 г. фланговые эскадроны обеспечивали огневую поддержку атаки, стреляя из карабинов по противнику с расстояния 35 м, тогда как основные силы полка атаквали в центре. Эскадроны строились с интервалом 3 конских корпуса (Pferdlaengen) или 9 шагов (Schritte) между собой. Атака велась на большой скорости. Начиная с шага (Schritt — примерно 100 м/мин) гусары переходили на рысь (Trab — около 210 м/мин), а затем в галоп (Galopp — около 300 м/мин).

Сигнал к атаке (Signal zur Attacke) подавался полковым горнистом (Stabstrompeter), после чего его дублировали эскадронные горнисты. Затем полковой горнист подавал сигнал Trompetenstoss (einfache Stoss), по которому командиры дивизионов подавали команду «Im Schritt, Marsch!» («Шагом, марш!»), по этому приказу гусары начинали движение. Затем следовал двойной сигнал «doppelte Stoesse» («Удвоить шаг»), который командиры дивизионов дублировали приказом «Im Trab, Marsch» («Рысью, марш!»). По этому приказу гусары переходили на рысь. Сблизившись с

⁵⁶³ Венгерские гусары. 1756—1815... С. 30—31.

противником на 200 шагов, следовал тройной сигнал «doppelte Stoesse», который командиры дивизионов дублировали приказом «Im Gallop, Marsch» («галопом, марш!»). Через 40 шагов подавалась новая команда «марш!», а на удалении 80 шагов от противника эскадронные горнисты трубили сигнал «Alarm», командиры дивизионов подавали команду «Marsch, Marsch!». В этот момент все гусары кричали «Ratja!» («Атака!»), давали шпоры лошади и поднимали сабли над головами. Хотя при этом гусары несколько ослабляли вожжи, кони продолжали нестись во весь опор. Все гусары старались поддерживать одинаковую скорость, чтобы не смешивать строй.

После того как атака достигла своей цели, горнисты трубили «Стой!», и часть перестраивалась. Из каждого эскадрона капрал вел восемь рядовых из третьей шеренги в преследование (совсем как «маяк» у казаков. — А.В.). За этой восьмеркой следовал остальной эскадрон. Если приходилось отступать, полк отступал en chequier («в шахматном строю»). Эскадроны с нечетными номерами отходили первыми. Если приходилось отступать под давлением превосходящих сил противника, или если полк приходил в беспорядок, подавался сигнал «Vergatterung» («Отход»), и полк рассыпался, отходя на заранее определенные позиции⁵⁶⁴.

В походе гусары могли проделать суточные переходы до 60 км в сутки при движении по открытой ровной местности. При движении рысью каждые полчаса гусары делали краткую остановку.

В составе основных сил гусары получали суточный паек. В 1793 г. под Кобленцем гусарам выдавали в сутки два фунта хлеба, полфунта мяса, овощи, две пинты пива или пинту вина, удерживая за это 8 крейцеров из жалованья. Коня получали шесть фунтов овса, десять фунтов сена и три фунта соломы за 18 крейцеров. Но находясь в самостоятельном походе, гусары могли брать с собой запасов только на два-три дня, поэтому им приходилось самостоятельно обеспечивать себя провиантом, часто прибегая к мародерству.

По образцу казаков, гусары питались группами из одного котла. Котелок образца 1769 г. был рассчитан на приготовление пищи для 5—8 человек, при необходимости его можно было ис-

⁵⁶⁴ Венгерские гусары. 1756—1815... С. 31.

пользовать в качестве сковородки. Изготовленный из чугуна, котелок имел 25 см в высоту в собранном состоянии. Традиционным венгерским блюдом был гуляш — мясо, тушенное с овощами и острым перцем.

Совместные бои казаков и венгерских гусар против французов подтвердили прекрасные характеристики венгерской легкой кавалерии.

М.И. Платов докладывал главнокомандующему Богемской армии Шварценбергу 5 (17) октября: «По воле Вашего сиятельства, находившиеся под начальством моим, два эскадрона венгерских принца Палитина полка гусар, под командою полковника Иллиши сегодняшней день отправлены мною к своей команде... Я справедливейшим долгом поставляю донести Вашему сиятельству об отличной храбрости как сих двух гусарских эскадронов, и командирах их г. полковника Иллиши с офицерами, так и о находящихся со мною для прикрытия артиллерии по неимению у меня пехоты, двух же драгунских эскадронов полков Левенера и графа Клейнау, а также эскадронных командиров их, ротмистров Пухнера Наста со всеми г[осподами] офицерами, что они, быв в делах при Алтенбурге, Хемнице и при селении Меклеберхе, поражали неприятеля, несмотря на сильное сопротивление его и превосходство сил с отличным мужеством. В деле же, бывшем вчерашнего дня, когда неприятельская в большом числе кавалерия повела стремительную атаку на правый фланг наш... эскадроны сии отличили себя и тут особенно храбростию. Будучи предводимы командирами своими, врубались они в густые неприятельские колонны и вместе с казачьими полками дважды оно опрокидывали, чем самым и удержали неприятеля до самой ночи»⁵⁶⁵.

Польская кавалерия (улань, шеволежеры) — главный противник казаков на поле боя

Перед войной с Россией Наполеон, знавший цену казакам, сделал ставку на союзную польскую кавалерию, которая, наряду с венгерской, считалась лучшей кавалерией Европы. Сам Платов

⁵⁶⁵ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии... С. 480.

считал, что польские кавалеристы «служат великой подпорою» французам.

Польская кавалерия имела огромный опыт борьбы с легкими степными войсками. В XVII веке, когда русские отгораживались от Крымской и Ногайской орд системой полевых укреплений — засек, Польша охраняла свои степные границы посредством конного патрулирования — «обороны поточной».

В XVIII веке выковался тип универсального конного воина, вооруженного пикой, способного драться один на один с легким татарским воином и в то же время способного ударом в тесной шеренге смести, опрокинуть противостоящий отряд.

Польша (как, впрочем, и Венгрия) отличалась обилием мелкого дворянства (шляхты), численность которого доходила до 5 % населения страны. Дворяне же не знали иного применения своим способностям, кроме службы, и к службе готовились с детства.

Одной из форм организации конных воинов в Польше был **улашский полк**. Уланы — слово тюркское, означает «дети, младшие члены семьи». В официальных грамотах Крымского царства термин «дети и подданные» звучал как «улан и бардак».

После 3-го раздела Речи Посполитой многие польские воины оставили Родину и поступили на службу в армии других стран. Больше всего их оказалось в войсках Французской Республики.

Польский кавалерийский полк был создан в Дунайском легионе французской армии в 1798 г.

В 1800 г. в сражении под Гогенлинденом поляки отличились, взяли 800 пленных и принца Лихтенштейна. Рядовому Трандовскому обещали бутылку вина за любого пленного, тот выехал из строя и схватил генерала принца Лихтенштейна (впоследствии Лихтенштейна разменяли на польского генерала Фишера).

5 августа 1806 г. польские полки во французской армии были сведены в легион под названием «Польско-итальянского» и числились на службе у короля Неаполя Жозефа Бонапарта. Король Неаполя Жозеф Бонапарт очень хотел иметь при себе польский эскорт. Но началась война Наполеона с Пруссией, и поляки стали проситься на фронт, поскольку Пруссия недавно участвовала в разделе Польши и присвоила себе большие польские территории (Варшаву, например).

2 февраля 1807 г. выступивший на фронт кавалерийский полк (400 улан, 250 лошадей) был переведен с неаполитанской службы на французскую. С 31 марта 1808 г. он стал именоваться «полк улан Легиона Вислы».

В первом же бою в Силезии 2 эскадрона поляков (240 улан) опрокинули прусский отряд майора фон Лостина (8 рот пехоты, эскадрон гусар, эскадрон драгун, эскадрон босняков из полка «Товарищи», 1400 человек, 4 орудия), взяли 4 орудия и 830 пленных, сами потеряли 7 убитых, 15 раненых. После того полк участвовал в боях под Данцигом и Зальцбруном.

После Тильзитского мира 11 ноября 1807 г. «Легион Польско-Итальянский» был определен на службу в Вестфальское королевство, где правителем был брат Наполеона Жером Бонапарт. Но 20 марта 1808 г. полк опять перевели во французскую армию, поскольку предстояла оккупация Испании и Наполеону там нужна была хорошая легкая кавалерия.

В Байонне, на испанской границе, полк прошел перед Наполеоном, и французские офицеры сказали императору, что это лучший кавалерийский полк во всей французской армии, не исключая гвардейской кавалерии.

По штату уланский полк был приравнен к французским конноегерским полкам — 4 эскадрона по 2 роты. В роте 4 офицера, 13 унтеров, 2 трубача, 108 рядовых, 1 кузнец.

На вооружении уланы имели кавалерийские сабли с латунными гардами. Сабля имела три дужки в эфесе, длину клинка 107,6 см и полностью железные ножны. Из огнестрельного оружия — французский кавалерийский карабин (мушкетон) Ап IX, кавалерийские пистолеты Ап IX и Ап XIII. Каждый эскадрон имел фланкеров с карабинами из числа лучших улан. Отличительным оружием была пика длиной 2,65 м (к 1814 г. длина этого оружия пришла к отметке 2,85 м). Древяк пики делалось из ясеня, пропитанного смесью льняного масла и дегтя. Единственными металлическими элементами были наконечник и пятка на другом конце древяка. Древяк было окрашено черным и имело белый кожаный ремешок (темляк) немного выше центра. С помощью этого ремня пика одевалась на руку, вставлялась в кожаный бушмат, прикрепленный к стремяни, и закидывалась за плечо. Флюгер на пике был в форме «ласточкина хвоста», имел длину 73 см, ширину 38 см и от древяка до выреза

37 см. Верхняя часть флюгера кармазиновая (темно-малиновая), нижняя — белая⁵⁶⁶.

В романе С. Жеромского «Пепел» описывается система подготовки молодого улана, попавшего с полком в Испанию. Прежде всего это был навык владения пикой. Молодой улан Квиштоф Цедро «очень ловко выделявал ею все manèments (приемы — франц.), вольты и пируэты и в схватках обнаружил хорошую выучку. В горах, окружавших Сарагосу, он прежде всего научился на всем скаку поддевать на пику простых мужиков, а теперь упражнялся в приемах борьбы с регулярной конницей. Уже тогда он был непобедим в обычном приеме по команде “На руку!” — выбить противника из седла, в атаках по команде “En-avant-pointez!” (Вперед, коли! — франц.), в отражении ударов слева и справа, в предательских, жестоких и неотразимых ударах в тыл или в бок. Под Туделой он научился у своего ментора Гайкося еще только самым трудным приемам нападения, ударам *par le moulinet* (волчком, быстро вращая — франц.), наносимым сверху, над головой, когда солдат между пальцами легко держит пику и вся сила удара сосредоточена в одном указательном пальце. Это были молниеносные легкие удары в лицо, переносицу, в горло врагу, вернее — врагам. Гайкосю каждый день представлялась возможность показывать ученику, как раздавать эти “шелчки” в окружении неприятеля. Для того чтобы поучиться, попрактиковаться и показать пример, они вдвоем или втроем бросались в самую гущу испанской конницы, гверильясов или регулярной пехоты сразу же после залпа, когда те еще не успевали перезарядить ружья. На своих татарских конях уланы врзались на всем скаку в толпу испанцев. Они не боялись ни штыка, ни сабли. Искусство боя с противником, который во сто раз превосходил их численностью, заключалось в том, чтобы достать испанца острием пикки и, на расстоянии шести локтей от своей груди, сокрушить его. Испанский солдат, чтобы нанести удар, должен был приблизиться к улану на два-три шага. Свистел значок пикки, сверкало ее острие, и вскоре улан расчищал себе круг. Около троих всадников получалось три свободных круга, а первый прорыв играл такую же роль, как первая брешь в

⁵⁶⁶ Буддыменко П.В., Кузнецов П.Е. *Los infernos picadors* // Воин № 11. С. 45.

крепостной стене. Под Туделой можно было наблюдать в это время поистине небывалые картины. Батальоны испанской пехоты и эскадроны конницы, как ватага ребятишек, бросались врассыпную перед горсточкой улан, мчавшихся на них во весь опор».

В Испании уланский полк действительно проявил себя во всем блеске и был прозван испанцами «адскими пикинерами» — «Los infernos picadors». В 1808 г. полк участвовал в осаде Сарагосы, в сражении при Осера (28 июля 1808) и Туделе (23 ноября 1808), где прорвал атакой центр испанской позиции.

Позже под Талаверой 390 поляков столкнулись с английским 23-м легким драгунским полком (450 драгун). Англичане потеряли 207 человек, и в плен сдались 105.

16 мая 1811 г. под Альбуэрой уланы сбили 3 английских пехотных полка, потери которых составили 65—80 % личного состава.

В феврале 1811 г., когда начал формироваться еще один уланский полк, «полк улан легиона Вислы» был назван «1-й полк улан Вислы». А в апреле 1811 г., когда Наполеон начал на базе драгунских полков создавать легкоконные («шеволежеров»), 1-й полк улан Вислы был переименован в 7-й легкоконный (7-й полк шеволежеров-лансьеров). Командир полка Ян Конопка стал шефом-инспектором новых шеволежерских полков французской армии.

В 1812 г. легион Вислы, переименованный в «Легион великого Герцогства Варшавского» (с марта 1812 г.), принял участие в походе на Россию в составе Молодой гвардии Наполеона, но большая часть поляков из 7-го легкоконного полка остались в Испании, маршал Султ оставил их там как свой конвой и держал до марта 1813 г. Много ветеранов полка перевели в гвардию.

1-й и 2-й его эскадроны 7-го шеволежерского полка сражались под Лютценом (5 мая), Бауценом (20—21 мая), Райхенбахом (22 мая), Дрезденом (26 мая), в осажденном Дрездене (7 октября — 11 ноября).

В форму полка входила уланская шапка, черная с синим верхом и белой окантовкой, впереди крепились Мальтийский крест и французская кокарда. С 1811 г. на шапке была кокарда типа «солнечный восход». До 1811 г. султан на шапке был белый, затем вместо султана носился помпон, в 1-м эскадроне — красный, во 2-м — голубой, в 3-м — оранжевый, в 4-м — фиолетовый. В 1807 г. элитная рота имела меховые шапки.

Уланы носили синюю куртку с желтым воротником, желтыми лацканами и погонами. С 1812 г. погоны носились синие с желтым кантом. Элитная рота носила белый эполет на правом плече и белый аксельбант на левом. Отвороты на фалдах куртки сзади желтые, окантовка куртки синяя. Брюки синие с двумя желтыми лампасами. Походные штаны с одним лампасом и леями.

Кони в полку были подобраны разномастные. Лишь в элитной роте были подобраны в масть вороные кони.

В 1811 г. был организован 2-й полк Вислинских улан под командованием полковника Томаша Лубенского, а затем преобразован соответственно в 8-й полк шеволежеров французской армии.

8-й шеволежерский полк участвовал в Русской кампании в составе II корпуса Великой армии под командованием маршала Удино. Полк сражался под Якубовом, Клястицами, Полоцком, Борисовом. Шеволежеры 8-го полка Лубеньского разведали брод через Березину у Студянки и первыми переправились на правый берег Березины вместе с взводом 7-го шеволежерского полка лейтенанта Богуславского, а также частью 18-го полка литовских улан полковника К. Пжездецкого и эскадроном 20-го полка французских конных егерей.

Капитан шеволежеров гвардии Юзеф Залуский пишет: «Первый брод на Березине на наших глазах испытал офицер 8-го полка Лубеньского с помощью нескольких улан; это был прославленный позднее российский литератор Булгарин!»⁵⁶⁷.

Полк улан Вислинского легиона представлял собой первый и единственный до 1809 г. в армии Наполеона полк, вооруженный пиками. Под впечатлением побед, одержанных «вислинцами», пиками были вооружены ряд полков французской гвардии, а в июне 1811 г. Наполеон постановил создать 9 полков линейных шеволежеров-улан⁵⁶⁸.

«Всем известно огромное преимущество пика. Несомненно, в небольших столкновениях вооруженные пиками уланы не будут более эффективными, чем гусары, но при атаке в шеренге дело принимает совсем другой оборот. Как много храбрых кавалеристов стало жертвами предубеждения, которое они имели в отно-

---

⁵⁶⁷ Булдыменко П.В., Кузнецов П.Е. Los infernos picadors... С. 43.

⁵⁶⁸ Там же. С. 39.

шении пики, потому что носить ее несколько более обременительно, чем саблю!», — писал Жомини³⁶⁹.

Вторым полком французской кавалерии, получившим на вооружение пики, стал полк шевалежеров гвардии.

Этот полк был создан по политическим соображениям, чтоб сблизить польскую аристократию и французское руководство. Талейрану, находящемуся в Варшаве, Наполеон дал директиву об организации сначала эскадрона польских кавалеристов для гвардии.

«Я желаю иметь не позже чем через две недели эскадрон, — пишет Наполеон, — я послал в Познань офицера моей гвардии, который быстро доставит в Варшаву сабли, карабины и пистолеты. Денежное содержание эскадрона будет, как у моих гвардейских конных егерей. Я желаю, чтобы в эскадроне служили только люди, получившие образование, привычные к кавалерийским упражнениям, а не крестьяне, которым требуется сбросить вес, что заняло бы слишком много времени».

Затем 16 апреля 1807 г. появляется декрет, что для зачисления в полк «необходимо быть собственником или быть сыном собственника; возраст не может быть менее 18 и более 40 лет; кандидат должен иметь лошадь, обмундирование, экипировку и полную конскую упряжь согласно утвержденному образцу». То есть на службу во французскую гвардию поляки снаряжались за свой счет. Так были набраны первые 350 кавалеристов.

Полк был организован по образцу гвардейских конных егерей. В полку — 4 эскадрона, в эскадроне — по 2 роты, в роте — 125 человек. Но набирался полк поэскадронно и сразу отправлялся во Францию. 1-й эскадрон (125 человек под командованием Лубенского) прибыл туда из Кёнитсберга в октябре 1807 г. 2-й эскадрон набирался дольше обычного из-за отсутствия денег. К счастью, «за исключением трубачей и старших рабочих», полк состоит большей частью из «благородных молодых людей», достаточно обеспеченных, так что уже 18 сентября 2-й эскадрон из 219 человек смог отправиться во Францию. 29 октября гвардейские драгуны и отборные жандармы, прибывшие из Берлина, устроили для него большой прием во Франкфурте.

³⁶⁹ Жомини Г. Указ. соч. С. 45.

В январе 1808 г. за вторым эскадроном последовал третий, но, когда он проходил через Шалон, офицеры и кавалеристы вызвали осуждение комиссара полиции. «Каждый кавалерист делает, что хочет, — написал он в рапорте, — устроили скачки по улицам, пьянство достигло высшего предела. Часть кажется очень недисциплинированной»⁵⁷⁰.

В должности полковника-командира (colonel-commandant) полка был утвержден граф Винцентий Корвин-Красинский, заместителями его стали два французских майора: начальники эскадрона Дотанкур из отборных жандармов и Делетр из мамелюков. Офицеры в полк набирались в первую очередь из офицеров, бывших прежде для поручений при французских маршалах⁵⁷¹.

Сначала это был самый грамотный полк в гвардии, поскольку состоял из варшавского дворянства и из дворян «из Старой Польши». Затем он пополнился ветеранами других польских полков. Среди рядового состава встречались литовские татары-мусульмане.

Форма полка состояла из темно-синей куртки с малиновыми лацканами; уланской шапки того же цвета с эмблемой «N»; из эплет и белых аксельбантов с правой стороны; у офицеров — серебряных⁵⁷².

На трехцветных кокардах уланских шапок серебряный мальтийский крест — польская национальная эмблема⁵⁷³. «Еще в XVII в. знаменитые “крылатые гусары” Речи Посполитой нередко помещали изображение мальтийского креста на своих нагрудных кирасах, а в 1790—1794 гг. этот крест в качестве эмблемы носили на строевых головных уборах (шапках-конфедератках) офицеры и солдаты польской национальной кавалерии. Именно от последних и позаимствовали знак мальтийского креста для своих кокард шевальежеры гвардии»⁵⁷⁴.

При парадной форме на шапке носился белый султан, лацканы на куртке отворачивались и надевались синие брюки с малиновы-

⁵⁷⁰ Лашук А. Гвардия Наполеона... С. 158—159.

⁵⁷¹ Там же. С. 134.

⁵⁷² Там же. С. 158.

⁵⁷³ Там же. С. 159.

⁵⁷⁴ Там же. С. 740.

ми лампасами. При походной форме чехол надевался на кивер и на значок на пике, лацканы закрывались и надевались походные штаны с ляжми.

Первоначально предполагалось, что парадная форма будет состоять из белой куртки и малиновых брюк. Несколько офицеров даже успели пошить ее, но для всего полка ее так и не сделали⁵⁷⁵. Впоследствии похожую парадную форму носили бергские уланы, тоже включенные в состав гвардии.

Оружие шеволежеров состояло из сабель, пистолетов, карабинов со штыками, сначала прусского производства, потом французского.

Майор Фредро (поляк по происхождению) предложил в качестве оружия пику. Майор Дотанкур предлагал вооружить ей лишь 1-ю шеренгу, иначе всадники 2-й шеренги могут поранить первых.

Известно, что в Вене в 1809 г. на устроенном состязании на глазах Наполеона один шеволежер, вооруженный пикой, дрался с 2 драгунами гвардии и победил обоих.

Пика, которую они получили в конце 1809 г., была длиной 275 см, имела черное древко, петлю из венгерской кожи, стальной наконечник и двухцветный (бело-малиновый) матерчатый флюгер⁵⁷⁶.

Сначала пики раздали всем, затем все равно оставили в 1-м ряду. Во 2-м ряду стояли шеволежеры с саблями и карабинами. По другой версии, пики имели обе шеренги, но фланговые ряды не имели их.

Известны размышления Жомини наиболее оптимальном вооружении конницы: «В атаках строем очень эффективна пика; в ближнем бою сабля намного лучше: отсюда возникла идея использования пик в первой шеренге, что обеспечивает первый удар конницы, а саблю во второй шеренге, что завершает столкновение (обычно в индивидуальных боях). Стрельба из пистолета применяется очень редко, разве что у сторожевых охранений или когда легкая кавалерия хочет раздражить пехоту и вызвать ее огонь до атаки. Я не знаю, насколько хороши карабины, поскольку вооруженный ими кавалерийский отряд должен останавливаться, чтобы

⁵⁷⁵ Лашук А. Гвардия Наполеона... С. 160.

⁵⁷⁶ Там же. С. 750.

стрелять более или менее метко, а тогда кавалеристы оказываются в условиях благоприятных для атаки противника. Немного найдется метких стрелков, которые могут сколько-нибудь точно вести огонь из ружья верхом на лошади на полном скаку»⁵⁷⁷. Видимо, французское командование стремилось оптимально вооружить этот гвардейский полк.

Таким образом, в 1809—1813 гг. было два типа комплектов вооружения — шеволежеров-пикинеров и шеволежеров-карабинеров. Соотношение пикинеров и карабинеров было примерно 3:1.

Шеволежеры-пикинеры имели пику, саблю, карабин, птык и пистолет. Обычно карабин носился притороченным к седлу слева, чтобы уравновесить вес пика, удерживаемой правой рукой. Шеволежеры фланговых рядов имели карабин, штык, саблю и пистолеты, в связи с чем и назывались шеволежерами-карабинерами. У карабинеров карабин носился справа на перевязи или притороченным у седла.

Лошади в эскадронах подбирались в масть: в 1-м эскадроне — каштановые; во 2-м — «красно-коричневые с черными ногами, гривой и хвостом»; в 3-м — вороные; в 4-м эскадроне — темно-серые. Высота в холке — 14 $\frac{1}{4}$ и 14 $\frac{1}{2}$ ладоней (142—145 см). В 1813 г. лошади в полку были набраны из немецких княжеств и 600 из Ганновера.

Марш шеволежеры проводили несколько иначе, чем казаки. Время на марше рассчитывалось следующим образом — 1 час идут шагом, 10 минут отдых, слезают, поят и проверяют седловку, подтягивают подпруги. Садятся, несколько сотен шагов опять идут шагом, затем 2 часа рысью.

Боевой путь полка начался в Испании. Но прежде, чем попасть на войну, молодой полк был отдан для обучения под командование лучшего гусарского командира французской армии — генерала Лассала.

Летом 1808 г. полк участвовал в победоносном сражении под Медина дель Рио-Секо, затем под Бургосом. Особенно отличился он под Сомосьеррой.

Во время наступления на Мадрид Наполеон с корпусом Виктора, гвардией и кавалерийским резервом проходил через Аранду

⁵⁷⁷ Жомини Г. Указ. соч. С. 321—322.

и перевал Сомосьерру в горах Гвадаррамы. В день 30 ноября при императоре дежурил третий эскадрон польских шеволержеров Игнация Стоковского, которого временно заменял Ян Лев Ипполит Козетульский, командир 2-го эскадрона.

Противостоящие испанцы укрепили перевал Сомосьерру. Дорога через перевал тянулась три километра и петляла между скалистыми холмами. На всех четырех поворотах были установлены испанские батареи. Французам противостояли 9000 пехотинцев генерал-майора дона Хосе Бенито де Сан-Хуана⁵⁷⁸. Для непосредственной защиты перевала и северных подступов к нему испанский генерал выделил около 3 тыс. милиционеров и волонтеров и всю имеющуюся у него артиллерию. Главные силы испанцев (6 батальонов регулярной пехоты из полков Королевы, Короны и Кордовы, а также два батальона милиции из Толедо и Алькасары) располагались во второй линии на южных склонах Сьерра-Гвадаррамы, у местечка Робрегордо.

Испанская артиллерия была разделена на четыре батареи, из которых три, поставленные одна за другой на дороге, поднимающейся вверх по горному склону, имели по 2 орудия, а четвертая, или основная, батарея, занимавшая огневую позицию на самом перевале (перед Сомосьеррой), насчитывала 10 орудий. Дистанция между передовой батареей, находившейся сразу за каменным мостом на ручье Пенья-дель-Чорро, и второй батареей, стоявшей сзади, составляла примерно 700 м, такое же расстояние разделяло вторую и третью батареи⁵⁷⁹.

Дивизия Рюффена из корпуса Виктора (9-й легкий, 24-й и 96-й линейные полки) атаковала испанские позиции. Бой затянулся. Через два с половиной часа Наполеон приказал своему эскорту атаковать испанские позиции галопом.

С саблями наголо в колонне по четыре 150 шеволержеров бросились вверх по дороге и поочередно захватили три батареи. Лейтенант Неголевский с последним взводом захватил последнюю батарею и упал с одиннадцатью ранами. Унтер-офицер 7-й роты (в 3-й эскадрон входили 3-я и 7-я роты) Доминик Цихоцкий захватил испанское знамя. Атака длилась семь минут.

⁵⁷⁸ Жомини Г. Указ. соч. С. 183.

⁵⁷⁹ Там же. С. 743.

В прорыв по дороге были брошены другие полки гвардейской кавалерии, и испанцы побежали.

Потери 3-го эскадрона — 83 шевалежера (из них 12 убитых и 2 умерли от ран), из 9 офицеров 7 были убиты или ранены⁵⁸⁰.

Утром 1 декабря Наполеон сказал перед строем полка: «Вы достойны моей Старой гвардии. Слава храбрейшим из храбрых!»

В 1809 г. полк участвовал в сражениях под Эслингом и Ваграмом. Под Ваграмом шевалежеры атаковали, чтобы прикрыть выезд гвардейской конной артиллерии, она должна развернуться влево и с фланга открыть огонь по австрийцам, которые атакуют позицию маршала Массена.

В атаке шевалежеры столкнулись с уланами Шварценберга (этническими поляками) и драгунами Латура, захватили 150 пленных и среди них герцога Ауэрсберга. Сами потеряли 26 убитых и раненых. В ходе атаки трофеями полка стали пики вражеских кавалеристов. Этими пиками шевалежеров и вооружили в декабре 1809 г.

В 1812 г. полк принял участие в походе на Россию и прошел от Вильно, через Могилев, Смоленск, Бородино, Малоярославец, Красное до Березины.

1 эскадрон был в эскорте у маршала Даву, 1 в эскорте у самого императора. Под Смоленском Наполеон специально послал дежурный эскадрон шевалежеров прогнать видневшихся казаков. Видимо, решил проверить, справятся ли его любимцы с казаками.

Поляки двинулись, но попали под орудийный огонь, и казаки сразу сами атаковали их, «поймали момент атаковать». Скоротечная стычка закончилась ничем — «наскочили — отскочили», но поляки отметили: «Казачьи пики длиннее наших, и в ближнем бою ими труднее драться».

Именно шевалежеры гвардии сопровождали Наполеона, когда тот бежал из России. «Я на вас рассчитываю, — сказал им император. — В случае опасности убейте меня, но не дайте меня схватить». «Мы дадим изрубить себя на куски, но не дадим кому-либо приблизиться к вам», — ответили поляки. 7-я рота, герои Сомосьеры, сопровождала Наполеона через Литву. Остальные сопровождали казну и багаж Наполеона.

⁵⁸⁰ Жомини Г. Указ. соч. С. 185.

Кроме того, в эскортировании Наполеона приняли участие два эскадрона уже известного нам 7-го шеволежерского уланского полка под командой полковника барона Игнация Фердинанда Стоковского и сформированный в Данциге 5-й эскадрон 1-го полка шеволежеров-улан гвардии во главе с начальником эскадрона Северином Фредро. Все эти польские уланы входили в состав 10-го маршевого кавалерийского полка (полковника И.Ф. Стоковского). 5 декабря полковник Стоковский с отрядом своих улан и эскадронам Фредро выдвинулся между Сморгонью и Ошмянами, чтобы ожидать там императора, которого он должен был эскортировать⁵⁸¹. В Ошмянах обязанности императорской охраны перешли к неаполитанской кавалерии.

В апреле 1813 г. в полку оставалось 3 эскадрона, 531 человек. В таком составе шеволежеры гвардии участвовали в боях при Люцене, Бауцене, Рейхенбахе.

В мае, преследуя русский арьергард у Рейхенбаха, поляки последовательно сбили: 1) 4 русских эскадрона (2 драгунских и 2 уланских); 2) русский уланский полк; 3) полк украинских казаков; 4) перестроившись на галопе перед фронтом неприятельской кавалерии, сбили русских гусар; 5) вместе с конными егерями и мамелюками атаковали гусар и кирасир, те ушли за 2-ю линию.

Под Гайнау и Лигницею шеволежеры столкнулись с прусским гвардейским кавалерийским полком из драгун, гусар, улан и казаков.

Во время перемирия полк пополнился. В августе он имел 7 эскадронов, 1380 человек.

16 сентября 1813 г. полк под Петерсвальде вел бой с прусскими гвардейскими гусарами, в котором был ранен и взят в плен полковник Блюхер, племянник фельдмаршала.

К сожалению, попытки развернуть во французской гвардии несколько полков, подобных польским шеволежерам, не удалось.

В 1810 г. Наполеон присоединил Голландское королевство к Франции, и голландский гвардейский гусарский полк был включен в состав французской гвардии. Из голландских гусар сформировали еще один полк, вооруженный пиками и одетый в уланскую форму. С 13 сентября 1810 г. польский полк стал называться

⁵⁸¹ Жомини Г. Указ. соч. С. 764—765.

1-м полком шевалежеров-улан, а голландский — 2-м. В обиходе его из-за цвета курток и брюк называли «красными уланами». Цвет воротника, лацканов, обшлагов, обкладки фалд и выпушки по швам куртки, а также двойных лампасов на брюках был синим. Эполеты и аксельбанты, окантовка шапок и этишкеты носились желтого цвета (у офицеров золотые), пуговицы — из латуни (у офицеров золоченые)⁵⁸². Кавалеристов 2-го полка шевалежеров-улан (голландского) вооружили пикой другого образца, общей длиной 226,8 см (более короткой) и с бело-красным флюгером⁵⁸³.

Но ни покрой одежды, ни пика не сделали голландцев настоящей легкой кавалерией. Казаки устроили за ними настоящую охоту. Под Малаюрославцем они поймали целый взвод голландских улан. И, отступая из России, поляки, по воспоминаниям Хлаповского, даже отдавали свои плащи голландцам, чтоб обмануть казаков.

В июле 1812 г., проходя по территории Литвы, Наполеон «подписывает декрет о немедленном создании 3-го шевалежерского полка гвардии из пяти эскадронов двухротного состава. Новая воинская часть будет сформирована из «польских помещиков или сыновей помещиков», способных экипироваться за собственный счет и приобрести себе лошадей ростом от 1,37 до 1,45 м в холке. Полк будет иметь тот же статус, что у 2-го полка, и иметь такую же форму, как 1-й полк, но его приборные отличия будут желтыми или золотыми вместо белых или серебряных. Генерал Конопка, назначенный полковником-майором, должен заняться организацией этой воинской части⁵⁸⁴.

В октябре 1812 г. барон Остен-Сакен отправил отряд генерал-майора Чаплица из Пружан, с предписанием захватить сформировавшийся в Слониме из 2000 мятежных литовцев гвардейский полк, под командой Конопки.

В Слониме располагались 1-й и 2-й эскадроны 3-го (литовского) полка шевалежеров-улан гвардии (500 гвардейских кавалеристов). Кроме того, в Слониме, родном городе командира полка, бригадного генерала барона Яна Конопки, находились жена последнего, ита-

⁵⁸² Жомини Г. Указ. соч. С. 750.

⁵⁸³ Там же.

⁵⁸⁴ Там же. С. 290.

льянка Доминика Флоринда (урожденная Пьердилукка), и супруга польского дивизионного генерала Я.Х. Домбровского Барбара⁵⁸⁵.

Генерал-майор Чаплиц выступил с отрядом, состоящим из Павлоградского гусарского полка, Донского казачьего Дячкина полка, 3 эскадронов Тверского драгунского, 28-го и 32-го егерских полков и конной артиллерийской роты № 13. Отряд шел «чрезвычайно скоро». Последний переход в 70 верст был сделан за сутки. Естественно, пехота отстала, и 7 (19) октября в 5 часу пополудни генерал-майор Чаплиц приблизился к Слониму лишь с гусарами Павлоградского гусарского полка, казачьим полком и 4 орудиями конной артиллерии. На дороге часть неприятельских пикетов была схвачена, часть бежала в город⁵⁸⁶.

Конопка узнал о приближении русских заранее, в 3 часа ночи, и приказал трюбить тревогу. Обе генеральши вместе с частью 3-го гвардейского уланского полка (4 офицера и 250 солдат) и полковой кассой направились в Гольнку, к паромной переправе через реку Щару. Сам Конопка собрал остатки полка и пошел на Дзенциолы.

Согласно польским источникам, поляки долго сопротивлялись, трижды выбивали русских гусар из города, но не смогли противостоять всему отряду Чаплица⁵⁸⁷. Согласно рапорту Чаплица, «генерал Конопка с новоформированной польской конной гвардией выбежал из города и после был преследован нашими войсками верст до 30»⁵⁸⁸.

Отряд Чаплица разделился. Отряд конноартиллерийского капитана И.К. Арнольди (100 гусар и 50 казаков) погнался за генеральскими женами и их конвоем. «С большим трудом генеральским женам удалось переправиться на пароме за реку (22 октября они благополучно добрались через Деречин до Вильно), однако из их эскорта, пытавшегося остановить русских в восьми километрах от Гольнки, мало кто спасся. Во время погони отряд Арнольди взял 202 пленных (включая двух офицеров) и захватил под Гольнкой

⁵⁸⁵ Жомини Г. Указ. соч. С. 760.

⁵⁸⁶ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах. С. 228.

⁵⁸⁷ Лашук А. Гвардия Наполеона... С. 760—761.

⁵⁸⁸ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных... С. 228.

полковую кассу, в которой было 34 662 франка (5062 золотых)»⁵⁸⁹. Чаплиц догнал самого Конопку и рассеял его отряд. «Те, кто сумел уйти от погони, проскакали до самого Вильно, сея по пути панику. Всего в плен к русским попали 247 человек: сам генерал Ян Конопка (легко раненный пикой, он был сбит с лошади и пленен казачьим полковником Г.А. Дячкиным), 13 офицеров (среди них майор Юзеф Хлусович, начальники эскадрона Адам Бержинский и Адам Солтан), 42 унтер-офицера, 5 трубачей, 170 рядовых и 16 нестроевых. В бою 19 октября погибло не более 14 литовских кавалеристов, тогда как русские потеряли лишь 7 человек (одного убитым и шесть ранеными). Следует иметь в виду, что недоформированный кавалерийский полк, разбитый при Слониме, имел молодой и совершенно необстрелянный рядовой состав, хотя его командные кадры, взятые из 1-го полка шеволежеров-улан Императорской гвардии, обладали немалым боевым опытом»⁵⁹⁰.

«Лишившись своего начальника, весь волонтерный полк разбежался, что имело важные последствия и на остальные формирования в Литве, — отмечал А.И. Михайловский-Данилевский. — Они приведены были в тем больший страх, что полк Конопки почитался ядром сих скопищ, состоя из офицеров лучших фамилий и таких, которые в Испанской войне, особенно при осаде Сарагосы, приобрели себе известность и поляками почитались за neodолимых витязей»⁵⁹¹.

Более удачно сложилась судьба формируемой в это время в Вильно татарской кавалерийской части под командованием литовского татарина Мустафы Мурзы Ахматовича. Ахматович организовал первый эскадрон татарской кавалерии (4 капитана, 7 лейтенантов, около 100 унтер-офицеров и рядовых), включенный в гвардию.

«Его солдатам в качестве головного убора полагается желтый турбан, отделанный зеленым и малиновым цветами, а в качестве форменной одежды — синяя куртка с желтым сутажом, малиновый жилет, желтый пояс, синие широкие штаны. Они должны иметь на вооружении пикю с бело-зеленым флюгером и саблю в железных ножнах»⁵⁹².

⁵⁸⁹ Лашук А. Гвардия Наполеона... С. 760.

⁵⁹⁰ Там же. С. 761.

⁵⁹¹ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 375 — 376).

⁵⁹² Лашук А. Гвардия Наполеона... С. 309.

Во время боев под Вильно 10—11 декабря 1812 г. татарский эскадрон потерял 90 человек убитыми и ранеными, включая всех офицеров. Был убит и его первый командир, начальник эскадрона Ахматович.

В конечном итоге в марте 1813 г. татарская рота (50 человек) под командованием капитана Самуэля Мурзы Улана вошла в состав 1-го шеволежерского уланского полка и вместе с этим полком приняла участие во всех сражениях 1813 г.⁵⁹³

Как видим, на французской службе было три польских кавалерийских полка, которые Наполеон мог противопоставить казакам. Этого явно не хватало. Существовал еще один полк шеволежеров, 9-й, сформированный из поляков и жителей Гамбурга и носивший романтическое название «красные уланы Гамбурга», но во время похода 1812 г. он себя особо не проявил. Шесть французских полков шеволежеров (наспех переученные драгуны) сразу же были распределены по кирасирским дивизиям. «Антиказацкими» эти полки можно было считать весьма условно. Основную массу кавалерии, имевшей опыт борьбы с казаками, поставило Наполеону герцогство Варшавское — часть Польши, после 3-го раздела отходившая Пруссии, а затем расширенная за счет австрийской Галиции.

Во время войны Наполеона с Пруссией польские патриоты опубликовали 3 ноября 1806 г. манифест о созыве Посполитого рушения — всеобщего конного шляхетского ополчения. В ответ на призыв под Ловичем к 25 декабря собралось около 4 тысяч кавалеристов.

Традиционно ополченцы делились на хоругви по сто шляхтичей. Эти сто шляхтичей выбирали трех офицеров. Шляхтичи, выступавшие в качестве рядовых, именовались «товарищами» и составляли первую шеренгу, их крепостные, называвшиеся «пахолками», находились во второй шеренге. Вооружение каждого кавалериста состояло из сабли и пистолета или карабина. Традиционным оружием была пика длиной 3 метра.

1 января 1807 г. ополченцы приняли торжественную клятву, но затем примерно половина их разошлась по домам⁵⁹⁴. За счет

⁵⁹³ Лашук А. Гвардия Наполеона... С. 759.

⁵⁹⁴ Булдыменко П.В. Уланы Герцогства Варшавского. С. 57.

одних дворян и их «пахолков» сформировать многочисленную кавалерию было невозможно, и ее набрали за счет так называемых «дымовых» наборов, когда община либо деревня обязывались выставить одного рекрута с конем с 40 домов либо дворов.

После окончания войны в 1807 г. по распоряжению генерального инспектора кавалерии генерала Александра Рожнецкого конные полки основательно почистили, многих солдат перевели в другие рода войск. А для пополнения кавалерии было постановлено проводить регулярный набор рекрутов.

С 1808 г. набор осуществлялся путем жеребьевки среди приписанных мужчин в возрасте от 21 до 28 лет. Срок службы определялся в 6 лет. От набора можно было откупиться, уплатив установленную сумму. Лошадей также набирали принудительно — сорок домов должны были предоставить по одному коню, годному для службы, с полной экипировкой⁵⁹⁵.

К 1809 г. удалось сформировать 6 полков: 1-й, 4-й и 5-й конноегерские и 2-й, 3-й и 6-й уланские.

После победоносной войны 1809 г., когда к Герцогству Варшавскому отошла часть земель Австрийской империи, населенных поляками и украинцами, в польской армии были сформированы новые полки: 8, 11, 12, 15, 16 уланские, 14-й кирасирский, 13-й гусарский. На территории Герцогства Варшавского дополнительно набрали еще три полка — 7-й и 9-й уланские и 10-й гусарский.

30 марта 1810 г. саксонский король Фридрих-Август (Герцогство Варшавское входило в состав королевства Саксония. — *А.В.*) утвердил новую организацию польской армии, согласно которой по штату в войске Герцогства Варшавского должно было быть 15 полков легкой кавалерии, состоящих из 4 эскадронов, по две роты в каждом, в роте по 100 чел., и одного полка кирасир, состоящего из двух эскадронов. Всего кавалерия насчитывала 124 роты, общей численностью 12 400 чел.⁵⁹⁶.

Таким образом, кавалерийский полк имел 54 офицера, 112 унтер-офицеров, 8 кузнецов, 16 трубачей и 632 кавалериста. Общая численность составляла 832 чел. и 16 воспитанников.

---

⁵⁹⁵ *Булдыменко П.В.* Уланы Герцогства Варшавского. С. 59.

⁵⁹⁶ Там же.

В феврале 1812 г., готовясь к войне с Россией, численность роты увеличили до 120 чел.

Всю войну 1812 г. польские кавалеристы провели в первых рядах наполеоновских войск. «Поляки неизменно сражались в авангарде, сдерживали противника, находясь в арьергарде, охраняли коммуникации. И, наконец, когда от Великой армии остались лишь толпы деморализованных, сбитых в кучки голодных бродяг, едва способных держать оружие, польские кавалеристы остались одними из немногих солдат, сохранивших хоть какую-то боеспособность, благодаря своему несгибаемому характеру и бережному отношению к своим лошадям... Сражаясь бок о бок с французскими кавалеристами, поляки с ужасом отмечали, что те практически не заботятся о своих лошадях. Это привело к огромному падежу лошадей буквально с первых дней войны...

Самой первой из наполеоновских войск в Москву вступила 2-я дивизия легкой кавалерии (которой прежде командовал Себастьяни), в том числе 16-я «иностранный» бригада, которой в тот момент командовал полковник Толинский и в которую входил 10-й польский полк «золотых гусар»⁵⁹⁷.

Когда начались холода, выяснилось, что только польская кавалерия готова драться в зимних условиях. «Из всей Великой армии 1812 г. только лошади польских кавалерийских полков (не только уланских, но и всех прочих), а также артиллерийских и обозных войск великого Герцогства Варшавского имели подковы с шипами, позволяющие передвигаться по льду»⁵⁹⁸.

Стойкость польской кавалерии отмечал М.И. Платов. В рапорте П.И. Багратиону от 28 июня при препровождении пленных он писал: «Что все они переранены, то это от того, что по упорству их до тех пор, пока не соьют с лошади, они не сдавались»⁵⁹⁹.

И все же польская кавалерия не могла справиться с казаками. П.И. Багратион писал М.И. Платову 2 июля 1812 г.: «Вы не слабее неприятельской кавалерии и в лучшем духе, а сверх того и

⁵⁹⁷ Буддыменко П.В. Уланы Герцогства Варшавского. С. 61.

⁵⁹⁸ Лашук А. Гвардия Наполеона... С. 759.

⁵⁹⁹ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии... С. 90.

открытые места дадут все Вам выгоды»⁶⁰⁰. Первые серьезные бои под Миром и Романов подтвердили превосходство казаков. «Это дело имело большие последствия в нравственном отношении, — писал известный русский полководец И.Ф. Паскевич. — В кавалерии или бьют всегда, или всегда же бывают биты. Все зависит от первого успеха. Платову необходимо было разбить неприятеля под Миром, чтобы остановить хвастовство и наглость поляков. Еще раз только под Романовым арьергард наш был атакован, но истребил совершенно первый конноегерский и один гренадерский полк неприятеля, и зато армия после того и не слыхала о страшной, как говорят, польской кавалерии, которой у Наполеона было до 20 тыс. Авангард его не преследовал уже, а только наблюдал за 2-й армиею»⁶⁰¹.

В помощь польской кавалерии началось формирование кавалерийских полков из польского населения Литвы:

17-й уланский полк в Купишки — полковник граф Михаил Тышкевич;

18-й уланский полк в Несвиже — полковник граф Кароль Пшездецкий;

19-й уланский полк в Новогрудке — полковник Константин Раецкий;

20-й уланский полк в Пинске — полковник Ксаверий Обухович;

21-й полк конных стрелков — полковник Игнаций Манюшко.

В начале 1813 г. эта кавалерия, как уже говорилось, была разгромлена казаками отряда Чернышева.

После разгрома в России и понесенных потерь самым сильным кавалерийским полком герцогства был 3-й уланский — 20 офицеров, 719 солдат и 594 коня. Самыми пострадавшими оказались кирасиры, их насчитывалось 5 офицеров и 76 солдат при 31 лошади. Лучше сохранились литовские кавалерийские полки: 17-й уланский — 1109 чел., 19-й уланский — 779 чел.⁶⁰².

---

⁶⁰⁰ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии... С. 99.

⁶⁰¹ Паскевич И.Ф. Походные записки (1837—1838) // 1812 год в воспоминаниях современников. М.: Наука. 1995. С. 83.

⁶⁰² Буддыменко П.В. Уланы Герцогства Варшавского. С. 62.

В Польше был объявлен чрезвычайный набор в кавалерию — по одному снаряженному кавалеристу «от каждых 50 дымов» или дворов. Но набранные отряды таяли, стоило лишь войску отойти с их родной территории.

Первый боевой опыт они получили в стычке 12 февраля 1813 г. под Калишем, куда отошли вместе с саксонским корпусом. В бою полковник Бернацкий, командир калишского ополчения, потерял 350 чел., а сам попал в плен. В итоге под знаменами удалось удержать только 2 тыс. всадников.

9 февраля 1813 г. Понятовский разбил уцелевшие польские кавалерийские полки по бригадам, но эти полки и бригады по большей части являлись кадрами для будущего пополнения. В конце марта кавалеристов в них насчитывалось 4205, из них в строю 2907 всадников⁶⁰³.

Вторая группировка польских войск, располагавшаяся в крепости Глогау под командованием Домбровского, имела 2 уланских полка (2-й и 4-й), созданные из остатков семи кавалерийских полков.

После заключенного перемирия Наполеон принял меры по усилению польской кавалерии.

Польские части образовали VIII армейский корпус Великой армии, количество кавалерийских полков Понятовского сократили из-за некомплекта личного состава, и из них формировались 6 полков в полные три эскадрона. Каждый полк имел тот же штат, что и полки французских конных егерей. Сохранились пополненные за счет других полков: 1-й полк конных стрелков, 3-й уланский полк, 6-й уланский полк, 8-й уланский полк, 13-й гусарский полк, 16-й уланский⁶⁰⁴. Большая часть польской кавалерии (8 полков) была передана в IV резервный кавалерийский корпус под командование генерала Ф.Э. Келлермана.

Особым случаем была попытка Наполеона создать формирования «польских казаков». Оказавшись в центре России и будучи окружен со всех сторон тучами казаков, Наполеон отдавал себе отчет, что наличная кавалерия его армии с казаками справиться не может. Еще находясь в Москве, он направил указание в

⁶⁰³ Булдыменко П.В. Уланы Герцогства Варшавского. С. 64.

⁶⁰⁴ Там же. С. 64—65.

Великое Герцогство Варшавское организовать части «польских казаков».

По воспоминаниям генерал-адъютанта Наполеона графа А. Колленкура, Наполеон до последнего момента ждал подхода из Польши затребованных им формирований. «Ему казалось, что прибытие польских казаков (он по-прежнему ожидал их и надеялся, что в ближайшие дни получит 1500—2000 этих всадников) полностью изменит наше положение и весь ход дел, так как они возьмут на себя нашу охрану и дадут нашим солдатам возможность отдохнуть и раздобыть продовольствие»⁶⁰⁵.

Естественно, «польских казаков» в 1812 г. никто создавать не стал. Но император от своего не отступился. Особые надежды он возлагал на сбор всеобщего шляхетского конного ополчения — «посполитого ружения» и особый рекрутский набор «с 50 дымов» (т.е. крестьянских домов) по одному всаднику «на здоровой и суровой деревенской лошади». Указанные меры оказались безрезультатными: вместо планируемых 12 600 кавалеристов с огромными трудностями набрали менее 6 тыс. «хлопов» — мужиков на прескверных низкорослых мерилах, называемых «конья»...⁶⁰⁶.

В ходе отступления из-за неудачных боев началось дезертирство, сократившее число ополченцев до 2 тыс. чел. Их распределили в старые кавалерийские полки и частично в пехотные. Из тех, чьи лошади оказались ниже требуемых стандартов и кто не имел военной подготовки (а это были крестьяне, «дымовые всадники»), создали отряды легкой конницы, предназначенной для аванпостной службы.

На 19 апреля 1813 г. уже имелось 3 кавалерийских полка численностью около 500 человек, которые именовались «полками передней (передовой) стражи». Военной формы они не имели, носили простые крестьянские сермяги и шапки с меховым околышем и четырехугольной тульей. Подавляющее большинство имело на вооружении пики без флюгеров. Когда они двинулись в поход через Богемию в Саксонию на соединение с Наполеоном, численность полков была такова: 1-й — 339 чел., 2-й — 372, 3-й — 150.

⁶⁰⁵ *Шереметьев О.В.* «Польские казаки» — история корпуса кракусов // *Воин* № 10. С. 28.

⁶⁰⁶ Там же.

27 июня 1813 г. полки передней стражи были переформированы в 1-й сводный полк передней стражи со штатным составом в 4 эскадрона по 220 кавалеристов, всего 880 человек (налицо — 754 чел.).

30 июня 1-й сводный полк передней стражи получил название «кракусы». «Его солдаты происходили из познаньского, калишеского, радомского и в основном краковского департаментов, к тому же 2-й и 3-й полки, сформированные из завербованных людей в период дислокации польских войск в Кракове, носили название “кракусов”, да и большинство личного состава носило головные уборы — “кракуски” и верхнюю одежду, распространенные среди краковян»⁶⁰⁷.

Холодное оружие было разнообразным, чем кракусы очень подходили на казаков; сабли попадались самых произвольных типов (вплоть до кирасирских палашей). Все кракусы вооружались пиками казачьего типа без флюгеров. Отнестрельное оружие состояло из пистолетов тоже различного происхождения.

«На указанный период встречались следующие вариации обмундирования:

шапка с лопастью или без, “сукман” с меховым воротником, серые рейтузы, овчинный чепрак с цветным галуном по краю, пика без флюгера;

шапка-“кракуска”, “сукман” с цветными обшлагами и воротником, серые рейтузы, простой получепрак из овчины»⁶⁰⁸.

Вместо кавалерийских труб кракусы использовали «бунчуки» — пики с пучками разноцветных конских волос на конце, которыми подавали визуальные сигналы друг другу.

Боевой путь кракусов отмечен славными подвигами. Среди них есть прорыв к австрийскому дивизионному обозу и штабу и захват в плен генерала.

В бою 9 сентября 1813 г. под Страхвальдом кракусы, по версии О.В. Шереметева, захватили полковое знамя полка П.М. Грекова 8-го либо полка А.Е. Грекова 9-го (вопрос нуждается в дальнейшем исследовании)⁶⁰⁹.

⁶⁰⁷ Шереметев О.В. «Польские казаки»... С. 28.

⁶⁰⁸ Там же. С. 31—32.

⁶⁰⁹ Там же. С. 30.

«25 сентября 1813 г. император французов приехал с намерением провести инспекцию в бригаду Уминского, дислоцирующуюся в Гроссхартау. При первом взгляде на кракусов, восседавших на низкорослых лошаденках, Наполеон назвал их “пигмейской кавалерией” и чуть не покатился от смеха. Мнение полковника кардинально изменилось, когда весь полк исполнил команды по движениям бунчуков, галопировал, одновременно переменяя фронт, развертывая и свертывая ряды и производя атаки с пиками наперевес. Представление продолжилось демонстрацией индивидуальной подготовки кракусов, закрутившихся в настоящей карусели, причем они на полном скаку подхватывали шапки с земли, горсти песка, камни, бешено вращали саблями и совершали другие “акробатические” манипуляции. “Император не помнил себя от радости, — вспоминал очевидец, — особенно от вида новых изобретательных оборотов. Он сказал, что это шутка, что они не могут быть новобранцами. Наверно, выбрали солдат из старых полков. Когда убедился, что это самые молодые солдаты, поблагодарил командира полка и солдат. Затем вызвал перед фронтом этого полка всех собранных командиров французской кавалерии и заявил: “Посмотрите на этих польских почти детей, которые в столь короткое время устроены, как вы здесь видели, ныне покрыты славой, захватив штандарт, взяв в плен генерала и значительное число казаков”. В заключение Наполеон спросил французских офицеров, кто из них может похвалиться тем же. Подтверждения не последовало»⁶¹⁰.

Впрочем, внешний вид кракусов сыграл злую шутку со всей французской армией. 7 (19) октября, в заключительный день сражений при Лейпциге, разбитая французская армия уходила из города на запад через реки Плейсе и Эльстер. Одним из последних уходил польский корпус Понятовского. Вместе со своим штабом, небольшим эскортом из взвода кракусов и эскадрона польских кирасир Понятовский отходил в арьергарде. «Надеясь перейти по мосту через Эльстер, польский командующий и его свита направились туда, осыпаясь неприятельскими пулями и ядрами. Неожиданно мост взлетел на воздух и поляки оказались отрезанными от своих. Позднее говорили, что французские саперы оши-

⁶¹⁰ Шереметьев О.В. «Польские казаки»... С. 29—30.

бочно приняли кракусов за их внешний вид за казаков и подожгли фитили»⁶¹¹. Несколько корпусов наполеоновской армии оказались отрезанными и либо сдались, либо окончательно рассеялись, перебираясь вплавь.

Как видим, во всей наполеоновской армии нашлось мало кавалеристов, способных противостоять казакам.

Своеобразным экзаменом стал случай, позволивший сойтись в бою лучшей польской легкой кавалерии и казакам М.И. Платова.

Разгром французской гвардейской кавалерии казаками Платова под Альтенбургом

После перемирия, как мы помним, союзники, усиленные присоединением Австрии, изменили свою стратегию. Используя численное превосходство, они охватили французские войска с трех сторон, уклонялись от столкновений с самим Наполеоном, но напали на его маршалов. «Французы идут по опустошенной местности вслед за исчезающим врагом. Это та же Русская кампания, только без снега», — комментирует ситуацию А. Лашук⁶¹².

Наполеон, закрепившись в Саксонии, разрывался между желанием разгромить русско-австрийские войска, укрывающиеся на территории Чехии, и желанием вывести из войны Пруссию, для чего, как он считал, надо было взять Берлин. Но стоило Наполеону двинуться на Берлин, как русские и австрийцы (Богемская армия) через Рудные горы вторгались из Чехии в Саксонию, а когда Наполеон возвращался на юг, русские, пруссаки и шведы (Северная и Силезская армии) начинали давить на его маршалов с севера и все туже сжимать полукольцо. «Как следствие этого, его (Наполеона) собственные планы все время откладывались, и не был нанесен ни один решающий удар»⁶¹³.

Помня опыт 1812 г., союзники широко использовали партизанские отряды, которые выходили на коммуникации французов, громили их тылы.

---

⁶¹¹ Шереметьев О.В. «Польские казаки»... С. 30.

⁶¹² Лашук А. Гвардия Наполеона... С. 363.

⁶¹³ Чандлер Д. Военные кампании Наполеона. Триумф и трагедия завоевателя. М., 2000. С. 557.

Прологом рассматриваемого нами боя были действия под Лейпцигом союзнических партизанских отрядов Менсдорфа и Тилемана.

Отряд графа Менсдорфа, полковника австрийской службы, в составе двух казачьих полков под командованием Дениса Давыдова и двух эскадронов 3-го гусарского эрцгерцога Фердинанда полка выступил 10 (22) августа 1813 г. из района Эгры и вышел к Лейпцигу с юга через Плауэн, Цвикау, Альтенебург, Борну. В ночь на 16 (28) августа отряд совершил налет на Лейпциг. «Ночью сделали мы нападение на Лейпциг и вскакали в предместье, но, будучи встречены орудиями и пехотой, обратились назад. Между тем другая партия наша, посланная в обход, ворвалась также в предместье, напала на госпиталь и истребила всех больных, в нем находившихся.

Утром мы отступили в Борну», — вспоминал Денис Давыдов⁶¹⁴.

В Борне партизаны узнали о неудачном для союзников сражении под Дрезденом, а затем о том, что против них победители-французы выслали сильные кавалерийские отряды. Уклоняясь от боев, они ушли обратно в Чехию, куда прибыли 22 августа (3 сентября) к вечеру.

В то время как Менсдорф и Давыдов еще возвращались из рейда, в тыл французам был послан отряд генерал-лейтенанта Тильмана в составе двух казачьих полков, Ребрикова и Ягодина, 2 эскадронов венгерского 4-го гусарского полка Гессен-Гамбург и 2 эскадронов 5-го легкоконного полка Кленау. «19 августа... Генерал-лейтенант Тиллеман командирован с 1500 чел. легкой кавалерии и 2-мя пушками к стороне Лейпцига для дальнейших разведаний о неприятеле и нанесения по возможности вреда его секурсам и коммуникациям» — отмечал журнал военных действий Главной армии союзников⁶¹⁵.

Генерал-лейтенант Тильман, в прошлом гусарский офицер саксонской службы, сделал в свое время карьеру в войсках Наполеона, в 1812 г. на Бородинском поле он командовал саксонской кирасирской бригадой, которая, по одной из версий, собственно, и

⁶¹⁴ Давыдов Д. 1812—1813. Неизвестные записки // Наше наследие. 1991. № 1. С. 32

⁶¹⁵ Поход русской армии против Наполеона в 1813 году. С. 233.

захватила батарею Раевского атакой с тыла. В 1813 г. он был принят на русскую службу. Появление военачальника такого ранга в тылу французов не могло их не встревожить.

Отряд же Менсдорфа в Чехии узнал о победе союзников над корпусом генерала Вандама под Кульмом, а затем партизаны «получили курьера от фельдмаршала Шварценберга с уведомлением, что партия наших пленных следует из Дрездена на Лейпциг, Наумбург и Эрфурт», и в ночь на 25 августа (6 сентября) снова пошли на Лейпциг.

27 августа (8 сентября) партизанские отряды установили между собой связь и договорились о взаимодействии.

Согласно мемуарам маршала Мармона, 30 августа (11 сентября) «Тильман прибыл в Вайссенфельс и безрезультатно атаковал обоз на дороге в Лейпциг. Ему повезло больше в Наумбурге, который он захватил. Он взял затем Мерсебург и 500 человек по капитуляции»⁶¹⁶.

А.А. Подмазо пишет о другой последовательности событий: «Отряд генерал-лейтенанта барона И.А. Тильмана, взорвав мост через р. Заале в г. Мерсебурге, двинулся к г. Наумбургу»⁶¹⁷, но это принципиальной роли не играет.

Действия русских партизан западнее Лейпцига совпали с активизацией австрийских и прусских партизанских отрядов западнее Дрездена, «в это время дорога из Дрездена в Шемниц была перехвачена австрийской бригадой Шайлера, который захватил во Фрайберге 300 вестфальских гусар, а генерал Кляйст также проводил демонстрации с той же стороны». Это встревожило Наполеона и «он отправил в Фрайберг II корпус, чтобы сохранить эту территорию»⁶¹⁸, а против русских партизан, действующих западнее Лейпцига, был послан сильный отряд кавалерии.

31 августа (12 сентября) отряд Менсдорфа стоял в Колдице. «Около Колдица партии наши схватили двух курьеров Наполеона, посланных одного в Париж, а другого — в Лейпциг, с объявлением, что он предписал образовать в Торгаве корпус партизанов

⁶¹⁶ Мемуары маршала Мармона // Воин № 8. С. 54.

⁶¹⁷ Подмазо А.А. Большая Европейская война 1812—1815 гг.: Хроника событий. М. 2003. С. 128.

⁶¹⁸ Мемуары маршала Мармона... С. 54.

под командою генералов Лефевра-Денуэтта и Красинского для действия противу нас и обеспечения совершенно тыла его армии. Корпус сей был составлен из резервных эскадронов гвардии и состоял от 6 до 7 тысяч человек с 8 конными орудиями», — вспоминал Д. Давыдов⁶¹⁹.

По данным А. Лашука, Лефевр-Денуэтт тогда имел под своим командованием 2-ю дивизию гвардейской кавалерии в составе 1-го полка шеволежеров-улан (4—7-й эскадроны), гвардейских конных егерей (6—9-й эскадроны) и гвардейских конных гренадеров (5—6-й эскадроны). Эти части считались «молодой гвардией» и, согласно строевой ведомости от 15 сентября, насчитывали 100 офицеров и 1682 солдат. Кроме гвардейской кавалерии в отряд Лефевра-Денуэтта входила гусарская бригада генерала Ишюлита де Пире из 1-й легкой кавалерийской дивизии Корбино (1050 всадников) и конноегерская бригада генерала Луи Валлена из 3-й легкой кавалерийской дивизии Шателя (около 1000 сабель). Видимо, позже к отряду присоединился один временный кавалерийский полк из Лейпцига (около 400 всадников) и два батальона пехоты (980 человек)⁶²⁰.

На следующий день произошло первое столкновение казаков отряда Менсдорфа с отрядом Лефевра-Денуэтта. Менсдорф уклонился, но «Лефевр-Денуэтт, — по воспоминаниям Д. Давыдова, — имея повеление во что бы то ни стало разбить и взять генерала Тильмана (Тильман был в службе саксонской, находился начальником в крепости Торгау, откуда бежал в нашу службу), не заботился о нас и продолжал путь свой на Гримму к Лейпцигу»⁶²¹.

Примерно через две недели пикеты Менсдорфа «схватили курьера Лефевра, посланного в Лейпциг с известием, что Тильман разбит и бежит к Цейцу»⁶²². Согласно мемуарам маршала Мармона, Лефевр-Денуэтт атаковал и разбил Тильмана в Мерсесбурге, откуда тот «ретировался к Цайцу и Цурхау, но лишь после того, как освободил своих пленников»⁶²³.

⁶¹⁹ Давыдов Д. 1812—1813... С. 33.

⁶²⁰ Лашук А. Наполеон. Походы и битвы... С. 940.

⁶²¹ Давыдов Д. 1812—1813... С. 33

⁶²² Там же.

⁶²³ Мемуары маршала Мармона // Воин № 8. С. 54

Менсдорф поспешил на помощь Тильману, отряды соединились, подошли два отрезанных ранее от Тильмана казачьих полка под командованием полковника М.Ф. Орлова. 12 (24) сентября соединившиеся отряды были атакованы Лефевром-Денуэттом.

«Тут я увидел, что генерал Тильман никуда не годится для командования отдельною частию, — вспоминал Д. Давыдов. — Дело началось у Алтенбурга. Наша линия простиралась от Алтенбурга до Котерица, а неприятель под прикрытием 8 орудий спускался на Алтендорф большими массами. Вначале мы стали отступать за деревню Мюкери, где находится каменный мост чрез речку Плейс, и уже переправили чрез него 2 орудия и 5 эскадронов, но когда я с двумя моими казачьими полками и 2-мя эскадронами венгров стал переправляться, польские уланы атаковали Орлова. Тильман велел мне воротиться и поддержать его. Орлов в смятении отступал к мосту и замешал мои полки, которые с трудом я мог выстроить. Однако ж уланы остановились, поджидая более силы. Я пошел в атаку, опрокинул передние эскадроны, но будучи взят во фланг другими эскадронами, в смятении принужденными, нашелся переправиться чрез реку в ином месте вброд, а в другом — вплавь. К счастью потеря моя не была велика»⁶²⁴.

Разбитые партизаны отступили в Цвикау. Французы остались в Альтенбурге.

Пока французская кавалерия гонялась за партизанами, в Главной квартире союзников оформилась идея перенести центр своих устремлений западнее, с Дрездена на Лейпциг.

24 августа (5 сентября) с меморандум к Александру I, главному действующему лицу у союзников, обратился главнокомандующий союзными армиями фельдмаршал К.-Ф. Шварценберг. «Император Наполеон, кажется, желает удерживать линию Эльбы самым настойчивым образом, — говорилось в меморандуме. — Весьма важно бросить соединения легких войск на его коммуникации, чтобы воспрепятствовать удаленным областям предоставить ему продовольствие, недостаток которого уже ощущается во всех его лагерях. 3 тыс. чел., находящихся под командованием генерала Тильмана и полковника Менсдорфа, крайне недостаточно для до-

⁶²⁴ Давыдов Д. 1812—1813... С. 33.

стижения этой большой цели. Весьма необходимо усилить их всеми казаками из армии генерала Блюхера. Эта армия не располагает условиями для успешных партизанских действий и ей достаточно своих регулярных легких войск для службы аванпостов и преследования разбитого неприятеля.

Корпус генерала графа Кленау начнет продвижение через пару дней, чтобы поддержать партии, угрожающие коммуникациям неприятеля. Он будет предназначен для энергичной атаки всех подкреплений, которые смогут прибыть к противнику»⁶²⁵.

В Силезской армии Блюхера, которая прикрывала берлинское направление, был 21 казачий полк. Решением Военного совета союзников в Теплице, который проходил 28 августа (9 сентября), Блюхеру надлежало отправить 6 казачьих полков к Главной армии кратчайшим путем. «Потом их надлежит послать на коммуникации неприятеля между Лейпцигом и Эрфуртом»⁶²⁶.

31 августа (12 сентября) с докладной запиской о плане наступательных действий союзных войск к Александру I обратился М.Б. Барклай де Толли. В записке говорилось о необходимости принудить Наполеона к отступлению, «действуя значительными силами на его коммуникациях. Однако это должны быть не только партизаны, но и главные силы, которые представляли бы реальную угрозу и вынудили бы его к опасному рассредоточению своих армий или же к отступлению»⁶²⁷.

И, наконец, генерал-лейтенант Жомини, военный теоретик, недавно перешедший из лагеря французов на русскую службу, 2 (14) сентября советовал Александру I направить «6—7 тыс. партизан на Мейссен, Охц и Вурцен, с одной стороны, и на Альтенбург — с другой»⁶²⁸.

Решение было принято. 5 (17) сентября начальник Главного штаба генерал-лейтенант князь П.М. Волконский обратился с письмом к донскому атаману, генералу от кавалерии графу Платову.

М.И. Платов с января по сентябрь 1813 г. специальной командой под своим началом не имел. Причиной или поводом к такой си-

⁶²⁵ Поход русской армии против Наполеона в 1813 году. С. 249—250.

⁶²⁶ Там же. С. 267.

⁶²⁷ Там же. С. 270.

⁶²⁸ Там же. С. 274.

туации была смерть жены Платова, о чем он узнал в январе 1813 г., осаждая Данциг. С тех пор М.И. Платов числился при Главной квартире и лечился.

Текст письма гласил:

«Милостивый государь граф Матвей Иванович!

Государь Император, зная, сколь великую пользу приносят отдельные корпуса, действующие под управлением и личным руководством искусных начальников в тылу неприятеля тем, что они уничтожают его сообщения, истребляют его запасы и, переносясь с быстротою с одного места на другое, затрудняют каждое его предприятие, наносят ему нечаянные удары, и, основываясь на том, что войско Донское преимущественно способно к составлению таковых корпусов, повелел прибыть сюда из Силезской армии 6 казачьим полкам, кои высочайше назначены, присоединив к ним Атаманский полк, составить отдельный корпус, с тою целию, чтобы, независимо от движений главных армий, действовать в тылу неприятеля. А дабы подать случай сим полкам войска Донского явиться пред целым светом в новом блеске, Его Императорское Величество назначил Ваше сиятельство в предводители оных, но предварительно высочайше повелеть мне соизволил узнать, приятно ли будет Вашему сиятельству принять начальство над сим корпусом?

Исполняя сию Монаршую волю, честь имею быть с истинным почитанием и совершенною преданностью Вашего сиятельства, милостивый государь, покорнейший слуга к[нязь] Петр Волконский»⁶²⁹.

М.И. Платов давно ожидал такого вызова. Еще в мае 1813 г., когда было объявлено перемирие и стали подсчитывать наличные войска, Платов обратился к царю с таким рапортом: «Осмеливаясь Вашему Императорскому Величеству всеподданнейше донести, по опыту моему, в продолжение более 40-летней службы моей и на шести войнах, заметил, что нужно при Главной армии для генерального дела иметь казаков более число, нежели теперь есть; а потому и полагаю я, что из находящихся при разных крепостях полков возможно собрать 30 или и более.

Из них 15 полков могут быть и по частям, как и теперь находятся в разных местах по армии, а другие 15 — своим корпусом,

⁶²⁹ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах... С. 444—445.

на тот случай, когда Бог благословит победою над неприятелем, оный корпус может нанести неприятелю по их уловности большой вред. В случае ж неудачи может прикрывать все и раненых забирать. Кроме того, еще может оный корпус по примеру своему действовать как в денное, а более в ночное время и наносить неприятелю большой вред разными своими манерами, которые все описывать теперь нахожу лишними, а по обстоятельствам дела можно будет предпринимать оные»⁶³⁰.

Естественно, получив письмо от М.П. Волконского, Платов согласился. Это ясно из второго письма князя М.П. Волконского М.И. Платову от 7 (19) сентября:

«Милостивый государь граф Матвей Иванович,

Государь Император, получив от меня сведение, что Ваше сиятельство намерены, по высочайшей воле, прибыть в Теплиц, повелеть мне изволил объявить Вам, милостивый государь, чтобы Вы постарались поспешить Вашим сюда приездом, что принято будет от Его Величества с особенным удовольствием»⁶³¹.

Затем последовала реакция М.Б. Барклая де Толли. Барклай де Толли летом 1812 г. писал Александру I о Платове: «Его бездельность такова, что мне приходится постоянно держать одного из моих адъютантов при нем или на его аванпостах, чтобы добиться исполнения предписанного»⁶³². И теперь, 11 (23) сентября, Барклай де Толли пишет Платову:

«Милостивый государь граф Матвей Иванович!

Отправляя с сим к Вашему сиятельству состоящего по армии полковника Энгельгардта, покорнейше прошу употребить его, по рассмотрению Вашему, на службу при войсках Вами командуемых.

С истинным почтением и совершенною преданностью иметь честь быть Вашего сиятельства, милостивого государя, покорнейший слуга

Барклай де Толли»⁶³³.

⁶³⁰ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах... С. 430—431.

⁶³¹ Поход русской армии против Наполеона в 1813 году. С. 287.

⁶³² Венков А.В. Атаман Войска Донского Платов. М.: Вече, 2008. С. 349.

⁶³³ ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 293. Л. 1.

Видимо, 11 (23) сентября М.И. Платов уже вступил в командование, и Барклай де Толли, верный себе, направил к Платову одного из своих адъютантов.

Тогда же, 11 (23) сентября, Платов получил предписание от Барклая де Толли о направлении действий: «В предназначенной экспедиции Ваше сиятельство должны иметь главнейшею целью действовать на коммуникации неприятеля из нескольких пунктов, между Хемницы и Дрездена лежащих, в направлении к Мейсену, не упуская, однако же, из виду неприятеля ныне около Дрездена, Пирны и Петерсвалде расположенного». То есть Платов должен был действовать гораздо восточнее отрядов Тильмана и Менсдорфа — на коммуникации французов между Дрезденом и Лейпцигом и на сам Дрезден. Однако в постскриптуме Барклай де Толли указал Платову местонахождение обоих указанных отрядов:

«P.S. К сведению Вашего сиятельства нахожу нужным присокупить, что ген[ерал] -лейт[енант] Тилеман с отрядом своим по последним известиям находился в Цейсте, австрийский полковник гр[аф] Мерздорф, который сделал экспедицию к Лейпцигу, должен к нему присоединиться...»⁶³⁴

К Платову же должен был присоединиться отряд генерал-майора князя Н.Д. Кудашева — 1-й Черноморский и донской Иловайского 12-го полки, — который действовал в том же районе, где надлежало действовать Платову, и имел предписание выдвигаться к Вальдхайму.

13 сентября Барклай де Толли поторопил Платова: «Для лучшего успеха в предполагаемой экспедиции Вашего сиятельства нужно начать сколь можно поспешнее действовать на коммуникации неприятеля во многих пунктах, а потому, не останавливая отряда генерал-майора князя Кудашева, извольте следовать поспешнее за ним и старайтесь скорее с ним объединиться, дабы в случае надобности могли его подкрепить»⁶³⁵.

На следующий день, 14 (26) сентября, начальник Главного штаба князь Волконский переориентировал Платова от окрестностей Дрездена на окрестности Лейпцига: «Неприятель в числе 3500 че-

⁶³⁴ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и в заграничных походах... С. 445.

⁶³⁵ Там же. С. 446.

ловец кавалерии атаковал 12-го числа при Альтенбурге генерала Тилемана, который, избегая сражения, отступил на Цвикау. Сие, вероятно, сделал неприятель для того, чтобы освободить от партизан наших Лейпцигскую дорогу. Извещая Ваше сиятельство о сем, прошу покорнейше позволить предложить мне свое мнение. Поелику неприятельская армия по всем известиям нуждается не только в провианте и фураже, но и в снарядах, то и, вероятно, что транспорты со снарядами идут от Эрфурта к армии, которые весьма бы полезно было перехватить и уничтожить, и для того полагаю я, что движение Ваше от Одерана через Валугейм, Гримму на Вурцен было бы весьма полезное»⁶³⁶.

Бумага эта была получена Платовым 16 (28) сентября у Альтенбурга, когда он уже вел бой.

Итак, М.И. Платов возглавил 6 казачьих полков, прибывших из Силезской армии, присоединил к ним свой Атаманский полк, два небольших прусских партизанских отряда и 13 (24) сентября выступил из г. Зайды к г. Хемницу, где назначено было собраться всему его легкому корпусу. Выступая в поход, М.И. Платов открыл новое делопроизводство и направил 14 (26) сентября Барклау де Толли рапорт № 1 о своем выступлении.

В Хемнице и на подступах к Хемницу к Платову присоединились 3 эскадрона 2-го венгерского гусарского полка Палатина и 900 пехотинцев полковника Иллеша.

Пройдя 40 верст по горам, на подступах к Хемницу 14 (26) сентября Платов узнал о поражении отряда Тильмана, «что генерал-лейтенант Тилеман отретировался из города Альтенбурга в местечко Цвикау» и 15 (27) сентября отправил об этом рапорт № 2 Барклау де Толли. «Я дал ему знать чрез нарочного с тем, что завтра я из местечка Пенига, а он должен из Цвикау идти к городу Алтенбургу, в коем находится неприятель, чтобы в одно время остановить одного. И что последует, Вашему сиятельству донесу. По известиям неприятель в пяти тысячах с шестью орудиями, но большая часть его в кавалерии», — рапортовал Платов⁶³⁷.

⁶³⁶ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и в заграничных походах... С. 446.

⁶³⁷ Там же. С. 447.

Последняя фраза звучит успокоительно — неприятеля много, но это кавалерия. Не только М.И. Платов, но и другие известные кавалеристы после кампании 1812 г. французскую кавалерию особо не ценили. Видимо, М.И. Платов еще не обнаружил, что перед ним гвардейская кавалерия, лучшая кавалерия Франции.

Под № 3 в указанном делопроизводстве идет приказание генерал-майору Кудашеву, командующему платовским авангардом, но по смыслу оно относится к ночи с 14 (26) на 15 (27) сентября. Видимо, неувязка во времени датировки происходит от того, что мы имеем дело с черновиками.

«Господину генерал-майору и кавалеру князю Кудашеву.

Я сегодня не успел дойти до Хемница и ночью близ оного, завтра по утру, пройдя Хемниц, буду на ночь в местечке Пених, надеюсь, что и Ваше сиятельство там же будет.

По полученному мною сейчас известию от генерал-лейтенанта Тилемана, я возвратил его нарочного с тем, чтобы он из Цвинкау, а я из Пенига пойдем к городу Альтенбургу и в одно время атакуем неприятеля в Альтенбурге.

Поручаю Вашему сиятельству открыть неприятеля к городку Альтенбургу, не тревожа онаго, а единственно для одного дознания, и также направо к Альтенбургу.

Я сего уведомления буду ожидать от вас завтра в Пениге.

От нас нет ли оного там другой части, кроме той, которая действует против генерала Тилемана и ко{тора} я может быть неприятелю сикурсом»⁶³⁸.

Как видим, Платов повторно упоминает о договоренности с Тильманом о совместных и одновременных действиях и беспокоится о возможном подходе новых сил французов «направо», с севера, от Лейпцига.

15 (27) сентября Платов выступил к г. Пенигу. Разведка донесла, что дополнительные силы французов действительно движутся к Альтенбургу с севера и дошли до Фробурга. Платов лично написал об этом Тилеману из Пенига (документ № 4) и отметил: «Сие обстоятельство не заставляет меня никак отменять предпринятые уже меры к атаке неприятеля в Альтенбурге, и потому Вашему превосходительству для выполнения сего в точности предлагаю

⁶³⁸ ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 291. Л. 3. Черновик.

быть непременно к 10 часам завтрашнего числа, то есть 16-го, по дороге, которой вы находитесь теперь». Французов во Фробурге Платов предполагал «занимать... партией, посланной по сей дороге от меня, и 2 эскадронами венгерских гусар, посланных из Рохлица к Фробургу на сей же самый случай» (в Рохлице стоял авангард Кудашева). «...Сам же с остальными войсками, следуя за авангардом и открыв настоящее положение неприятеля у Алтенбурха, начну атаку со своей стороны обще с Вами, к которому времени, сблизясь с Вами и имея уже сношение, действовать буду согласно обстоятельствам», — предполагал Платов. Примечательно, что о победе под Альтенбургом Платов пишет как о деле уже решенном, его больше занимают французы во Фробурге — «и тогда я, если неприятель оставаться будет еще в Фробурге, то, обратясь к ним, буду действовать равным образом»⁶³⁹.

Итак, общая атака, как видим, была назначена на 10 часов утра 16 (28) сентября.

Денис Давыдов подтверждает: «Тильман уведомил Платова, что он будет ему содействовать со стороны Цвикау и что на другой день, 11 сентября (на самом деле 16 сентября. — А.В.), в 10 часов, начнет атаку»⁶⁴⁰.

Силы противоборствующих сторон:

Объединенный отряд Тильмана и Менсдорфа:

— донские казачьи полки Ребрикова, Ягодина, Горина, Иловайского 10-го;

— 2 эскадрона 4-го венгерского гусарского полка Гессен-Гамбург, 2 эскадрона 3-го венгерского гусарского полка эрцгерцога Фердинанда, 2 эскадрона 5-го австрийского легкоконного полка Кленуа;

— 4 прусских гусарских эскадрона принца Бирона Курляндского;

— 2 орудия Донской артиллерии.

Российское командование оценивало силы этих двух отрядов в три тысячи сабель, но после боев с французской гвардейской кавалерией вряд ли в них было более двух с половиной тысяч.

⁶³⁹ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и в заграничных походах... С. 447—448.

⁶⁴⁰ Давыдов Д. 1812—1813... С. 33.

Летучий корпус М.И. Платова, включая авангард Кудашева:

— донские казачьи полки Атаманский, Иловайского 12-го, Чернозубова 5-го, Грекова 1-го, Чикилева 1-го, Костина 10-го, Желтоножкина;

— казачьи полки Черноморский и 1-й Тептярский;

— 6 орудий 1-й роты Донской конной артиллерии;

— 3 эскадрона 2-го венгерского гусарского полка Палатин.

1 эскадрон 4-го австрийского драгунского полка Левенера, 1 эскадрон 5-го австрийского легкоконного полка Кленау;

— батальон пограничной пехоты (валахи);

— 2 орудия;

— партизанские отряды майора Ф.А.П. фон Коломба и ротмистра графа фон Пюклера.

Сам М.И. Платов оценивал свои силы в две тысячи человек. Такими его силы увидел и Денис Давыдов. А Лашук оценил объединенные силы отрядов Платова, Тильмана и Менслорфа в 4700 всадников⁶⁴¹.

Силы французов (по А. Лашуку):

— 2-я гвардейская кавалерийская дивизия — 100 офицеров и 1682 солдат;

— гусарская бригада генерала Исполита де Пире из 1-й легкой кавалерийской дивизии Корбино — 6-й, 7-й и 8-й гусарские полки (8 эскадронов, 1050 всадников);

— конноегерская бригада генерала Луи Валлена из 3-й легкой кавалерийской дивизии Шастеля — 8-й, 9-й и 25-й конноегерские полки (6 эскадронов, около 1000 всадников), в бою не участвовала;

— временный кавалерийский полк из Лейпцига — около 400 всадников;

— два батальона пехоты — 980 человек⁶⁴².

Без конноегерской бригады получаем 4212 человек.

М.И. Платов оценивал силы противника в 8 тысяч с 8 орудиями и утверждал, что в ходе сражения к французам подошло подкрепление «из 3 тысяч человек состоявшее, от стороны Лейпцига под командою дивизионного генерала Делоржа, 2 кавалерийские дивизии и более 600 пехоты с бригадными генералами

⁶⁴¹ Лашук А. Гвардия Наполеона... С. 770.

⁶⁴² Лашук А. Наполеон. Походы и битвы... С. 940.

Мерти и Кинстом»⁶⁴³. В реальности 5-я легкая кавалерийская дивизия генерала Лоржа (если допустить, что она участвовала в сражении) имела вскоре после боя 1289 сабель (6 слабых полков, 10 эскадронов)⁶⁴⁴.

15 (27) сентября после полудня отряды Тильмана и Менсдорфа выступили в поход из Цвикау к местечку Мерану, верстах в 10 от Альтенбурга, где остановились на ночлег. Денис Давыдов командовал авангардом Тильмана.

На рассвете 16 (28) сентября Денис Давыдов услышал пушечную пальбу около Альтенбурга. Платов начал атаку. «...Атаман, желая взять на себя всю славу победы и не веря Тильману в силе неприятеля, решился один атаковать Лефебра на рассвете», — объясняет Денис Давыдов⁶⁴⁵.

М.И. Платов в письме А.А. Аракчесву, написанном 17 (29) сентября, несколько иначе объясняет свою раннюю атаку. Вопреки договоренности начать бой в 10 часов, он «надеялся на Тилимана, что и он со мною пред светом соединится для поражения неприятеля у города Альтенбурга. Но он по отдаленности ли, или не помышлял того, чтобы я так скоро прибыл к Альтенбургу, не успел, однако ж, я его дважды уведомлял до сего и уверял, что я иду непременно и буду продолжать марш во всю ночь в намерении том, чтобы напасть со светом вместе нечаянно»⁶⁴⁶.

Как видим, отряд Тильмана становился на ночлег, а отряд Платова шел всю ночь безостановочно, покрыл 20 верст и вышел к Альтенбургу в 7 часов утра, что, видимо, было неожиданно для самого Платова.

«Подойдя к Альтенбургу, открыл я неприятеля в лагере. Тильмана — нет и ни с какой стороны не видно. Стоять мне в виду неприятеля без дела не годится, а тем еще хуже возвращаться от него назад. Призвав Бога на помощь, решился атаковать» — пишет Платов⁶⁴⁷.

⁶⁴³ Поход русской армии против Наполеона в 1813 году. С. 294.

⁶⁴⁴ Расписание французской армии при Лейпциге 16—18 октября 1813 г. // Воин № 3.

⁶⁴⁵ Давыдов Д. 1812—1813... С. 33.

⁶⁴⁶ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и в заграничных походах... С. 449—450.

⁶⁴⁷ Там же. С. 450.

Французы были прикрыты рекой Плайсе, в своем лагере, судя по всему, нападения не ожидали, и тянуть время, давая им возможность опомниться было бы неразумно. И Платов атаковал.

«Неприятель сколь упорно ни защищался, но с Божиею помощью и храбростию войск выбит из первой позиции и по отрезании ему дороги, ведущей отсель в Борно, сбит с трех выгодных для него позиций и преследован с стремительностью и поражением до мест. Мейзельвиц...», — докладывал Платов Барклаю де Толли⁶⁴⁸.

Захваченным врасплох французским кавалеристам надо было поймать и оседлать лошадей и построиться для оказания сопротивления. Построиться же они могли, оторвавшись от Платова или имея какое-то прикрытие. Лефевр-Денуэтт пытался дать им время и занял позицию на высотах позади Альтенбурга. Скорее всего, в его распоряжении были несколько дежурных эскадронов. Два казачьих полка и один австрийский эскадрон стали обходить французскую позицию и заняли деревню Виндиш, чем отрезали французам дорогу на север в сторону Лейпцига, в Борно. И французы бросились к Мейзельвицу. А Мейзельвиц лежал в 12 верстах...

Денис Давыдов, услышав стрельбу, сообщил о бое Тильману, а сам «поднялся с авангардом и большою рысью побегал к Альтенбургу, но, пришедши к Алтендорфу, узнал, что Платов сбил Лефевра до местечка Мейзельвица. (Так в цитируемом источнике. — *Примеч. ред.*) Я сей час взял влево полями и деревнями, переправился чрез речку Шнаудер и явился в тылу Лефевра. Вскоре прибыл и генерал Тильман с остальными войсками»⁶⁴⁹.

Платов писал Аракчееву, что Тилеман подошел через 2 часа после начала боя: «В продолжение 2 уже часов с обеих сторон пушечной канонады и ружейной стрельбы с сильным криком, насилу прибыл ко мне с левой стороны флегматическим маршем генерал Тилиман»⁶⁵⁰. Барклаю де Толли Платов рапортовал, что Тильман и Менсдорф прибыли к Мейзельвицу в 2 часа пополудни⁶⁵¹.

⁶⁴⁸ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и в заграничных походах... С. 450.

⁶⁴⁹ Давыдов Д. 1812—1813... С. 33.

⁶⁵⁰ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и в заграничных походах... С. 450.

⁶⁵¹ Там же.

За Мейзельвицем протекает река Шнаудер и расположены несколько озер. Сюда, как сообщал Платов, подошла от Лейпцига подмога, в том числе и более 600 пехотинцев. Здесь Лефевр-Денуэтт и попытался закрепиться.

«Атаки Платова были удачны до Мейзельвица, — вспоминал Денис Давыдов, — но у местечка сего Лефевр опомнился и обринулся снова на Платова. Все казачьи полки поодиночке ходили в атаку, даже и Атаманской, но безуспешно»⁶⁵². Видимо, казаки не могли охватить или обойти укрывшихся меж озер французов и полк за полком бросались в лоб.

Перелом в ходе боя Денис Давыдов приписывает себе: «В то время как Лефевр ударил на два орудия Платова и к<нязь> Кудашев с последним резервом австрийских легкоконцов пошел в атаку на вырчку орудий, я, желая сделать диверсию, двинулся с Горина полком между деревнями Лоича и Сабичи (видимо, Денис Давыдов воспринимал названия немецких селений на слух, на пути его следования лежит селение Добичин. — А.В.), имея Иловайского полк в резерве. Но едва поднялся я на отлогость, лежащую за сими деревнями, как увидел 6 эскадронов в долине передо мною, лицом к Мейзельвицу. Хотя они немедленно начали строиться против меня, я не дал им время окончить построение, ударил, опрокинул и, к несчастью их, пригнал к большому рву, так что им невозможно было ни бежать, ни выстроиться. Поражение не столько было бы велико, если б резерв, состоящий в 2 эскадронах, сделал свое дело. Но он, оставя своих товарищей, обратился в бегство от несколько казаков на него посланных, что дало мне время управиться с моими эскадронами так, что едва 50 человек из них спаслось.

Между тем вся кавалерия Лефевра начала отступление к Цейцу, преследуемая к<нязем> Кудашевым»⁶⁵³.

Платов о маневре Дениса Давыдова не упоминает, он рапортовал Барклаю де Толли, что неприятель «при всем сопротивлении его 6 орудиями Донской конной артиллерии и ударами донских полков, 2 эскадронов венгерских гусар, а также гусар прусских, сбит с позиции уже при местечке Мейзельвице, опро-

⁶⁵² Давыдов Д. 1812—1813... С. 33.

⁶⁵³ Там же.

кинут и прогнан с поражением до города Цейц и за оный, более 5 верст»⁶⁵⁴.

Поражение кавалерии Лефевра-Денуэтта и ее преследование во всех деталях описал Денис Давыдов: «Арьергард ее хотел было держаться перед деревнею Глейна и Путендорф. Но движение Тильмана между Гесницем и Глейной к Цейцу, и атаки к<нзя> Кудашева, моя и Орлова, прибывшего из Шмолена, принудили его обратиться в бегство. В сем случае целая рота французской пехоты была изрублена прусским эскадромом.

Лефебр, отступивши в Цейц, поставил перед городом 3 орудия, а город занял находившимся у него батальионом пехоты. Сам же с кавалериею и 5 орудиями перешел на левый берег Ельстера и вздумал располагаться для ночлега.

Наши партии, соединясь при Цейце, так были расстроены, что мы принуждены были по крайней мере полчаса собираться. Ген<ерал> Тильман даже намеревался располагаться на ночлег, хоть еще было 3 часа дня для преследования. Надо отдать справедливость князю Кудашеву, что он всех уговорил продолжать далее преследование и, схвативши несколько эскадронов венгров и австрийских легкоконцов, ударил на пушки, которыми овладел немедленно».

Атаке Кудашева предшествовала артиллерийская подготовка — Кудашев поставил донскую артиллерию на флангах, и она перекрестным огнем заставила французскую артиллерию сняться, а тогда уже Кудашев поскакал и захватил ее.

«Сей час г<енерал>-майор принц Бирон бросился в город с черноморцами и спешенными драгунами, — продолжает Денис Давыдов, — и после довольно горячей перестрелки, где он был легко ранен, овладел городом и гарнизоном.

Между тем казацкие полки Кудашева переходили вброд Ельстер вправо, а я со своими — слева от Цейца и вытягивались на гору, где было расположился ген<ерал> Лефебр. Но отпору нам уже не было никакого. Лефебр, можно сказать, более бежал нежели ретировался. Орлова и Кудашева полки остановились за Флос-Грабен, а я преследовал неприятеля до деревни Мейнсвей,

⁶⁵⁴ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и в заграничных походах... С. 450.

пославши партии для надзору за неприятелем, который ночевал в Вейзенфельсе»⁶⁵⁵.

Отряд Лефевра-Денуэтта был разгромлен и отброшен на 40 верст (расстояние между Альтенбургом и Вейзенфельсом).

По данным А. Лашука, французы потеряли под Альтенбургом 1481 человек, включая 589 кавалеристов (из них 220 гвардейцев) и 832 пехотинца. В частности, был потерян целый батальон баденской пехоты (9 офицеров и 408 солдат), который сдался в плен без сопротивления⁶⁵⁶.

Денис Давыдов вспоминал: «Взято в сем деле в плен до 1200 чел<овек>, 3 орудия, баталион пехоты и весь обоз. Потеря наша немаловажна»⁶⁵⁷.

М.И. Платов рапортовал: «Отбито с бою 5 пушек, из коих 3 — авангардом генерал-майора князя Кудашева и 3 гвардейские эстандарта, а 2 пушки — отрядом генерал-лейтенанта Тилемана... С нашей стороны, благодарение богу, урон не так велик, но по сведениям, есть убитых и раненых чиновников и казаков, а также венгерских и прусских гусар всего до 200 человек... Войска наши дрались, как львы, не взирая на сильное сопротивление неприятельской гвардии польских улан, а особливо мемелюков и так называемых гвардейских тартар. Командовавший мемелюками полковник Мюзо убит»⁶⁵⁸.

Через четыре дня после боя, 20 сентября (2 октября), М.И. Платов в рапорте Барклаю де Толли точно указал число пленных: «штаб-офицеров — 2, обер-офицеров — 42, унтер-офицеров и рядовых 1701 человек, кроме таких, кои за тяжелыми ранами не могли идти далее и коих не на чем было везти, брошены в Альтенбурге и близ оного, всего более 300 человек»⁶⁵⁹.

Участники разгрома элитной французской кавалерии не остались без наград. «Платов за сие дело получил Андреевскую ленту и орден Марии-Терезы, Тильман — Владимира 2-го, Кудашев — Анну 1-го класса. Менсдорф — Владимира 3-го, Орлов — Вла-

⁶⁵⁵ Давыдов Д. 1812—1813... С. 33—34.

⁶⁵⁶ Лашук А. Наполеон. Походы и битвы... С. 940.

⁶⁵⁷ Давыдов Д. 1812—1813... С. 34

⁶⁵⁸ Поход русской армии против Наполеона в 1813 году. С. 294.

⁶⁵⁹ Там же. С. 295.

димира 3-го, а я — славу первого виновника победы и похвалу товарищей», — вспоминал Денис Давыдов⁶⁶⁰. Но представлял Тильмана, Менсдорфа и Орлова не Платов.

Барклау де Толли 17 (29) сентября 1813 г. М.И. Платов представил список отличившихся, в котором из перечисленных Давыдовым героев есть лишь Кудашев, а остальные — казачьи офицеры: «В сем важном поражении неприятеля особенно отличились мужеством, храбростию и благоразумным распоряжением командовавший авангардом генерал-майор князь Кудашев, который во все время поражения [неприя] теля находился с донскими полками впереди и распоряжался как искусный генерал; командующий Атаманским полком полковник Греков 18-й; командующий частями донских полков Грекова 1-го и Чернозубова 5-го подполковник Костин; командир Черноморского казачьего полка есаул Плохий. Все они находились впереди полков и были примером храбрости подчиненным своим. Командир же 1-й роты Донской конной артиллерии подполковник Тацын 4-й с отличною храбростию поражал неприятеля картечными выстрелами. О состоящих в полках и артиллерии чиновниках, отличившихся в сем сражении, как выше объяснено, имею я долг донести Вашему высокопревосходительству особенно»⁶⁶¹.

Дело было действительно славное, и на донцов удивительно и неожиданно быстро по тем временам пролился дождь наград. Князь П.М. Волконский уже 1 (13) октября сообщал Платову: «Государь император в воздаянии отличной храбрости и неустрашимости, оказанной в сражении, бывшем минувшего сентября 16-го числа при г[ороде] Альтенбург и м. Цейц всемилоостивейше пожаловать соизволил войска Донского казацких полков, а именно: Горина 1-го полка, войскового старшину Горина, есаула Ефремова, урядника Куприянова, Сюмикина, Маслова и Горина в следующие чины; Сотников Белогородцева орденам Св[ятого] Владимира 4-й степени, Карасева хорунжих Суравцева, Пузанова, Горина орденами Св[ятой] Анны 3-го класса, Иловайского 10-го полка есаула Карпова, урядников Загудаева, Коновалова и Студеникова — в следующие чины; есаула Русина, сотника Мамбетова

⁶⁶⁰ Давыдов Д. 1812—1813... С. 34.

⁶⁶¹ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах. С. 451.

орденами Св[ятого] Владимира 4-й степени, есаула Дробышева и хорунжего Ребина орденами Св[ятого] Анны 3-го класса»⁶⁶².

На следующий день после боя, 17 (29) сентября, М.И. Платов писал А.А. Аракчееву: «Сегодня отправляю я своих раненых, а также и пленных, и пойду до города Фробурга, ибо известился я, что там еще есть неприятель. Если Бог мне поможет и оного сбить, тогда уже на коммуникацию, что от Дрездена до Лейпцига, свободно будет действовать... Ах! Как жаль, что у меня команда небольшая, можно б гораздо более успевать»⁶⁶³.

Еще через день, 18 (30) сентября, Платов предлагал не подчиненному ему генералу Тильману идти на Вюрцен, а сам брался занять Мейсен. Это были крупнейшие населенные пункты, связывающие Лейпциг и Дрезден. Захват их изолировал бы столицу Саксонии (Дрезден) от крупнейшего города страны (Лейпцига)...⁶⁶⁴.

Французская кавалерия под Лейпцигом не смогла отстоять свои коммуникации, она была разгромлена и потеряла до половины состава. Это сказалось на общем стратегическом положении армии Наполеона. Французские войска начинают оттягиваться к Лейпцигу. 18 (30) сентября Платов столкнулся с неприятельским корпусом князя Понятовского, который отходил от Дрездена к Лейпцигу, чтобы прикрыть коммуникации.

22 сентября (4 октября) П.Х. Виттенштейн рапортовал М.Б. Барклаю де Толли: «Лейб-гусарского полка ротмистер Бок, которой находится в отряде господина генерал-лейтенанта Тиллемана, мне доносит от 21-го сего сентября из дер. Мозел, что у Цвиккау: все предвещает и утверждает, что неприятель намеревается сделать большое отступательное движение, два дни тому назад приготовили квартиру для Наполеона в Лейпциге, где его ожидали всякой час»⁶⁶⁵.

Наполеон, действительно, «попятился». Союзники его преследовали и наконец оттеснили к Лейпцигу, где и произошла решившая участь кампании «Битва народов».

⁶⁶² Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах. С. 477.

⁶⁶³ Там же. С. 450.

⁶⁶⁴ Там же. С. 451-452.

⁶⁶⁵ Поход русской армии против Наполеона в 1813 году. С. 298.

«БОРЬБА ЭЛИТ»: БОЙ ЛЕЙБ-ГВАРДИИ КАЗАЧЬЕГО ПОЛКА С ФРАНЦУЗСКИМИ КИРАСИРАМИ В БИТВЕ НАРОДОВ ПОД ЛЕЙПЦИГОМ

**«Железные люди»: французские кирасиры —
ударные таранные части наполеоновской армии**

Как уже говорилось выше, для нанесения таранных ударов на поле боя французы использовали крупные массы тяжелой кавалерии. Полки тяжелой кавалерии существовали практически во всех армиях Европы, они традиционно назывались «кирасирами», хотя на рубеже XVIII—XIX веков большинство из них (за исключением австрийской армии) кирас не носили.

Нанесение одновременного согласованного удара несколькими полками и даже дивизиями удавалось лишь за счет снижения скорости. Всадники, идущие в атаку, могли удерживать строй лишь при движении рысью.

Итоги таких атак были впечатляющими. «Ни одна кавалерия не прорвется там, где этого не сделают уланы или кирасиры, скачущие рысью», — писал Жомини⁶⁶⁶.

В свою очередь, чем медленнее двигались всадники, тем легче было в них попасть. «Производство атаки медленным аллюром вызывало, однако, такие потери от пехотного огня, что Наполеон должен был принять особые меры для уменьшения их, — писал

⁶⁶⁶ Жомини Г. Указ. соч. С. 322.

Д. Денисон. — Тяжелая конница, а позже и карабинеры получили опять кирасы и каску. Вновь сформированные кирасиры скоро заслужили себе громкую славу и совершали подвиги, нередко влиявшие на исход всей кампании...

Кирасирские полки были вновь сформированы в декабре 1802 г. из 5-го, 6-го и 7-го конных полков. Они оказали такие важные услуги, что в 1804 г. еще 9 полков получили кирасы, и во всех кирасирских полках шляпы были заменены касками. В 1812 г. кирасирских полков было 14»⁶⁶⁷.

Карабинеров во французской армии было два полка. В 1791 г. их вооружение состояло из карабина со штыком, пистолета и палаша⁶⁶⁸. Их форма одежды отличалась высокими меховыми шапками. Но перед походом на Россию и эти полки получили кирасирское снаряжение и отличались от обыкновенных кирасир лишь формой каски и цветом мундира.

Защищенные кирасами и касками всадники, действующие одним плотным строем, оказались неуязвимы для холодного оружия противника, и это значительно повысило их боевой дух. Французские кирасиры прекрасно проявили себя в 1807 и 1809 гг.

«Мы можем также обратиться к огромным успехам тяжелой французской кавалерии при возрождении кирас, от которых она до этого отказалась на столь долгое время», — писал Жомини⁶⁶⁹.

Другие европейские армии тоже стали возвращать кирасы, но в России кирасирские полки получили их лишь в 1812 г. Да и концентрация кирасирских полков в подражание французам в других армиях началась позже. Так что довольно долгий отрезок времени французские кирасиры были «новинкой», решившей исход ряда сражений. И сразу же начались поиски контрмер против них.

Обсуждались они и в русской армии в 1807 году. «Разговаривали о довольно важном предмете, а именно, в какой степени латы и шикки полезны преимущественно тем, что производят сильное впечатление в атакуемых и порождают в латниках более смелости, в надежде на защиту от пуль. «Но я научил моих егерей и казаков не бояться этих железных горшков, — сказал князь Багра-

⁶⁶⁷ Денисон Д. Указ. соч. С. 328.

⁶⁶⁸ Там же.

⁶⁶⁹ Жомини Г. Указ. соч. С. 45.

тион. — Хорошей, стойкой пехоте, как наша, — промолвил он, — не страшна никакая кавалерия»⁶⁷⁰.

Казачи тоже имели опыт столкновений с кирасирами. Броневский в своей «Истории Донского войска» (часть II, стр. 175) писал: «Генерал-майор Денисов, 29 мая 1807 г., в соединении с регулярно кавалериею, не раз встречался с французскими кирасирами и всегда находил средство уязвить их. Как скоро сии тяжелые всадники по какому-нибудь случаю приходили в расстройство, они тотчас делались жертвою казаков. Сии неповоротливые кавалеристы, слабо держащиеся в седле, от удара пики, как бездушные трупы, валились на землю».

Однако воспоминания самого А.К. Денисова о бое 29 мая 1807 г. рисуют менее радужную картину: «Вдруг, к крайнему моему удивлению и даже недоразумению, вижу, что две части кавалерии, не более как 2 эскадрона, отдельно один от другого, с большою смелостию подошли к сказанному маленькому ручью, который был от нас в верный ружейный выстрел. Я был весьма в недоумении, что оные предпринимают, как услышал, что казаки, указывая на оных, довольно громко повторяли: “Латники! латники!” Взглянув внимательнее, я увидел, что это кирасиры, покрытые железом. Тут я понял, что они предпринимают дерзкое намерение врезаться в казачьи полки и расстроить оные. Не теряя времени, я приказал Ефремову — с его и с другим полком, когда кирасиры перейдут ручей, отрезать их от онаго, а другим двум полкам приказал ударить в лицо. Со всею моею поспешностию не мог я еще успеть мое распоряжение привести в порядок, как те кирасирские эскадроны, перейдя ручей, врассыпную стремительно пустились на нас и в минуту врезались в казачьи полки, но ни опрокинуть, ни расстроить оных не успели, хотя и сделали большое замешательство. Казаки с отменною храбростию били их в дротики, но дротики одни ломались, а другие гнулись. Я скакал, всюду где надобность показывала быть моему присутствию, и подвергал себя большой опасности, что ежели бы не добрый слуга, — собственный мой человек Василий Яковлев, то я бы неминуемо был палашами заколот или изрублен. Казаки, видя крепость кирасирского одеяния, сбивали с голов их дроти-

⁶⁷⁰ Цит. по: Анисимов Е. Багратион... С. 270—271.

ками шишаки, а после того били в открытые головы и сбивали с лошадей. Кирасиры, видя свою неудачу, опрометью скакали назад, а казаки, преследуя по возможности, оных убивали. Из сих непобедимых всадников менее третьей части ушли, а все прочие пали на месте»⁶⁷¹.

Как видим, 2 французских кирасирских эскадрона смело пошли на 4 полка казаков, но этими четырьмя полками все же были смяты и перебиты.

В двух последующих наполеоновских кампаниях кирасиры были использованы в полной мере. Под Экмюлем они разбили австрийскую кавалерию, под Асперном и Ваграмом они своими атаками практически спасли французскую армию, бывшую на грани поражения, и, наконец, в Бородинской битве кирасиры ворвались с тыла и захватили Курганную высоту — Батарею Раевского.

Но в России французские кирасирские полки погибли. Наиболее боеспособными полками французской армии в 1813 г. стали драгуны, которые в подавляющем большинстве не участвовали в походе на Россию, воевали в это время в Испании, а затем были переброшены в Саксонию. Они сохранили свой личный состав и приобрели в Испании дополнительный боевой опыт в сражениях против испанцев, португальцев и англичан. Однако Наполеон в 1813 г. все чаще стал прибегать к трафаретным решениям. «После тридцати лет начинаешь терять способность вести войну», — говорил он⁶⁷². И он восстановил кирасирские полки и свел их в дивизии, чтобы опять решать исход сражений таранным ударом тяжелой кавалерии.

Вставал вопрос о боеспособности этих дивизий. Чтобы она оставалась традиционно высокой, нужны были старые обученные солдаты. Наполеон мог бы переформировать в кирасир свои драгунские полки, ведь был уже опыт переформирования драгун в шеволежеры. Теперь же достаточно было одеть на них кирасы. Тем не менее в 1813 г. кирасирские полки были набраны заново на базе своих полковых депо и не обладали качествами своих предшественников. Одна кирасирская часть формировалась в 1813 г. под Гамбургом: «Когда в эскадрон

---

⁶⁷¹ Записки донского атамана Денисова. С. 166—167.

⁶⁷² Платов А. Указ. соч. С. 183.

прибыли 120 лошадей, то выяснилось, что на них никогда не ездили верхом, $\frac{9}{10}$ людей никогда не касались лошади...» При команде «Палаши вон!» лошади испугались грохота оружия и разбежались, сбросив всадников⁶⁷³.

И все же полгода, проведенные в строю, не прошли для кирасирских полков даром, и именно они стали ударной силой французской армии в решающем сражении кампании, разгоревшейся под Лейпцигом.

Лейб-гвардии Казачий полк, его история и боевой состав

Ветеран наполеоновских войн, известный кавалерист и автор мемуаров, генерал Марбо считал, что в Лейб-гвардии Казачьем полку служат — «лучшие кавалеристы русской армии»⁶⁷⁴.

К 1813 г. Лейб-гвардии Казачий полк уже имел свой боевой путь и свою славную историю. Он был создан в 1796 г. на основе Донской команды императорского конвоя как Лейб-гвардии Гусарский Казачий полк, а затем в 1798 г. его разделили на Лейб-гвардии Гусарский и Казачий полки.

Донские казаки составляли в Лейб-гвардии Казачьем полку 3 эскадрона. Ежегодно к январю в Войске Донском набирались «100 человек исправных и хорошего поведения казаков» и командировались на укомплектование полка в С.-Петербург⁶⁷⁵.

Как писал историк полка Б.Р. Хрещатицкий, «являясь таким образом действительно представителем по своему отборному составу Войска Донского, Лейб-гвардии Казачий полк в то же время, благодаря основательно проходимой служебной школе в составе войск гвардии, являлся как бы и учебной частью для всего Войска, снабжая его хорошо изучившими технику службы и строй молодыми офицерами»⁶⁷⁶.

До 1812 г. полк участвовал в трех кампаниях против французов и в войне со Швецией.

⁶⁷³ Шиканов В.Н. Указ. соч. С. 94.

⁶⁷⁴ Марбо Ж. Указ. соч. С. 560.

⁶⁷⁵ Хрещатицкий Б.Р. Указ. соч. С. 193.

⁶⁷⁶ Там же.

В 1811 г., как уже говорилось, при полку была сформирована Черноморская сотня. Сотня эта прибыла в Петербург под командою войскового полковника Бурсака 2-го. От гвардии эта сотня, кроме особенностей обмундирования, отличалась только тем, что ее офицеры имели армейские казачьи чины и особое производство по Черноморскому Казачьему Войску; в этой сотне состояло: штаб-офицеров — 1, обер-офицеров — 3, урядников — 14, казаков — 100, лошадей строевых — 114 и столько же подъемных⁶⁷⁷. В 1812 г. в Лейб-гвардии Казачьем полку числилось 80 офицеров и урядников и 404 казака (в том числе 12 калмыков).

В 1812 г. четырехэскадронный (3 донских эскадрона, 1 — черноморский) Лейб-гвардии Казачий полк находился в 1-й Западной армии, 1-м кавалерийском корпусе генерал-лейтенанта Ф.П. Уварова. Командовал полком генерал-майор В.В. Орлов-Денисов.

Считается, что казаки этого полка первыми встретили французов, когда те только начали переправу через Неман. По крайней мере, саперы 13-го полка легкой пехоты, высадившиеся на русском берегу, встретились со всадниками с белыми султанами на головных уборах, и командир этих всадников задавал саперам вопросы на французском языке. Последовали стычки под Ковно и Вильно. Поскольку казачья конница, состоявшая в 1-й Западной армии, в начале кампании оказалась отрезанной и была переподчинена командующему 2-й Западной армии, Лейб-гвардии Казачий полк оставался в своей армии практически единственным казачьим полком, прикрывающим ее отступление (еще несколько казачьих полков оставались в 1-м корпусе Витгенштейна, вскоре отделившемся от 1-й Западной армии). 15 июля лейб-казаки отличились в сражении под Витебском, они несколько раз ходили в атаку, и в одной из них налетели на батарею, возле которой стоял сам Наполеон. Затем Лейб-гвардии Казачий полк сражался при Валутинной горе, участвовал в рейде Уварова при Бородине и сражался у Тарутина, где особенно отличился командир полка В.В. Орлов-Денисов.

В воспоминаниях французов и поляков они проходят как «красные казаки» — по цвету мундиров. Польский офицер Хлаповский вспоминал, что шеволежеры гвардии поймали несколько

⁶⁷⁷ Хрещатицкий Б.Р. Указ. соч. С. 282.

«красных казаков», и дал им характеристику — «очень высокие и сильные».

Весь 1813 г. Лейб-гвардии Казачий полк состоял в конвое императора Александра I.

Сражение 4 (16) октября под Вахау, атака французских кирасир и контратака гвардейских казаков

Как мы уже выяснили, из-за плохо организованной разведки Наполеон оказался в полукольце в окрестностях Лейпцига, и это полукольцо грозило замкнуться с запада. 1 (13) октября Богемская армия союзников вышла к Лейпцигу с юга. Маршал Мюрат, король Неаполитанский, располагался здесь, имея под своим начальством не более 50 000 солдат. Опасаясь, что Богемская армия раздавит его численностью, Мюрат собирался отойти за реку Парте. Но Наполеон, не имевший верных сведений о расположении союзников, находившихся севернее и восточнее Лейпцига, полагая, что они находятся достаточно далеко, решил идти со своими главными силами к Лейпцигу и вместе с Мюратом раздавить Богемскую армию.

Наполеон сообщил Мюрату, что 2 (14) октября непременно придет в Лейпциг, и успокоенный этим известием Мюрат решил принять бой к югу от города.

Наполеон действительно устремился к Лейпцигу, не подозревая, что по пятам за ним движутся войска Северной армии союзников.

2 (14) октября французы сразились с передовыми войсками Богемской армии при Вахау и Либертовольквице. Передовые части обычно состоят из кавалерии с артиллерийской поддержкой. Эти войска и дрались на равнине к югу и юго-востоку от селения Либерквольквиц.

До 6000 русских и прусских кавалеристов под начальством генерала графа Палена и австрийская конница из корпуса Кленау (около 2000 всадников) сразились с тремя дивизиями и двумя бригадами французской кавалерии (в сумме около 6000 всадников). Французские полки состояли из ветеранов испанской кампании. Весь день шли яростные кавалеристские схватки. С наступлением

сумерек обе стороны отступили на исходные позиции, и бой под Либертвольквицем прекратился.

4 (16) октября началось сражение под Лейпцигом и закончилось 7 (19) октября.

Численность союзных армий, сражавшихся под Лейпцигом, составляла 361 102 человека при 1456 орудиях. Богемская (она же Главная) армия князя Шварценберга насчитывала 196 950 человек и 786 орудий. Силезская армия Блюхера — 63 861 человек и 310 орудий. Северная армия шведского кронпринца Карла-Юхана — 67 416 человек и 226 орудий. Из состава Польской (русской) армии Беннигсена на поле сражения под Лейпцигом 17 октября прибыло 33 875 человек и 134 орудия⁶⁷⁸. В рядах Великой армии сохранилось к концу сентября 256 тысяч солдат и 784 орудия. Силы Наполеона непосредственно под Лейпцигом насчитывали около 200 тысяч человек и 700 орудий.

Но 4 (16) октября силы Северной армии союзников и войска из Польской армии к полю боя еще не подошли, они находились в 30—40 верстах от Лейпцига, да и войска Богемской армии подошли далеко не все (133 тысячи из 196 тысяч). И Наполеон имел шанс разгромить Богемскую армию до подхода Северной и Польской армий, а потом развернуть свои главные силы против опоздавших (все это время он считал, что они еще далеко).

Более 60 тысяч Наполеон оставил в качестве прикрытия с севера, а сам обрушился на Богемскую армию, имея 122 тысячи солдат. Жестокое сражение 4 (16) октября, по мнению маршала Мармона, решило участь всей Лейпцигской битвы.

«Это сражение, произошедшее 16-го, решило вопрос об обладании Германией, — писал Мармон. — В тот день мы сражались, чтобы ею повелевать. Союзники сражались, чтобы избавиться ее от нашего господства. Нам оставалось лишь вступить в бой, чтобы обеспечить наше собственное спасение. Таким образом, ошибочно называть 18 октября днем битвы при Лейпциге. 16-го этот важнейший вопрос уже был решен. Поскольку Наполеону не удалось одержать победу и заставить противника отступить, а мне пришлось биться одному против четырех, то, хотя шестидесятитысячная Северная армия и не вошла в строй, а большие

⁶⁷⁸ Лашук А. Наполеон. Походы и битвы... С. 943—944.

войска князя Шварценберга должны были 17-го получить большое подкрепление от Беннигсена и Коллоредо, все уже было решено. К тому же наши силы иссякли, боеприпасы закончились, а войска были наполовину разбиты. Таким образом, мы не имели больше никаких надежд, и единственным нашим намерением было отступить, сохраняя порядок в рядах, спасти остатки нашей армии и вернуться во Францию»⁶⁷⁹.

Тогда, 4 (16) октября, и произошел интересующий нас бой Лейб-гвардии Казачьего полка.

Атаку начали союзники. Рядом с рекой Плейсе наступал прусский корпус генерала Клейста, против него стоял VIII польский корпус Понятовского; справа от Клейста на селение Вахау наступал русский корпус принца Евгения Вюртембергского, ему противостоял II корпус Виктора; еще восточнее на Либертвольквиц наступал русский корпус Горчакова на V корпус Лористона. На флангах союзников наступали австрийские войска. На крайнем левом фланге войска генерала Мерфельдта пытались обойти французов через болота между Эльстером и Плайсе, а на крайнем правом пока еще не появились войска Кленуа.

Первая атака союзников была беспорядочной и несогласованной. Наступали они в условиях тумана. Различные соединения вступали в бой с французами не одновременно, а по мере подхода. В течение первого же часа боя, с 8.30 до 9.30 утра, возник большой промежуток между корпусами Евгения Вюртембергского и Горчакова. Это был благоприятный момент, чтобы Наполеон мог нанести контрудар, но тот же туман мешал части французских корпусов занять позиции, определенные для них императором. Наполеон не стал импровизировать. Он продолжал отбивать атаки союзников в течение первых двух часов сражения при помощи артиллерии и ограниченного количества войск и все это время стягивал корпуса на фланги и концентрировал конницу во второй линии.

С 9 до 11 часов успех боя между французами и Богемской армией колебался. Русские несколько раз нарывались на массивную французскую артиллерию и откатывались с потерями. К этому времени Наполеон сосредоточил в центре всю свою ар-

⁶⁷⁹ Мемуары маршала Мармона // Воин № 9. С. 69.

тиллерию и подтянул туда свою гвардию и три корпуса резервной кавалерии⁶⁸⁰.

Примерно в 11 часов стало очевидно, что первый натиск Богемской армии провалился. Союзники начали перегруппировку сил. Они подтягивали резервы, прусская и русская гвардии выдвинулись вперед и заняли позицию около Гульденгоссы, в тылу корпусов Евгения Вюртембергского и Горчакова.

К северу от Лейпцига Мармон все это время «запугивал» Блюхера и максимально оттянул время, когда тот начал атаку. Тем самым были созданы все условия для перехода армии Наполеона в наступление.

Наполеон приказал генералу Друо сосредоточить 150 пушек в промежутке между позициями Виктора и Лористона, против стыка корпусов Горчакова и Евгения Вюртембергского. Этим оружием предстояло разорвать огнем линию союзников и проделать брешь. Три корпуса — Ожеро, Мортье и Удино — должны были усилить корпуса первой линии и поддержать общую атаку всем фронтом. Корпуса Макдональда и Сугама готовились остановить и оттеснить подходящих к правому флангу союзников австрийцев Кленау, а затем обойти этот правый фланг и зайти в тыл русскому центру. По плану Наполеона атака должна была начаться мощной бомбардировкой, затем в пространство, расчищенное артиллерийским огнем, ворвется французская кавалерия под командой Мюрата численностью до 12 000 и прорвет брешь, в которую немедленно войдут колонны пехоты. В это время Макдональд опрокинет правый фланг союзников на отступающий центр Богемской армии, и это будет победа⁶⁸¹.

К полудню Макдональд перешел в контрнаступление и стал теснить австрийцев Кленау. Но корпус Сугама на помощь Макдональду так и не подошел, а приданная Макдональду кавалерия Себастьяни ввязалась в затяжной бой с русской кавалерией Палена. «Напрасно многочисленная австрийская кавалерия генерала Кленау при поддержке казачьего полка пыталась повернуть ход сражения в свою пользу. Она была разбита и обращена в панику кавалерийским корпусом генерала Себастьяни. Сражение стало

⁶⁸⁰ Чандлер Д. Указ. соч. С. 563.

⁶⁸¹ Там же. С. 564.

очень ожесточенным», — вспоминал генерал Марбо⁶⁸². Судя же по русским наградным документам, казачьих полков в этом бою участвовало не менее трех. Генерал-майор бывшего Тульского ополчения князь Щербатов был награжден за то, что 4 (16) октября под Лейпцигом, «когда 2 неприятельские кавалерийские дивизии атаковали корпус генерала графа Клейнау, то он с командуемыми им 3 казачьими полками два раза опрокинул оные, гнал до самых неприятельских батарей». Тем не менее австрийцы попятились и даже оставили свои исходные позиции. А французская артиллерия усилила огонь по центру союзников, подготавливая здесь фронтальную атаку.

В это время, судя по «Журналу военных действий», к центру расположения войск Богемской армии, к Вахтбергу у Госсы, прибыли союзные монархи со своими свитами и сразу стали свидетелями переломного момента в сражении. «...большая часть артиллерии нашей по превосходнейшему числу артиллерии неприятельской и по выгоднейшему месту ее расположения была повреждена», войска стали отходить к деревне Госсы.

Главнокомандующий русскими войсками Барклай де Толли, «усмотрев, что войска графа Витгенштейна и корпус Клейста имели дело со всеми почти силами неприятельскими», просил командующего Богемской армией генерал-фельдмаршала князя Шварценберга придвинуть к центру войска с левого фланга. «Между тем неприятель пустил многочисленные колонны кавалерии своей на центр наш...»⁶⁸³

Передвижение союзных войск с их левого фланга к центру стало сигналом для Наполеона...

К двум часам корпус Сугама все еще не поддержал Макдональда, австрийцы уступили много территории, но разбиты не были. и правый фланг союзников французам обойти пока не удалось. Чтобы не терять темпа, Наполеон решил нанести свой главный удар, не ожидая, пока Макдональд обойдет союзников. По версии Марбо, Наполеон принял решение об атаке, когда увидел движение войск и предположил, что командующий Богемской армией князь Шварценберг исчерпал свои резервы — «князь Шварценберг при

⁶⁸² Марбо Ж. Указ. соч. С. 668.

⁶⁸³ Поход русской армии против Наполеона в 1813 году. С. 318.

виде того, что линия его войск прорвана в нескольких местах, вывел вперед свои резервы в поддержку основных сил. Это заставило императора дать приказ о большой кавалерийской атаке, в которой приняли участие два корпуса: Келлермана, Латур-Мобура и гвардейские драгуны»⁶⁸⁴.

Пушки Друо открыли огонь по корпусам Клейста и Евгения Вюртембергского, и 10 000 кавалеристов Мюрата бросились в атаку. В это же время Наполеон дал приказ на генеральное фронтальное наступление, и французская пехота тоже двинулась вперед.

Французская гвардейская кавалерия, поддерживаемая еще десятью эскадронами, разорвала на части и опрокинула прусский корпус Клейста. Но своевременно прибывший австрийский кавалерийский резерв, в свою очередь, опрокинул и погнал французскую кавалерию. Однако австрийские кавалеристы, зарвавшись в своем преследовании, вылетели на 150 орудий Друо и под их огнем с потерями откатились назад.

Марбо вспоминал, что во время этого боя «Келлерман опрокинул дивизию русских кирасир, но с фланга его атаковала другая вражеская дивизия, поэтому Келлерману пришлось отступить на высоты Вахау, захватив несколько неприятельских знамен»⁶⁸⁵.

Описывая этот бой, Денисон уточнял, что Келлерман во главе 6 тысяч всадников опрокинул русскую кирасирскую бригаду Левашева и продвигался далее, когда, в свою очередь, его ударили во фланг только что перешедшие Плейсу 6 австрийских кирасирских полков графа Ностица. «Келлерман был опрокинут и ушел за свою пехоту и артиллерию, где опять привел в порядок свои части. Эта решительная атака австрийцев спасла центр союзников от поражения»⁶⁸⁶.

Таким образом, попытка прорвать фронт союзников кавалерийской атакой с первого раза не удалась. И по мнению Денисона, причиной тому — контратака австрийских кирасир.

«Затем вскоре после 2.30 дня произошло самое прославленное кавалерийское сражение этого дня»⁶⁸⁷.

⁶⁸⁴ Марбо Ж. Указ. соч. С. 668.

⁶⁸⁵ Там же.

⁶⁸⁶ Денисон Д. Указ. соч. С. 353.

⁶⁸⁷ Чандлер Д. Указ. соч. С. 565.

Д. Чандлер, изучивший кампании Наполеона, объяснял начало этой атаки французских кирасир следующим образом: «1 французский кавалерийский корпус, подтянутый к батареям Друо, был незадолго до сражения подчинен генералу Думерку (Латур-Мобур был тяжело ранен). Увидев, что перед его фронтом открылась возможность, Думерк приказал кирасирской дивизии генерала Бордесуля из 18 эскадронов (2500 кавалеристов) атаковать во фланг войска Евгения Вюртембергского. Тяжеловесы с грохотом помчались вперед и немедленно взрезались глубоким клином в линию союзников»⁶⁸⁸.

А. Лашук, опираясь на воспоминания командира французской кирасирской дивизии Бордесульта, дает несколько иной вариант. Граф Этьен Гардиф де Поммру де Бордесуль в своем письме в редакцию французского журнала «Spectateur militaire» от 23 марта 1827 г. сообщил следующее: 1-я тяжелая кавалерийская (кирасирская) дивизия генерала Бордесуля состояла из 22 эскадронов, но саксонский кирасирский полк Цастрова (4 эскадрона) был откомандирован из дивизии, и на момент атаки она состояла из 18 эскадронов кирасир, насчитывавших вместе не более 2500 всадников.

После 14 часов 1-я кирасирская дивизия выдвинулась вперед и расположилась на правом фланге большой батареи Друо. Сделано это было по приказу дивизионного генерала Думерка. Генерал Жан-Пьер Думерк только что возглавил I корпус резервной кавалерии, предыдущему командиру корпуса генералу Латур-Мобуру примерно в половине второго часа пополудни оторвало ядром ногу.

Около 14 часов 30 минут генерал Бордесуль **самостоятельно принял решение атаковать** со своей дивизией находившиеся перед ним русские батареи, огонь которых сильно мешал наступлению пехотных колонн Виктора и Лористона. Четыре эскадрона саксонского Гвардейского кирасирского полка (из 3-й бригады генерал-майора фон Лессинга) он направил на русскую батарею, стоявшую вправо, а сам с шестью эскадронами 1-й (передней) бригады бригадного генерала Луи-Шарля-Бартеlemi Сопранзи пошел на большую батарею влево. Восемь эскадронам 2-й бригады, командиром которой был бригадный генерал Бертран Бессьер

⁶⁸⁸ Чандлер Д. Указ. соч. С. 565.

(младший брат маршала), Бordesуль приказал следовать сзади, в качестве резерва⁶⁸⁹.

Историк Лейб-гвардии Казачьего полка Б.Р. Хрещатицкий описал начало этой атаки более эмоционально: «В три часа трубы проиграли атаку, на мгновение умолкли пушки, и вот— французские эскадроны сверкающей и волнуемой лавиной, все увеличивая аллюр, ринулись вперед, огибая справа и слева Вахау»⁶⁹⁰.

Саксонские гвардейские кирасиры полка «garde-du-corp», перейдя плоскогорье Вахау, повернули вправо и атаковали батарею, занимавшую огневую позицию в ½ версте западнее деревни Гольденгоссы, недалеко от 9-й прусской бригады генерал-майора фон Клюкса. Бригады Сопранзи (2-й, 3-й и 6-й кирасирские полки) и Бессьера (9-й, 11-й и 12-й кирасирские полки) пошли прямо, на вторую русскую батарею, поставленную у дороги в Либертвольквиц. Сам дивизионный генерал Бordesуль, сопровождаемый начальником штаба 1-й тяжелой кавалерийской дивизии адъютант-комманданом Шарлем-Франсуа Роттье де Лабордом, следовал при 1-й бригаде.

Под удар французских кирасир попали поредевшие батальоны Кременчугского полка, который являлся прикрытием обеих русских батарей. Один из двух батальонов Кременчугского полка был смят и частично взят в плен. Другой батальон успел построиться в каре и устоял. Однако русская батарея из 26 русских орудий, состоявшая из 33-й батарейной роты и гвардейской батарейной роты графа Аракчеева, была захвачена французскими кирасирами. Атака на батарею нарушила боевой порядок бригады Сопранзи, и ей пришлось остановиться, чтобы вновь устроиться⁶⁹¹.

Первоначальная задача, которую ставил перед собой и дивизией Бordesуль, была выполнена, батареи захвачены. Все последующие события объясняются несогласованностью в действиях французского командования и попытками русских вернуть свои батареи. Интересно мнение Жомини: «Общая атака кавалерии проводится, чтобы захватить артиллерийские батареи и позволить пехоте с большей легкостью занять позицию, но пехота тогда долж-

⁶⁸⁹ Лашук А. Наполеон. Походы и битвы... С. 945.

⁶⁹⁰ Хрещатицкий Б.Р. Указ. соч. С. 381.

⁶⁹¹ Лашук А. Наполеон. Походы и битвы... С. 945—946.

на быть под рукой, чтобы вовремя поддержать кавалерию. Дело в том, что атака такого характера имеет лишь временный эффект, из которого следует извлечь выгоду, прежде чем противник сможет контратаковать разрозненную кавалерию. Великолепная атака французов в направлении населенного пункта Госс (Гюльденгосс) в битве под Лейпцигом 15 октября (на самом деле — 16 октября. — А.В.) является прекрасным примером такого рода»⁶⁹².

Решение атаковать батареи было принято самим Бордесультом и, видимо, без согласования с соседями. Отсюда — непонятное, на первый взгляд, бездействие французской пехоты, хотя общий план Наполеона предполагал тесное взаимодействие между атакующими.

Видимо, в это время, как писал Б.Р. Хрещатицкий, «оценивая важность минуты, Александр I подозвал к себе стоявшего в свите командира лейб-казаков графа Орлова-Денисова и послал его за тяжелою кавалерией. А генералу Сухозанету, бывшему здесь, Государь повелел выдвинуть резервную артиллерию»⁶⁹³. Но для исполнения этого приказа нужно было время.

Сражение продолжалось. Союзное командование, естественно, стягивало резервы к предполагаемому месту прорыва, как только ударила французская артиллерия. И силы эти подходили вовремя.

Вскоре со стороны деревни Госсы (Гюльденгоссы) показались два полка русской легкой гвардейской кавалерийской дивизии (12 эскадронов, более 1200 всадников), прибывшие с левого фланга союзников, — Лейб-гвардии Драгунский и Лейб-гвардии Уланский полки. Третий полк дивизии, Лейб-гвардии Гусарский, ранее участвовавший в бою с польской и французской конницей на левом фланге, еще не успел догнать свою дивизию. Четвертый полк дивизии — Лейб-гвардии Казачий — находился поблизости в конвое императора Александра I.

Бригада Сопранзи еще не успела перестроиться. Кирасиры, рассыпавшись группами, забирали пленных и пытались увести 4 захваченных ими орудия. Лейб-драгуны и лейб-улань опрокинули их, причем унтер-офицер Лейб-гвардии Драгунского полка

⁶⁹² Жомини Г. Указ. соч. С. 320.

⁶⁹³ Хрещатицкий Б.Р. Указ. соч. С. 382.

Иван Стадницкий отбил знамя Кременчугского пехотного полка, ранее взятое французами.

Б.Р. Хрещатицкий пишет, что русские драгуны бросились и на батарею, захваченную саксонцами, и заставили последних отступить⁶⁹⁴.

Командир дивизии Бордесуль послал бригадному генералу Бессьеру, чья 2-я бригада по-прежнему оставалась в резерве, приказание выслать против головных частей русской кавалерии один кирасирский полк, однако «неустранимый Бессьер бросился на неприятеля со всей своей бригадой»⁶⁹⁵.

Русская гвардейская бригада прибыла под Госсу «после утомительного перехода», в бою с бригадой Сопранзи наверняка потеряла строй и сразу же потеряла свое командование — «по несчастной случайности, начальник дивизии генерал Шевич в первый же момент смертельно поражен; принявший от него команду Давыдов артиллерийским снарядом буквально разорван на куски; происходит замешательство»⁶⁹⁶. Поэтому кирасиры из бригады Бессьера опрокинули русскую гвардейскую бригаду. Лашук пишет, что это произошло после рубки, Хрещатицкий считает, что опрокинули «с налета».

«Описание сражения при Лейпциге», подготовленное в штабе русской армии в 1813 г., «подчищавшее» и объяснявшее «неудобные» моменты боя, дало такой вариант событий: «...Главные силы неприятельской кавалерии пронеслись мимо сражавшихся тут частей по направлению к долине, которая тянется от Госсы до Греберна. Здесь, не ожидая нападения, двигалась растянутыми линиями легкая гвардейская кавалерийская дивизия. Прежде чем она смогла построиться, неприятель стремительно напал на нее и смял»⁶⁹⁷.

Итак, русскую гвардейскую бригаду обратили в бегство и загнали на болотистый луг западнее Госсы. «Затем эскадроны Бессьера устремились к плотине между двух прудов, за которой, на холме Вахтберг, была заметна блестящая группа всадников — союзные монархи с их свитами. Хотя низина к западу от Госсы от

⁶⁹⁴ Хрещатицкий Б.Р. Указ. соч. С. 381.

⁶⁹⁵ Лашук А. Наполеон. Походы и битвы... С. 946.

⁶⁹⁶ Хрещатицкий Б.Р. Указ. соч. С. 381—382.

⁶⁹⁷ Поход русской армии против Наполеона в 1813 году. С.365.

дождей превратилась в вязкое, труднопроходимое болото, отдельные французские кирасиры все же стали перебираться через нее (их общее число, по-видимому, не превышало сотни, и, конечно, они не могли представлять серьезной угрозы для монархов России, Австрии и Пруссии). Но главные силы бригады Бессьера еще раньше свернули вправо — навстречу Орденскому и Малороссийскому кирасирским полкам генерал-майора графа Гудовича (2-й бригады 3-й кирасирской дивизии), спешившим к Вахтбергу из Ауэнхайма»⁶⁹⁸. Это, видимо, Орлов-Денисов подвел затребованную царем тяжелую кавалерию.

Б.Р. Хрещатицкий сам бой лейб-казацкого полка дал по воспоминаниям двух рядовых участников, младшего офицера Конькова и казака Першикова. Ситуация оставалась крайне напряженной. «У нас трепетали сердца, — рассказывает участник боя лейб-казак поручик Е.А. Коньков, — когда мы следили за этой бешеной атакою. Мы жалели своих солдат, а в особенности боялись за нашего обожаемого Императора, который стоял бледный, следя за подзорную трубку за боем»⁶⁹⁹.

Уже показались две конноартиллерийские роты, шедшие во главе резервов (это выполнил приказ царя Сухозанет), но французы были еще ближе. «Вдруг слышим крик, — рассказывает Першиков, — позвать полковника Ефремова к Государю»⁷⁰⁰.

Ефремов, за отсутствием командира, стоял перед полком. Он поскакал на холм и остановился перед Александром I. Император указал ему на французов. «Полковник Ефремов, — рассказывает Коньков, — перекрестился большим крестом и, обращаясь к казакам, крикнул: "Братцы, умремте, а дальше не допустим". "Полк, за мной!" И не ожидая, пока тронется полк, Ефремов поскакал к стороне неприятеля. В эти мгновения не более восьмидесяти шагов отделяют французов от Вахтберга»⁷⁰¹.

По словам Конькова, и офицеры и вахмистры вооружились пиками, наиболее надежным оружием, и пустились за Ефремовым во всю конскую силу.

⁶⁹⁸ Лашук А. Наполеон. Походы и битвы... С. 946.

⁶⁹⁹ Хрещатицкий Б.Р. Указ. соч. С. 382.

⁷⁰⁰ Там же.

⁷⁰¹ Там же.

Передовые группы французских кирасир, тяжело скакавших уже к возвышенности, на лошадях, утомленных продолжительной скачкою по болотистому грунту, словно вихрем сдуло. Казаки опрокинули их к пруду, затем в пруд и овладели узкою плотиною. «Дальше, — продолжает Першиков, — путь наш пересекал топкий, болотистый ручей, который обскать было нельзя. Вот тут-то и пошла у нас суматоха. Плотина узкая — вдвоем проскакать нельзя, а по одному — когда перескачем? Эскадроны рассыпались по берегу, точно табун лошадей, пригнанный к водопою в наших задонских степях. Вдруг опять кто-то крикнул: “Что стали? пошел!” И казаки, кто где стоял, так и ринулись напрямки, перед собою: кто пробирается плотиною, кто плывет, где поглубже, а кто, забравшись в тину, барахтается в ней по самое брюхо лошади. Но вот лейб-эскадрон уже на том берегу; видим, идет общая свалка, наших гонят; какой-то кирасирский полк перерезал нам дорогу, впереди его генерал. Времени терять было нельзя. “Эскадрон!” — крикнул громовым голосом Ефремов. Мы все повернули головы. “Эскадрон”, — повторил он, — “Благословляю!” Он высоко поднял свою обнаженную саблю и сделал ею в воздухе крестное знамение. Мы опустили на перевес свои длинные дротики, гикнули и ринулись на латников». «Неожиданным нашим появлением, — рассказывает Коньков, — на фланге неприятель настолько был озадачен, что как будто на минуту приостановился и заволновался, как вода в корыте. А мы с страшным, диким гиком уже неслись на него»⁷⁰².

Непосредственно при столкновении казаки воспользовались слабой верховой подготовкой молодых французских кирасир. «Пикой французскую лошадь в морду, та взвилась на дыбы, поддала задом — и француз грохнулся оземь, как куль, только звякнули латы. Пошли мы тогда шпырять лошадей их: кто в морду, кто в ноздри, кто в ухо — они и взбесились. Как пошли они прядать одна на другую, как стали качать задом и передом — французу не до того, чтобы рубить — дай Бог в седле усидеть. И такая пошла у них каша, что сказать нельзя: друг на дружку лезут, друг дружку топчут, — вот точь-в-точь на Дону у нас бараны отары», — вспоминал Першиков⁷⁰³.

⁷⁰² Хрещатицкий Б.Р. Указ. соч. С. 384—385.

⁷⁰³ Там же. С. 386.

Большого преимущества у кирасирской бригады Бессьера не было (возможно, его вообще не было). Лоб в лоб с французами столкнулась бригада русских кирасир (8 эскадронов, более 800 коней), причем ее вел в атаку сам принц Евгений Вюртембергский⁷⁰⁴, а также на поле боя подоспел Лейб-гвардии Гусарский полк (6 эскадронов, около 600 сабель), да, видимо, оказывали сопротивление небольшие части лейб-драгун и лейб-улан. Так что удар во фланг французам элитной кавалерии — трех эскадронов Лейб-гвардии Казачьего полка и причисленной к нему гвардейской Черноморской сотни (всего более 400 коней) — мог переломить ход боя.

Но перелом произошел позже. К Вахтбергу подоспели 48 орудий русской резервной артиллерии под командой генерал-майора Сухозанета. 10-я конная рота двинулась вслед за Лейб-гвардии Казачьим полком, а 23 орудия Сухозанет поставил у самого пруда при Госсе. А у французов перестроившаяся бригада Сопранзи подоспела на помощь полкам Бессьера. И русские батареи тотчас открыли картечный огонь во фланг французским кирасирам, наступающим в эскадронных колоннах.

Вслед за артиллерией и русскими кирасирами с левого фланга подошли 6 прусских эскадронов Ноймаркского драгунского полка (прозванного впоследствии «Вахаусские драгуны») и 2 эскадрона 1-го Силезского уланского, всего около 700 сабель. Французы заметили приближение нового противника, и бригада Сопранзи успела построить уступы, чтобы встретить его атаку. Произошел новый кавалерийский бой, вначале тоже проходивший с переменным успехом, но в конце концов завершившийся победой союзников.

«Вот тут-то игодились наши родные пики, которые не раз нас выручали в боях, — рассказывает Коньков. — Мы их так кололи, что за одним другой подышал. Как погнали мы их, вот тут-то и разгулялась наша дончиха, знай машет направо и налево; командиры наши тоже пошли в чернорабочие и на руку охулки не клали. Собьешь это с какого-нибудь француза каску, испужается он, да и спрячет голову в гриву, голову спрячет, а зад выставить, а на заду лат-то у него нет, вот как ткнешь его пикой,

⁷⁰⁴ Лашук А. Наполеон. Походы и битвы... С. 946.

так дончиха-то и проедет сквозь тело по самые плечи. Много мы тогда таким манером пик переломали. Гнали мы латников долго до самой их пехоты, пока по нас не ударили картечью. Тут уж мы скомандовали себе — направо кругом и пустились назад. Никто нас не преследовал. Выбрались мы из-под картечного огня и пошли шагом»⁷⁰⁵.

Преследуя французов, союзная кавалерия отняла у них 24-пушки из 26-ти, только что захваченных кирасирами⁷⁰⁶.

Кирасирская дивизия Бордесуля, несмотря на неоднократные просьбы ее командира, так и не была поддержана другими соединениями французской кавалерии. Хотя русские источники утверждали, что во время боя кирасир с бригадой русской легкой кавалерийской дивизии «можно было видеть, как сильные колонны неприятельской пехоты быстро продвигаются от Вахау в направлении Госсы. Судьба дня колебалась, и уже казалось, что победа склоняется в пользу неприятеля»⁷⁰⁷.

Было около 15 часов 30 минут, когда последние эскадроны кирасир, проскакав мимо орудий большой французской батареи, скрылись по ту сторону Вахауской возвышенности⁷⁰⁸. «К 3.30 эпизод был завершен, и с ним исчез шанс французов добиться реального успеха. Богемская армия была оттеснена назад на значительное расстояние, но она существовала и была еще способна оказывать упорное сопротивление», — пишет Д. Чандлер⁷⁰⁹.

Даже спустя 14 лет после Лейпцигского сражения генерал Бордесуль писал: «Если бы меня поддержали, то, может быть, исход этого великого дня был бы иной»⁷¹⁰.

«Таким образом, в одном сражении мы видим, что в течение каких-нибудь нескольких минут две кавалерийские атаки, сначала победоносные, оканчиваются полным поражением вследствие неимения резерва», — подтверждает эту версию Денисон⁷¹¹.

⁷⁰⁵ Хрецицкий Б.Р. Указ. соч. С. 386.

⁷⁰⁶ Марбо Ж. Указ. соч. С. 669.

⁷⁰⁷ Поход русской армии против Наполеона в 1813 году. С. 365.

⁷⁰⁸ Лашук А. Наполеон. Походы и битвы... С. 947.

⁷⁰⁹ Чандлер Д. Военные кампании Наполеона. М., 2000. С. 565.

⁷¹⁰ Там же.

⁷¹¹ Денисон Д. Указ. соч. С. 353.

Роль Лейб-гвардии Казачьего полка была высоко оценена сразу же в «Журнале боевых действий» русской армии. Указывалось, что легкая гвардейская кавалерия «после многих смелых ударов... видя, что неприятель беспрестанно усиливал себя новыми массами кавалерии, принуждена была отступить, но посланные государем императором из собственного конвоя его величества Лейб-гвардии казачий полк и черноморская сотня, подкрепив ее, остановили дальнейшее стремление неприятеля, и минута, в которую успех битвы мог казаться сомнительным, пролетела мгновенно»⁷¹².

Известия Главной квартиры Главной армии о битве при Лейпциге от 7 (19) октября сообщали: «Удачное направление огня артиллерии и храбрая атака Лейб-гвардии казачьего полку под командою генерал-адъютанта его величества императора всероссийского графа Орлова-Денисова принудили неприятеля опять отступить за Вахау»⁷¹³.

Известия Главной квартиры от 9 (21) октября кратко повторили: «Лейб-казаки, бывшие в эскорте его императорского величества, под начальством графа Орлова особенно отличились...»⁷¹⁴.

Лишь более позднее «Описание сражения при Лейпциге», подготовленное в штабе русской армии в 1813 г., отметило, что удар лейб-казаков был направлен в тыл вражеским кирасирам: «Судьба дня колебалась, и уже казалось, что победа склоняется в пользу неприятеля. В этот важный момент его величество император приказал генерал-адъютанту графу Орлову-Денисову напасть с лейб-казачьим полком в тыл неприятельской кавалерии, и этот удачный маневр явился решающим... Через несколько минут граф Орлов-Денисов достиг высот по ту сторону Тейхена, неудержимо ринулся в тыл неприятельской конницы и вызвал замешательство в ее рядах. Легкая гвардейская кавалерийская дивизия, спасенная этой смелой атакой, снова построилась, напала на врага и заставила его отступить»⁷¹⁵.

⁷¹² Поход русской армии против Наполеона в 1813 году. С. 318.

⁷¹³ Там же. С. 333—334.

⁷¹⁴ Там же. С. 337.

⁷¹⁵ Там же. С. 365.

Сражение между тем продолжалось. «Главкомандующий генерал Барклай-де-Толли двинул между тем нашу и прусскую гвардию на высоты позади дер. Госсы. Одно появление ее было уже, так сказать, знаком к отступлению неприятеля», — отмечалось в «Журнале военных действий» русской армии⁷¹⁶. Место, которое чуть не прорвали французские кирасиры, было теперь надежно прикрыто.

Огонь продолжался, потери противоборствующих сторон росли. «Однако ни одна из сторон не получила решающего перевеса в сражении, — писал Марбо, — поэтому Наполеон, чтобы ускорить победу и привлечь ее на свою сторону, бросил против вражеского центра свой резерв, состоявший из пехоты и кавалерии Старой гвардии и из свежих войск, пришедших от Лейпцига. В этот самый момент один полк вражеской кавалерии, который проник или случайно оказался во французских тылах, внес некоторое беспокойство в наши колонны, находившиеся на марше. Наши войска остановились и образовали каре, чтобы не быть захваченными враг-сплох. Еще до того, как причина этой тревоги стала известна, ночь заставила прекратить сражение»⁷¹⁷. Как видим, решающая атака Старой гвардии была сорвана неким безымянным «полком вражеской кавалерии».

На следующий день к полю боя подошла Северная армия союзников, и расстановка сил радикально изменилась. Исход битвы был уже предрешен.

Французская армия, фактически окруженная в Лейпциге, чудом избежала полного уничтожения и прорвалась. Правда, при переходе армии через реки Плейсе и Эльстер арьергардом пришлось пожертвовать. И определенную роль здесь сыграли казаки. Маршал Мармон вспоминал: «Толпа текла вперед и переходила через мост, который Наполеон приказал заминировать. Я не знал о подобном положении дел и не понял смысла вопроса, заданного мне полковником инженерных войск Монфором, который справился у меня, какие части пойдут последними. Я ответил ему, что, принимая во внимание то, что отступление ведется при полном отсутствии порядка, можно было лишь полагаться

⁷¹⁶ Поход русской армии против Наполеона в 1813 году. С. 318.

⁷¹⁷ *Марбо Ж.* Указ. соч. С. 669.

на волю случая. И я продолжил двигаться вперед. Я находился в каких-нибудь двухстах шагов от этого злосчастного моста, когда звук взрыва возвестил мне о том, что он взлетел на воздух. Двенадцать — шестнадцать тысяч человек все еще оставались по ту сторону.

Это роковое событие было вызвано появлением в долине нескольких казаков. Унтер-офицер саперов, ответственный за взрыв, испугался, посчитал это атакой и поджег запал⁷¹⁸ (как было сказано выше, возможно, за казаков французы приняли кракусов).

Через полтора месяца получили награды офицеры Лейб-гвардии Казачьего полка.

23 декабря 1813 г.: «Список офицеров Лейб-гвардии Казачьего полка и Лейб-гвардии Черноморской сотни, награжденных за отличия 4 октября 1813 г. в сражении при г. Лейцинге

Полковникам:

Ефремову — Св[ятого] Георгия 3-го класса

Протопопову (умер) — Георгия 4-го [класса]

Ротмистрам:

Рубашкину — следующий чин

Каменкову — Св. Анны 2-го класса

Жмурину (умер) — Св[ятой] Анны 2-го класса

Афонасьеву (умер) — Св[ятого] Владимира 4-й степ[ени]

Леонову — Св[ятой] Анны 2-го класса с алмазами

Фомину, Грекову, Крещатицкому — Св[ятой] Анны 2-го класса с алмазами

Поручикам:

Кутейникову — Св[ятого] Владимира 4-й степ[ени]

Канькову 2-му — Св[ятой] Анны 2-го класса

Корнетам:

Горичу — Владимира 4-й степ[ени]

Николаеву, Канькову — Св[ятой] Анны 2-го класса

Орлову 1-му, Орлову (умер) — Св[ятого] Владимира 4-й степ[ени]

⁷¹⁸ Мемуары маршала Мармона // Воин № 9. С. 71.

КАЗАКИ ПРОТИВ НАПОЛЕОНА

Кононову — благоволение

Грекову — Св[ятой] Анны 3-го класса

Лейб-гвардии Черноморской сотни

Полковнику Бурсаку — Св[ятого] Георгия 4-го класса

Ротмистру Ляшенко — Св[ятого] Владимира 4-й степ[ени]

Корнетам:

Мотишевскому — Св[ятого] Владимира 4-й степ[ени]

Перкресту — Св[ятой] Анны 3-го класса⁷¹⁹».

---

⁷¹⁹ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах. С. 520—521.

ПАРТИЗАНСКАЯ ВОЙНА В ЕВРОПЕЙСКИХ УСЛОВИЯХ

Донские казаки в составе партизанских отрядов на территории Германии на заключительном этапе кампании 1813 г.

«Русская армия лучше, чем любая другая, обеспечена средствами сбора информации благодаря использованию конных отрядов казаков, и история подтверждает мое утверждение, — писал Жомини и в качестве примера привел достижения русских казачьих отрядов в 1813 и 1814 годах. — Экспедиция князя Кудашева, который после сражения под Дрезденом был направлен к престолонаследнику Швеции и который форсировал Эльбу вплавь и прошел маршем среди французских колонн почти до самого Виттенберга, является выдающимся примером такого рода. Информация, добытая партизанами генералов Чернышева, Бенкендорфа, Давыдова и Сеславина, была весьма ценной. Мы можем вспомнить, что именно в результате перехвата русскими казаками неподалеку от Шалона письма Наполеона императрице Марии Луизе союзники были проинформированы о его плане атаки их коммуникаций всеми имевшимися в его распоряжении силами, опиравшимися в этих операциях на укрепленные города Лотарингии и Эльзаса. Эта чрезвычайно важная информация побудила Блюхера и Шварценберга осуществить соединение своих армий, вопреки азбучным принципам стратегии, согласно которым до этого армии никогда не вводи-

ли в действие сообща, за исключением операций под Лейпцигом (1813) и после Бриена (1814)»⁷²⁰.

Партизаны, в чьи отряды входили полки донских казаков, действительно совершили немало славных дел. Как сообщал командующий русским корпусом в Северной армии генерал Ф.Ф. Винценгероде 7 (19) сентября, около 1000 казаков переправились через Эльбу и заняли Дессау, Кеттен и Бернбург. Коммуникации французской армии постоянно были под угрозой. Но один из рейдов казаков, собранных в отряде генерал-адъютанта Чернышева, имел поистине международное значение.

По возобновлении военных действий после перемирия Чернышев продолжал свои набеги. Он принимал участие в поражении Удино при Гросбеерене 11 (23) августа и затем снова перенес свои действия в тыл французам. 5 (17) сентября он ходил в рейд за Эльбу с 2000 казаков, но из-за ложных известий о движении самого Наполеона получил повеление командования возвратиться. Обладая поистине стратегическим мышлением, А.И. Чернышев избрал целью своего очередного набега не обоз и даже не коммуникационную линию неприятеля, а столицу союзного Франции государства.

Французские войска после перемирия, как уже было сказано выше, сконцентрировались в Саксонии, вторая их значительная группировка опиралась на Гамбург, вокруг которого в первой половине 1813 г. и действовали партизанские отряды Чернышева и Теттенборна. Между этими группировками сплошной линии фронта не было, чем Чернышев один раз уже блестяще воспользовался в мае 1813 г. Теперь Чернышев решил вклиниться как можно глубже между указанными французскими группировками и нанести удар по столице недавно образованного государства Вестфалия, где королем был младший брат Наполеона — Жером.

В 1812 г. Жером Бонапарт командовал правифланговой группировкой Великой армии, но сорвал план по окружению армии Багратиона, немало претерпел от казаков Платова и был бесславно отослан старшим братом к себе в королевство. Теперь к нему в королевство намеревался нагрянуть Чернышев со своим отрядом.

⁷²⁰ Жомини Г. Указ. соч. С. 286—287.

Воистину злая судьба предопределила Жерому Бонапарту страдать от казаков.

«С отрядом из 3000 всадников при 4 орудиях он переправился чрез Эльбу у Дессау и с быстротой молнии пошел на Кассель», — пишет Д. Денисон о Чернышеве в своей «Истории конницы»⁷²¹.

Судя по письму А.И. Чернышева его покровителю А.А. Аракчееву от 19 сентября (1 октября) 1813 года, события развивались следующим образом: «Получив позволение перейти реку Эльбу вплавь и действовать по обстоятельствам, взял я направление чрез Бернбург в м[естечке] Эйслебен, откуда по различным известиям решился я произвести экспедицию на Кассель (столицу Вестфалии. — А.В.)»⁷²². 13 (25) сентября Чернышев выступил из Эйслебена. Так как дорога на Кассель была прикрыта находившимся в Гейлигенштадте генералом Бастиннеллером с 1200 пехоты, 800 кирасирами при 2 пушках, Чернышев пошел на Зондерсгаузен и Мильгаузен, чтобы атаковать Кассель внезапно. «Сей переход сделал я по весьма гористым и трудным для артиллерии местам, и 16-го числа с рассветом подошел я к самому городу, — писал Чернышев. — Я отделил полк казаков и 2 эскадрона драгун под начальством полковника Бенкендорфа на Франкфуртскую дорогу, а с остальною частию атаковал быстро неприятеля при деревне Бетенгаузен. Сей неприятель, состоящий из 2 батальонов при 6 орудиях, был совершенно разбит. В плен взято до 500 человек и все 6 орудий отбиты храбрыми моими гусарами и казаками. При сем случае убит достойнейший и храбрый полковник Бедряга, ранены сильно: дежурный подполковник Райский, майоры Челобитчиков и Доренбер, также получил сильную контузию в грудь подполковник Рашинович. Остальная часть неприятеля спаслась при сильном тумане бегством в город. Неприятель у Лейпцигских ворот имел орудие, которое искусный штабс-капитан Лишин тот же час подбил, и мы овладели оным. Хотя часть войск моих и ворвалась уже в ворота, но неприятель в числе 2500 пехоты защищался из домов и улиц чрезвычайно сильно, и в сие время узнал я, что генерал Бастиннеллер сделал движение совершенно мне в тыл, посему

⁷²¹ Денисон Д. Указ. соч. С. 363.

⁷²² Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах. С. 452.

я пошел в ночь к м[естечку] Мильгаузен, в сию ночь посланная сильная казачья партия отбила у неприятеля еще 2 орудия»⁷²³.

Маршал Мармон, со своей стороны, считал, что «батальон пехоты, размещенный на подступах к городу, отступил без особых потерь», но «Жером Бонапарт, вестфальский король, опасаясь всеобщего возмущения, бежал, оставив генерала Аликса с двумя батальонами защищать Кассель»⁷²⁴.

«На другой день, получив известие, что большая часть его войск разбежалась, решился я идти опять к городу, — писал Чернышев. — Усердием штабс-капитана Лишина отбитые у неприятеля орудия приведены были в состояние действовать, употребляя для служения оных драгун и вестфальских артиллеристов; почему я, пришед к городу и построив батареи из 13 орудий, начал из оных действовать. Неприятель много пострадал от действия артиллерии моей, равно и город. Дабы при штурме сего города, который имел выгоднейшее для неприятеля положение, не потерять много храбрых моих товарищей, предложил я коменданту о сдаче города, и ныне же вечером вышел французский гарнизон, и мои войска заняли столичный город Кассель, в коем найдено 16 орудий, что составляет с 10, взятыми прежде в бою — 26.

Так как последствие сей экспедиции есть совершенное уничтожение власти королевства Вестфальского, равно его сил и военных способов, и, быв уверен в милостивом Вашего сиятельства ко мне расположении, почел я долгом о сем Вам донести»⁷²⁵.

«Иероним Бонапарт, король вестфальский, должен был покинуть свою столицу без единого выстрела, и Чернышев при громких, радостных криках населения вступил в Кассель и провозгласил уничтожение Вестфальского королевства, — пишет Д. Денисон. — Целую неделю пробыл Чернышев в Касселе и затем вышел из него, не потеряв ни одного человека и захватив с собой все запасы из арсенала, королевских лошадей и экипажи и огромную добычу.

⁷²³ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах. С. 452—453.

⁷²⁴ Мемуары маршала Мармона // Воин № 8. С. 54—55.

⁷²⁵ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах. С. 452—453.

Моральное впечатление этого набега было сильнее производимого выигранным сражением. Он показал непрочность положения Наполеона в образованных им военных королевствах, и убеждение в этом распространилось по всей Германии»⁷²⁶.

Маршал Мармон уточняет, что ликвидация Вестфальского королевства была провозглашена Чернышевым «от имени союзных монархов», после чего Чернышев «разграбил город под всеобщее ликование жителей, увозя с собой его достояние, и организовал всеобщее вооруженное восстание в этой части Германии»⁷²⁷.

Жером Бонапарт удрал в Кобленц. Генерал Алликс, командующий гарнизоном в Касселе, сумел сплотить остатки войска и 1 (13) октября отбил город, «за что ему была пожалована ежегодная пенсия в 6 тысяч франков. Но Жером, избалованный ребенок клана Бонапартов, понимал, что Вестфалия, это сказочное королевство, созданное для него несколько лет назад, не имеет никакого географического и экономического значения и растает как кусок сахара в огне европейских событий»⁷²⁸.

События в Вестфалии подтолкнули к развалу всю конфедерацию западных германских государств (Рейнская конфедерация), союзных Франции.

«Преданность союзников Франции быстро таяла, и они откалывались один за другим. Король Баварии писал в конце месяца, что он не может обещать удерживать людей для Французского альянса более шести недель. Королевство Вюртемберг показало себя столь же ненадежным... В начале октября пришли известия о том, что Бавария совершила предательство, что Вюртемберг последовал ее примеру и что оба бывших союзника уже угрожают французским границам... Наполеону остался единственный шаг — отступить обратно в Лейпциг, сконцентрировать здесь все силы и надеяться на лучший исход»⁷²⁹. Как видим, на решение Наполеона отступить к Лейпцигу повлияли не только отсутствие верной информации о противнике и рейды партизан, но и переполох среди союзных ему германских государств, вызванный событиями в Касселе.

⁷²⁶ Денисон Д. Указ. соч. С. 363—364.

⁷²⁷ Мемуары маршала Мармона // Воин № 8. С. 55.

⁷²⁸ Делдерфилд Р. Указ. соч. С. 162.

⁷²⁹ Там же. С. 162—163.

Во время Лейпцигской битвы и после нее отряд Чернышева действовал на коммуникации противника.

После ухода Наполеона из Лейпцига казаки Чернышева и казаки Платова, как и в 1812 г., насели на его разбитую армию.

Перед сражением, как было сказано выше, Платов просил поставить его с отрядом на пути предполагаемого отступления Наполеона — на Эрфурт, но волею командования оказался на правом фланге Богемской армии, к юго-востоку от Лейпцига. 6 (18) октября, когда к полю боя подошли войска Польской армии союзников, Платов со своими казаками оказался уже на правом фланге этих войск, сдвинулся еще восточнее. Во время боя, как рапортовал позже Платов, его казаки, «невзирая на действовавшую по нас неприятельскую артиллерию, сильным поражением принудили сдаться нам кавалерийскую бригаду виртембергских войск, под командою генерала графа Нормана с самим им и всеми штаб- и обер-офицерами, да кроме того, 6 батальонов саксонской и других наций пехоты с 22 орудиями и таким же числом зарядных ящиков»⁷³⁰.

В ночь на 7 (19) октября, когда судьба битвы была очевидна, Платов получил через флигель-адъютанта высочайшее повеление следовать через Камбург к Веймару, а утром 7-го (19-го) числа на походе его догнало и личное высочайшее приказание о том же⁷³¹. Дело в том, что в Веймаре за местным герцогом была замужем сестра российского императора, и Александр I беспокоился о судьбе родственников.

10 (22) октября французы действительно «с неожиданной стороны» ворвались в город Веймар, «дабы разграбить его и покуситься на счет герцога и его фамилии», но отряд Платова уже был в городе и после жестокого сражения на городских улицах, где было побито «довольно» французов, выбил их из Веймара и «с поражением» прогнал более мили по дороге к Буттельштету⁷³². Отогнав неприятеля от Веймара, Платов в ночь двинулся к Эрфурту, «где, найдя неприятеля в больших силах, обошел сей город, а также и город Готту, оставив их направо»⁷³³.

⁷³⁰ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах. С. 515—516.

⁷³¹ Там же. С. 516.

⁷³² Там же.

⁷³³ Там же.

Вперед, на соединение с отрядом Чернышева, Платов направил два подчиненных ему отряда — генерал-майоров Иловайского 12-го и Кайсарова.

Отряд Иловайского 12-го дрался отважно и после «Битвы народов» уже успел побить у селения Камштет полки французской «почетной гвардии» и «уланский принца Мюрата»⁷³⁴ (4 полка Почетной гвардии и Бергский уланский полк были включены в состав французской гвардии в 1813 г.).

По дороге Платова догнало предписание начальника штаба императора генерал-адъютанта Волконского от 11 (23) октября: «Государь император известил, что сегодня поутру в 3 часа прибыл Наполеон в Эрфурт и оттуда продолжал свой путь далее. Его Величеству угодно, чтобы Ваше сиятельство немедленно послали партии для наблюдения всех дорог, как больших, также и проселочных, и приказали бы останавливать всех без изъятия проходящих и проезжающих, с тем, дабы бдительностью казаков стараться захватить его и тем прекратить кровопролитную войну»⁷³⁵.

М.И. Платов 12 (24) октября, видимо, еще до получения этого предписания, рапортовал М.Б. Барклаю де Толли: «Нынешнего дня не имею я еще верного сведения, в какой точно колонне неприятельской следует сам Наполеон; но из Эрфурта вчерашнего числа точно он вышел»⁷³⁶.

В это время стало известно, что Бавария вышла из союза с Наполеоном и присоединилась к его врагам. Баварские войска под командованием генерала Вреде, подкрепленные австрийцами, могли преградить французам путь отступления, и М.И. Платов немедленно предупредил Вреде: «Так как неприятель поспешно ретируется к Майнцу, то я чрез нарочного поспешно уведомил командующего корпусом баварских войск генерала графа Вреде на случай упреждения неприятеля к Майнцу»⁷³⁷.

13 (25) октября отряд Иловайского 12-го, двигающийся параллельно отступающим французам, разбил корпусную кавалерию

⁷³⁴ Поход русской армии против Наполеона в 1813 году. С. 416.

⁷³⁵ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах. С. 489.

⁷³⁶ Поход русской армии против Наполеона в 1813 году. С. 404.

⁷³⁷ Там же.

III французского корпуса — 6-ю легкую кавалерийскую дивизию генерала Фурнье (29-й и 31-й конноегерские, 1, 2, 4 и 12-й гусарские полки). Французов зажали в гористой местности в дефиле у деревни Магделюнг и атаковали с фронта и с флангов. Отличились подполковники Костин и Храповицкий, капитан Бароцци и пруссак подполковник Барников. В плен взято 7 офицеров и до 400 нижних чинов, «поле сражения покрыто трупами, дефиле дер. Магделюнг наполнены ими». Командир 15-й легкой бригады генерал Амель бежал, чему «способствовали ущелья, в сих местах находящиеся». «...Поспешность, с которою неприятель отступает, чрезвычайна, а беспорядок, с которым он делает сие отступление при каждом на него нападении, подает великую надежду в скором его истреблении», — докладывал Иловайский 12-й⁷³⁸.

М.И. Платов, получивший приказ поймать Наполеона, 15 (27) октября у селения Рамздорфа вышел к большой дороге, по которой отступал неприятель. Вместе с Платовым туда же вышел партизанский отряд прусского майора фон Балтернштерна (190 человек пехоты и 120 кавалерии разных полков). Имелись сведения, что среди отступающих французских войск находится сам Наполеон, и Платов двумя стремительными атаками разрезал его, сбил с большой дороги и принудил «защищаться пушками до самого вечера»⁷³⁹.

В тот же день Платов докладывал главнокомандующему Богемской армии князю Шварценбергу: «Ретирада неприятельская поспешная, так что он подымается с полночи и идет, не отдыхая, опять до того же времени. Я его предупреждаю и принуждаю подрывать зарядные ящики, сожигать обозы в виду моем»⁷⁴⁰.

15 (27) октября на перехват отступающей французской армии был послан партизанский отряд генерал-лейтенанта графа В.В. Орлова-Денисова (бывший Тильмана). В подчинение Орлову-Денисову передавался партизанский отряд полковника графа Менсдорфа. В предписании Орлову-Денисову говорилось: «Генерал граф Платов котирует с левого, а генерал Чернышев

⁷³⁸ Поход русской армии против Наполеона в 1813 году. С. 404.

⁷³⁹ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах. С. 516.

⁷⁴⁰ Там же. С. 495.

с правого неприятельских флангов, с коими старайтесь быть в сношении»⁷⁴¹.

16 (28) октября отряды Иловайского 12-го и Кайсарова обогнали отступающие французские войска и около Фуллы соединились с отрядом Чернышева, ждущего французов и загородившего им дорогу. Но Платов, обнаруживший местоположение Наполеона, немедленно послал Кайсарову приказ «присоединиться ко мне для усиления моей части на случай действия на неприятеля там, где и сам Наполеон находится», полагая, что 17 (29) октября к Чернышеву присоединятся Орлов-Денисов и Менсдорф, и будет уже отрядов сих с генерал-майором Иловайским 12-м для действий на неприятеля достаточно»⁷⁴².

17 (29) октября последовал бой при селении Пильгерзаль. Французская пехота, прикрывая ретираду своей армии, сошла с большой дороги и атаковала Платова. Но неприятель был «предупрежден в сем намерении его, начально передовыми моими командами, а потом и частью полков опрокинут, разбит и прогнан на большую дорогу к армии его с отбитием у него 2 пушек и 4 зарядных ящиков», — доносил Платов⁷⁴³. И далее, доносил он, «следуя с левой стороны большой дороги с великим затруднением чрез гористые и лесные места, имел я с неприятелем ежедневно перестрелки, равняясь с головами колонн его, а во всякую ночь тревожил его и не давал покою, дабы привести его в изнеможение»⁷⁴⁴. От этих беспрестанных нападений 1 вюртембергский и 2 батальона вюрцбургской кавалерии с частью пехоты и со знаменами сдались казакам⁷⁴⁵.

Отряд Чернышева и два полка отряда Иловайского 12-го в это же время, обогнав французов, перекрыли дорогу, ведущую от Фуллы на Майнц. Теперь они изо всех сил сдерживали французский авангард и давали возможность войскам Вреде выйти на ту же дорогу и перерезать ее. В бою с французским авангардом

⁷⁴¹ Поход русской армии против Наполеона в 1813 году. С. 407.

⁷⁴² Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах. С. 497.

⁷⁴³ Там же. С. 516.

⁷⁴⁴ Там же. С. 504.

⁷⁴⁵ Там же. С. 516.

17 (29) октября отряд Чернышева, поддержанный двумя баварскими ротами, взял до 3500 пленными⁷⁴⁶.

18—19 (30—31) октября австрийские и перешедшие на сторону союзников баварские войска преградили отступающей армии Наполеона путь под городом Ганау. Здесь же, на левом фланге союзников, стояли казаки Чернышева и Иловайского.

Наполеон союзников отбросил с дороги и загнал в город Ганау, сам же с армией двинулся дальше. Казаки Чернышева и Иловайского участвовали в сражении (Иловайский 12-й докладывал, что сражался с восьмьютысячным корпусом гвардейской кавалерии)⁷⁴⁷ и во время атаки попали под огонь артиллерии и понесли потери.

В течение боя отряд Орлова-Денисова все время тревожил французскую армию с фланга. Наряду с казаками полка Чернозубова 5-го отличились австрийцы и пруссаки ротмистра Микулича, подполковника Гасера и майора графа Гадека.

19 (31) октября произошел еще один бой — бой французского арьергарда под командованием генерала Бертрана и отряда Платова. Местность, «за гористыми и лесными местами, по неимению дорог», не позволяла Платову двигаться параллельно французской армии, и он решил выйти к большой дороге у местечка Салмунстера и напал здесь на неприятельский арьергард, состоявший, как донес Платов, из 7 тысяч пехоты. Платов опрокинул французов, преследовал их до реки Кинца, а потом, переправясь через реку вброд, через местечко Гельнгаузен до деревни Либло. После боя М.И. Платов доложил М.Б. Барклаю де Толли: «В плен взято более 2 тысяч, в том числе есть и офицеры, но верного счету всем им за скоростию преследования и за наступлением ночи сделать никак было невозможно»⁷⁴⁸.

Французский арьергард, согласно докладу Платова, был истреблен, кроме разбежавшихся по лесам, но и этих на другой день забрал в плен отряд под командой генерал-майора Кайсарова, который находился правее главных сил Платова⁷⁴⁹.

⁷⁴⁶ Поход русской армии против Наполеона в 1813 году. С. 410.

⁷⁴⁷ Там же. С. 416.

⁷⁴⁸ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах. С. 500.

⁷⁴⁹ Там же. С. 516.

20 октября (1 ноября) Платов вслед за Наполеоном прошел мимо Ганау, соединился с отрядом Орлова—Денисова и, подкрепленный баварскими войсками, с утра до самой ночи преследовал неприятеля до Франкфурта. Французы встали лагерем «направо от города», но Платов всю ночь стрелял по лагерю из пупек ядрами, гранатами и брандскугелями, а отдельные команды в разных местах в это же время тревожили французов иными способами. Неприятель был столь сильно потревожен, что часть его вышла из города в ту же ночь, а последние оставили лагерь в 6 часов утра 21 октября (2 ноября) и бежали в беспорядке к реке Ниде.

Переправившись через реку Ниду у местечка Гегста, французы разрушили мост, но Платов приказал части донских полков переправиться вброд и обойти неприятеля справа. Французы, оставя Гегст, ретировались по большой дороге к Гогхейму, до которого Платов и преследовал их «с большим поражением». 22 октября (3 ноября) казаки Платова вели бой между Гогхеймом и селением Викертом и перед вечером прогнали французов в местечко Гогхейм⁷⁵⁰.

Платов докладывал, что с 16 (28) сентября (бой под Альтенбургом) по 22 октября (3 ноября) пленено до 15 тысяч французов, «в том числе довольно штаб- и обер-офицеров», отбито 28 орудий, «кроме брошенных им в речку Кинц», и более 35 зарядных ящиков, «из коих часть за скоростью преследования моего по вынужти из них зарядов, для нашей артиллерии нужных, преданы огню».

Докладывая же о преследовании неприятеля от Салмунстера через Гелнгаузен, Ганау, Франкфрут и до Гогхейма по большой дороге, Платов провел параллель с событиями 1812 г. — «когда он был тесним и поражаем с тылу и с обоих флангов, не имея способов доставать себе продовольствие фуражировкой, ретирада его образовала то же, что было во время преследования его в прошлом 1812 году от Москвы»⁷⁵¹.

Наполеон, в свою очередь, заявил: «После сражения при Лейпциге я мог бы опустошить страну, лежащую между мной и неприятелем, как то сделал Веллингтон в Португалии или как в былые

⁷⁵⁰ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах. С. 516.

⁷⁵¹ Там же. С. 517.

времена еще Людовик повелел в Палатинате; право войны позволяю мне это, но я не хотел подобным образом обеспечивать свою безопасность. Мои солдаты, раздавив баварцев при Ганау, показали, что я могу полагаться на их доблесть»⁷⁵².

Как видим, партизанское движение, развернутое русским командованием на территории Германии, по количеству вовлеченных сил, по разнообразию задач и методов, по согласованности действий превосходило партизанское движение в 1812 году.

Казачья Платова на территории Франции в кампанию 1814 г.

Кампания в Германии закончилась. Предстоял поход союзных войск во Францию, в чем никто не сомневался. Казаки, провоевав весь 1813 г. теми же силами, которые участвовали в Отечественной войне, тоже готовились переходить Рейн, подсчитывали свои ряды, ждали подкреплений.

3 (15) ноября 1813 г. М.И. Платов сообщал И.В. Сабанееву о составе своего корпуса: «Полки в корпусе состоят: Ольвиопольский гусарский, донские: Атаманский, Иловайского 10-го, Грекова 8-го, Ягодина 2-го, Грекова 18-го, Черноморский конный казачий, 3-й Оренбургский и 1-й Тептярский казачьи полки и 10 орудий 1-й роты Донской конной артиллерии. Но во всех вышеозначенных казачьих полках, кроме Атаманского, состоит не более в каждом как по 300 человек, а в 1-м Тептярском не боле 120 человек.

Кроме сего, ожидается с Дону и скоро должны прибыть сюда, ибо, как полагаютельно, прошли они уже и Веймар, в 3 командах 2 тысячи человек выростков, на укомплектование полков поступить долженствующих»⁷⁵³.

Цифры, приводимые в данном сообщении, весьма показательны. Они показывают, что в конце 1813 г. в казачьих полках людей столько же, сколько было в 1812 г. еще до Бородинского сражения. Вот рапорт М.И. Платова от 10 (22) августа 1812 г.: «Но долгом поставляю доложить Вашему высокопревосходительству, что

---

⁷⁵² Наполеон Бонапарт. Императорские максимы. М., 2003. С. 258—259.

⁷⁵³ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах. С. 512.

в полках сих, за исключением убитых и раненых разновременно, больных и находящихся в разных откомандировках и при выюках, состоит теперь не более как по 300 человек, а в Атаманском — не более 700»⁷⁵⁴.

Подкрепления с Дона, состоящие из выростков, оставленных М.И. Платовым в 1812 г. дома, прибыли в Германию в октябре—ноябре 1813 г. и в боях не участвовали. Но в полках, отвоевавших весь 1813 г., личный состав («по 300 человек») количественно в два раза больше, чем в конце кампании 1812 года. Другими словами, кампанию 1813 года закончили вдвое больше казаков, чем ее начинали. И это лишний раз подтверждает, что потери 1812 г. были для казаков по большей части далеко не боевые.

Кампания 1814 г. велась с напряжением последних сил. Союзники усилились переходом на их сторону Саксонии, Баварии, Вюртемберга и других мелких немецких государственных образований. Наполеон же своих вассалов потерял.

С юга, из Испании на территорию Франции вступили английские, испанские и португальские войска. Но главным оставался восточный театр, где наступали войска России, Пруссии, Австрии и Швеции. Часть австрийских войск двинулась в южном направлении, на Лион, а главные силы, разделившись на две армии — Силезскую (командующий фельдмаршал Блюхер) и Главную (командующий фельдмаршал Шварценберг), — шли на Париж.

Эта кампания имела свои отличия для казаков и для состоящих из них партизанских отрядов. Как отмечал историк конницы: «При этом нельзя не обратить внимания на то до сих пор мало замеченное обстоятельство, что в 1813 г. деятельность казаков в партизанской войне, споспешествуемая многими вольными отрядами, поддержанная регулярными частями и местными жителями, достигла высокой степени, с переходом же через французскую границу в 1814 г. она уже далеко не оказалась столь блестящей, хотя казалось бы, что превосходство союзников в силах, особенно в коннице и притом легкой, должно бы было содействовать полному ее развитию»⁷⁵⁵.

⁷⁵⁴ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах. С. 179—180.

⁷⁵⁵ Брикс Г. Указ. соч. С. 249.

Действительно, французские кавалерийские части, способные бороться с казаками, количественно сократились.

Шеволежеры гвардии, лучший кавалерийский полк, состоявший из поляков, уцелели под Лейпцигом. Под Ганау они вновь отличились — во главе с полковником Дотанкуром изрубили баварских легкоконных. Но в 1814 г. они, как и вся гвардия, все время были при императоре и с отрядом М.И. Платова не пересекались.

Польские шеволежеры на французской службе — 7-й и 8-й полки — тоже достаточно претерпели. 7-й шеволежерский полк состоял в гарнизоне Дрездена и 30 октября (11 ноября) капитулировал вместе с гарнизоном. Полк потерял пленными 443 человек. Пленные шеволежеры были отправлены в Венгрию и оставались там до конца войны. Только 231 чел., находившиеся в других корпусах и частях французской армии, остались в строю⁷⁵⁶.

1 (13) декабря 1813 г. 7-й и 8-й шеволежерский полки были сведены в один 8-й. Но из-за протеста офицеров 7-й полк все же был восстановлен в составе 3 эскадронов. Но и эти полки с Платовым в 1814 г. не сталкивались.

Войска оккупированного союзниками Герцогства Варшавского понесли под Лейпцигом тяжелые потери. В этом сражении VIII польский корпус, дивизия Домбровского, а также кавалерия Келлермана, состоявшая из поляков, действовали независимо друг от друга⁷⁵⁷.

VIII корпус прикрывал отступление Великой армии под Лейпцигом. Когда мост через реку Эльстер был преждевременно взорван, части маршала Понятовского были почти полностью уничтожены, сам Понятовский, будучи раненым, утонул, пытаясь переплыть через реку. Из всего VIII корпуса уцелело около 500 чел. Четыре конных польских полка из IV кавалерийского корпуса тоже сильно поределели.

Польские 13-й гусарский и 16-й уланский полки вместе с генералом Вейсенхоффом попали в плен после капитуляции Дрездена.

⁷⁵⁶ Буддыменко П.В., Кузнецов П.Е. *Los infernos picadors* // Воин № 11. С. 39.

⁷⁵⁷ Буддыменко П.В. *Уланы Герцогства Варшавского* // Воин № 13. С. 57.

8 (20) ноября 1813 г. уцелевшие польские части были объединены в корпус под командованием генерала Домбровского. Затем, согласно декрету от 6 (18) декабря 1813 г., вновь реорганизованы. Кавалерия сводилась в 1-й и 2-й уланские полки, в которых на 1 января 1814 г. состояло по 25 офицеров и по 505 солдат, но лошадей было всего 399 и 336 соответственно⁷⁵⁸.

«Польские казаки» — кракусы — в ноябре 1813 г. насчитывали в строю 21 офицера и 257 нижних чинов при 288 конях. В январе 1814 г. кракусы, находившиеся в гарнизоне Седана, снова были реорганизованы. Сохранив за собой старое, прославленное наименование, полк пополнился солдатами из разбитых уланских и пехотных полков Великого Герцогства Варшавского⁷⁵⁹. На 1 января 1814 г. в полку кракусов числилось офицеров 78, солдат 997, всего 1075, лошадей 360.

Но и эти все полки не скрестили оружия с казаками Платова, поскольку те действовали на «окраинах» театра военных действий.

Кампания началась 10 (22) декабря 1813 г., когда баварские войска Вреде осадили Хуннинген. Первым из партизанских отрядов на левый берег Рейна 13 (26) декабря был послан отряд генерал-майора Сеславина (1 казачий полк, 3 эскадрона гусар) из войск графа Витгенштейна. 17 (29) декабря Силезская армия Блюхера начала переправу через Рейн. Переправа союзников через Рейн заняла весь декабрь 1813 г. Платов шел впереди главной армии Шварценберга вместе с вюртембергскими войсками, правее, севернее наступала армия Блюхера. Французские маршалы откатывались. Без Наполеона, наводившего порядок и собиравшего войска в Париже, его маршалы дрались вяло.

Судя по рапорту М.И. Платова М.Б. Барклаю де Толли, написанному уже в мае 1814 г., рейд его начался перед Рождеством. 24 декабря 1813 (5 января 1814) г. Платов получил повеление Барклая де Толли следовать из местечка Донне-Мари к городу Эпиналю. Платов двинулся «поспешно без раздыху» через «гористые, лесные и тесные места» и 28 декабря (9 января) по дороге в селении Люссе соединился с отрядом генерал-майора князя Щербато-

⁷⁵⁸ Булдыменко П.В. Уланы Герцогства Варшавского. С. 57.

⁷⁵⁹ Шереметьев О.В. «Польские казаки» — история корпуса кракусов // Воин № 10. С. 28.

ва и вюртембергскими войсками, состоявшими под предводительством кронпринца вюртембергского.

Разведка открыла, что неприятель под командованием генерала Руссо собрался вокруг Эпиналя и в самом городе. По согласованию с кронпринцем вюртембергским Платов пошел левее большой дороги через болотистые, гористые и лесные места на деревню Ле Форж, чтобы напасть на неприятеля, находившегося за городом в лагере, с тыла. Кронпринц вюртембергский с его войсками и отрядом князя Щербатова двинулся прямо к городу Эпиналю.

Обойдя Эпиналь, Платов стремительно напал на неприятеля, который имел немалое число конницы и пехоты «и сильно упорствовал, отстреливаясь пушками». Казаки вели бой до вступления «сказанного принца» с войском в город Эпиналь. Тут уже общими усилиями неприятель был опрокинут и прогнан до города Нуар-Муа с поражением. Платов докладывал, что «вся его кавалерия, составленная из их молодой гвардии, истреблена совершенно со взятием в плен всех командовавших ею начальников и офицеров, а пехота, которой едва осталось и 1000 человек, спаслась бегством уже в ночное время в город Шарль». Пленных взято: обер-офицеров — 8, префект города Эпиналя барон Флени и рядовых до 500 человек. Дорога, по которой был преследуем неприятель, покрыта была убитыми, брошенными ружьями и экипажами. 31 декабря (12 января) убежавшая в город Шарль неприятельская пехота соединилась там с другими своими войсками, но все равно была выбита из города и «прогнана с жестоким поражением» по дороге к городу Нанси.

2 (14) января, оставив в Шарле генерал-майора князя Щербатова с его отрядом для наблюдения за неприятелем, находящимся в районе города Нанси, сам Платов последовал на Мерикур и Нешато, и 4 (16) января Нешато занял, взяв 2 орудия, отбив 47 человек пленных и пленив 60 жандармов.

Из Нешато Платов доложил, что от самого Рейна до Нешато он шел «без разстаху, ежедневный снег или дождь не удержал меня, притом до Эпиналя — по гористым местам»⁷⁶⁰.

⁷⁶⁰ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах. С. 532.

В городе Невшато он оставил 60 человек больных казаков, заболевших во время перехода от Рейна до Невшато «от дурной погоды и нахождения полков еженочно на биваках», оставлены там же были более 10 раненых. При больных и раненых Платов оставил штаб-лекаря Андре «с тем, чтобы по выздоровлении казаков следовал он с оными по следам моим»⁷⁶¹.

7 (19) января Платов получил повеление командующего Главной армией генерал-фельдмаршала князя Шварценберга следовать с корпусом из города Невшато чрез город Жуанвиль в Бар-Сюр-Об.

8 (20) января Платов откомандировал партию из 500 человек под командою полковника, впоследствии генерал-майора, графа Платова (собственного сына) для занятия города Жуанвиля, чтобы оттуда действовать по большой дороге, идущей из Лангра в Шалон.

Этой партией на противоположной стороне реки Мез были обнаружены неприятельские драгуны. Казаки бросились через реку с одними только пиками вплавь, догнали неприятеля по дороге, идущей в Вокулиор, разбили его и, преследуя до селения Тилянкура, взяли в плен одного поручика и 19 человек рядовых, прочих же почти всех побили, «так что мало спаслось». В бою ранено 2 казака, убито 3 лошади и ранено 7 лошадей.

Пленный поручик и рядовые показали, что они посланы были из селения Талианкур, где находился их авангард от корпуса маршала Виктора под командой генерала Груши, авангард состоит из 5 полков кавалерии, имеет задачу портить мосты по реке Мезе...

Сам Платов с остальными полками при городе Невшато чрез реку Мезе «за разлитием большой воды» не стал переправляться, двинулся вниз по течению до селения Массе, перешел здесь реку «с великой трудностью за сказанным разлитием воды» и занял селение Гре для дальнейшего следования по назначению через города Жуанвиль, Бар-Сюр-Об и Бар-Сюр-Сен, «дабы действовать от сего последнего места по дороге, ведущей к Парижу»⁷⁶².

⁷⁶¹ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах. С. 533.

⁷⁶² Там же. С. 532.

В донесении Платов указал на настроения жителей: «Жители во время проследования моего из Невшато к городу Жуанвиль от войск наших покойны: сопротивления никакого не делают, охотно на биваки, где мы ночлеги имеем, вывозят провиант и для лошадей надобный фураж и на обогревание казаков дрова, и, словом сказать, обходятся приятельски. Мы со своей стороны делаем оным все приласкания, сходственные с выпущенными прокламациями, что они и беспритворно довольны, о неприятеле нашем объявляют поистине. Жалуются все вообще угнетением на свое правительство, бранят Наполеона и желают все мира»⁷⁶³.

Следуя к Бар-Сюр-Обу и Бар-Сюр-Сену, Платов потеснил неприятельские кавалерийские гвардейские отряды и вышел на фланг французских войск, состоящих большею частью из гвардии под командою маршала Мортье. все время нависая над левым флангом маршала Мортье и тем самым понуждая его к отступлению.

В течение 2 суток казаки «денно и ночью» тревожили неприятеля с флангов и с тылу, взяли в плен более ста человек и отправили к австрийскому генералу Гюлау. Все время нависая над левым флангом маршала Мортье, Платов тем самым понуждал его к отступлению.

16 (28) января Платов с войсками прибыл в местечко Осон, перед которым открыт был неприятель, дважды атаковал французов и прогнал «с поражением и взятием в плен довольно числа», кроме того, в местечке захвачено 100 человек вооруженных конскриптов, которые все и были отправлены к ближайшим войскам союзников.

Союзные войска под командованием Шварценберга продвигались вперед медленно, осторожно. Воспользовавшись его медлительностью, Бонапарт ударил на вырвавшегося вперед фельдмаршала Блюхера. Внезапного удара не получилось. Одна из копий приказа Наполеона маршалу Мортье 15 (27) января попала в руки летучего казачьего отряда Теттенборна, и рано утром 17 (29) января Блюхер был осведомлен об угрозе, нависшей над его тылами⁷⁶⁴.

⁷⁶³ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах. С. 532—533.

⁷⁶⁴ Чандлер А. Указ. соч. С. 581.

Во время боя «в какой-то критический момент Наполеон едва успел вернуться от группы казаков, но сразу после этого стал во главе своего штаба...»⁷⁶⁵ А. Лашук приводит ряд деталей: «Направляясь в Мезьер-ан-Бри в сопровождении маленького эскорта, император неожиданно натолкнулся у леса на небольшую группу казаков. Один из этих “детей Дона” хотел ударить Наполеона пикой, но эскадронный начальник Гурго... убил нападавшего выстрелом из пистолета. Вольтижерская бригада из дивизии Менье пришла на помощь императору, и он, ускользнув от казаков, укрылся в ее рядах»⁷⁶⁶. Начальник штаба императора маршал Бертье получил удар древком пика в голову, генерал Лефевр-Денуэтт был ранен в левый бок. Возможно, это были казаки отряда князя Щербатова (Чугуевский уланский полк, 4 казачьих полка, 4 орудия).

Понеся потери, Блюхер отступил к главной армии. 20 января (1 февраля) при Ла-Ротьере союзники общими усилиями нанесли французам поражение. Отличили казаки Карпова. Темнота и снежный буран, разыгравшийся в ночь после сражения, не позволили немедленно начать преследование.

Платов в этом крупном сражении не участвовал. По словам А. Чандлера, он вел «разведку боем» впереди армии Шварценберга⁷⁶⁷.

18 (30) января платовский отряд по проселочным тесным и лесистым дорогам подошел к городу Сансу, встретил у самого города отряд неприятельской кавалерии, состоящий из 3 эскадронов, и стремительным ударом авангарда прогнал «с чувствительным поражением до виноградников, у стен города имеющимся». В виноградниках и в форштадте города Платова встретила сильным ружейным огнем засевшая неприятельская пехота. Платов подтянул орудия и вечером выбил пехоту из форштадта и занял его. Французы ушли в город, затворили ворота, заставили улицы большими фурамами, завалили деревьями и, засевши за каменную стену, окружающую город, продолжали всю ночь ружейную и пушечную пальбу....

При занятии Сансского форштадта взято в плен 1 офицер и 32 рядовых гвардейца, отбито бывших у неприятеля в плену 1 ис-

⁷⁶⁵ Чандлер А. Указ. соч. С. 582.

⁷⁶⁶ Лашук А. Наполеон. История всех походов и битв... С. 708.

⁷⁶⁷ Чандлер А. Указ. соч. С. 584.

панский офицер с 16 солдатами и 4 австрийца, которых и отправили к ближайшим австрийским войскам.

19 (31) января поутру неприятельская пехота вместе с вооруженными жителями несколько раз делала вылазки из Санса, но была встречена орудиями Донской конной артиллерии, поставленными в улицах форштадта, и стрелками, засевшими в домах, и отходила с поражением опять в город.

На помощь Сансу из городка Пон подходили неприятельские кавалерийские отряды, но не были допущены к городу, отражены от него и прогнаны.

От пленных Платов узнал, что против него из Фонтенбло посланы крупные силы неприятеля.

20 января (1 февраля) Платов отошел от города Санс и, поспешив по указанному ему направлению, перешел в ночь реку Иону в городе Окленев Ле Руа и расположился при этом городе в ожидании неприятеля, посланного из Фонтенбло.

21 января (2 февраля) неприятельские конница и пехота атаковали Платова по обеим сторонам реки Ионы, но действием орудий Донской артиллерии и стремительными ударами донских полков были отражены и прогнаны к Сансу «с жестоким поражением и со взятием в плен 1 подполковника, 1 капитана, 2 офицеров и 80 человек унтер-офицеров и рядовых». В тот же день гвардии капитан Берхман был послан Платовым с партией через Куртен к Монтаржи и отбил у неприятеля 405 испанских пленнх офицеров и 43 человека нижних чинов, отправляемых в Бурже, и истребил более 200 неприятельских жандармов, находившихся в конвое.

Обстановка во Франции отличалась от обстановки в Германии, и французы относились к казакам не так, как немцы. Да и после первых побед Наполеона на территории самой Франции местные жители осмелели. «...Я данную мне дирекцию до невозможности исполнил, но теперь, оставаясь один с горстью моих людей между французской нацией и войск наполеоновых, согласиться изволюте, что нахожусь в затруднительном положении», — рапортовал Платов Барклаю де Толли 22 января 1814 г.⁷⁶⁸

---

⁷⁶⁸ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах. С. 542.

После боя под Ла Ротьером союзные армии опять разделились и двинулись на Париж.

26 января (7 февраля) Платов получил сведения, что вюртембергские войска приближаются от Труа к Сансу. Сам Платов, который все это время вел бои в окрестностях этого города, с тремя тысячами казаков был послан в набег по французским тылам и двинулся дальше к Фонтенбло. Он с отрядом проследовал от Вилленево-Ле Руа, чрез Куртене и Эгривиль в селение Суп на реке Луанж, куда и прибыл 31 января (12 февраля). Мост через реку был взорван. Платовские казаки мост исправили. Французская пехота, высланная из города Немура, пыталась мост отбить, но ее усилия не имели успеха, и пехота была «прогнана с поражением» к Немуру.

1 (13) февраля Платов перешел реки Луанж «для действий от Малзерба к Фонтенбло и далее». Навстречу ему из Фонтенбло и Немура были посланы неприятельские кавалерийские отряды. Платов их разбивал и прогонял «с чувствительною потерею». Между тем генерал-майор Иловайский 10-й с полком его имени и частью других полков, всего с 500 человек, был послан Платовым вперед, по запланированному маршруту, атаковал в окрестностях Мальзерба неприятельскую кавалерию, опрокинул ее, преследовал до деревни Мортерваль и занял местечко Шатель-Лорен.

Генерал Александр Монбрень легко уступил лес Фонтенбло казакам⁷⁶⁹.

3 (15) февраля отряд Платова двинулся далее на запад, к Мелону, оставляя Фонтенбло направо. Так далеко на запад Франции не заходил никто из союзников.

От пленных Платов узнал, что из Мелона против него послано «превосходное число против войск моих неприятельских войск», а потому и не решился оставить в своем тылу город Немур, «как пункт важный по натуральной своей позиции».

Платов докладывал, что в Немуре было 600 человек пехоты, «кроме части старых гвардейских войск, под командою тамошнего коменданта майора Боньи». Городские ворота на 3 мостах были защищены полисадами с шевофризами и 4 пушками.

⁷⁶⁹ Лашук А. Наполеон. История всех походов и битв... С. 747.

Платов потребовал сдачи города с гарнизоном, неприятель «с дерзостью отказал». Платов обложил город и, проведя рекогносцировку, назначил места, в которые при случае можно было бы ворваться.

На левом фланге генерал-майор Греков 8-й назначил часть своей бригады наблюдать дорогу, идущую в Фонтенбло, а с другой частью готовился к штурму города. Генерал-майор Кайсаров, командуя центром, устроил батареи из орудий Донской конной артиллерии. Генерал-майор Греков 18-й с Атаманским полком и частью других находился на правом фланге.

Спешившиеся казаки вытеснили неприятеля из форштадта, находящегося на левой стороне канала. Донская артиллерия открыла огонь и истребила большую часть неприятельских канониров, «и ночь застала нас в сем положении». Платов же, расспросив «выходцев» из города, решился, «с помощью Божиею, дать в ночи на город штурм».

Генерал-майор Кайсаров, имевший в авангарде генерал-майора Шперберга и полковника Кромина, должен был атаковать мост, лежащий через канал, по которому проходила дорога в Фонтенбло, а генерал-майор Греков 18-й производить атаку на мост Сен-Пиер. 100 человек казаков полка Грекова 8-го под командованием есаула Ситникова отвлекали внимание неприятеля на Папский мост и на дорогу к городу Морет.

Штурм начался с того, что подвезенная на пистолетный выстрел донская артиллерия повредила крепкие ворота на Фонтенеблонском мосту, в которые бросились казаки «рабочего полка» (полк Ягодина 2-го) под прикрытием стрелков и казаки-черноморцы. В наградных документах говорилось, что полковой командир 1-го Черноморского полка подполковник Плохий, командуя вверенным ему полком, «находясь впереди с стрелками, собственным примером храбрости и неустрашимости поощрял подчиненных к поражению неприятеля, занял Фонтенебльский мост, чем много способствовал нешей колонне казаков под командой генерал-майора Шперберга ко взятию укрепленных ворот и занятию города»⁷⁷⁰.

---

⁷⁷⁰ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах. С. 571.

Неприятель, узнав пункт настоящей атаки, обратился туда все свои силы и защищался с упорством, но войска под командою генерал-майора Шперберга и полковника Кромина, наконец, овладели мостом и воротами. Пешие казаки, по распоряжению генерал-майора Шперберга и полковника Кромина, с пиками в руках бросились в ворота, отняли у неприятеля 4 орудия, сбили его и прогнали внутрь города. Тогда командовавший гарнизоном полковник Грушо и комендант города начали переговоры и обещали сдать город при условии, что оставшийся гарнизон, засеvший в замке, будет выпущен в Фонтенбло. Платов это условие отверг, и так как часть города была уже занята казаками, то гарнизон принужден был сдаться военнопленными. Неприятель потерял убитыми до 200 человек, в том числе 5 офицеров, в плен сдались командовавший войсками полковник Грушо, комендант города Боньи, 1 майор, 5 капитанов, 11 офицеров и до 600 унтер-офицеров и рядовых, 4 пушки с зарядными ящиками, довольноe число ружей и 400 фунтов пороху, употребляемого для подорвания мин.

Захват казаками Немура, лежащего в десятке верст от Фонтенбло, летней резиденции французских королей, и появление казаков в самом лесу Фонтенбло встревожили французское командование. Тем более что в Фонтенбло содержался сам Папа Римский.

И в Париже была паника: казаки обходят столицу с юга... Сам Бонапарт выехал к войскам, противостоящим Главной армии союзников. До этого он по частям разбил торопившегося в Париж Блюхера. За пять дней горячий старик лишился трети своей армии. Теперь настал черед Шварценберга. 4 февраля французы разгромили неосторожно выдвинувшийся вперед авангард Палена.

С 7-го на 8-е (с 19 на 20) февраля в местечке Шапель Лорен Платов получил сведения, что корпус австрийских войск, оставя город Санс, потянулся к Труа, то есть начал отступление. Шварценберг действительно начал отступать и даже запросил у Наполеона перемирия. Тогда же неприятель численностью в 3 тысячи пехоты выдвинулся из Морет и занял Этревиль, грозя отразить платовский отряд. Платов метнулся на восток, поспешил форсированным маршем через Ферьер и Куртене к Вильнев-Ле Руа, шел всю ночь.

Едва часть его войск переправилась по мосту в Вильнев-Ле Руа и стала на дороге к Сансу, как была атакована французскими войсками, прибывшими из Испании. Это были 1000 кавалеристов

и 3 тысячи пехоты с 4 орудиями под командою генерала графа Гарньер.

Чтобы дать время оставшему войску переправиться чрез мост, генерал-майор Кайсаров выдвинул передовые полки с 2 орудиями из Вильнев-Ле Руа навстречу противнику, а генерал-майор Греков 8-й успел обойти неприятеля справа. Оба они ударили на отделившуюся от пехоты неприятельскую кавалерию, опрокинули ее, прогнали «с большим поражением» до самой пехоты и пушек, взяли в плен 1 офицера и 70 человек рядовых.

Успев переправить свой отряд, Платов начал отходить от Вильнев-Ле Руа чрез Жуанье, Сент-Флорино и Тоннор. Его преследовал неприятельский корпус маршала Магдональда, но платовский арьергард везде отражал передовые французские войска, не давал себя отрезать и тем самым прикрывал отход армии.

Потом, получив повеление Барклая де Толли о следовании на правый фланг армии, Платов пошел форсированными маршами чрез Бар-Сюр-Об, Арсис и Сезан искать связь с армией фельдмаршала Блюхера. Но Блюхера найти не смог, хотя и дошел в поисках неутомонного старика до Сезанна...

Стремительно двигаясь, Платов захватил в городе Арсасе 130 человек нижних чинов и 1 офицера, потом в городе Сезанне после пушечной канонады был взят в плен комендант и 80 человек солдат. По занятии Сезанна камер-юнкер 5-го класса Сосновский был отправлен с 300 казаков для занятия города Ла Ферте-Гоше, обезоружил там вооруженных жителей и взял в плен несколько жандармов.

22 февраля (6 марта) М.И. Платов послал рапорт М.Б. Барклаю де Толли: «Я на пути к Ла Ферте Гоше. За донесением моим вчерашнего числа партии, мною на Парижскую дорогу для действия между Ножан, Прованс и Нанжи отправленные, должны уже сегодня там действовать, и сим надеюсь должна смутиться коммуникация французской армии, бывшей при Труа, с Парижем и Наполеоном»⁷⁷¹.

24 февраля (8 марта) в селении Ревильион Платов получил повеление Барклая де Толли о своем прибытии по высочайшей воле

---

⁷⁷¹ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах. С. 550.

к армии. Он передал корпус в командование генерал-майору Кайсарову и прибыл в штаб⁷⁷².

Как видим, действия Платова на территории Франции резко отличаются от партизанских действий в России в 1812 г. и в Германии в 1813-м. Мы не встречаем ни одного отбитого обоза, ни многих тысяч пленных, как это было в России и в Германии. Пленных — десятки, реже — несколько сотен, и среди них встречаются вооруженные жители, конскрипты и жандармы. Казаки штурмуют города и опасаются отдаляться от главных сил. Описывая кампанию, А. Лашук пишет: «Казаки Платова, брошенные в сторону Санса и Фонтенбло, наступают крайне медленно»⁷⁷³. Количество казачьих партизанских отрядов вообще резко сокращается. Мы знаем о рейде казаков Платова, о каких-то других партизанских отрядах сведений мало, либо их вообще нет.

Все дело в том, что доброжелательное отношение жителей к партизанам — важнейшее условие для ведения партизанских действий — во Франции весьма сомнительно.

---

⁷⁷² Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах. С. 567—570.

⁷⁷³ Лашук А. Гвардия Наполеона... С. 404.

ОТ РЕЙНА ДО ПАРИЖА. ПОБЕДОНОСНОЕ ЗАВЕРШЕНИЕ ВОЙНЫ

Донские казаки в боях под Льежем, Бриенном, Ла-Ротьере, Арсис-сюр-Об, Краоном и Лаоном

На парижском направлении войска союзников, подкрепленные перешедшими на их сторону войсками бывших немецких вассалов Наполеона, имели огромное численное превосходство и, естественно, превосходство в коннице.

Французская кавалерия, наспех набранная в 1813 г. и плохо обученная, вновь была выбита. На январь 1814 г. в войсках, противостоящих союзникам на парижском направлении, оставалось всего 2 кирасирских полка, и гусары были представлены всего 2 полками, ранее воевавшими в Испании. Но кавалерийские депо работали, новые части формировались. По мнению Г. Брикса, в разгар кампании французы имели 27 200 кавалеристов, из них 7200 в гвардии⁷⁷⁴.

Но на 13 (25) января 1814 г., когда Наполеон принял командование в Шалон-сюр-Мари, под ружьем он имел всего 71 012 бойцов, из них кавалерии — 15 879. Из всей французской кавалерии на тот момент хорошо сохранились гвардейские полки (4513 кавалеристов), 7275 бойцов имела легкая кавалерия и 4091 бойца — тяжелая и линейная кавалерия.

---

⁷⁷⁴ Брикс Г. Указ. соч. С. 213.

Войска союзников, вступившие во Францию, насчитывали до 350 тысяч. Кавалерия союзников также превосходила количественно кавалерию Наполеона в несколько раз.

Тем не менее, по мнению историков, «с точки зрения военного искусства кампания 1814 г. была одной из самых блестящих в наследии Наполеона... С остатками своих войск он бил противников поодиночке, нанося неизмеримо превосходящим силам коалиции тяжелые поражения»⁷⁷⁵. По воспоминаниям современников, «император, зажатый всеми армиями Европы, сражался, как лев, устремляясь от одной к другой, переигрывая их маневры быстротою движений, обманывая все их расчеты и заставляя их изнемогать от усталости...»⁷⁷⁶.

Но начало кампании, особенно на севере, в Нидерландах, где не было самого Наполеона, обнадеживало. Авангард корпуса Винцингероде под командованием Чернышева (4 батальона пехоты, 6 эскадронов улан, 2 эскадрона гусар, 4 полка казаков, 12 легких орудий) перешел Рейн и вступил в Аахен 4 (16) января, а 6 (18) января занял Льеж.

Командующий французскими войсками в Нидерландах генерал Мезон двинул на Льеж из Сен-Трона отряд генерала Кастекса (3400 пехоты, 600 кавалерии, 5 орудий), чтобы вытеснить казаков и удержать переправу через Маас.

Полковник Бенкендорф с полками Жирова и Сысоева опрокинул французскую кавалерию, но под давлением пехоты стал медленно отступать. Чернышев с 2 орудиями и 2 эскадронами гусар поддержал Бенкендорфа и артиллерийским огнем остановил французов. Полковник князь Лопухин, двигавшийся с казачьим полком по дороге к Намюру, свернул на Льеж и вышел французам во фланг. Французы, охваченные и атакованные с двух сторон, ушли в Сен-Трон. Таким образом, казаки удержали переправу через Маас, необходимую для наступления Северной армии союзников.

После поражения Блюхера под Бриенном союзники выиграли сражение под Ла Ротьером 20 января (1 февраля). Барон Сакен, поздравляя императора Александра I, сказал о Наполеоне: «С это-

⁷⁷⁵ Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. М., 1971. С. 661—662.

⁷⁷⁶ Там же. С. 662.

го дня он нам не страшен, и Ваше Величество может сказать: «Я дарю мир всему миру!»». Но уже 29 января (10 февраля) Наполеон ударил с фланга на растянувшуюся на марше Силезскую армию Блюхера, разбил отряд Олсуфьева под Шампобером, 30 января (11 февраля) нанес поражение корпусу Сакена под Монмирайлем, а 31 января (12 февраля) выбил русских и пруссаков из Шато-Тьерри.

2 (14) февраля последовали победы под Вошаном и Виленау.

Историки назвали эти бои «6-дневной кампанией». За 5 дней войска Наполеона прошли 120 километров и одержали 4 победы.

Понесший потери Блюхер отступил, на помощь ему из Северной армии был двинут корпус Винцингероде. Но Наполеон уже повернул на юг, против Шварценберга.

5 (17) февраля Шварценберг, узнав о приближении Наполеона, отдал приказ отходить, но уже 6 (18) февраля под Монтеро Наполеон нанес поражение корпусу Евгения Вюртембергского.

Главная армия Шварценберга стала откатываться. И Платов, как мы помним, прикрывал ее отход.

Наполеон Шварценберга и австрийцев особо не преследовал. Видимо, надеялся на поддержку своего тестя, австрийского императора, на переговорах, которые периодически начинались и прерывались.

Шварценберг звал Блюхера соединиться и вместе дать Наполеону сражение, но сам продолжал отступление. Разозлившийся Блюхер рвался вперед. 13 (25) февраля военный совет союзников в Бар-сюр-Обе разрешил Блюхеру действовать самостоятельно.

Наполеон, прекрасно учитывающий характер Блюхера, сразу же повернул на север.

17 февраля (1 марта) «казачьи патрули подтвердили, что Наполеон проехал через Ла-Ферте-Гоше»⁷⁷⁷. Блюхер успел отойти за Марну навстречу корпусам Винцингероде и Бюлова. Корпус Платова тоже был послан искать Силезскую армию Блюхера, но та, невзирая на предостережения и принятые меры, уже попала под очередной фланговый удар Наполеона 23 февраля (7 марта) под Краоном и еле отбилась 25—26 февраля (9—10 марта) под Лаоном, имея 110 тысяч против 45 тысяч французов.

---

⁷⁷⁷ Чандлер А. Указ. соч. С. 597.

Вести такие операции можно было, лишь опираясь на хорошо подготовленные войска, и Наполеон опирался на гвардию. «В кампании 1814 г. пехота Молодой гвардии была основной боевой силой армии Наполеона. Армейские полки уже не обладали таким уровнем боевого настроя, хотя преданность войск вообще своему вождю и кумиру была беспредельной»⁷⁷⁸.

Естественно, сражающиеся войска несли потери. «К сожалению, Молодая гвардия тает как снег. Старая гвардия сохраняет свою численность, но гвардейская кавалерия тоже редет», — писал 27 февраля (11 марта) Наполеон⁷⁷⁹. Сил у него становилось все меньше. Весеннее солнце озарило последние подвиги этой неравной борьбы.

Бросается в глаза, что армия Блюхера, имеющая достаточное количество казаков, имея в своем составе прославившийся отряд Чернышева, все время попадает под неожиданные фланговые удары, словно ее командиры ослепли и оглохли. Конница союзников и конница Наполеона словно поменялись ролями.

Вместе со всей французской гвардией много раз отличился 1-й полк польских шеволежеров. Его боевой путь в 1814 г. совпадает с почти полным перечнем сражений Наполеона в его последнюю кампанию:

- 27.01.1814 — Сен-Дизье
- 29.01.1814 — Бриенн
- 1—2.02.1814 — Ла-Ротьер
- 10—14.02.1814 — Шампобер
- 11.02.1814 — Монмирайль
- 12.02.1814 — Шато-Тьерри
- 14.02.1814 — Вошамп
- 14.02.1814 — Виленау
- 18.02.1814 — Монтеро
- 24.02.1814 — Труа
- 3.03.1814 — Рокур
- 4.03.1814 — Бресне
- 5.03.1814 — Бар-сюр-Об
- 7.03.1814 — Краон

⁷⁷⁸ *Суслов П.В.* «Тающий снег» императора // *Сержант* № 4. С. 23.

⁷⁷⁹ *Чандлер А.* Указ. соч. С. 601.

- 8.03.1814 — Лаон
- 13.03.1814 — Реймс
- 18.03.1814 — Фер-Шампенуаз
- 20—21.3.14 — Арсис-Сюр-Об
- 23.03.1814 — Витри
- 26.03.1814 — Сен-Дизье
- 29.03.1814 — Бурже
- 30.03.1814 — Париж

Прекрасно проявил себя полк «польских казаков» — кракусов. «Преобразованная часть была отдана под команду гусарским полковникам Л. Оборскому и Ю. Дверницкому Прозванные «молниеносными» и «разведчиками», одетые и вооруженные по образу и подобию казаков, кавказских горцев и калмыков, кракусы незаметно прокрадывались мимо постов неприятеля, проникая в его тылы, перерезали коммуникационные линии, нападали на обозы, небольшие колонны, штабы союзников, ведя настоящую «скифскую» войну»⁷⁸⁰.

В боях против армии Блюхера полк кракусов отличился при Берри-о-Баке, при Краоне и при Лаоне. О подвигах кракусов «...свидетельствовали 77 крестов ордена “Virtuti militari”, полученных полком за два года, и слова генерала Уминского, сказанные им уже позже: “Почет отважным нашим крестьянам”»⁷⁸¹.

Перед сражением под Краоном польские уланы (шеволежеры гвардии, 1-й и 2-й уланские полки) конной атакой захватили мост в Берри-о-Бак, сбив казаков Чернышева (2 казачьих полка, калмыки и башкиры, 2 орудия), причем польские офицеры вооружились отобранными у казаков пиками. Это позволило Наполеону начать переправу в тылу армии Блюхера.

Уже известные нам партизанские отряды Чернышева и Бенкендорфа дерутся в составе корпусов той же Силезской армии, команды из этих отрядов даже попадают в плен, как попала команда 9-го Башкирского полка (200 человек), взятая кавалеристами генерала Корбино в Реймсе 21 февраля (5 марта).

В сражении под Краоном 23 февраля (7 марта) казачьи полки из отряда Бенкендорфа стояли на правом фланге частей графа Во-

---

⁷⁸⁰ Шереметьев О.В. Указ. соч. // Воин № 10. С. 28.

⁷⁸¹ Там же // Воин № 11. С. 85.

ронцова. За ними в резерве стояли казаки Карпова. Воронцов прикрывал развертывание и перестроение частей Силезской армии, оказавшейся атакованной с тыла. Он давал возможность коннице союзников, объединенной под командованием Винцингероде, обойти Наполеона и ударить по нему с северо-востока.

Воронцов был атакован с обоих флангов. На его правый фланг ударила французская гвардейская кавалерия Нансути. Нансути сбил отряд Бенкендорфа, но сам попал под картечь русской артиллерии. Казаки Бенкендорфа успели собраться и перестроиться и в свою очередь опрокинули и погнали французскую гвардейскую кавалерию. Этой лихой атакой они прославили свое имя и даже через сто лет носили почетное название «Краоннской бригады» (9-й и 10-й Донские полки 1-й Донской казачьей дивизии).

Воронцову все же пришлось отступить. Причем Бенкендорф с 1-м Бугским и Павлоградским гусарским полками прикрывал отступление, но действовал столь активно, что казаки выкрали секретаря канцелярии маршала Бертье⁷⁸².

Платовский отряд, оставшись без Платова, участвовал под командованием Кайсарова 8—9 (20—21) марта в сражении при Арси-Сюр-Обе, когда Наполеона все же принудили к отступлению. Сражение началось 6 (18) марта, когда кавалерия Себастьяни и Кольбера отбросила у Эбрисса казаков Кайсарова, загнала их за Об. Но уже при Арсисе Кайсаров и венгерские гусары полка эрцгерцога Иосифа опрокинули «красных улан» гвардии Наполеона. Это был всего лишь один эпизод сражения. Внезапной атакой кавалерия союзников сбила кавалерию Себастьяни. «Разгром казался неизбежным...», — пишет Чандлер⁷⁸³. Ситуацию спасла Старая гвардия. Французы отбили все атаки и отошли.

После этого сражения Наполеон принял решение двинуться на восток, ударить по коммуникационным линиям союзников. Одновременно он хотел соединиться с французскими гарнизонами пограничных крепостей. Он надеялся, что союзники бросятся за ним, опасаясь за свои тылы, отойдут подальше от Парижа, а он встретит их у границы, усиленный гарнизонами крепостей.

⁷⁸² Лашук А. Наполеон. История всех походов и битв... С. 758.

⁷⁸³ Чандлер А. Указ. соч. С. 604.

И все же именно казаки сорвали этот хитроумный план. 11 (23) марта казаки Теттенборна перехватили неподалеку от Шалона переписку Наполеона и императрицы Марии Луизы. «...Письма — директивы Наполеона, излагавшие планы его операций, — были перехвачены казаками и подсказали союзникам, что надо идти прямо на Париж»⁷⁸⁴.

«Я решил двигаться к Марне, чтоб оттеснить армии неприятеля подальше от Парижа и самому приблизиться к своим крепостям», — писал Наполеон⁷⁸⁵.

Узнав об этом плане, союзники решили объединить Силезскую и Главную (Богемскую) армии.

В тот же день последовали новые перехваты почты. Второй курьер вез «конфиденциальные сообщения высших сановников Французской империи, изображавшие положение дел в самом мрачном свете. В них говорилось о том, что казначейство, арсеналы и склады пусты, народ разорен, а среди парижан царит величайшее недовольство и тревога»⁷⁸⁶.

Особенно важно было перехваченное письмо министра полиции Савари, в котором говорилось: «В Париже есть влиятельные люди, враждебные императору. Если неприятель приблизится к столице, их надо опасаться»⁷⁸⁷.

12 (24) марта последовал приказ союзного командования идти на Париж.

Не обращая внимания на Наполеона, армии Блохера и Шварценберга устремились к Парижу, где их уже ждала утомленная войной и не нуждавшаяся больше в Наполеоне французская элита.

Отдельный отряд союзников (28 эскадронов, 12 казачьих полков, 6-й егерский полк и 42 орудия) под командованием Винцингероде отправились к Сен-Дизье. Авангард Винцингероде под командованием Теттенборна — Изюмский гусарский полк и 4 казачьих полка (1000 всадников и 2 орудия) — должен был имитировать, что все армии союзников устремились вслед за Наполеоном.

⁷⁸⁴ Манфред А.З. Указ. соч. С. 664.

⁷⁸⁵ Чандлер А. Указ. соч. С. 605.

⁷⁸⁶ Лашук А. Наполеон. История всех походов и битв... С. 783.

⁷⁸⁷ Лашук А. Гвардия Наполеона... С. 447.

Казачи в сражении под Фершампенуазом

По дороге на Париж под Фершампенуазом 13 (25) марта союзники столкнулись с идущими на соединение с Наполеоном корпусами Мармона и Мортье. Военные историки отметили это сражение. «И в следующих сражениях этой кампании было несколько кавалерийских дел, но приводить их всех нет ни возможности, ни цели. Остановимся только на одном из этих сражений, интересном потому, что в нем 22 000 союзной конницы со 128 орудиями действовали против французского отряда почти той же силы, но состоявшего из 17 000 пехоты и 5000 конницы.

Сражение это произошло 25 марта 1814 г. при Фершампенуазе и было начато русским авангардом из кавалергардов и кирасир»⁷⁸⁸.

Первым попал под удар корпус Мармона (4900 пехоты, 2300 кавалерии, 38 орудий). Мармон с боем стал уходить к реке Суд, там развернул свою пехоту в две линии, выставил перед пехотой артиллерию и стал отбиваться огнем.

Авангард Палена, в который входили казаки Иловайского 12-го (1000 всадников), стал обходить левый фланг французов, колонна генерал-лейтенанта Адама Вюртембергского (вюртембергская и австрийская кавалерия) стала обходить их правый фланг. Мармон стал отходить к Сомсу, оттуда — к Ленару, прикрывая свое отступление кавалерией (2-й кирасирский полк). Пален, поддержанный конной артиллерией, нанес на кавалерийское прикрытие и отбил 4 орудия.

Как явствует из наградных документов полка Иловайского 12-го, отличились казаки Ивлей Холостов, Семен Трофимов, Кирей Никонов, Степан Антонов, Климон Мордовин, Павел Гаврилин, Филат Рогачов, Алексей Шевяков, Петр Пономарев и Иван Макушин. «Во время атаки неприятельских передовых войск с особенною храбростью первые, подавая пример товарищам своим, врубались в средину неприятеля, поражая оного во множестве, привели в совершенное расстройство, а после того, когда неприятель был подкреплён своими кирасирами и прикрывал батарею, они, будучи тут в охотниках, и когда пошли на оную в атаку, пер-

⁷⁸⁸ Денисон Д. Указ. соч. С. 353.

вые, несмотря на все опасности и огонь из орудий, врезались в середину оногo, нанося чувствительное поражение и тем содействовали к совершенному разбитию оногo, причем взято было 3 орудия, 3 офицера и до 200 сот нижних чинов»⁷⁸⁹.

Мармон отступил до корпуса Мортье (7400 пехоты, 2050 кавалерии, 30 орудий). Маршалы объединили свои силы. Французская кавалерия, сбигая Паленом, встала позади своей пехоты. Пехота свернулась в каре и в колонны и стала отходить на Конантре. В 7 часов вечера к месту сражения подоспела русская конная гвардия. Она при поддержке гвардейской конной артиллерии атаковала отступающих и изрубила несколько каре.

Из наградных документов полков Власова 2-го и Ребрикова 3-го известно, что казаки-верхнедонцы Федор Старцов, Еким Чеботарев, Максим Наметошев, Егор Бещетнов, Фрол Коренюгин, Филип Золотарев, Корней Денисов, Зот Топилин и Софон Коновалов «13 числа марта были с охотниками во все время сражения и при атаках на неприятеля, первые врезывались в их колонны и, презирая все опасности и сильный огонь, с особенною храбростию и мужеством врубались в середину оногo, подавая пример неустрашимой храбрости своим товарищам, и много содействовали к разбитию и взятию у неприятеля орудий и притом взяли в плен одного штаб-офицера, 4 офицеров и довольно нижних чинов»⁷⁹⁰.

Французская кавалерия, прибывшая из Испании и считавшаяся на тот период лучшей из всех французских полков (4, 5, 7 и 25-й драгунские), была опрокинута кавалергардами.

Французские корпуса, преследуемые Паленом и Вюртембергским, отошли к Фершампенуазу и далее к Сезану, но бросили 24 орудия, 60 зарядных ящиков и обоз.

В истории уральских и оренбургских казачьих полков говорится, что под Фер-Шампенуазом уральские и оренбургские казаки нанесли неприятелю неожиданный удар во фланг, принудили его к отступлению и захватили 9 орудий.

Под Фершампенуазом впервые в серьезном бою участвовал донской казачий полк Рябинина, прибывший во Францию с Куба-

---

⁷⁸⁹ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах. С. 562.

⁷⁹⁰ Там же.

ни. В бою отличились есаулы Лесников и Раздоров. В наградных документах сказано: «По вступлении полка в пределы Франции во всех бывших с неприятелем сражениях, командуя вверенными им сотнями с отличным мужеством и храбростию, поражали неоднократно неприятеля и особенно 13 марта при разбитии корпуса маршала Мармонта у м[естечка] Лаферте Шампенуаз, где, защитив от неприятельского нападения обозы Главной квартиры вашего императорского величества, разбили часть неприятельской гвардейской кавалерии, в нескольких отделениях состоявшей, прогнали оную с жестоким поражением до пехоты и взяли в плен более ста человек»

В тот же день севернее Фершампенуаза авангардом армии Блюхера и кавалерией резерва Богемской армии были перехвачены две дивизии французской национальной гвардии — Пакто и Амэ (6000—8000 солдат) при 16 орудиях и нескольких эскадронах гусар,двигающиеся двумя колоннами. Русская кавалерия атаковала. Первая колонна генерала Амэ положила оружие, но вторая под командованием Пакто (3300 солдат национальной гвардии, 800 рекрутов, 200 солдат 54-го линейного полка), окруженная со всех сторон кавалерией, стала пробиваться к Сен-Гонскому болоту, непроходимому для конницы.

К месту сражения прибыл сам император Александр I. На его глазах генерал Депррадович обогнал отступавшую французскую пехоту и выставил на ее пути 48 орудий. После залпа кавалерия Корфа, Васильчикова и Бороздина атаковала расстроенных огнем французов и взяла в плен 1500 солдат и 7 генералов. От всей дивизии уцелело 500 человек, укрывшихся в болотах.

Вступление в Париж

14 (26) марта под Сен-Дизье французские кавалеристы перехватили казаков с депешами от Баркляя де Толли к генералу Эртелю. В депешах говорилось, что союзники идут на Париж. Наполеон разгадал роль Винцингероде и бросил в бой свою кавалерию. Драгунская дивизия Леритье сбила отряд Теттенборна. Вскоре «отскочил» и весь отряд Винцингероде.

Но победа под Сен-Дизье уже ничего не могла изменить. После боя под Фершампенуазом войска союзников двумя колоннами

двинулись на Париж. Их силы насчитывали до 170 тысяч человек. Наполеон остался далеко в тылу, у г. Труа, в 150 верстах от Парижа. Париж обороняли войска маршалов Мармона, Мортье и Монсея (до 40 тысяч человек, 150 орудий), обороной командовал брат Наполеона, король Испании Жозеф Бонапарт.

Корпус Мармона оборонял Роменвильские высоты, корпус Мортье — Монмартр, Монсей с волонтерами и национальной гвардией удерживал городскую стену.

18 марта последовал штурм Монмартрских высот, 19-го французский гарнизон Парижа капитулировал.

Казачьи полки непосредственно в штурме не участвовали, войск хватало и без них.

Зато в сражении участвовали «польские казаки» — кракусы. «Предводимые полковником Дверницким, кракусы развернутым строем с опущенными пиками под пушечными выстрелами атаковали прусских кавалеристов и предместье Бельвиль, обороняли с Национальной гвардией, моряками и остатками гвардейских депо заставу Клиши и холмы Монмартра, потеряв в яростных схватках 7 офицеров»⁷⁹¹.

19 (31) марта в 2 часа ночи французские войска ушли из Парижа в сторону Фонтенбло, а союзники в тот же день торжественно вступили в столицу Франции.

Наполеон бросил свои войска под Труа и, обгоняя союзников, прискакал в Фонтенбло. Туда к нему отошли войска парижского гарнизона. Часть войск союзников прошла Париж и, преследуя противника, достигла Эссона и Корбейля. Отряд Кайсарова вышел к Мелону, отряд Сеславина — к Монтеро, охватывая Фонтенбло с юго-востока. С запада, южнее Этампа к Фонтенбло выходил отряд Эмануэля. Гораздо южнее Фонтенбло конница Винцингероде (10 000 конницы, 800 пехоты, 46 орудий), преследующая по пятам Наполеона от Труа, 22 марта (3 апреля) заняла город Сан.

Из Сана Винцингероде выслал на Орлеанскую дорогу отряд Чернышева (Вольнский уланский полк, 6 казачьих полков, 4 конных орудия), чтобы перерезать сообщения Наполеона с югом страны. Чернышев 23 марта (4 апреля) перешел реку Луэн и скрытно

---

⁷⁹¹ *Щереметьев О.В. Указ. соч. // Воин № 10. С. 30.*

подошел к Мальзербу. В это время через Мальзерб тянулся французский артиллерийский парк под прикрытием 800 человек пехоты и кавалерии. Полки Жирова, Сысоева и Власова 3-го бросились на прикрытые, обратили его в бегство, взяли пленных и захватили 22 орудия. От пленных Чернышев узнал, что второй французский парк недавно прошел на г. Питивье в сторону Орлеана. Чернышев двинулся на Питивье и взял город штурмом, но артиллерийский парк так и не достиг.

Это, пожалуй, был последний бой, выигранный казаками на французской земле. 25 марта (6 апреля) Наполеон отрекся от престола...

«НЕ БОЙТЕСЬ, МЫ КАЗАКИ...»

Так назвал свою картину один из немецких художников, изобразивший въезд казачьего отряда в немецкий город. Действительно, на территории Германии донские казаки вели себя «примерно».

Донские казаки в Европе, формирование героического образа

Казачий образ жизни всегда был идеалом для населения России, особенно для той его части, которая плохо представляет, что такое казачий образ жизни. Идеализация казачества была всегда. Сначала его идеализировали простые люди, которые не нашли в себе силы порвать с рутинной жизнью и встать на путь экстрима. Затем его стало идеализировать государство, которое прежде всего видело в казаках дешевую военную силу. Зачастую похвалами и громкими словами о любви к службе и верности долгу государство компенсировало недостаточную экономическую поддержку казаков. В итоге была создана некая казачья легенда, которая жива до сих пор. Сами казаки в общении с представителями власти и всем остальным населением России поддерживают эту легенду и сейчас. Они прекрасно знают, что казачий образ жизни очень тяжел, но у них за сотни лет сформировался стереотип поведения, который отличает их от других жителей России, и отказаться от него значит отказаться от своей казачьей идентичности.

В начале XIX века в связи с передвижением огромных армий, задействованных в наполеоновских войнах, массы казаков появились на просторах Европы.

Разбитый Наполеон считал казаков прекрасными воинами, но напастью для Европы. «Если бы я разбил коалицию, Россия осталась бы столь же чуждой Европе, как, к примеру, Тибетское царство. Благодаря этому я обезопасил бы мир от казаков», — как-то высказался он⁷⁹². Более того, Наполеон пугал население Франции казаками, многократно преувеличивал их число. «Время ли сейчас делать замечания, когда 200 тысяч казаков перешли наши границы?» — вопрошал он французских законодателей 1 января 1814 года⁷⁹³.

Европейское население опасений Наполеона довольно часто не разделяло. Никогда не были Матвей Иванович и донские казаки в такой «моде», как в Европе, в заграничном походе. И даже недоброжелатели Платова признавали, что он «более чем нежели кто-либо из предшественников его имел влияния на предводимые им войска». И прославил донцов безмерно. «Здесь не место рассматривать, до какой степени он лично способствовал успеху донцов, — писал не любивший Платова военный историк, — но нельзя забыть, что во время его начальствования они стяжали бессмертную память в истории. Когда русские знамена понесли от Москвы по всему пространству Европы, казаки постоянно были впереди армии. Они первые заняли взорванный Кремль, в Кёнигсберге первые объявили о независимости пруссаков, и провозгласили ее в Берлине перед окнами королевского дворца, тогда как товарищи их, при рукоплесканиях саксонцев, прежде всех входили в Дрезден. В Гамбурге, Касселе, Бремене, Лейпциге, на берегах Рейна, в Роттердаме, в столице Карла Великого, питомцы Дона были свидетелями первых радостных слез...»⁷⁹⁴.

Встречали казаков восторженно. Исключение, видимо, составляла одна лишь Польша. Восторг объяснялся предыдущим наполеоновским господством, и это было естественно для многих стран Германии. И еще имел место некий парадокс — освобождение от наполеоновского господства несли люди, всегда считавшиеся эталоном варварства.

Впрочем, прагматичные европейцы вскоре несколько скорректировали свое отношение к казакам. Интересны по этому пово-

⁷⁹² Наполеон Бонапарт. Императорские максимы... С. 216.

⁷⁹³ Лашук А. Гвардия Наполеона... С. 399.

⁷⁹⁴ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах. С. 15.

ду рассуждения Р. Дендерфилда по поводу вступления казаков в Гамбург весной 1813 г.: «Приветствуя казаков так, словно они освободили их из рабских цепей, граждане древнего торгового центра предоставили им доступ к своим богатейшим запасам товаров, провизии и напитков. Если бы они знали казаков лучше, они бы понимали, что такая щедрость в данном случае является явно неуместной. Рядовой казак был самым отъявленным грабителем в мире, не исключая и грабителей профессиональных, и в любом случае в походе он не упускал шанса приобрести то, в чем он мог нуждаться или что он мог пожелать в своей собственной стране или в любой другой. Именно это он и делал в Гамбурге, причем следуя примеру своих командиров»⁷⁹⁵.

Причиной таких настроений была страсть казаков к добыче.

Трофеи («добыча»)

Добыча даже в XIX веке была важнейшей составляющей казачьей жизни на войне, причем любая война рассматривалась казаками как узаконенный «поход за зипунами». Добыча, взятая с бою, даже одежда, снятая с пленного, рассматривалась казаками, как освященная правом войны казачья собственность.

В условиях «цивилизованной» европейской войны эта традиция считалась банальным мародерством и достаточно жестко преследовалась, и ответ в первую очередь держали высшие казачьи чины. Достаточно прочесть письмо М.И. Платова П.И. Багратиону после победы под Миром, в котором атаман фактически извиняется за внешний вид пленных поляков:

«№ 447 Получено в Несвиже, в полдень 28 июня 1812

Неудивляйтесь, ваше сиятельство, что пленные безрубашек и голые; некозаки рубашки сняли, а оне сами их уже в лагире в виду моем, подрали наперевяску ран, ибо голстины нет, а послать для взятъя в местечко вышлоб гробежом ивсе ето делалос в перевяски скоростию, чтобы спасти их. Вашему сиятельству извесно, что в таком случае посланные заполотном точно наделалиб чего небудь жителям тревожного и обыдного, а порядком изделать сего не было возможности, потому что в местечке ни головы ни упра-

---

⁷⁹⁵ Дендерфилд Р. Указ. соч. С. 28.

вителя нет, все разбежались, и всякой посвоей мысли скриваетца; мундири и кивера пленные сами брасают, два раза им, поднявши, отдавали сподтверждением, чтобы оне того неделали, нотакупрямы: не слушаютьца изних многие, хочьубей ево. Вашего сиятельства покорнейши слуга

Матфей Платоф

Князя Кантакузина, подателя сего, представляю в милостивое Вашего сиятельства уважение. Я нездоров, однакож, должен все переносить».⁷⁹⁶

Однако попытки систематической борьбы с казачьими грабежами усматриваются в начале и в конце кампаний. В остальное время у командования до систематической борьбы руки не доходили, да и сама борьба с грабежами была бесперспективна, как борьба с неотъемлемой сущностью казачества.

Определенным сглаживающим моментом было то, что по большей части казаки грабили французов, которые до этого грабили Россию.

Как вспоминал С.Г. Волконский, прибыв в освобожденную от французов Москву, он явился к командующему временно отрядом, как старшему генерал-майору, Иловайскому 4-му, «человеку нераспорядительному, даже скажу, трусоватому». Все распоряжения — о преследовании неприятеля, о первых мерах устройства Москвы — делались по указанию полковника А.Х. Бенкендорфа. «Но зато Иван Дмитриевич Иловайский с попечительным вниманием рассматривал отбиваемые обозы у французов, которые, без исключения, препровождались к нему на личный осмотр. Он тогда имел свое пребывание на Тверской в теперешнем доме Белосельского. Все вносилось на личное его обозрение, и как церковная утварь и образа в ризах были главной добычей, увозимой французами, то на них более обращал внимание Иловайский и делил все это на два отдела: что побогаче в один, что победнее в другой. Эта сортировка Бенкендорфу и мне показалась странным действием, и Александр Христофорович спросил его: «Зачем этот дележ? ведь все это следует отдать духовному начальству, как вещи, ограбленные из церковей Московских и следующие обратно в оны». Но на это Иловайский

---

⁷⁹⁶ 1812—1814. Секретная переписка. С. 63.

отвечал: «Нельзя, батюшка, я дал обет, если бог сподобит меня к занятию Москвы от рук вражьих, все, но побогаче, все ценное, доставшееся моим казакам, отправить в храмы божьи на Дон, а данный обет надо свято исполнить, чтоб не разгневать бога». Попало ли все это в церкви на Дон или в кладовые Иловайского, — мне неизвестно, но верно то, что ни убеждения Бенкендорфа, ни мои увещания не отклонили Иловайского от принятого им распорядительного решения»⁷⁹⁷.

В декабре 1812 г. часть захваченной церковной утвари была передана, но не в московские храмы, откуда ее вывозили французы, а в Петербург: «Санкт-Петербургский Казанский собор снабжен будет достаточным количеством пудов серебра, у извергов отнятого, для вылития апостолов, — писал М.И. Платов А.И. Горчакову. — Казаки, будучи движимы усердием к вере, стараются собирать все церковное серебро, дерзкими французами награбленное, и доставляют в дежурство мое для отдачи на богоугодное дело»⁷⁹⁸.

Высшее командование, как ни странно, не возражало, предлагало лишь изменить апостолов на евангелистов. Так, М.И. Кутузов ответил М.И. Платову 26 декабря (7 января 1813 г.): «Вы желаете, чтобы из присланного вами серебра вылиты были священные лики 12 апостолов, для украшения церкви Казанской Божьей матери. Я полагаю, что сии 12 ликов в столь высоком храме будут мало замечены и что они должны исчезнуть между великолепными его украшениями. Гораздо было бы приличнее, когда бы все серебро было употреблено на изваяние только 4 евангелистов, которых величественная огромность соответствовала бы тогда огромности самого храма, а потому и производила бы большое благоговение в душе молящегося при входе его в храм. Изваяния сии первые поражали бы его взоры и в месте с благоговением пробуждали бы в душе его мысль о делах великих»⁷⁹⁹.

Все, что французы успели награбить по дороге в Москву и в самой Москве, попало в первую очередь в руки казаков. 8 (20) де-

⁷⁹⁷ России двинулись сыны... С. 112.

⁷⁹⁸ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах. С. 300—301.

⁷⁹⁹ Там же. С. 319.

кабря 1812 г. М.И. Платов писал А.И. Горчакову об уничтожении французов и добавил: «а вся добыча их досталась большею частию в руки победителей»⁸⁰⁰.

Впрочем, казаки не ограничивались «грабежом награбленного». 23 ноября (5 декабря) адмирал Чичагов писал Платову, что офицеры его армии постоянно сталкиваются с фактами ограбления казаками местных имений. Так, один из офицеров «объявил, что нашел тамошнего князя Пузина совершенно ограбленным от сотника Гордеева казачьего Донского Чернозубова полка, и что им, Гордеевым, не только забрато все без изъятия домашнее оного помещика имущество и причинено ему крайнее разорение; но чего забрать не мог, то было разлито и рассеяно по земле. А сверх того он, Гордеев, и самого моего офицера, бывшего очевидцем такового грабежа, когда он начал сие воспрещать, угрожал смертию, ежели только станет мешать ему продолжать и заграблевать все в деревне сей находящееся. Сей случай, подтверждаемый другими к тому на сей счет сторонними сведениями, дал мне основание просить Вашего сиятельства о воспрещении казакам лишать нас таким образом продовольствия»⁸⁰¹. Как видим, протесты против грабежа имеют предельно прагматичную подоплеку: казаки своими грабежами лишают другие войска продовольствия.

По окончании кампании возобновились попытки борьбы с мародерством. На казаков посыпались жалобы от общевойсковых начальников.

Кавалерийский генерал Чаплиц рапортовал командующему армией адмиралу Чичагову 5 (17) декабря 1812 г.: «При сем священнойшим долгом поставляю себе донести Вашему высокопревосходительству, что грабительство, неистовства казаков превосходят все границы. Если на сей предмет не возьмутся строжайшие меры, то неминуемо произойдут от оного худые последствия на все наши предбудущие операции. Казаки переодели мужиков в свои платья, ходят по домам, будучи сопровождаемы ими, грабят и разоряют оные до основания. Жалобы чрезмерны, и я со всеми

⁸⁰⁰ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах. С. 300.

⁸⁰¹ Там же. С. 275—276.

заботами, со всеми стараниями не в состоянии помочь жителям в несчастье сем»⁸⁰².

М.И. Кутузов 25 ноября (7 декабря) 1812 г. отдал приказ № 81: «За всеми неоднократными подтверждениями, встречаю я ежедневно сведения о грабеже, буйстве и насилии жителями края сего, казаками чинимых; имея высочайшую волю на совершенное искоренение зла сего, я настоятельно требую, чтобы командующие казачьими полками и отрядами, где таковые состоят, не упускали из виду наказывать жестоко плетьюми и за малейшие шалости, влекущие непосредственно к всяким угнетениям поселян, за поступки же злонамеренные отдавать немедленно под суд, и конча оные в 24 часа, представлять ко мне на рассмотрение»⁸⁰³.

М.И. Платов, чутко уловивший, что с окончанием кампании порядки изменятся, отдал 5 (17) декабря свой приказ, явно отличающийся от кутузовского по тональности: «Последний раз прошу и молю всех полковых командиров, как и офицеров каждого в особенности, употребить все меры к искоренению зла того, и тем показать мне, как начальнику, ваше попечение... из таковых офицер будет разжалован, а казак расстрелян или наказан кнутом, да и полковой начальник будет отвечать, в котором полку сие откроется»⁸⁰⁴.

Поход в Европу обострил проблему. Освободителям не пристало грабить освобождаемых. Казалось, командование следило за каждым шагом казаков, и некоторые результаты были налицо. Начальник императорского штаба П.М. Волконский писал М.И. Платову 20 сентября (2 октября) 1813 года: «По случаю скорого вступления в Саксонию наших армий не благородно ли будет Вашему сиятельству приказать всем войскам под командою Вашею наблюдать при собрании продовольствия должную умеренность, дабы наши армии не встретили разоренный только край.

⁸⁰² Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах. С. 297.

⁸⁰³ Отечественная война 1812 года. Материалы Военно-ученого архива. Отдел I. Переписка русских правительственных лиц и учреждений. Т. 20. Боевые действия в 1812 г. (ноябрь месяц). СПб., 1912. С. 236.

⁸⁰⁴ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах. С. 298—299.

Хорошее обращение с жителями, конечно, будет главной причиной для отращения сего недостатка, что ясно доказано было примерным поведением наших казачьих полков в Пруссии»⁸⁰⁵.

Но зло было неискоренимо, и М.И. Платова не раз еще «доставали» повелениями и предписаниями, как это сделал М.Б. Барклай де Толли 30 октября (11 ноября) 1813 г.: «Доходят до меня отовсюду жалобы на шалости, деланные казаками войска Донского. Ваше сиятельство разделяете, без сомнения, вместе со мной неудовольствие таковых поступков и чувствуете, сколько подобное сему поведение может быть вредно во многих отношениях для общей пользы и противно видам Государя Императора, клонящимся единственно к облегчению участи, а не к угнетению германских народов. А потому Вашему сиятельству как верховному начальнику оных отношусь с покорнейшею просьбою моею о принятии строжайших мер к прекращению всех таковых беспорядков и насилий»⁸⁰⁶.

Когда началась кампания 1814 г., Наполеон высказывал надежду, что «бесчинства казаков восстановят против них жителей и удвоят наши силы»⁸⁰⁷.

А. Лашук подтверждает: «Особенно наглými грабителями, как обычно, были казаки, ненависть к которым была всеобщей»⁸⁰⁸. Своих собственных грабителей и уголовников Наполеон называл «местными казаками»⁸⁰⁹.

Все беды, связанные с отсутствием продовольствия для армии, объясняли действиями казаков. «Но в деревнях нет хлеба — все взяли казаки»⁸¹⁰.

И все же во Франции мы не наблюдаем массового или хотя бы заметного протеста местного населения против грабежей. Видно, ветераны наполеоновских войн и их родственники помнили

---

⁸⁰⁵ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах. С. 453.

⁸⁰⁶ Там же. С. 508.

⁸⁰⁷ Чандлер А. Указ. соч. С. 577.

⁸⁰⁸ Лашук А. Наполеон. История всех походов и битв... С. 789.

⁸⁰⁹ Лашук А. Гвардия Наполеона... С. 398.

⁸¹⁰ Там же. С. 413.

поведение солдат самой Великой армии. Не зря говорили: «Где император провел своих солдат, там крысы помирали с голоду».

Мы опустим разошедшиеся по Европе рисунки о приключениях казаков на парижских улицах: казаки знакомятся с местными «жрицами любви», обнаженные мускулистые ребята купают своих коней в Сене, казаки демонстрируют парижанам своего собрата-калмыка (или башкира) ...

Не станем заострять внимания и на факте ограбления посланника короля Неаполитанского в распоряжении Черноморского казачьего полка.

Недолго музыка играла. Овеянные славой полки той же весной стали возвращаться в любезное отечество...

Цена победы

От западных границ России до Парижа казачьи полки графа М.И. Платова нанесли французской армии ощутимый урон: в боях уничтожили 18 366 солдат и офицеров, взяли в плен 10 генералов, 1 тыс. офицеров и 39 511 солдат; захватили 115 знамен, 364 пушки и 1066 зарядных ящиков. Указом императора Александра I от 19 ноября 1817 г. Войску Донскому было пожаловано Георгиевское знамя с надписью «В ознаменование подвигов, оказанных в последнюю французскую войну в 1812, 1813 и 1814 годах»⁸¹¹.

Вопрос же о потерях донских казаков в войне с Наполеоном весьма интересен и противоречив.

3 (15) декабря М.И. Платов, докладывая о бое у Ковно, сделал интересное замечание: «Урон с нашей стороны, благодарение Богу, весьма не велик, в прочем, в войске Донском в рассуждении урона в бывших на прошедших днях сражениях ведется домашний счет»⁸¹². То есть казаки сами считали своих убитых и раненых, и не всегда этот счет совпадал с официальными данными.

Устоявшиеся данные о потерях донских казаков в походах 1812, 1813 и 1814 гг. достаточно противоречивы. В 1812—1813 гг. Войско Донское с учетом служивых, отставных казаков, малолеток

---

⁸¹¹ Максимов К.Н., Очиров У.Б. Указ. соч. С. 261.

⁸¹² Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах. С. 296.

с 19 лет, мобилизованных в поголовное ополчение, выставило до 60 тыс. воинов. Потери в Отечественной войне с французами составили до 22 тыс. (36,6 %) казаков. Во время войны численность только служивых донских казаков с 1 июля 1812 г. к 1 июля 1815 г., несмотря на пополнение за счет подростков после 17-летнего возраста, уменьшилась с 47 765 до 34 503 человек, и лишь к 1819 г. она достигла довоенного уровня — 47 786 человек⁸¹³.

Потери в 1812 г. и методика их подсчета вызывают вопросы. Во-первых, невозвратные ли это потери?

Пойдем от известных цифр. Пополнения казаки получили в ноябре 1813 г., подошли 2000 молодых казаков, которые в 1815 г. были включены в состав служивых. Без них в конце 1813 г. количество служивых условно составляло 32 500 человек. Таким образом, потери среди служивых к концу 1813 г. составляли около 15 000. Чтобы согласиться с 22 000 потерь в 1812 г., надо допустить, что 1) добровольцы-ополченцы (8752 человека) потеряли 80 % состава и 2) в 1813—1814 гг. казаки потерь вообще не имели. Ни первое, ни второе допущение не соответствуют действительности.

Кроме того, мы установили, что личный состав полков в конце 1813 г. соответствует их личному составу в августе 1812 г.

Будем придерживаться основных показателей. В 1812 г. служивых казаков — 47 765. В 1815 г. — 34 503.

На службу в 1813-м поступили малолетки, но в 1814 г. были отчислены казаки, выслужившие свой срок. Это поступление и этот отток в значительной мере компенсируют друг друга.

Итак, потери среди служивых за три года войны — 13 262.

Примерно такие же потери в процентном отношении понесли ополченцы. В сумме получим 15—16 тысяч.

В итоге и служивые, и ополченцы вместе потеряли более четверти состава. Римляне, понеся такие потери, вместе с ними теряли боеспособность...

Но донские казаки боеспособности не потеряли. Вернувшись из прославившего их похода, они продолжали тяжелую службу, охраняя границы Великой России.

⁸¹³ Максимов К.Н., Ощиров У.Б. Калмыки в наполеоновских войнах. Элиста. 2012. С. 262.

ПРИЛОЖЕНИЯ И СПРАВОЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ:

Конные части Великой армии в 1812 г. под общей командой Мюрата

Гвардейская кавалерия маршала Бессьера:

27 эскадронов, 6000 человек;

I корпус Нансuti:

2 кирасирская и 1 легкая дивизии, 60 эскадронов — 12 000 человек;

II корпус Монбрюн (позже Себастиани):

2 кирасирская и 1 легкая дивизии, 60 эскадронов — 10 000 человек;

III корпус Груши:

1 кирасирская, 1 драгунская, 1 легкая дивизии, 60 эскадронов — 10 000 человек;

IV корпус Латур-Мобура:

1 кирасирская и 1 легкая дивизии, 44 эскадрона — 8000 человек.

Итого 251 эскадрон — 46 000 человек.

Дивизии состояли из 2—3 бригад; бригады из 1—3 четырехэскадронных полков. Кроме того, при 2 корпусах (VII и VIII) было по одной, при 5 (I, II, IV, IX и X) — по две, при одном (V) — 3 и при одном (IV) — даже 4 конные бригады, из 1—3 четырехэскадронных полков, из числа которых легкие придавались по очереди

резервной коннице для авангардной службы. Гвардейские и австрийские конные части состояли из тяжелой и легкой конницы. Вся сила собранной против России конницы доходила до 526 эскадронов, всего около 96 000 человек¹¹⁴.

Состав русской регулярной конницы в 1812 г.

Гвардия: 2 кирасирских, 1 драгунский, 1 гусарский и 1 уланский полки по 5 эскадронов, 1 казачий в 3 эскадрона, 2 сотни казаков; всего 6 полков (28 эскадронов и 2 сотни), 5308 человек и 4416 строевых лошадей;

Армия: 8 кирасирских полков по 5 эскадронов — 949 человек и 727 строевых лошадей, 36 драгунских по 5 эскадронов — 955 человек и 727 лошадей, 11 гусарских и 5 уланских, по 10 эскадронов — 1825 человек и 1432 лошади. Всего 60 полков, 380 эскадронов, 71 172 человека и 54 900 строевых лошадей, сверх того 74 резервных эскадрона.

Итого в коннице 66 полков, 484 эскадрона, 88 892 человек (70 490 строевых лошадей, в том числе 329 действующих эскадронов с 47 605 лошадьми, 81 запасный эскадрон с 11 711 лошадьми и 74 резервных эскадрона с 11 174 лошадьми. Кроме того, учебный кавалерийский эскадрон.

В иррегулярной коннице к началу 1812 г. было 80 донских, 10 уральских и 2 ногайских полка, по 5 сотен и 578 человек; 10 черноморских, 3 бугских и 2 дунайских полка, по 5 сотен и 501 человеку; астраханский полк в 5 сотен и 6 отдельных команд; оренбургский — 1074 человека; 5 поселенных кавказских полков и 3 отряда разной силы; 10 пятисотенных полков, по 552 человека и 4 отдельные сотни в 425 человек сибирских линейных казаков. Всего 124 казачьих полка и более мелкие части в 73 000 человек. Затем 2 тептярских и 2 башкирских полка по 5 сотен и 518 человек, 4 калмыцких и 4 татарских полка по 5 сотен и 578 человек, 1 тунгузский и 4 бурятских полка по 5 сотен и 500 человек и моздокская горная команда. Всего в иррегулярной коннице 141 полк и 3 отряда, около 90 000 человек. Кроме того, сибирские пограничные и городовые казаки 8000 человек,

¹¹⁴ Брикс Г. История конницы. Кн. 2. М., 2001. С. 212.

КАЗАКИ ПРОТИВ НАПОЛЕОНА

иррегулярные туземные кавказские и сибирские части, киргизы и т.д.⁸¹⁵.

Расписание полков корпуса М.И. Платова и отряда А.И. Чернышева (январь 1813 г.)

Расписание квартир в содержании постов казачьих полков корпуса генерала от кавалерии графа Платова

№	Именно какие полки	Где имеют расположение
1	Войскового старшины Мельникова 4-го	В городе Пушуге
2	Полковника Грекова 5-го	В гор[оде] Нейштате
3	Генерал-майора Грекова 1-го	В селении Лусино
4	Башкирский	В селении Выпечин
5	Подполковника Андреянова 2-го	В селении Паблоце
6	Генерал-майора Иловайского 5-го	В селении Милошево
7	Полковника Иловайского 10-го	В селении Мирхау
8	Войскового старшины Ребрикова	В селении Миехучине
9	Симферопольский татарский	В селении Борочине
10	Генерал-майора Иловайского 3-го	В селении Стензице
11	Подполковника Белогородцева	В селении Скорабьене
12	Полковника Харитонова 17-го	В селении Роренте
13	Атаманский	В селении Острочкене
14	Рота Донской конной артиллерии	В селении Ворче, а должна быть переведена в город Шенек

Корпусная квартира в городе Шенек⁸¹⁶.

⁸¹⁵ Брикс Г. История конницы. Кн. 2. М., 2001. С. 232.

⁸¹⁶ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничном походе... С. 378—379.

СОДЕРЖАНИЕ

ВОИНСКОЕ СООБЩЕСТВО ДОНСКИХ КАЗАКОВ	3
Становление сообщества, условия жизни, отношение к войне и к службе	3
Военная структура и организация службы; комплектование донского полка	11
Система подготовки к службе, обучение молодежи, воспитание универсального воина	17
Всеобщие походы и ополчения	22
Принцип подбора командного состава («Свой своего в бою не бросит»)	29
Донская артиллерия	36
Униформа донских казаков, знамена	40
ВОЙСКО ДОНСКОЕ И ИРРЕГУЛЯРНЫЕ ЧАСТИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ.....	48
Калмыки и татары в составе Войска Донского	48
Боевое содружество донских казаков и казаков других войск в наполеоновских войнах	50
Калмыцкие, башкирские, крымско-татарские и другие иррегулярные полки в составе казачьих корпусов и отрядов.....	63

КАЗАКИ ПРОТИВ НАПОЛЕОНА

ДОНСКИЕ КАЗАКИ В БОЮ И В ПОХОДЕ	71
Донское казачье оружие (пика, сабля, пашка, лук и стрелы, ружье, пистолет) и техника его применения	72
Донская лошадь	79
Боевые порядки (лава)	83
Казачьи разведки	87
Тактика степной маневренной войны	94
Донские казаки на марше	121
Полководческое искусство донских генералов	125
Рациональное и нерациональное использование казаков русским командованием.....	135
ДОНСКИЕ КАЗАКИ И СТРАТЕГИЧЕСКАЯ СЛУЖБА КОННИЦЫ В 1813 ГОДУ: РАЗВЕДКА, ЗАВЕСА, ЛИШЕНИЕ ПРОТИВНИКА ИНФОРМАЦИИ, РЕЙДЫ.....	140
Выход донских казаков от Немана на линию Эльбы, прикрытие развертывания союзных армий.....	140
Рейды на Берлин и за Эльбу	166
Блокирование крепостей.....	200
Стратегические ошибки Наполеона из-за отсутствия верной информации.....	206
ПРОТИВОСТОЯНИЕ ДОНСКИХ КАЗАКОВ И ЭЛИТНОЙ ЛЕГКОЙ КАВАЛЕРИИ ЕВРОПЫ.....	219
Донские казаки во время «Саксонской кампании»	219
Легкая кавалерия европейских армий в борьбе против казаков	223
Недавние враги и нынешние союзники.....	235

Польская кавалерия (уланы, шеволежеры) — главный противник казаков на поле боя.....	246
Разгром французской гвардейской кавалерии казаками Платова под Альтенбургом	270
«БОРЬБА ЭЛИТ»: БОЙ ЛЕЙБ-ГВАРДИИ КАЗАЧЬЕГО ПОЛКА С ФРАНЦУЗСКИМИ КИРАСИРАМИ В БИТВЕ НАРОДОВ ПОД ЛЕЙПЦИГОМ.....	290
«Железные люди»: французские кирасиры — ударные таранные части наполеоновской армии	290
Лейб-гвардии казачий полк, его история и боевой состав	294
Сражение 4 (16) октября под Вахау, атака французских кирасир и контратака гвардейских казаков	296
ПАРТИЗАНСКАЯ ВОЙНА В ЕВРОПЕЙСКИХ УСЛОВИЯХ.....	314
Донские казаки в составе партизанских отрядов на территории Германии на заключительном этапе кампании 1813 г.	314
Казаки Платова на территории Франции в кампанию 1814 г.....	325
ОТ РЕЙНА ДО ПАРИЖА. ПОБЕДОНОСНОЕ ЗАВЕРШЕНИЕ ВОЙНЫ.....	339
Донские казаки в боях под Льежем, Бриенном, Ла-Ротьере, Арсис-сюр-Об, Краоном и Лаоном.....	339
Казаки в сражении под Фершампенуазом.....	346

КАЗАКИ ПРОТИВ НАПОЛЕОНА

Вступление в Париж	348
«НЕ БОЙТЕСЬ, МЫ КАЗАКИ...»	351
Донские казаки в Европе, формирование героического образа	351
Трофеи («добыча»).....	353
Цена победы.....	359
ПРИЛОЖЕНИЯ И СПРАВОЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ:	361
Конные части Великой армии в 1812 г. под общей командой Мюрата	361
Состав русской регулярной конницы в 1812 г.....	362
Расписание полков корпуса М.И. Платова и отряда А.И. Чернышева (январь 1813 г.).....	363

Научно-популярное издание

История казачества

Венков Андрей Вадимович

КАЗАКИ ПРОТИВ НАПОЛЕОНА

От Дона до Парижа

Выпускающий редактор *К.К. Семенов*

Корректор *Е.Ю. Таскин*

Дизайн обложки *Е.А. Бессонова*

Верстка *Н.В. Гришина*

ООО «Издательство «Вече»

Юридический адрес:

129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 7, строение 5.

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, а/я 63.

Адрес фактического местонахождения:

127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 30.04.2013. Формат 84×108 1/32.

Гарнитура «Тетрагра LGC Uni». Печать офсетная. Бумага офсетная.

Печ. л. 11,5. Тираж 2000 экз. Заказ № 1737.

Отпечатано в ОАО «Рыбинский Дом печати»

152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

e-mail: printing@yaroslavl.ru www.printing.yaroslavl.ru

Новая книга известного российского историка А.В. Венкова рассказывает об участии донского казачества в Заграничном походе Русской армии в 1813–1814 гг. Наряду с описанием боевых действий, автор рассказывает о военной подготовке казачества, особенностях тактики, принципах организации разведки и охранения, униформе.

В 1813 г. казачество стало основной ударной силой Русской армии. Казаки отличились во всех крупных боях и сражениях Заграничного похода и внесли значительный вклад в разгром армии Наполеона.

ISBN 978-5-4444-1160-5

9 785444 411605

